

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНДИЯ:

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ. ВНУТРЕННИЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Материалы научной конференции

Москва
ИВ РАН
2013

Редакционная коллегия:

Т.Л. Шаумян

В. П. Кашин

Н.Б. Лебедева

Т.О. Свиначук

С.Л. Рабей

Сборник статей по материалам научной конференции, состоявшейся в Центре индийских исследований Института востоковедения РАН 23 – 24 мая 2012 г. Авторы анализируют актуальные проблемы современной Индии: политическую борьбу, федерализм, идейные течения и культурные процессы, социальную и демографическую структуру, экономическое развитие, роль Индии на мировой арене.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	7
<u>ИНДИЯ: ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, ИДЕИ</u>	10
<i>А.А. Куценков</i> Наксализм – угроза государственной безопасности Индии	10
<i>В.П. Кашин</i> «Штатомания» в Индии: опыт Теленганы и Гуркхаленда	32
<i>А.А. Бычкова</i> Некоторые социально-экономические и политические проблемы штата Нагаленд.....	55
<i>Е.С. Юрлова</i> Индийские женщины в начале XXI в.: между традицией и современностью	72
<i>А.В. Иванов</i> Индийское правительство и племена: политика и ее результаты	104
<i>А.В. Бочковская</i> Гимны «Певца чамаров» и формирование протестной идентичности Равидаси	115
<i>А.Л. Сафронова</i> Трактовка буддийских ценностей в идейно-политической жизни современной Индии	130
<u>ИНДИЯ: РЕСУРСЫ, ХОЗЯЙСТВО, РАЗВИТИЕ</u>	145
<i>А.В. Акимов</i> Прогноз развития Индии и Китая до 2050 г.....	145
<i>О.В. Маляров</i> Пути и методы финансирования экономического развития (опыт Индии)	163
<i>В.Г. Растянников</i> Аграрная Индия на рубеже XX – XXI в. Актуальные проблемы экономического роста. Обзор.....	191

<i>А.М. Горячева</i>	
Перепись населения Индии 2011 г.: чего больше – надежды или шока и разочарования?	219
<i>Е.А. Брагина</i>	
Средний класс Индии: мифология и реальность	249
<i>О.В. Устюжанцева</i>	
Роль регионов в инновационном развитии Индии	259
<u>ИНДИЯ: СОСЕДИ, ПАРТНЕРЫ, СОПЕРНИКИ</u>	287
<i>Ф.Н. Юрлов</i>	
Новые тенденции во внешней политике Индии	287
<i>З.А. Хуснитдинов</i>	
Российско-индийское стратегическое партнерство как фактор построения многополярного мира	317
<i>Т.Л. Шаумян</i>	
Внешняя политика Индии: от прогнозов 1980-х до реалий 2000-х.....	327
<i>А.Н. Шаматов</i>	
Индийские представительства и развитие индологии в странах СНГ (на примере Узбекистана)	347
<i>С.Л. Рабей</i>	
Вероятные последствия обострения иранской проблемы для энергетической безопасности Индии	365
<i>Н.Б. Лебедева</i>	
Курс Индии «Смотри на Восток»: итоги двадцатилетия и новые вызовы	383
<i>Т.О. Свинарчук</i>	
Роль Северо-востока Индии в формировании индийской политики в странах Бенгальского залива	414
<i>Н.А. Замараева</i>	
Пакистан – Индия: противоречия и вызовы процессу нормализации отношений	425
<i>С.Н. Каменев</i>	
Индо-пакистанские экономические отношения	454

CONTENTS

Foreword	7
<u>INDIA. SOCIETY, POWER, IDEAS</u>	10
<i>A.A. Kutsenkov</i> Naxalism as a Threat to India`s national Security.....	10
<i>V.P. Kashin</i> “State Mania” in India: the Case of Telangana and Gorkhaland	32
<i>A.A. Bychkova</i> Some Socio-Economic and Political Problems of Nagaland	55
<i>E.S. Yurlova</i> Indian Women, Early Twenty-First Century: Between Tradition and Modernity	72
<i>A.V. Ivanov</i> Indian Government and the Tribals: Policies and Results	104
<i>A.V. Bochkovskaya</i> “Hymns of the Chamar Bard” and Formation of the Ravidasi Protest Identity	115
<i>A.L. Safronova</i> Buddhist Values in Modern India`s Ideologies and Politics.....	130
<u>INDIA: RESOURCES, ECONOMY, DEVELOPMENT</u>	145
<i>A.V. Akimov</i> Forecast of India`s and China`s Development Till 2050	145
<i>O.V. Malyarov</i> Ways and Methods of Economic Development Financing: the Case of India	163
<i>V.G. Rastyannikov</i> Agrarian India Between Twentieth and Twenty-First Century. Urgent Problems of Economic Growth. An Overview	191
<i>A.M. Goryacheva</i> The 2011 Census of India. Hope or Shock and Disappointment?	219

<i>E.A. Bragina</i>	
The Indian Middle Class: Mythologies and Realities	249
<i>O.V. Ustyuzhantseva</i>	
Role of Regions in India`s Innovative Development	259
<u>INDIA: NEIGHBOURS, PARTNERS, RIVALS</u>	287
<i>F.N. Yurlov</i>	
New Tendencies in India`s Foreign Policy.....	287
<i>Z.A. Khusnitdinov</i>	
Russo-Indian Strategic Partnership as a Factor for Building Multi-Polar World	317
<i>T.L. Shaumian</i>	
India`s Foreign Policy: From the Prognoses of the 1980s to the Realia of the 2000s.....	327
<i>A.N. Shamatov</i>	
Indian Missions in the CIS Countries and Development of Indology: the Case of Uzbekistan	347
<i>S.L. Rabey</i>	
Possible Consequences of the Iranian Problem Aggravation for India`s Energy Security	365
<i>N.B. Lebedeva</i>	
India`s “Look East” Course: the Twenty Years Results and New Challenges	383
<i>T.O. Svinarchuk</i>	
The Role of India`s North-East in the Formation of Indian Policies Toward the Bay of Bengal Countries	414
<i>N.A. Zamarayeva</i>	
Pakistan – India: Contradictions and Challenges to the Process of Normalization	425
<i>S.N. Kamenev</i>	
Economic Relations Between India and Pakistan.....	454

ИНДИЯ: **ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ.** **ВНУТРЕННИЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ** **АСПЕКТЫ**

Центр индийских исследований представляет на суд коллег-индологов и интересующихся Индией читателей сборник материалов первой научной конференции, состоявшейся 23–24 мая 2012 г. в рамках исследовательского проекта «Индия: перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты».

В течение многих десятилетий проблемы современного развития Индии – социально-экономического, внутри – и внешнеполитического, были одним из приоритетных направлений отечественной индологии. Однако по ряду объективных и субъективных причин в последние годы эта тематика оказалась если не полностью, то в значительной степени оттесненной с передовых позиций другими исследованиями, пусть не менее актуальными и ценными, но все же не способными полностью отразить все многообразие и противоречивость южноазиатских обществ и значимость этого региона для современного мира. Возникло явное несоответствие между нашими исследованиями и реальными процессами, которые в последние годы происходят на субконтиненте.

Было бы неправильным продолжать игнорировать тот факт, что в среднесрочном и долгосрочном контексте Индия приближается к статусу великой державы, соответствующему ее значительному людскому (второе место в мире после Китая по численности населения – более 1.3 млрд. чел.), природному, экономическому, политическому и военному потенциалу, ее возрастающей роли в мировых делах. Как считает один из ведущих индийских экспертов по проблемам стратегической политики Раджа Мохан, «Индия вступает на мировую арену как первая за пределами географического Запада демократическая страна с обширной территорией, сильной экономикой, процветающей культурой, населением, отличающимся значительным этническим и религиозным разнообразием».

разием». Индия последовательно утверждается и в качестве одной из ведущих экономических держав мира с высокими темпами ежегодного прироста ВВП; она входит в число десяти самых быстрорастущих экономик мира, что может позволить ей в обозримом будущем переместиться по объему ВВП с четвертого на третье место в мире, а по паритету покупательной способности она уже занимает третье место.

Поэтому мы сочли необходимым вернуть тематике современных социально-экономических и политических проблем Индии подобающее место в отечественной науке и инициировать проведение серии конференций индологов по проблемам современного социально-экономического, политического и внешнеполитического развития Индии. Цель конференций – собрать вместе специалистов по индийской современности, обсудить не только актуальные проблемы страны и региона, но и степень и уровень их исследования в отечественной индологии, наметить перспективы на будущее, способствовать сотрудничеству индологов, занятых не только в академических институтах и университетах, но и, следует особенно подчеркнуть, в практических организациях, сотрудничающих с Индией.

Мы пригласили участвовать в конференции коллег-индологов из самых разных академических, учебных и практических организаций и приветствовали выступления с докладами или презентациями молодых индологов – аспирантов и студентов. К нашему глубокому сожалению, из-за проблем финансового обеспечения мы не смогли обеспечить широкого участия в конференции коллег из других городов России и стран СНГ.

Конференция открылась выступлениями директора Института востоковедения члена-корреспондента РАН В.В.Наумкина и Чрезвычайного и Полномочного Посла Индии в РФ Аджая Мальхотры.

Работа конференции проходила по трем секциям: «Индия: общество, власть, идеи»; «Индия: ресурсы, хозяйство, развитие»; «Индия: соседи, партнеры, соперники». В общей сложности прозвучало более сорока выступлений, из которых 22 вошло в представляемый нами сборник.

Мы расцениваем проведение первой конференции как начало, как стимул к более детальному и глубокому обсуждению на последующих конференциях роль и место Индии в региональной и глобальной политике и экономике, ее участие в региональных, межрегиональных и глобальных международных организациях и объединениях, ее ответы на вызовы и угрозы стратегической стабильности, в том числе, распространению оружия массового поражения. Специальная конференция будет посвящена проблемам обеспечения энергетической безопасности в контексте региональной и глобальной политики Индии. Несомненно, упомянутые проблемы будут обсуждаться с учетом взаимодействия Индии и России по самому широкому кругу экономических, политических и международных проблем.

ИНДИЯ: ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, ИДЕИ

А.А. Куценков*

НАКСАЛИЗМ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Событие, которое дало название современному леворадикальному идейно-политическому и повстанческому движению в Индии, произошло в небольшой деревне Наксалбари дистрикта Дарджилинг штата Западная Бенгалия. Началось все с того, что 2 марта 1967 г. юноша-адиваси по имени Бимал Киссан начал пахать участок земли, предоставленный ему по решению суда. Местные землевладельцы расценили его действия как вопиющее нарушение законов *варнашрамы*. Руками наемных бандитов (*goons*) они жестоко проучили «зарвавшегося нахала». В отместку за избиение Б. Киссана безземельные адиваси и далиты Наксалбари стали захватывать и делить помещичью землю. Полицейские, прибывшие в деревню 25 мая для «наведения порядка», открыли огонь по группе «бунтовщиков». Погибли 9 взрослых и двое малолетних жителей деревни. Ответом на полицейскую акцию стало восстание, которым руководил Чару Маджумдар, член Коммунистической партии Индии (марксистской) – КПИ (м). К восстанию присоединились жители соседних деревень; его поддержала молодежь Колкаты и отделения КПИ (м) во многих штатах страны; оно получило широкую огласку в СМИ.

Полагая, что единственным языком, который могут понять «бунтовщики», является язык силы, власти обрушили на восставших жестокие репрессии. Полиция проводила массовые аресты, пытала арестованных, без суда и следствия расстреливала пленных. Спустя несколько месяцев это выступление, известное как «Бенгальское восстание», было подавлено. Но повстанческое движение не умирало, а неуклонно расширяло свою территорию. К 2009 г. *наксализм* охватил уже 12 штатов, 37% дистриктов страны (231 из 626). Все они входят в так называемый «красный пояс», протянувшийся от границ с Непалом на востоке до северных дис-

* Институт востоковедения РАН

триктов Карнатаки на западе – через Западную Бенгалию, Бихар, Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Ориссу, Джаркханд, Чхаттисгарх и т.д. Особенно активную деятельность наксалиты развернули в джунглях в Джаркханде, Бихаре и Ориссе. В Джаркханде одно время под их властью оказалось 20 дистриктов из 24. Наксалитские организации появились также в Махараштре, Гуджарате, Пенджабе и Кашмире.

Ради сохранения престижа в глазах международного сообщества власти стараются представить наксализм как проблему восстановления «закона и порядка». Но на самом деле в джунглях идет настоящая война. Только в 11 самых опасных районах действуют 70 батальонов правительственных сил безопасности, не считая других антитеррористических формирований [Рамакришнан 2009]. Записка А.К. Маливала, директора управления безопасности Западной Бенгалии, правительству напоминает донесения командующих фронтами времен второй мировой войны. В ней говорится, что действия наксалистов в Лалгархе, «скорее всего, являются частью стратегического плана распространения партизанских действий за пределы зоны Белпахари – Бинпур – Барикул – Рани Бандх – Бандван и создания коридора для соединения с индустриальными центрами Дургапур – Асансол – Дханбад, а также с районом Бирбхум – Бурдван – Хугли, представляющими долгосрочный интерес» для повстанцев [Чаттопадхйай 2009].

Наксалитское движение – самый жесткий и непримиримый оппонент государственной власти. Оно ставит задачу свержения существующего конституционного буржуазно-демократического строя вооруженным путем и построение бесклассового общества. Премьер-министр Индии Манмохан Сингх уподобил наксализм терроризму и заявил, что он является одной из самых больших угроз внутренней безопасности страны. Но некоторые политические обозреватели считают, что наксализм – явление более глубокое и опасное, чем терроризм. Журнал «Экономист» в редакционной статье от 26.01.2008 г. утверждал, что «все другие террористы атакуют сильные стороны индийского государства – его секуляризм, участие в процессах социально-экономического развития,

его демократизм. Наксализм же бьет по самым слабым местам – по распределению основных государственных услуг тем, кто в них больше всего нуждается»¹.

Движущей силой наксализма является не отчаяние одиночек, а недовольство больших масс населения своим нищенским и бесправным положением. «Справедливость – социальная, экономическая и политическая – остается нереализованной мечтой миллионов наших сограждан, – заявил накануне национального праздника Дня Республики в 2000 г. тогдашний президент страны К.Р. Нараянан. – Не удивительно, что негодование масс по поводу своего положения проявляется во многих частях страны в насильственных формах... Многие социальные потрясения берут свое начало именно в невнимании к нуждам низших слоев общества, что толкает их на путь насилия» [Нараянан 2000].

То, что восстание вспыхнуло в Наксалбари, можно считать случайностью. Оно могло произойти в любой другой индийской деревне. Но то, что оно произошло – закономерность. К моменту событий в Наксалбари в стране были налицо все слагаемые наксализма – соответствующее социальное положение, насилие, как утвердившийся в массовом сознании, в том числе и с помощью репрессивных действий государства, способ решения общественных противоречий; социальная база и левоэстремистская идеология.

Социальная база движения начала формироваться в конце 1950 – начале 1960-х годов, когда аграрные реформы зашли в тупик. «За истекшие десятилетия движение изменилось в организационном и политическом отношении. Но в его основе остается проблема аграрной революции, – считает М. Моханти. – Наксализм держится на том, что в эпоху экономической либерализации аграрная реформа исчезла из повестки дня индийских политиков» [Моханти 2005].

Последующий отход государства от политики масштабных демократических преобразований, либерализация и глобализация экономики, проводимые в интересах крупного капитала и элиты

¹ http://www.economist.com/world/asia/displaystory.cfm?story_id=7799247

кастового общества, расширяют социальную базу наксализма, обеспечивают ему симпатии и поддержку всех люмпенизированных, маргинальных и социально бесправных групп населения – адиваси, выступающих за право распоряжаться местными ресурсами; безземельных крестьян, требующих землю и кредитов; далитов, восставших против кастового неравенства; женщин, протестующих против патриархальных порядков в семье и обществе; безработной молодежи, промышленных рабочих – жертв капиталистической рационализации производства; разорившихся ремесленников и представителей среднего класса и т.д. Народные массы видят в наксалитах своих защитников, решительных борцов против глобализации, которую большинство жителей страны воспринимает как происки сил империализма.

Идеология наксализма – левый экстремизм маоистского толка сформировалась не в Наксалбари и не в 1950–60-е годы. Она сложилась раньше, в городских и университетских центрах, в жарких дискуссиях правых и левых коммунистов, которые начались едва ли не с момента появления первых коммунистических групп в Индии. Но непосредственным толчком для утверждения маоизма на индийской земле послужил раскол международного коммунистического движения на сторонников линии КПСС и КПК в конце 1950-х годов. В 1964 г. многие левые коммунисты вышли из КПИ и образовали КПИ (марксистскую) – КПИ(м). Ободренные успехом в Наксалбари, сторонники Ч. Маджумдара в 1967 г. вышли из КПИ (м) и создали Всеиндийский координационный комитет коммунистов-революционеров, который в 1969 г. был преобразован в Коммунистическую партию Индии (марксистско-ленинскую) – КПИ (мл).

В программе КПИ (мл) отмечалось, что Индия не является политически независимым государством – это полуколониальная и полуфеодалная страна. Ею управляют империалисты, компрадорский бюрократический капитал и феодалы-помещики. Задача нынешнего этапа революционного процесса в Индии – национальное освобождение от империалистов, компрадоров и феодалов. В новых условиях, когда КПСС скатилась «в ревизионистское болото» и утратила роль авангарда международного коммунистического

движения, а СССР превратился в государство «социального империализма», идейной основой мировой революции и революционного процесса в Индии является учение Мао Цзэдуна. Марксисты-ленинцы осудили буржуазный парламентаризм, участие коммунистов в выборах. Они не признают роль массовых демократических организаций, считая их коллаборационистскими формированиями. Задача коммунистов состоит в том, чтобы, используя вооруженное насилие и индивидуальный террор, поднять крестьянские массы на восстание, уничтожить капитализм и построить социализм и коммунизм [Карат 1985]. Маоисты считают себя авангардом мировой революции, которая освободит человечество «от людоедской системы капитализма и империализма»².

Установка Ч. Маджумдара на развязывание гражданской войны путем индивидуального террора и физической ликвидации «классовых врагов» не приносила желаемых результатов. Это вызвало новые дискуссии в КПИ (мл). В 1971 г. партия раскололась. Отколовшаяся часть, которую возглавил Сатьянараян Сингх, выступила за использование наряду с нелегальными и легальными форм борьбы, за более тесные связи с населением, за создание массовых общественных организаций и левых фронтов.

После смерти Чару Маджумдара в тюрьме Алипора в 1972 г. расколы в КПИ (мл) продолжались. К 1985 г. наксалитское движение разделилось на множество групп, как входивших в состав в КПИ (мл), так и вышедших из нее по разным причинам.

Верность курсу Ч. Маджумдара сохранили:

1. Группа Винода Мисры.
2. Группа Народная война.
3. Группа Вену и другие.

На стороне Сатьянараяна Сингха выступили:

1. Группа Ч. Пулла Редди.
2. Группа Кану Саньяла
3. Группа Наджи Редди.

² http://groups.yahoo.com/group/Maoist_Revolution/

4. Группа Маоистский коммунистический центр.

5. Группа Фронт освобождения и т.д.

Наряду с этими основными формированиями продолжали свое существование более мелкие группы регионального значения:

1. Группа Шанти Пала (Западная Бенгалия).

2. Группа Кунники Нараяна (Керала)

3. Группа Б.П. Шармы (Уттар-Прадеш).

4. Группа Челапати Рао (Андхра-Прадеш).

5. Революционная коммунистическая партия и партия Гхадар (Панджаб) и другие [Карат 1985].

Крушение «реального социализма» и распад СССР в 1990-х годах нанесли удар, главным образом, по умеренному крылу наксализма, и, наоборот, укрепили позиции леворадикальных сил. В сентябре–октябре 2004 г. Группа Народной войны и Маоистский коммунистический центр объединились и создали Коммунистическую партию Индии (маоистскую) или КПИ (Мао). В нее вошли некоторые уже существовавшие на тот момент и вновь образовавшиеся в результате расколов и объединений группы радикальных революционеров – КП (марксистско-ленинская) партия единства Индии, Революционный коммунистический центр Индии, Революционный коммунистический центр Индии (марксистско-ленинско-маоистский) и другие.

Таким образом, в наксалитском движении образовалось два центра, которые заняли в отношении друг друга непримиримые позиции. КПИ (Мао) обвиняет КПИ (мл) в «правом оппортунизме», КПИ (мл), в свою очередь, считает КПИ (Мао) жертвой «детской болезни левизны в коммунизме». Между этими силами располагаются формирования с менее выраженными идейно-политическими позициями, которые сотрудничают по одним вопросам с КПИ (мл), а по другим – с КПИ (Мао). Некоторые группы не связывают себя никакой идеологией. Они превратились в банды лесных разбойников и с одинаковым усердием грабят и терроризируют жителей лесов. Считают, что в стране постоянно функционирует от 25 до 30 наксалитских групп [Моханти 2005].

Однако, когда в Индии говорят о наксализме, то в первую очередь имеют в виду движение, возглавляемое КПИ (Мао). Оно самое крупное, организованное и последовательное. Реализуя учение Мао Дзедуня о решающей роли насилия в революционном процессе, о роли крестьянства в революции, об окружении городов деревней и создании «освобожденных районов» как основы будущей социалистической государственности, КПИ (Мао) создала Народную освободительную партизанскую армию (People's Guerilla Liberation Army) – НОПА. Ее структура построена по образцу армейских формирований и включает: Главные силы, состоящие из батальонов, рот и взводов; разведки и контрразведки, команды особого назначения; Второстепенные силы (отряды местного значения), а также Силы народной милиции. НОПА возглавляют Политбюро (ПБ) КПИ (Мао), ее Центральный комитет (ЦК) и Центральная военная комиссия (ЦВК). Военными действиями руководит ЦВК, которая имеет два «командования» – Центральное региональное и Восточное.

Численность формирований КПИ (Мао) оценивается по-разному. По подсчетам П.В. Рамана из Observer Research Foundation в Дели, в 2008 г. общее число ее постоянных кадров составляло 40000 человек, она располагала 9000 – 10000 боевиков с 6500 единицами оружия на руках³. По другим оценкам в 2009 г. в военных подразделениях КПИ (Мао) состояло более 20 тыс. человек. Чиновники министерства внутренних дел Индии подчеркивают, что это большая сила: даже в период наибольшего накала вооруженной борьбы в Джамму и Кашмире число вооруженных бойцов у сепаратистов не превышало 3 тыс. человек [Рамакришнан 2009].

Ближайшая стратегия КПИ (Мао) состоит в том, чтобы постоянно расширять зоны партизанского движения, дестабилизировать политическую и экономическую жизнь, дезорганизовать систему государственного управления. Отряды КПИ (Мао) нападают на государственные учреждения, минируют железные и шоссейные дороги, взрывают мосты и вышки сотовой связи, громят железнодорожные станции, уничтожают плантации и промышленные предприятия.

³ http://www.economist.com/world/asia/displaystory.cfm?story_id=7799247

Жертвами индивидуального террора маоистов являются государственные чиновники, полицейские, крупные землевладельцы, ростовщики, деревенские старосты, полицейские информаторы. Под нож экстремистов часто попадают и активисты КПИ, КПИ (м), а нередко и КПИ (мл), которых радикалы считают ревизионистами. Между апрелем 2008 г. и апрелем 2010 г. в Западной Бенгалии от рук маоистов погибло более 200 человек. Большинство жертв составили члены КПИ (м) [Чаттопадхйай 2010].

Существует несколько причин прогрессирующих успехов наксалитского движения. Одна из них – поддержка местного населения. Несмотря на неудобства, связанные с военными действиями, на беззакония и притеснения, которые чинят и государственные антиповстанческие формирования, и наксалиты, особенно из числа «свободных лесных братьев», жителям зон партизанских действий и освобожденных районов наксализм несет освобождение от многих феодальных порядков. Крупные землевладельцы, ростовщики и полицейские разбегаются в панике еще при приближении отрядов партизан; жители захватывают их землю, избавляются от уплаты долгов и налогов.

Ясной картины того, что делается внутри «свободных зон» не существует. Доступ туда журналистов, ученых, администраторов крайне затруднен и сопряжен с опасностью для жизни. То, что становится достоянием печати, крайне противоречиво. Одни СМИ расписывают «ужасы наксализма» – публичные порки, казни, грабежи, насилие, захват заложников для получения выкупа или обмена на собратьев, находящихся в заключении. Другие источники повествуют о социальных преобразованиях в пользу местных жителей. Во всяком случае, власти жалуются, что маоисты «беспардонно» эксплуатируют «чрезмерное чувство благодарности» местного населения за то, что они для него делают» (и чего не делает власть)⁴. Учитывая разношерстность отрядов, известных широкой публике как наксалитские, в жизни, вероятно, имеют место факты всякого рода.

⁴ <http://quasimodo.sulekha.com/blog/post/2007/11/naxalism-and-shining-india.htm>

Гауранг Р. Сахай, профессор Центра по изучению проблем развития Института социальных наук Таты (Centre for Development Studies Tata Institute of Social Sciences) в докладе «Наккализм, кастовая милиция и личная безопасность: уроки Бихара», подготовленном для международной конференции в Мельбурне в июле 2008 г., собрал разрозненные сведения и показал некоторые позитивные аспекты политики наккалитов в штате Бихар.

В освобожденных зонах, пишет автор, лидеры повстанческих отрядов, по крайней мере, некоторых из них, реквизируют землю у крупных землевладельцев и раздают ее безземельным крестьянам. Только в 1992–1993 г. они отобрали у помещиков 1000 акров земли в дистрикте Патна, 616 акров в дистрикте Паламау, 4500 акров в дистрикте Гайа и 1000 акров в дистрикте Навада. Они уничтожают *бегар* (кабальный труд). Повстанцы меняют условия аренды земли в пользу арендаторов, ограничивают рабочий день и увеличивают оплату труда сельскохозяйственных рабочих. До прихода наккалитов рабочие-сборщики урожая получали по 1 боджха (*bojha*) за каждые 21 боджха собранного урожая. После прихода наккалитов они стали получать по 1 боджха за 10 боджха⁵. Реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Центральном Бихаре с 1970 г. по 1989 г. увеличилась у мужчин на 55,2%, у женщин – на 74,3%, превысив в ряде случаев установленный законом официальный минимум. Сельская беднота получила возможность строить жилища на излишках общинной земли.

Маоисты «берут под контроль неприкасаемость»: на территории освобожденных районов резко сократилось число случаев оскорблений, издевательств, избиений далитов и адиваси, изнасилований женщин из низких каст. Прежде в Центральном Бихаре «господствующие касты/классы не давали возможности низким кастам пользоваться своим правом голоса». Сегодня, пишет Г. Сахай, «бедные и угнетенные в деревнях Бихара, находящиеся

⁵ Боджха – плетеная корзинка для переноски тяжестей, которую носят на голове.

под властью наксалитов, стали крупной политической силой. Они почувствовали себя гражданами с теми же правами, какими пользуется помещичий класс, и демонстрируют это равенство на практике» [Сахай 2008].

Из других источников известно, что в районах партизанского движения меняется к лучшему положение женщин. Крантикари адиваси махила сангатхан – массовая женская организация КПИ (Мао), которая насчитывает 90 тыс. членов, добивается отмены принудительных браков, запрещения домашнего насилия. Само существование Сангатхан «радикально меняет традиционное отношение к женщинам и ослабляет традиционные формы дискриминации. Для многих молодых женщин, вступление в КПИ (Мао) и в Народную освободительную партизанскую армию, стало средством освобождения от удушающих общественных порядков». По некоторым данным 45% кадров партизанской освободительной армии составляют женщины⁶.

Помимо поддержки населения успехам наксалитов способствует наличие опытных, убежденных и авторитетных кадров руководителей. Лидеры наксалитов – почти сплошь люди с «интеллигентным» прошлым: бывшие студенты, выпускники вузов и колледжей, творческие работники. «Как и многие движения инсургентов во всем мире, наксализм привлекает на свою сторону мужчин и женщин, принадлежащих к сливкам общества», пишет Р.К. Рагхаван. В качестве примера автор называет имя Кобада Гханди – члена Центрального комитета КПИ (Мао), «блестящего» выпускника «престижного Доон скул в Дехра Дуне» и учебного заведения в Лондоне [Рагхаван 2009].

Большинство же боевиков – неграмотные или малограмотные юноши и девушки из деревень и городских трущоб. Они не читали Мао. Но прошли интенсивную идеологическую обработку. Они беззаветно преданы своим лидерам. Это люди, абсолютно разочаровавшиеся в существующей системе власти. Их главной заботой является не построение бесклассового общества, а земля для

⁶ <http://socialissuesindia.wordpress.com/>

обработки, образование, справедливые условия рынка, право пользования продуктами леса, ответственная власть и масса других проблем. Некоторые боевики попали в отряды по мобилизации. Но воюют не по принуждению, а по убеждению.

За четыре с лишним десятилетия маоисты неплохо овладели искусством ведения войны в джунглях. Их командиры уже не используют примитивную тактику партизанских налетов. Они научились грамотно планировать свои операции. Они тщательно выбирают территорию предстоящих военных действий, внимательно изучают ее географию, социально-экономические условия населения, вникают в его нужды. На случай неудачи готовятся пути отхода и зоны отдыха. Накануне акции агитаторы разъясняют жителям цели движения. Продумывается план военной акции. Определяются силы противника и силы, необходимые для нанесения удара. Координация действий многочисленных групп и отрядов партизан умножает их силы. По данным полиции в отдельных акциях принимают участие сводные отряды численностью до 1000 боевиков [Махапраста 2010].

Прежде повстанцы действовали в основном в сельских, малодоступных и гористых местах, удобных для укрытия. Сегодня ареной их деятельности становятся и города – Мумбаи, Колката, Аллахабад, Варанаси, Канпур, Лакхнау, Горахпур и другие. В городах маоисты расширяют свои ряды за счет рабочих, студентов, служащих государственных и частных учреждений, интеллигенции. В городских подпольных оружейных мастерских они изготавливают оружие. Наксалиты используют города для лечения, пополнения запасов медикаментов и некоторых продуктов питания [Венкатарамани 2010].

Нельзя сказать, что власти не понимают существа наксалитского движения, что они ничего не делают для его укрощения. Расширение прав племен на самоуправление, на пользование продуктами леса, создание штатов Джаркханд и Чхаттисгарх – все это «меры в правильном направлении», считает М. Моханти, но «они предприняты с большим опозданием», половинчаты и пошли, в основном, на пользу «местным элитам» [Моханти 2005].

Успехам маоистов способствует и отсутствие единства в рядах правящего класса. Еще и сегодня в прессе можно встретить как шапкозакидательские, так и алармистские заявления представителей политического истеблишмента. Примером шапкозакидательского подхода является точка зрения о том, что наксализм – это «примитивный крестьянский бунт, основанный на устаревшей идеологии, которая не вяжется с быстрым экономическим ростом страны, с мечтами населения в стиле Болливуда» и поэтому не может представлять серьезной угрозы [Чаттопадхйай 2010]. Примером алармизма можно считать заявление крупного полицейского чина: «Мы слишком долго занимали позицию стороннего наблюдателя, мы даже отказывались признать существование самой проблемы наксализма. Когда проблема выросла настолько, что ее уже нельзя было не заметить, мы изображали наксалитов как заблудившихся туристов из других штатов. Когда положение еще более ухудшилось, мы посчитали ее проблемой закона и порядка, а позднее как проблему политико-идеологическую. Сейчас, когда она обострилась до предела, мы поняли, что это проблема общенациональная». Автор обвиняет власти в близорукости и бездействии. Настала пора государству проявить свою волю, заключает автор этого высказывания [Трипатхи 2009].

Однако разные силы понимают под «волей» разные вещи. Одни считают, что воля должна выражаться в наращивании силовых операций. Их девиз – «локализовать, окружить и уничтожить». Другие полагают, что волю нужно проявить в устранении причин наксализма. И все согласны с тем, что усилия государства и в том, и в другом направлении абсолютно недостаточны.

Причины нерешительности власти ни для кого не являются секретом. Будучи реалистами, политики понимают, что ни репрессии, ни программы развития не могут дать быстрые результаты, а срок их собственного нахождения у власти ограничен: никто не может гарантировать им повторной победы на следующих выборах. Любая неудача в этом направлении пойдет только на пользу политическому противнику. Поэтому тему наксализма нужно использо-

вать для предвыборной борьбы, а придя к власти, ее можно забыть до следующих выборов.

Более того, политические группировки правящего класса, особенно регионального масштаба, борясь друг с другом, нередко сотрудничают с наксалитами. В декабре 2009 г., спустя несколько дней после своего назначения главный министр Джаркханда Шибу Сорен объявил наксалитов своими «братьями» и подчеркнул, что военные операции против партизан проводились без его ведома. Именно эта позиция «братства» как считают, обеспечила Jharkhand Mukti Morcha (JMM), партии Ш. Сорена, «подозрительно» высокие результаты на выборах в законодательную ассамблею штата. По свидетельству арестованного в 2007 г. Балсварупа Ядава, одного из видных лидеров КПИ (Мао), некоторые члены парламента страны и законодательных ассамблей Джаркханда и Бихара, руководители многих политических партий поддерживают постоянные связи с наксалитами, заключают с ними финансовые и политические сделки и пользуются их помощью для продвижения своих личных и партийных интересов [Рамакришнан 2010]. Тринамул конгресс и КПИ (Мао) сотрудничали в борьбе против власти КПИ (м) в Западной Бенгалии. Во время событий в Нандиграме в 2007 г. Тринамул снабжал КПИ (Мао) оружием, а маоисты тренировали активистов Тринамула. В 2008 г. эти две партии действовали заодно и в Сингуре.

В отношении наксализма государство проводит двойственную политику «кнута и пряника», хотя соотношение между этими средствами умирения меняется в зависимости от политической конъюнктуры. Так например, правление БДП в центре (1999–2004 г.) сопровождалось усилением репрессивных мер. По инициативе министра внутренних дел в июле 2005 г. состоялась запланированная ранее встреча главных министров 9 штатов. Несмотря на возражения министров, совещание взяло курс на развертывание военных действий против наксалитов. Была увеличена численность сил безопасности в районах партизанского движения.

Власти неоднократно предпринимали усилия покончить с наксалистами силами самого населения. Правительство штата Андх-

ра-Прадеш создало из адиваси специальное элитное подразделение «Girijan Greyhound». Но число добровольцев оказалось мизерным, и затея провалилась [Моханти 2005]. Еще менее успешной была попытка организовать «народное сопротивление» наксалитам с помощью движения *салва джудум* («движение за мир» на языке гонди). Оно было подано как самопроизвольное восстание лесных жителей, взявших за оружие для защиты от притеснений наксалитов. Но позднее власти взяли *салва джудум* на государственное обеспечение, чем раскрыли его подлинную сущность. Во главе отрядов *салва джудум* были поставлены полицейские офицеры из числа местных жителей. Как служители государства они и прежде не пользовались авторитетом. Получив чрезвычайные полномочия, многие поспешили взять реванш. Тех, кто отказывался вступить в *салва джудум* и принимать участие в операциях «прочесывания», «штрафуют или избивают». За вымогательство, изнасилования и убийства мирных жителей население называет их *тхугами*. В конце концов, *салва джудум* переродилось в еще один «инструмент бандитизма», считает Пурнима Трипатхи [Трипатхи 2009].

Наксалиты ответили на создание салва джудум тотальной охотой на его активистов. С июня 2005 г., когда было создано это движение, по июль 2006 г. они расправились с 300 его функционерами. Опасаясь мести наксалитов и местных жителей, *джудумисты* и члены их семей стали покидать родные деревни и искать защиту у полиции и правительственных войск в специальных лагерях. Но и там они не чувствуют себя в безопасности. 17 июля 2006 г. вооруженный отряд наксалитов напал на лагерь беженцев в Еллаборе (дистрикт Дантевада). Они убили «около» 30 гражданских лиц, захватили 45 заложников. После себя они оставили сотню сожженных хижин. По словам министра по делам племен П.Р. Киндиаха, Салва джудум лишь внесло «братоубийственную войну» в племенное сообщество [Роул 2008].

Приход к власти в мае 2004 г. Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) во главе с ИНК вселил некоторые надежды на прекращение войны в джунглях. Минимальную программу ОПА поддерживали практически все левые партии. В ней говорилось, что

альянс «обеспокоен ростом насилия экстремистов и других форм террористической деятельности в различных штатах. Это не только вопрос закона и порядка, но более глубокая социально-экономическая проблема, к которой следует относиться серьезнее, чем это делалось до сих пор», и что альянс не допустит в ее решении «никакого обмана» [Моханти 2005]. Но из-за саботажа местной бюрократии за этими прокламациями не последовало никаких действий.

В настоящее время штатам, охваченным наксалитским движением – Чхаттисгарху, Джаркханду, Андхра-Прадеш, Махараштре и менее пораженным наксализмом Уттар-Прадешу и Карнатаке выделяются специальные средства для развития. Они предназначены для электрификации, строительства дорог, мостов, школ, медицинских пунктов и т.д. Однако и эта мера пока не привела к снижению активности маоистов. Многочисленные критики государственных программ, включая и представителей администрации, объясняют это тем, что:

а) в мероприятиях государства население видит очередной подвох. Оно уверено, что дороги в джунглях прокладываются для того, чтобы облегчить транснациональным компаниям доступ к природным ресурсам;

б) цели, на которые выделяются немалые средства, не входят в число приоритетных нужд адиваси и других обитателей леса. Сегодня они требуют не развития, а возврата отобранной у них земли с выдачей государственных гарантий в виде свидетельств – *патта*;

в) средства не доходят до тех, кому они предназначаются из-за того, что присутствие наксалитов делает многие поселения недоступными для чиновников и специалистов; из-за того, что в районах партизанских действий разрушена инфраструктура, не работают отделения банков и почта. Средства, выделяемые на цели развития, в конце концов, разворовываются или попадают в руки наксалитов.

В борьбе с наксализмом государству приходится считаться с позицией гражданского общества. Она не однозначна. Особое место

занимают в нем негосударственные общественные организации (НГО), которые по своей доброй воле и часто за свой счет, молча и терпеливо, ведут практическую работу по оказанию помощи населению районов действий партизан. Только в девяти штатах, охваченных наксалитским движением, насчитывается около тысячи (!) таких НГО. Рискуя здоровьем, а часто и самой жизнью, тысячи мужчин и женщин – учителей, врачей, технических специалистов, пренебрегая муссонными ливнями или изнуряющей жарой, идут в нищие, забытые Богом и властями, деревни, помогают убогим и больным, учат детей и взрослых грамоте, организуют население на строительство оросительных каналов, систем водоснабжения, канализации. [Бюллетень 2010]. И это поразительно! Когда говорят, что Индия является «страной духа», то я связываю ее духовность с деятельностью этих подвижников, безвестных и бескорыстных. Но эта часть гражданского общества чужда политике и рекламе; его деятельность мало известна широкой общественности.

Для подавляющей же части гражданского общества проблема наксализма – это проблема политическая и даже более того, проблема выбора пути социально-политического развития страны. Безусловными сторонниками государства и существующих порядков являются организации тех социальных групп, которые выиграли от реформ и являются объектами атак наксалитов – транснациональных и индийских монополий, землевладельцев, ростовщиков, подрядчиков. Для них наксализм – лютей враг. Для борьбы с ним они финансируют и организуют частные вооруженные отряды – *сена*. Такие формирования, как Куер сена, Кунвар сена, Бхуми сена, Лорик сена, Брахмарши сена, Кисан сена, Кисан сангх, Кисан сангха, Кисан морча, Ранвир сена и многие другие избегают лобовых стычек с партизанами и обрушивают свою ненависть на незащитных деревенских жителей – далитов, адиваси. Жестокость *сенистов* часто превосходит все воображаемые пределы садизма. Органам правопорядка приходится время от времени даже одергивать их рвение.

Против наксализма «помещики открыто используют идеологию касты», – пишет Г. Сахай. Они внушают обществу, что наксалиты –

это презренные отбросы общества, которые стремятся физически уничтожить касты, занимающие более высокие позиции в кастовой иерархии. Это «позволяет помещикам формировать частные, основанные на кастовой идентичности отряды милиции» и усиливает поляризацию общества по кастовым линиям [Сахай 2008].

Но большая часть гражданского общества, включая отдельных представителей политической элиты, не идеализируя наксализм, относится к нему с пониманием, если не сказать благожелательно. «Существует определенное количество организаций гражданского общества, которые верят делу наксалитов и обвиняют правительство в насилии, которое можно видеть в семи или восьми штатах, – признал министр внутренних дел Индии Р. Чидамбарам. – Членами этих организаций являются очень известные и уважаемые люди. Среди них бывший спикер Лок сабхи, бывшие судьи, влиятельные журналисты, писатели. Все они говорят от имени гражданского общества и рисуют правительство черными красками. Создается впечатление, что они хотят сказать, что дело наксалитов и их методы имеют оправдание» [Чидамбарам 2009].

Понятно, что степень этой симпатии и поддержки разная. Либерально настроенная часть гражданского общества ограничивает свое сочувствие декларациями и речами в духе абстрактного гуманизма. На семинаре, организованном властями в Ченнаи 28–29 января 2005 г., его участники – «политики, члены правительства, представители науки, неправительственных организаций и общественные деятели» – открыли для себя «некоторые аспекты, которые доселе не были широко известны». Что же это за «аспекты»? «Питательной почвой для наксализма являются социально-экономические факторы, такие, как социальная несправедливость и дискриминация, отсутствие доступа к земле, нехватка жизненных средств, гнет помещиков, высоких каст и ростовщиков, а также черствость не только бюрократов и полиции, но и всего правящего политического класса. Поэтому было бы неправильно рассматривать наксализм как проблему закона и порядка, а наксалитов как преступников, которых нужно уничтожать железной рукой. Подлинным избавлением от наксализма может быть только

устранение причин, лежащих в его основе – путем неуклонного исполнения законов, которые существуют и которые не дают возможности дальнейшего усиления эксплуатации и деградации» [Рагхаван 2005]. Но эти «малоизвестные аспекты» наксализма гражданское общество открыло для себя еще в конце 1960 – начале 1970-х годов!

Многие организации выступают за переговоры с наксалитами и решение проблемы наксализма мирным путем. Например, 21 июня 2004 г. при посредничестве «Комитета озабоченных граждан» (КОГ), созданного по инициативе жителей Ориссы, кровно заинтересованных в нормализации обстановки в штате, между сторонами конфликта было заключено соглашение о «прекращении огня». По этому соглашению группа Народной войны обязалась запретить своим боевикам появляться на общественных мероприятиях с оружием в руках. Перемирие, впрочем, сорвалось из-за того, что именно это условие оказалось для Народной войны невыполнимым [Редди 2004]. Но решение правительства Ориссы прекратить переговоры встретило крайне негативную реакцию большинства политических партий – Конгресса, Теленгана раштра самити, Маджлиса (Majlis), КПИ и КПИ(м), которые потребовали немедленного возобновления переговоров.

Попытки правительства покончить с партизанским движением путем проведения широкомасштабных военных операций неизменно встречают бурный протест гражданского общества. Так, против запланированной акции под кодовым названием «Зеленая охота» выступили десятки общественных организаций во всех концах страны. The Bharat Jan Andolan, the National Front for Tribal Self Rule, the Jangal Adhikar Sangharsh Samiti of Maharashtra, the Adivasi Mahasabha of Gujarat, the Madhya Pradesh Jangal Jeevan Adhikar Bachao Andolan, the Jan Shakti Sangthan (Chhattisgarh), the Chhattisgarh Mukti Morcha, the Orissa Jan Sangharsh Morcha, the Campaign for Survival and Dignity, Adivasi Aiky Vedike (Andhra Pradesh) опубликовали совместное воззвание к властям с требованием отказаться от операции [Трипатхи 2009].

Проблема наксализма привлекает все большее внимание правозащитных организаций, которые рассматривают наксалитское движение в контексте прав человека и гражданина. Члены этих организаций, получившие, как правило, юридическое образование, составляют обращения к властям и органам правопорядка, представляют интересы жертв насилия и беззакония в судах и т.д.

Особое место среди правозащитников занимают общественные деятели, называющие себя «новыми левыми». Их идейно-политические взгляды часто совпадают с позициями наксалитов. Так, Национальный альянс народных движений (National Alliance of People's Movements) считает, что в современных условиях возможность решить проблемы общества и человека, к числу которых относится и проблема наксализма, в рамках буржуазной демократии исчерпана. Альянс выступает за замену буржуазной демократии «подлинно народной демократией».

Организация Новое социалистическое движение (The New Socialist Movement) утверждает, что капитализм утратил способность к развитию производительных сил. Его должна заменить новая социально-политическая система, основанная «на демократии, равенстве и общественной собственности на средства производства»⁷.

В декларации Всеиндийской федерации организаций за демократические права (All India Federation of Organizations for Democratic Rights) говорится, что современная социально-политическая ситуация в Индии характеризуется «фундаментальным» конфликтом между правящими классами и эксплуатируемыми массами. Деятельность государства в социальной сфере – обман. Поэтому право на сопротивление является главным демократическим правом. Это право важнее чем «социальный мир», который проповедуют верные режиму силы. Все другие права – вторичны. Федерация требует узаконить деятельность организаций, применяющих насилие (читай – наксалитов) [Декларация 1982].

Переоценивать значение «новых левых», конечно, не следует. Вербальный радикализм – одна из особенностей политической

⁷ <http://nsm.org.in>

культуры Индии. Мало кто из общественных деятелей, включая самых умеренных, удержится от соблазна щегольнуть при случае левой фразой, пригвоздить государство к позорному столбу или заявить о необходимости революционных перемен и т.д. Свобода слова – одна из важнейших норм Конституции. Но «новых левых» нельзя и недооценивать: началом всему является слово. Настойчивая пропаганда порочности существующего режима, необходимости замены его более гуманным и прогрессивным делает свое дело – создает атмосферу терпимости и даже симпатии к наксализму и другим проявлениям левого радикализма.

Рассматривая борьбу государства и наксализма, нельзя не заметить, что в этой области сложилась патовая ситуация. Не решая аграрной проблемы, государство не может сокрушить наксализм. Наксализм, оставаясь силой маргинальной, не может сокрушить государство.

В поисках выхода из создавшегося тупика обе стороны конфликта вынуждены менять тактику. Государственные силы безопасности отходят от сплошных зачисток территорий и применяют практику точечных ударов. Развернута охота на лидеров наксалитов. За последние годы многие руководители КПИ (Мао) были уничтожены, взяты в плен и осуждены на длительные сроки заключения.

Похожим образом реагируют на создавшуюся обстановку и наксалиты. В 2009 г. КПИ (Мао) опубликовала циркуляр для своих кадров. Заключительная часть документа предостерегает партийных функционеров от ошибок: «любая ошибка с нашей стороны будет использована врагом для того, чтобы изолировать нас..., оправдать свои нападки на нас,... наклеить на нас ярлык врагов народа и террористов. Поэтому мы должны быть исключительно осторожны, чтобы не наносить ущерб народной собственности, причинить ему неудобства своими действиями. Мы обязаны просить у людей прощения за наши прошлые ошибки и заверять их в том, что такие ошибки не будут больше повторяться» [Рамакришнан 2009].

Как это ни странно, но непосредственная угроза массовому повстанческому движению исходит от той части населения, интересы которых оно призвано защищать. Жители лесных сообществ устали от войны и страдают и от правительственных сил безопасности, и от партизан. С целью нагнетания недовольства некоторые группы наксалитов запрещают крестьянам вести полевые работы. Спасаясь от тех и других, люди вынуждены скрываться в джунглях или в лагерях беженцев. В одном только Бастаре насчитывается 17 таких лагерей, в которых живет около 50 тыс. человек. В деревнях создаются всякого рода организации для самозащиты – *грамм бачао*, *грамм пратиродхи* и т.д. [Чаттопадхйай 2010 а].

А пока наксалитское движение, не приближаясь к достижению своей главной цели, играет определенную общественную роль – оно понуждает государство хоть что-то делать для беднейших слоев населения страны. «Плодами маоистского движения пользуется целое поколение» индийцев, заключает Ш.Редди [Редди 2009]. И это правда.

Библиография

Бюллетень 2010 – PUCL BULLETIN. Vol. XXX, No. 11 ISSN-0970-8693 <http://www.pucl.org/bulletins/2010/PUCLnov10.pdf>

Венкатарамани 2010 – Venkataramani, R. Naxalites' Urban Push.Will They Succeed?// *Institute of Peace and Conflict Studies*, New Delhi. February 2010.

Декларация 1982 – All India Federation of Organizations for Democratic Rights (AIFOFR), *Declaration of All India Federation of Organizations for Democratic Rights*, Bombay: AIFOFR, July 1982.

Карат 1985 – Karat, Prakash. Naxalism Today; At an Ideological Dead End // *The Marxist* Vol. 3, №1, January – March 1985.

Махапраста 2010 – Mahaprasta, Ajoy Ashirwad. In the war zone // *Frontline*. Vol. 27, Issue 09, Apr. 24-May. 07, 2010.

Моханти 2005 – Mohanty, Manoranjan. The Course Of Naxalism // *Himal Magazine* 22 September, 2005.

Нараянан 2000 – *Shri K.R. Narayanan, President of India «Address to the Nation by the President of India on the eve of Republic Day 2000, Tuesday 25th, January 2000.*

<http://www.amnesty.org/en/library/asset/ASA20/008/2000/en/b7638ea0-df6c-11dd-aca-7d9091d4638f/asa200082000en.html>

Рагхаван 2005 – Raghavan B. S. Combating Naxalism // *Business Line* 31.01.

Рагхаван 2009 – Raghavan, R.K. Handling naxalism // *Frontline*. Volume 26, Issue 22: Oct. 24–Nov. 06.

Рамакришнан 2009 – Ramakrishnan, Venkitesh. Taking on Maoists // *Frontline* Volume 26, Issue 22: Oct. 24–Nov. 06.

Рамакришнан 2010 – Ramakrishnan, Venkitesh. Losing Spree // *Frontline*. Volume 27, Issue 09: Apr. 24–May. 07.

Редди 2004 – Reddy K., Srinivas. Discord over an accord // *Frontline*. Volume 21 – Issue 17, August 14–27.

Редди 2009 – Reddy, K. Srinivas. Andhra Model // *Frontline*. Volume 26, Issue 22: Oct. 24–Nov. 06.

Роул 2008 – Roul, Animesh. Naxal Violence: India's Achilles Heel // *Society for the study of Peace and Conflict*. 25.01.

Сахай 2008 – Sahay, Gaurang R. *Naxalism. Caste-based Militias and Human Security: Lessons from Bihar* // artsonline.monash.edu.au/mai/files/2012/07/gaurangsahay.pdf

Трипатхи 2009 – Tripathi, Purnima S. Living in Fear // *Frontline*. Volume 26, Issue 22: Oct. 24–Nov. 06.

Чаттопадхйай 2009 – Chattopadhyay, Suhrid Sankar. Long-Term Plans // *Frontline*. Volume 26, Issue 22: Oct. 24–Nov. 06.

Чаттопадхйай 2010 – Chattopadhyay, Suhrid Sankar. Rapid Rise // *Frontline*. Volume 27 – Issue 09: Apr. 24–May. 07.

Чаттопадхйай 2010 а – Chattopadyay, Surid Sankar. Return to sanity // *Frontline*. Volume 27, Issue 22: Oct. 23–Nov. 05.

Чидамбарам 2009 – Home Minister P. Chidambaram on Naxalism & Prospects of Dialogue on 02 December 2009 in Rajya Sabha.

«ШТАТОМАНИЯ» В ИНДИИ: ОПЫТ ТЕЛЕНГАНЫ И ГУРКХАЛЕНДА

В конце 2009 – начале 2010 г. Республику Индия захлестнула волна формирования малых штатов. Речь идет о кардинальном изменении политической карты страны, появлении 20–30 новых административно-территориальных единиц и фактическом распаде таких гигантов, как Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Бихар и Андхра-Прадеш. Начало этому процессу положил решающий виток борьбы за Теленгану и движение за Гуркхаленд.

Мой самолет приземлился в международном аэропорту им. Раджива Ганди в Хайдарабаде в полдень 7 декабря 2009 г. Был понедельник, но государственные учреждения, офисы фирм и рынки оставались закрытыми. Безлюдные улицы, металлические жалюзи на дверях и окнах и отряды полицейских с бамбуковыми палками на перекрестках лишь усиливали чувство тревоги. На вопрос, что происходит в городе, офицер вежливо ответил: «Сегодня – День Теленганы! Будет лучше, сэр, если вы вернетесь в отель. В городе небезопасно!»

Вечерние сводки новостей повторяли, что в районе Османского университета произошли столкновения студентов с полицией. Председатель партии Теленгана ращтра самити (ТРС) 56 – летний К. Чандрашекхар Рао объявил голодовку до смерти. 22 сторонника отделения Теленганы от Андхра-Прадеша предприняли попытки суицида, из которых 5 закончились летальным исходом.

На следующий день многие университеты Хайдарабада распустили на каникулы. Около двух тысяч студентов Османского университета отказались подчиниться приказу властей и забаррикадировались в здании Колледжа искусств. Полиция взяла кампус в плотное кольцо. На помощь блюстителям порядка были переброшены 9 батальонов сил быстрого развертывания из Дели и Карнатаки. Состояние здоровья председателя ТРС резко ухудшилось. Телевидение сообщало о его близкой кончине.

* Институт востоковедения РАН

В среду 9 декабря полицейские проникли на территорию Колледжа искусств и арестовали 169 студентов, активистов движения за Теленгану. С каждым часом напряжение нарастало.

Индийский федерализм – единство в многообразии

Процедура формирования новых штатов законодательно закреплена в статьях 2-й и 3-й конституции страны 1950 г. Конституция провозгласила Индию суверенной демократической республикой и учредила ее как Союз Штатов.

Основной закон предоставил широкие полномочия парламенту по созданию новых штатов путем отделения части территории существующего штата, присоединения территории к части другого штата или объединения двух и более штатов. При этом парламент может увеличить или уменьшить территорию штата и изменять его границы и название. Необходимым условием для этого является соответствующая рекомендация президента страны и высказанное в отведенный им срок мнение законодательного органа штата. интересы которого затрагивают упомянутые изменения [Конституция 1956: 55–56]. Решение об образовании нового штата считается принятым, если за него проголосовало большинство от общего числа членов обеих палат парламента и не менее двух третей от числа присутствующих на заседании палат, и оно получило одобрение президента.

В отличие от федеративного союза американского типа, учрежденного на основе добровольного соглашения независимых государств, Индия была создана путем превращения унитарного государства, каковым являлась бывшая колония, в федеративное. Вхождение в нее провинций Британской Индии было обязательным, а княжеств – добровольным. Конституция Индии определила не только устройство федерации, но и устройство штатов.

По мнению российского индолога М.А. Плешовой, в основу индийской конституции была заложена идея сильного центра и дееспособных штатов, пользующихся реальной, но не безграничной автономией [Федерализм 2000: 203]. Полномочия центра и штатов четко разграничены. Так, компетенция Союза включает обширный

перечень из 97 пунктов: оборона, отношения с иностранными государствами, денежное обращение, внешняя торговля, атомная энергетика и т.д. Перечень вопросов, отнесенных к компетенции штатов, состоит из 66 пунктов: обеспечение общественного порядка, местное самоуправление, здравоохранение, охрана лесов, рынки и ярмарки и т.д. Перечень вопросов совместной компетенции охватывает 47 пунктов: уголовное право, законодательство о браке, семье и опеке, экономическое и социальное планирование, трудовое законодательство и т.д.

Важнейший принцип индийской федерации – лишение штатов права на отделение от Индии. 16-я поправка к конституции, принятая в 1963 г., подчеркивает, что любые действия, направленные на отделение от Союза, не пользуются защитой основного закона [Индия 2009: 1219]. В случае возникновения угрозы целостности страны центральные власти располагают необходимым арсеналом средств для борьбы с ней, включая введение чрезвычайного положения, институт президентского правления и др.

Индийская федерация доказала свою жизнеспособность и выдержала испытания временем. За 60 лет существования Республика Индия выстроила отношения, позволившие обеспечить целостность Союза и многообразие штатов. Это дало возможность ее народам сохранить свою самобытность, язык и традиции и способствовало экономическому, социальному и культурному развитию регионов, что получило емкое отражение в национальной доктрине «единство в многообразии». Многие большие и малые этносы, лингвистические общности и отдельные территории Индии уже воспользовались правом на самоопределение и создание автономных подразделений, другие – энергично этого добиваются.

Реорганизация штатов – федерализм в действии

Политическая карта Индии стала меняться сразу после принятия конституции, и процесс этот продолжается по сей день. В 1951 г. в состав Союза входило 27 штатов, поделенных на группы «А», «В» и «С». Группа «А» включала бывшие провинции Британ-

ской Индии, группа «В» – бывшие крупные княжества и союзы княжеств, а группа «С» объединяла более мелкие княжества.

Первые изменения были связаны с переименованием штатов и обменом территориями. Так, в 1950 г. Соединенные провинции получили название Уттар-Прадеш. В 1953 г. был принят закон о создании штата Андхра путем выделения из штата Мадрас дистриктов с населением, говорящим на языке телугу. В 1956 г. часть Бихара отошла к Западной Бенгалии.

Самое крупное территориальное переустройство имело место в 1956 г. и было связано с реорганизацией на лингвистической основе по формуле «один штат – один язык». Были пересмотрены границы целого ряда штатов, удовлетворены многие требования языкового характера и ликвидировано деление на группы «А», «В» и «С». Все 14 образовавшихся штатов – Андхра-Прадеш, Ассам, Бихар, Бомбей, Джамму и Кашмир, Западная Бенгалия, Керала, Мадрас, Мадхья-Прадеш, Майсур, Орисса, Пенджаб, Раджастан и Уттар-Прадеш – были уравнены в правах и стали полноправными субъектами федерации. Одновременно создавались 6 союзных территорий, управляемых из центра, – Дели, Манипур, Трипура, Химачал-Прадеш, Андаманские и Никобарские острова, а также Лаккадивские и Аминдивские острова.

Однако реформа 1956 г. не решила всех проблем. После нее в некоторых районах продолжались движения за создание новых штатов, за пересмотр границ между штатами и за дальнейшую реорганизацию на лингвистической основе. В 1959 г. часть Раджастана перешла к штату Уттар-Прадеш. В 1960 г. штат Бомбей был разделен на два самостоятельных штата – Махараштру и Гуджарат.

В первой половине 1960-х годов развернулась шумная кампания с требованием реорганизации Пенджаба и выделения из него штата с преобладающим сикхским населением. Ее поддержали многие политические и общественные деятели страны. В 1966 г. Пенджаб был поделен на два штата – Пенджаб и Харьяну, а город Чандигарх стал союзной территорией и столицей этих двух штатов.

Процесс самоопределения этносов в рамках Союза подчас проходил в острой борьбе, связанной с кровопролитиями и между-

усобными столкновениями. Это в первую очередь относится к северо – востоку Индии, напоминающему лоскутное одеяло из 8 штатов, большинство которых выделилось из Ассама. Наиболее драматичной была борьба народа нага. Она продолжалась несколько лет и завершилась в 1963 г. образованием штата Нагленд. Право на самоопределение народа мизо и создание в 1987 г. штата Мизорам было также завоевано с оружием в руках. Другие штаты формировались с меньшими потерями – Манипур, Мегхалая и Трипура в 1972 г. и Аруначал-Прадеш в 1987 г. В 1975 г. в состав Индии вошел Сикким, который в том же году стал штатом.

Одновременно уточнялись границы штатов и их названия, союзные территории преобразовывались в штаты. В 1969 г. штат Мадрас был переименован в Тамилнаду, а в 1973 г. штат Майсур стал Карнатакой. В 1971 г. союзная территория Химачал-Прадеш была преобразована в одноименный штат. В 1987 г. статус штата приобрел Гоа, прежде союзная территория.

В ноябре 2000 г. на карте Индии появились 26-й, 27-й и 28-й штаты – Чхаттисгарх, Уттаранчал или Уттаркханд и Джаркханд на территориях Мадхья-Прадеша, Уттар-Прадеша и Бихара соответственно [Кашин, Плешова 2001]. Их создание следует рассматривать в контексте реализации прав малых народов и историко-культурных областей на самоопределение в рамках действующей конституции. И наконец, в конце 2009 – начале 2010 г. со всей остротой был поставлен вопрос о формировании нескольких десятков малых штатов. В своей основе они представляют собой экономически менее развитые дистрикты крупных штатов, которые индийские СМИ образно именуют «карманами бедности».

Экономический прагматизм и новая элита

По своим масштабам новая реорганизация сопоставима с территориальным переустройством 1956 г. Речь идет не только о появлении сразу 20–30 малых штатов, но и о фактическом распаде таких гигантов, как Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Бихар и Андра-Прадеш. Несмотря на то, что в Индии по-разному относятся к такому сценарию, большинство аналитиков и государственных де-

ятелей считают формирование новых административно-территориальных единиц закономерным процессом в эволюции федерализма и демократии. Альтернатива в лице более широкой автономии уже не устраивает регионы.

Если в основе размежевания 1956 г. лежал принцип лингвистической принадлежности, то сегодня на первый план выходит фактор экономической целесообразности. Реформа 1991 г., направленная на освобождение экономики от государственного контроля и ее либерализацию, на практике увеличила разрыв между богатыми и бедными штатами и привела к усилению диспропорций внутри самих штатов. Частные инвестиции и капиталоемкие технологии пришли, главным образом, в регионы с развитой инфраструктурой. Даже в таком внешне благополучном штате, как Махараштра, львиная доля финансовых средств аккумулируется дистриктами пояса Пуна – Насик, тогда как Видарбха и Маратхвада остаются на голодном пайке. Что касается государственных субсидий и программ поддержки, то по сравнению с 1990-ми годами их объем сократился в два раза. К тому же они распределяются чиновниками в центре и на местах, что открывает большие возможности для всякого рода злоупотреблений, коррупции и местничества.

Отсталые регионы не хотят мириться с существующим положением и вынашивают планы выделения в самостоятельные административно-территориальные единицы. Примером для них служит опыт молодых штатов. Так, в 10-ю пятилетку (2002–2007) темпы прироста годового валового внутреннего продукта (ВВП) составили в Джаркханде – 11,1%, в Чхаттисгархе – 9,2% и в Уттаркханде – 8,8%, тогда как в Бихаре – 4,7%, в Уттар-Прадеш – 4,6% и в Мадхья-Прадеше – 4,3% в год [Рао 2009: 8]. Достигнутые успехи первых позволяют им концентрировать усилия на решении главных социальных проблем – бедности, безработицы и неграмотности. В итоге доход на душу населения в Уттаркханде возрос с 14300 рупий в 2001 г. до 55870 рупий в 2011 г. и превысил средний показатель по стране на 1035 рупий [Frontline, 03–16.12.2011].

Носителем идеи регионального сепаратизма выступает новая политическая элита, появление которой обусловили процессы мо-

дернизации экономики и демократизации общества. Ее ряды пополняют группы, представленные выходцами из непривилегированных каст. Они окрепли экономически, но занимают низкое место в традиционной социальной иерархии. Сложение новой элиты началось в регионах. Там за местными лидерами стоят большие деньги, семья, каста и община.

Вхождение во властные структуры побуждает активную часть низов самоорганизовываться и создавать различные общественные объединения и политические партии. Сегодня эти партии оказывают существенное влияние на расстановку политических сил в центре и на местах. По крайней мере, ни одна из правящих в Индии последние 15 лет коалиций не могла обойтись без участия в ней или поддержки региональных партий.

Новая политическая элита энергично старается потеснить старую, которая получила преимущества в постколониальный период и рекрутировалась из высших каст. Ссылаясь на запущенность и отсталость своего региона, новые лидеры нередко выдвигают требование о его выделении в самостоятельный штат. Они пытаются опереться на широкие слои населения и перевести законные чаяния недовольных людей в русло острого политического конфликта. Среди лидеров, выступающих за выделение в самостоятельный штат, встречается немало экстремистов. Типичный пример противостояния новой и старой элиты представляют последние события в Андхра-Прадеше и движение за Теленгану. В конкретном случае взаимные претензии и обиды взяли верх над общей лингвистической принадлежностью и чрезвычайно запутали ситуацию.

Политические партии Индии по-разному относятся к идее малых штатов. Консервативная Бхартия джаната парти (БДП), находящаяся в оппозиции, и Бахуджан самадж парти (БСП), представляющая отсталые слои, поддерживают ее. Такой же позиции придерживается Коммунистическая партия Индии (КПИ). Против дробления штатов выступают региональные партии старой элиты – Телугу десам парти (ТДП) в Андхра-Прадеше, Тринамул конгресс (ТК) в Западной Бенгалии, а также партия маратхского национализма Шив сена в Махараштре. В этом с ними солидарно руковод-

ство Самаджвади партии. Особое мнение имеет Коммунистическая партия Индии (марксистская) – КПИ(м), которая долгое время возглавляла левые правительства в Западной Бенгалии и Керале. Она считает нецелесообразным деление штатов после их реорганизации на национальной и лингвистической основе. Лидер правящего Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) партия Индийский национальный конгресс (ИНК) выступает с компромиссных позиций, призывает стороны к переговорам и предлагает создать Комиссию по реорганизации штатов по аналогии с той, которая работала в 1953–1955 гг.

Ранним утром 10 декабря в отеле «Кришна» меня разбудили громкие сигналы сирен и гудков автомобилей, мотоциклов и скутеров. Повсюду развивались флаги Теленганы. Казалось, «розовое» море затопило Хайдарабад. Главными центрами народного ликования были площади, прилегающие к Колледжу искусств и Институту медицинских исследований, где все это время находился лидер ТРС Чандрашекхар Рао. Накануне вечером он объявил о прекращении 11-дневной голодовки. Это стало возможным после заявления министра внутренних дел Индии П. Чидамбарам, обещавшего «в скором времени начать процесс отделения Теленганы от Андхра-Прадеша» и вынести этот вопрос на рассмотрение законодательного собрания.

Около Колледжа искусств собралась толпа в 15–20 тыс. человек. Я был единственным иностранцем среди них, и студенты настойчиво интересовались моим отношением к Теленгане. Они были настроены очень агрессивно.

Теленгане быть

Теленгана – историческая область на северо-западе южноиндийского штата Андхра-Прадеш. Здесь живет народ *андхра*, пользующийся языком телугу дравидской семьи. Свое название область получила по трем лингамам, фаллическим символам верховного бога Шивы, расположенным на ее границах. Область входила в состав империи Ашоки, государства Виджаянагар, султанатов Бахмани и Голконда, державы Великих Моголов, а с 1724 по

1948 г. ею управлял низам Хайдарабада. Таким образом, она на двести с лишним лет оказалась оторванной от остальной части Андхры, находившейся под властью британской колониальной администрации.

В отечественной историографии Теленгана получила известность благодаря массовому крестьянскому восстанию 1946–1951 гг. Его возглавляла КПИ. Правительство жестоко подавило выступление крестьян. «Красные деревни» бомбила штурмовая авиация. Пленных повстанцев свозили в особые лагеря. Там их пытали, женщин насиловали и выставляли обнаженными на сельских площадях.

Современная Теленгана состоит из 10 дистриктов, включая Хайдарабад. Ее территория – 114,8 тыс. кв. км (41,7% территории Андхра-Прадеш), население – 33,8 млн чел. (40% населения Андхра-Прадеш). Область богата углем. Имеются запасы железа, меди, марганца, хромитов, графита, месторождения урана и алмазов. Основная сельскохозяйственная культура – рис. Водные ресурсы представлены крупнейшими реками Декана Годавари и Кришна. Успешное осуществление 26 ирригационных проектов позволило оросить 5,9 млн га земли, из них – 4,3 млн в Андхре и 1,6 млн га в Теленгане [India Today, 28.12.2009]. Поскольку интенсивность орошения непосредственно влияет на продуктивность сельского хозяйства, она остается в Теленгане крайне низкой. Такая же картина наблюдается в промышленном секторе. Предприятия в основном сконцентрированы на побережье Бенгальского залива и в Раяласиме, южной части Андхра-Прадеша.

Правительство штата игнорирует нужды региона. Он маргинализируется и остается одним из беднейших в Южной Индии. В поисках работы его ежегодно покидают более 2 млн трудоспособных мужчин. Оплата труда женщин, работающих под палящим солнцем на полях чили и томатов в дистрикте Каримнагар, едва достигает 50 рупий в день [The Times of India, 15.04.2009].

Выходцы из Андхры монополизировали управление штатом и систему образования. Из 49 тыс. местных чиновников лишь 7 тыс. теленганцев. Если в Андхре 190,7 тыс. начальных школ и 1,2 млн

учителей, то в Теленгане – 73 тыс. школ и 0,3 млн учителей [Ади-
раджу 2009: 227]. В Хайдарабаде расположена крупнейшая кино-
студия страны, где нет ни одного актера из Теленганы.

Первый премьер-министр Индии Дж. Неру выступал против
объединения Андхры и Теленганы [Неру 1998: 267]. Он полагал,
что новый штат будет отсталым и не сможет рассчитывать на по-
мощь из центра. Опасения главы правительства разделяла Комис-
сия по реорганизации штатов, возглавляемая судьей Ф. Али. В от-
чете, представленном в октябре 1955 г., она пришла к заключе-
нию, что дистрикты бывшего княжества Хайдарабад, говорящие на
языке телугу, должны оставаться отдельным штатом до 1961 г.
[Бхушан 2009: 193].

Однако давление со стороны политиков Андхры и бурные стра-
сти вокруг проблемы создания штатов на лингвистической основе
вынудили Дж. Неру уступить. 1 ноября 1956 г. штат Андхра и Те-
ленгана были объединены в штат Андхра-Прадеш. Этому факту в
немалой степени способствовало пространное соглашение, под-
писанное 20 февраля 1956 г. в Дели представителями обществен-
ности Андхры и Теленганы. Оно обещало последнее сохранение
доходов, улучшение системы образования, привлечение телен-
ганцев на работу в государственные учреждения и т.п.

История борьбы за Теленгану насчитывает более сорока лет. Ее
начало положили акции протеста студентов Хайдарабада в январе
1969 г., вызванные нарушениями Андхрой условий упомянутого
соглашения. Движение «Да здравствует Теленгана!» охватило 8
дистриктов. Его главным требованием было создание отдельного
штата. В городах произошли столкновения студентов с полицией, в
которых погибли 370 человек. Для нормализации обстановки пра-
вительство Индиры Ганди ввело в Андхра-Прадеше президентское
правление. Оно действовало в течение 11 месяцев.

После бурного пролога наступил период отката, растянувшийся
на несколько десятилетий. Радикалы покинули ряды движения и
примкнули к маоистам-наксалитам. Политически активная часть
новой элиты влилась в ряды ИНК. Либеральная интеллигенция
разбрелась по клубам согласно профессиональным интересам – в

Форум писателей Теленганы, Форум учителей Теленганы, Профессуру Теленганы и др. Обсуждая ситуацию в регионе, либералы использовали термины «колонизация» и «эксплуатация».

Перелом наступил на рубеже XX и XXI веков и был связан с образованием штатов Чхаттисгарх, Уттаркханд и Джаркханд. Пример соседей политизировал регион и придал движению за Теленгану четкие ориентиры и организованный характер. Его возглавила партия Теленгана раштра самити (Национальный комитет Теленганы), созданная в 2000 г. Основателем и бессменным председателем партии является бывший конгрессист и вице-спикер законодательного собрания Андхра-Прадеша К. Чандрашекхар Рао. На парламентских выборах 2004 и 2009 г.г. ТРС заявила о себе как о союзнике ИНК. Со своей стороны председатель ИНК Соня Ганди поддержала идею образования штата Теленгана. «Мы в принципе за создание сепаратного штата Теленгана. Но на этом пути есть ряд проблем, требующих внимательного подхода. Окончательное решение мы примем только заслушав мнение всех партий,» – подчеркнула она, выступая 1 марта 2009 г. на митинге в Хайдарабаде [Sunday Express, 01.03.2009].

На последних парламентских выборах в Андхра-Прадеше ИНК получил 33 места из 42, и Соня Ганди отложила вопрос о Теленгане на неопределенное время. Все попытки ТРС напомнить ей о ранее данном обещании и обратить внимание центра на проблемы региона закончились провалом, и 29 ноября 2009 г. Чандрашекхар Рао объявил голодовку до смерти. Решение Дели, обнародованное 9 декабря, вызвало в Теленгане бурю восторга. Кажется, все преграды устранены, и ничто более не может помешать появлению на карте 29-го штата. Но не тут-то было. Камнем преткновения на пути самоопределения Теленганы стал вопрос о статусе Хайдарабада.

Хайдарабад – яблоко раздора

Хайдарабад – пятый мегаполис страны по численности населения. В нем проживает 7,7 млн чел. Город основал в 1591 г. султан Голконды Мухаммад Кули Кутб-шах на берегу реки Муси. До

1948 г. он являлся столицей одноименного княжества и резиденцией его правителей низамов, вассалов британской короны. Благодаря добыче драгоценных камней Хайдарабад превратился в богатейшее государство Индостана. Он обладал собственной валютой, железными дорогами и марками.

В 1947 г. низам предоставил Пакистану заем в 200 млн рупий а взамен получил большую партию оружия, которое намеревался использовать против независимой Индии. 13 сентября 1948 г. индийские войска под командованием генерал-майора Дж. Чаудхари вступили в Хайдарабад. Операция «Поло» продолжалась 108 часов. Армия низама была разбита и потеряла 807 солдат, потери Индии составили 10 солдат. В начале 1949 г. низам подписал соглашение о вхождении княжества в Индийский Союз.

С 1950 по 1956 г. Хайдарабад был столицей одноименного штата, а после объединения с Андхрой стал столицей штата Андхра-Прадеш. Любопытно, что Андхра не имела своей столицы. Ее законодательное собрание размещалось в Мадрасе и было переведено в Хайдарабад только в 1956 г.

В Хайдарабаде действует 6 университетов и несколько крупных институтов – информационных технологий, медицинских исследований, иностранных языков, школа бизнеса. Город славится культурными традициями и достопримечательностями, среди которых – минареты Чар-Минар (1591), форт Голконда (XVI) музей Саларджанга и др. Его отличают космополитизм и многоязыковая палитра – телугу, урду, хинди, маратхи.

Хайдарабад считается второй «Силиконовой долиной» Индии после Бангалора. Объем годового экспорта его программного обеспечения превышает 1 млрд долл. США. Он один из немногих индийских городов, в котором крупные компании открывают свои офисы. Он также является центром фармацевтической промышленности. Неподалеку от Чар-Минара действует известный жемчужный рынок. Город дает в казну штата 51% всех налоговых сборов [Outlook, 28.12.2009].

Хайдарабад расположен в сердце Теленганы и в центре штата Андхра-Прадеш. Если он останется за Теленганой, то Андхра теряет сразу 6 университетов, киноиндустрию, главный аэропорт, кампусы ИТ компаний и фармацевтическую промышленность. В свою очередь Теленгана лишается доступа на побережье и к морским портам. По мнению большинства аналитиков, у Андхры нет и не может быть города, способного достойно заменить Хайдарабад в качестве административного центра. Вишакхапатнам – ему не конкурент.

Рассматриваются несколько вариантов решения проблемы Хайдарабада. Первый предполагает, что мегаполис останется в составе Теленганы. Второй исходит из того, что город поделят на две части, пропорциональные территориям Теленганы и Андхры. И наконец, третий вариант предусматривает, что город получит статус союзной территории и будет общей столицей Теленганы и Андхры, как Чандигарх для Пенджаба и Харьяны. Очевидно, что первый вариант в большей степени отвечает интересам Теленганы, второй – Андхры и третий является компромиссным. Из перечисленных вариантов для Андхры менее всего приемлем первый, для Теленганы – второй. Теоретически возможны и другие варианты, допустим, «мой аэропорт – ваши порты» или «мой город – ваши инвестиции», но для искушенных политиков подобные рассуждения представляются маловероятными.

Долгое время ТРС воздерживалась от высказываний по проблеме мегаполиса. Молчание неожиданно прервал сын председателя партии К.Т. Рама Рао. В ночь на 10 декабря 2009 г. он заявил, что Хайдарабад был столицей Теленганы 400 лет и останется таковой всегда [The Times of India, 10.12.2009]. Его заявлению, что роскошным дворцам политиков Андхры и их собственности в городе ничто не угрожает, никто не поверил.

Точку зрения ТДП, ведущей партии Андхры, озвучил ее председатель Н. Чандрабабу Найду. Он осудил односторонние претензии ТРС на Хайдарабад и в то же время подверг критике позицию руководства ИНК, которое, по его мнению, «форсирует события». В

законодательном собрании Андхра-Прадеша ТДП имеет 92 места из 294 и уступает только ИНК с 156 местами. Он напомнил, что 39 из 92 депутатов ТДП были выбраны от Теленганы, где ТРС получила всего 10 мест [The Times of India, 20.12.2009].

Опрос, проведенный среди жителей Хайдарабада 15–16 декабря 2009 г. популярным индийским журналом «Outlook», дал следующие результаты. На вопрос «Ваша первая реакция на известие о том, что Хайдарабад стал бы столицей Теленганы?» 50,1% респондентов ответили: «Ожидали этого», 34,3% – «Шокированы», 9,2% – «Подавлены», 6,4% отвергли самую идею. На вопрос «Должен ли Хайдарабад стать единой столицей Теленганы и Андхры, как Чандигарх?» 39,4% опрошенных заявили «Да», 41,6% – «Нет», 14,8% – «Может быть», 4,2% – «Не знаю, не могу сказать» [Outlook, 28.12.2009]. Стало быть, большинство хайдарабадцев все-таки не одобряет идею вхождения мегаполиса в новый штат. Его статус союзной территории безоговорочно поддерживают 40% опрошенных.

Чтобы разобраться в непростой ситуации, успокоить общественное мнение и найти разумный компромисс, Соня Ганди предложила создать в Дели партийную конференцию и пригласить по два представителя от каждой заинтересованной стороны. Встреча состоялась 5 января 2010 г. и закончилась безрезультатно. 20 января студенты Османского университета организовали на территории кампуса марш протеста, который перерос в столкновения с полицией. 30 студентов и 10 полицейских получили ранения.

В начале февраля 2010 г. правительство выступило с еще одной инициативой, объявив о создании комитета по Теленгане из 5 членов под председательством судьи Б.Н. Шрикришны. Он обещал провести широкий опрос всех групп населения Андхра-Прадеша и по его результатам подготовить отчет к 31 декабря 2010 г. ТРС назвала эту инициативу «предательством народа», ТДП в принципе ее поддержала [The Hindu, 13.02.2010]. Очевидно, что проблема Теленганы обременяет правительство и ему необходима передышка.

Закона о Теленгане все еще нет

Отчет комитета Б.Н. Шрикришны был обнародован 6 января 2011 г. в двух томах общим объемом 700 страниц. Рассмотрев шесть вариантов решения проблемы Теленганы, в том числе создание союзной территории Большой Хайдарабад с выходом к побережью за счет присоединения дистриктов Налгонда и Гунтур, комитет назвал единый штат Андхра-Прадеш «лучшим вариантом», удовлетворяющим «максимальное число людей». При этом он предложил учредить Региональный совет Теленганы и предоставить ему необходимые полномочия и фонды. Комитет пришел к спорному заключению, что в сравнении с побережьем штата и Раяласимой Теленгана представляет «более развитый регион», и поставил ее (без Хайдарабада) на 15-е место из 28 штатов Индии по объему ВВП и 13-е место по уровню дохода на душу населения [The Indian Express, 07.01.2011].

Студенты Османского университета отметили обнародование отчета новыми столкновениями с полицией. По территории Теленганы прокатились массовые акции протеста. Они проходили всю весну и все лето 2011 г. Кульминацией событий стала Сакула джанула самма (Всеобщая народная забастовка). Она началась 13 сентября и завершилась 18 октября. Забастовку возглавлял Политический комитет совместных действий за Теленгану, ведомый ТРС.

В период забастовки приостановили работу учебные заведения региона, большинство предприятий, учреждений и фирм, а также общественный транспорт. В Хайдарабад и другие города прекратилась поставка угля, и главный министр штата Н. Киран Кумар Редди срочно запросил помощь центра. Председатель ТРС К. Чандрашекхар Рао снова угрожал голодовкой до смерти. Член парламента от фракции ИНК К. Кешава Рао заявил, что, если Дели не примет решения до 30 сентября, все парламентарии от Теленганы сложат свои полномочия. Ситуация в Османском университете обострилась, и министр внутренних дел П. Чидамбарам дал по-

нять, что в Андхра-Прадеше может быть введено президентское правление.

18 октября 2011 г. лидер оппозиции Лал Кришна Адвани (БДП) призвал правящий ОПА вынести Закон об образовании штата Теленгана на рассмотрение зимней сессии парламента. Случаи суицида в Теленгане свидетельствуют о крайнем недовольстве молодежи отсрочкой в формировании штата. «Пути назад нет!» – подчеркнул он, выступая в городе Адилабаде [The Hindu, 19.10.2011].

Разукрупнение штатов отвечает интересам наксалитов. 6 января 2011 г. Чандрашекхар Рао принял их бывшего лидера Самбасивиду в штаб-квартире ТРС и вел с ним переговоры [Hindustan Times, 07.01.2011]. Правительство располагает информацией, что наксалиты участвовали во всеобщей народной забастовке и ведут агитацию в пользу Теленганы на территории Андхра-Прадеша. Активизация маоистов обостряет политическую ситуацию в штате и угрожает безопасности страны.

Тем не менее позиция ОПА и ИНК в вопросе о Теленгане не претерпела существенных изменений до настоящего времени. «Мы не можем найти согласованного подхода по Теленгане до тех пор пока неспокойно в других районах Андхра-Прадеша. Из огня да в полымя – не лучший способ решения национальной проблемы. Мы продолжаем работу и надеемся собрать участников переговоров за одним столом и прийти к решению, которое удовлетворит всех» – заявил премьер-министр Индии Манмохан Сингх [The Indian Express, 21.11.2011]. Складывается впечатление, что ИНК вовсе не прочь отложить рассмотрение Закона о Теленгане до следующих выборов и нового состава парламента.

Я улетаю из Хайдарабада в Колкату со смешанным чувством удовлетворения и беспокойства. Что будет с прекрасным городом и Теленганой, которой я откровенно сочувствовал? Впереди меня ожидала встреча с Гуркхалендом, претендующим, как и Теленгана, на звание штата. Там тоже кипели страсти, но накал событий был поменьше. Однако всеобщая забастовка, объявленная сторонниками Гуркхаленда, не позволила мне посетить этот горный район.

Гуркхаленд: мал золотник, да дорог

В отличие от Теленганы штат Гуркхаленд планируется преимущественно в границах одного дистрикта Дарджилинг. Он расположен на южных склонах Восточных Гималаев на высоте 2100–3600 м и входит в состав штата Западная Бенгалия. Территория дистрикта – 3149 км² (3,6% территории Западной Бенгалии), население – 1,8 млн чел. (2,0% населения Западной Бенгалии). Административный центр – город Дарджилинг, 136,6 тыс. чел.

Основа экономики дистрикта – производство чая, строевой лес и туризм. 86 плантаций дают в целом 24% индийского чая и 7% мирового. Уникальные аромат и вкус делают местный чай одним из наиболее дорогих сортов. Ежегодный суммарный объем продаж чая и строевого леса составляет 30 млрд рупий [India Today, 28.12.2009]. Вечнозеленые сосны, пурпурные рододендроны, магнолии и орхидеи разнообразных форм и оттенков покрывают горные склоны и создают захватывающую картину. Достопримечательности региона привлекают многочисленных гостей со всего мира.

В прежние времена Дарджилинг входил в состав Сиккима. В 1835 г. он был передан британской Ост-Индской компании за ее посреднические услуги в урегулировании сиккимо-непальского пограничного конфликта. Дарджилинг присоединили к Бенгалии, а в 1865 г. к дистрикту добавили часть территории Дуара, отторгнутой у Бутана. Знаковым событием в истории Дарджилинга стал 1902 г., когда здесь открыли пункт по набору гуркхов в британскую армию. Их вербовали из магаров, гурунгов, лимбу и других племен Центрального Непала. В 1908 г. в Индии насчитывалось 20 гуркхских батальонов, сведенных в 10 пехотных полков. Гуркхи храбро сражались в мировых и локальных войнах и зарекомендовали себя отличными солдатами. Кроме военной службы непальцы привлекались для работ на чайных плантациях. Они составляют 90% жителей горной части дистрикта и треть – долин, уступая бенгальцам, бихарцам и тибетцам. Всего в Дарджилинге насчитывается 778,5 тыс. говорящих на языке непали [Кар 2009: 37]. В 1992 г. непали был признан одним из 23 официальных языков Индии.

Идея создания штата Гуркхаленд была выдвинута в 2007 г. Б. Гурунгом, председателем партии Горкха джанмукта морча (Фронт освобождения гуркхского народа) – ГДМ. Но впервые о Гуркхаленде заговорил еще в середине 1980-х годов. С. Гхизинг, лидер Национального освободительного фронта гуркхов (НОФГ), учрежденного в 1986 г. Гхизинг ратовал за «административную автономию» Дарджилинга и формирование «гуркхского правительства». В ходе переговоров с Дели ему удалось добиться от центра ряда уступок, в числе которых самой существенной было учреждение Совета развития горных районов. Однако после нескольких громких коррупционных скандалов Гхизинг потерял доверие соратников и покинул Совет.

Б. Гурунг и ГДМ опираются на ветеранов гуркхских подразделений, служивших в индийской армии, и местную молодежь. В мае-июне 2008 г. они несколько раз перекрывали национальное шоссе №31, ведущее в Сикким. Это вызвало большой резонанс на северо-востоке Индии и привлекло к ГДМ внимание широких кругов общественности. Наряду с приданием Гуркхаленду статуса штата Гурунг требует включения в него города Силигури с населением 850 тыс. чел., из которых 100 тыс. этнических непальцев, и прилегающей полосы равнинной территории, покрытой джунглями (тераи).

11 декабря 2009 г. ГДМ объявил в Дарджилинге всеобщую забастовку. С 14 по 17 декабря дистрикт был полностью изолирован от внешнего мира. Одновременно в Колкате и Дели прошло несколько агитационных митингов в поддержку Гуркхаленда. Для ведения переговоров с индийским правительством в столицу прибыл Р. Гири, генеральный секретарь ГДМ. «Если может быть создана Теленгана, то почему отказывают Гуркхаленду? Мы призываем центр продвинуть этот процесс» – заявил он журналистам [Frontline, 19.12.2009–01.01.2010]. После переговоров с правительством 21 декабря ГДМ объявила о прекращении забастовки.

Показательно, что ведущие партии Индии, включая ИНК, БДП, КПИ(м) и региональные – ТК и Форвард блок, не одобряют создание штата Гуркхаленд. Это не помешало бывшему лидеру БДП

Джасвант Сингху в апреле 2009 г. баллотироваться в парламент от дистрикта Дарджилинг и победить при поддержке ГДМ с преимуществом в 253 тыс. голосов. По мнению осведомленных источников, в благодарность он обещал ГДМ лоббировать в парламенте идею Гуркхаленда [Гхош 2009: 12].

18 июля 2011 г. в истории борьбы за Гуркхаленд произошло событие исключительной важности. В этот день в Колкате замминистра внутренних дел Г.Д Гаутама и генсек ГДМ Р. Гири подписали соглашение об учреждении «Территориальной администрации Гуркхаленда» (ТАГ). Это стало возможным в результате переговоров представителей центрального правительства, ГДМ и главного министра Западной Бенгалии председателя ТК Маматы Банерджи, партия которой одержала убедительную победу на выборах в законодательное собрание штата в мае 2011 г. Переговоры были трудными, так как ГДМ настаивала на включении в название документа термина «штат» Гуркхаленд.

ТАГ предоставляет Дарджилингу, Дуару и тераям право контроля за школами, колледжами, дорожным транспортом и земельными угодьями, сбор некоторых налогов, в том числе с чайных плантаций, и назначение госслужащих категорий В, С и D. Стало быть, речь идет о наделении Гуркхаленда компетенциями штата, несмотря на заявления М. Банерджи, отрицающей факт раздела Западной Бенгалии.

Но вступление в силу ТАГ осложняет позиция племен (адиваси), требующих от правительства аналогичных уступок, что и гуркхи. Последние называют адиваси «народом 67», поскольку зарплата рабочих чайных плантаций, принадлежащих к местным племенам, составляет 67 рупий в день против 90 рупий у рабочих иной этнической принадлежности. Гуркхи обещают рабочим-адиваси увеличить зарплату до 97 рупий в день в будущем штате Гуркхаленд, а тем, кто поднимет флаг ГДМ над своей хижиной, выплачивать 30 рупий в день уже сегодня [The Indian Express, 13.09.2011]. Адиваси не соглашаются. Весной 2012 г. стороны были вынуждены вернуться за стол переговоров.

А еще в очереди

Вслед за Теленганой и Гуркхалендом о своих претензиях на статус штата заявили около 30 регионов и исторических областей. На настоящий момент вирус «штатомании» проявил себя в 12 из 28 индийских штатах. В наибольшей степени он поразил Мадхья-Прадеш (Виндхья-Прадеш, Гондвана, Риванчал) и Уттар-Прадеш (Пурванчал и Харит-Прадеш). В некоторых случаях сепаратистски настроенные регионы охватывают территорию двух и более сопредельных штатов – Бунделкханд (Мадхья-Прадеш и Уттар-Прадеш) и Бходжпур (Уттар-Прадеш, Бихар и Мадхья-Прадеш). Среди претендентов есть свои гиганты – Пурванчал (26 дистриктов) и Гондвана (26 дистриктов), и карлики – Кодагу (1 дистрикт). Одни уже имеют историю борьбы за самоопределение (Теленгана, Бодоленд, Гуркхаленд), другие пока пишут ее первые страницы (Харит-Прадеш, Бунделкханд, Риванчал).

Наиболее последовательно отстаивает идею создания малых штатов председатель БСП Майявати. В ноябре 2011 г. она выступила с инициативой раздела самого крупного штата страны Уттар-Прадеша с населением 199,6 млн чел. на четыре меньших штата. Это – Пасчим-Прадеш, он же Харит-Прадеш, запад Уттар-Прадеша, 17 дистриктов, 45 млн чел., крупные города – Мирут, Агра, Алигарх, Мурадабад; Авидх-Прадеш, центр Уттар-Прадеша, 21 дистрикт, 58 млн чел., крупные города – Лакхнау, Канпур, Барели; Бунделкханд, юг Уттар-Прадеш, 11 дистриктов, 17 млн чел., крупные города – Джханси, Банда, Лалитпур; Пурванчал, восток Уттар-Прадеша, 26 дистриктов, 80 млн чел., крупные города – Горакхпур, Варанаси, Аллахабад и Мирзапур [Hindustan Times, 16.11.2011]. Но ее предложение остается на бумаге, так как в феврале–марте 2012 г. БСП потерпела поражение на выборах в законодательное собрание Уттар-Прадеша, и Майявати покинула пост главного министра этого штата, который занимала в 1995–1997, 2002–2003 и 2007–2012 гг.

Вот некоторые претенденты, включая предложенных Майявати:

Видарбха – Восточная Махараштра, 11 дистриктов, 26,3 млн чел. Аграрный регион. Производит 20% хлопка Индии. С 2004 по

2011 г. здесь зарегистрированы 8 652 суицида фермеров, не сумевших расплатиться по кредитам [India Today, 07.11.2011]. Среди политиков, выступающих с идеей Видарбхи, немало членов БДП.

Бодоленд – Северный Ассам, 4 дистрикта, 3 млн чел. Входит в пояс племен. Основной источник дохода – сельское хозяйство, в том числе разведение крупного рогатого скота. Борьбу за суверенитет возглавляет Народный фронт Бодоленда, партнер ИНК на последних парламентских выборах. Среди студентов популярны Тигры освобождения бодо, которые с 1997 по 1999 г. вели вооруженную борьбу против центрального правительства.

Бунделкханд – 14 дистриктов (11 – Уттар-Прадеш и 3 – Мадхья-Прадеш), 30 млн чел. Отсталый аграрный регион. Эрозия почвы и частые засухи. Самый низкий процент орошаемых земель в Уттар-Прадеше и Мадхья-Прадеше. Отсутствует сколько-нибудь значительное промышленное производство за исключением цементного завода в Дамохе. Большой авторитет в регионе приобрел ИНК. Генеральный секретарь ИНК Рахул Ганди предложил серию проектов по созданию в Бунделкханде ирригационного и энергетического комплексов стоимостью 300 млн рупий [Hindustan Times, 15.09.2009].

Бходжпур – 23 дистрикта, 90 млн чел. Аграрный регион. Малоземелье и нищета крестьянства. Несколько сахарных заводов.

Гондвана – Центральный и Восточный Мадхья-Прадеш, 26 дистриктов, 26.5 млн чел. Главная отрасль экономики – добыча полезных ископаемых. Месторождения железа, марганца, бокситов, каменного угля, известняков. В районе Ревского плато у Панны добывают алмазы. Сохранились леса, но они малопродуктивны. Леса обеспечивают существование представителей племен и малых народов.

Пурванчал – Восточный Уттар-Прадеш, 26 дистриктов, 80 млн чел. Малая продуктивность сельского хозяйства. Низкий уровень промышленного производства и энергетических мощностей. Безработица и массовая миграция населения.

Махакошал – Северная Орисса, 10 дистриктов, 9,0 млн чел. Зона нищеты, засухи и торговли детьми. Сталелитейные и цементные заводы, угольные разрезы. Добыча железа, графита, огнеупорных глин, бокситов.

Саураштра – Западный Гуджарат, 7 дистриктов, 12,5 млн чел. Относительно благополучная область. Дает 52% сельскохозяйственной продукции штата – рис, пшеница, просяные – джовар и баджра, молочное животноводство. Развивается рыболовство и производство растительного масла. Побережье Саураштры обладает самым большим в стране числом средних и малых портов.

Кодагу – Южная Карнатака, 1 дистрикт, 600 тыс. чел. Расположен на склонах Западных Гат, известный производитель кофе.

Некоторые политологи трактуют «штатоманию» в Индии как результат безответственной деятельности узкой группы региональных политиков, которые в борьбе за власть и корпоративные интересы используют популистские лозунги и вводят в заблуждение людей, недовольных существующим положением. Эти авторы игнорируют положительный опыт Чхаттисгарха, Уттаркханда и Джаркханда и считают малые штаты нежизнеспособными.

Другие аналитики рассуждают о необходимости улучшения управлением регионами и целесообразности образования новых штатов. Они сравнивают Индию и США, где население свыше 300 млн чел. и функционируют 50 штатов и Федеральный округ Колумбия. В Индии 28 штатов, 6 союзных территорий, Национальная столичная территория Дели и 1209 млн чел. В то же время этих экспертов беспокоит то, что в случае удовлетворения требований регионов центральному правительству предстоят крупные затраты на создание новых административных центров, формирование новых органов законодательной и исполнительной власти на местах и изменение существующей топонимики. Например, даже России на карте значатся Санкт-Петербург и Ленинградская область, Екатеринбург и Свердловская область.

Большинство, к которому относит себя и автор настоящей статьи, считает, что «штатомания» имеет глубокие экономические, социальные и политические корни, является этапом в развитии

современного индийского федерализма и не несет угрозы единству страны. Несмотря на то, что центральное правительство контролирует события и стремится решать проблему путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон, поиск разумного компромисса время от времени осложняют региональные забастовки, голодовки и волнения студентов.

Библиография

Адираджу 2009 – Adiraju V.R. *Telangana. Saga of a Tragic Struggle*. Hyderabad: Navadaya Book House.

Бхушан 2009 – Bhushan M.B. (ed) *Telangana. A State of Affairs*. Hyderabad: Value Ventures.

Гхош 2009 – Ghosh A. Gorkhaland Redux // *Economic and Political Weekly*, vol. 44, no. 23.

Индия 2009 – *India 2009. A Reference Annual*. New Delhi: Publication Division.

Кар 2009 – Kar D.P. *Gorkhaland Movement. A Clandestine Invasion*. Siliguri: Janachetana.

Кашин, Плешова 2001 – Кашин В., Плешова М. Как в Индии появились новые штаты // *Азия и Африка сегодня*, № 7.

Конституция 1956 – *Конституция Индии*. М.: Издательство иностранной литературы.

Нехру 1998 – Nehru J. *Selected Works*. Vol. 24. New Delhi: Oxford University Press.

Рао 2009 – Rao C.H. Regional Disparities, Smaller States and Statehood for Telangana // *Mainstream*, March 6–12.

Федерализм 2000 – *Федерализм: теория и история развития*. М.: Юристъ.

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ШТАТА НАГАЛЕНД

1 декабря 1963 г. – дата образования первого «племенного» штата Индии, название которого Нагаленд – звучит диссонансом в ряду названий иных штатов ввиду английского «land», взятого не случайно, но с целью подчеркнуть тот факт, что большинство его населения – христиане. Нагаленд занимает площадь 16579 км², население – 1980602 человека, грамотность – 80,11%.⁸

Naга – общее название 16 племен (Angami, Ao, Chakhesang, Chang, Khamniungan, Konyak, Lotha, Phom, Pochury, Rengma, Sangtam, Sema, Yimchungr, Zeliang, Sumi, Kuki). Возможно, его происхождение связано с прилагательными «*nanga*» (хинди), «*nancta*» (бенгали), «*nagna*» (санскрит) – обнаженный [Элвин 1969: 47]. Действительно, обитатели гор Нага не обременяли себя одеждой, обходясь большим количеством украшений – бус, сережек, браслетов, замысловатых головных уборов. Некоторые исследователи относили это название к санскритскому *naga*, интерпретируя его как «змея» [там же]. Однако санскритское *naga* означает также «гора», «дерево» [Кочергина 1978: 311], следовательно, допустимо толкование этого названия как «человек гор» или «лесной житель». Сами обитатели Гор Нага идентифицируют себя по принадлежности к племени и деревне. Языки племен Нагаленда относятся к тибето-бирманской группе. Универсальный язык межкультурного общения – так называемый *нагамиз* – ломаный ассами, хотя официальный язык – английский. Самые крупные по численности племена: ао – 261387 человек; коньяк – 248109 человек, сема – 242000 человек⁹.

Деревни нага исторически представляли собой крепости, войны между племенами, и даже между отдельными деревнями, не

* Высшая школа экономики

⁸ http://censusindia.gov.in/2011-prov-results/paper2/data_files/nagaland/8-fig_naga-9.pdf 05.08.2012

⁹ Там же

прекращались до середины прошлого века. Головы врагов украшали деревья перед входом в деревню, помещались в «мужских клубах». Сегодня в деревнях можно видеть мемориальные камни, свидетельствующие о прекращении традиционной вражды между двумя деревнями с указанием конкретных дат. Охота за головами давно не ведется, однако эта охота с ее трофеями по-прежнему является основным мотивом прикладного искусства и фольклора. Охотник за головами как архетип – это «готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические представления» [Юнг 2012: 110] о том, что душа обитает в голове и часть мощной волшебной силы, присущей душе, достается тому, кто овладеет головой, совершив при этом соответствующие ритуалы, сводя тем самым на нет возможное негативное влияние (в частности, полагалось угостить отрубленную голову рисовым пивом).

Семья – патронимия – деревня – племя – социальная структура со временем практически не изменилась. Существуют советы отдельных племен и общий совет племен нага (*Naга Хохо*).

Статья 371А Конституции Индии (Special Provision with Respect to the State of Nagaland) – основание для сохранения традиционной системы землевладения и землепользования и применения обычного права.

Жители деревни традиционно делятся на патронимии – экзогамные группы семей, объединенных общим предком, называемые *кхел*. В каждой деревне существует совет (Village Council). Важную роль играют сельские старосты. Женщины не могут быть членами деревенского совета – они формируют свой женский совет. Однако в одной из деревень племени ангами под названием Кхонома, которую автору удалось посетить, в виде исключения, 2 незамужние девушки были введены в состав совета, следовательно, создан прецедент. Кхонома (которую упоминали многие исследователи XIX–XX вв., которую с боем при поддержке артиллерии взяли в 1850 г. британские военные [Хаттон 1969: 155]) позиционируется как образцовая «экологическая» деревня: около каждого дома – контейнер для мусора, который регулярно вывозится из деревни и сжигается волонтерами молодежного движе-

ния в защиту окружающей среды. В функции деревенского совета входит решение вопросов, связанных с выполнением общественных работ. Деревенский совет рассматривает дела о правонарушениях и принимает решение о наказании. Самым суровым наказанием (например, за убийство) является изгнание из деревни с конфискацией имущества. Воровство карается штрафом (например, в деревне Кхонома за кражу курицы полагается возмещение натурой в семикратном размере). Функции деревенских советов расширяются по инициативе сверху. В марте 2002 г. Законодательное собрание штата приняло закон о так называемой «комьюнитизации» государственных учреждений (Nagaland Communitisation of Public Institutions and Services Act), предусматривающий постепенную передачу объектов здравоохранения и начальных школ в ведение деревенского совета, с тем, чтобы именно совет распределял фонд заработной платы, осуществлял контроль за работой школьных учителей и среднего медицинского персонала, решал вопросы, связанные со строительством новых помещений, созданием инфраструктуры.

Наиболее архаична социальная структура племени коньяк, где сохранился институт наследственных вождей – *ангх*, которые составляют эндогамную группу. Фигура вождя сакральна. Он считается собственником всей земли. Его титул – *шаньо* – означает «тигр». Считается, что его душа – душа тигра. Если верить словам Лонгши из деревни Лонгва, то смерть от когтей тигра грозит тому, кто ослушается вождя. На полях вождя работают его подданные (представители от каждой семьи). Прерогатива вождя – иметь столько жен, сколько он пожелает. Но только одна из жен, которая считается главной, может родить законного наследника «трона». Дети вождя могут вступать в брак только с равными по статусу. По традиции, именно главная жена вождя наносила на лицо и грудь успешного охотника за головами особую татуировку. И в наши дни в деревнях племени коньяк можно встретить людей с такой татуировкой, которые с гордостью вспоминают былые подвиги.

Морунг – дом холостяков или мужской дом как символ и инструмент воспитания юношей в той или иной степени сохранился у

всех племен Нагаленда. Мальчики и юноши племени ангами, начиная с 12 лет, по-прежнему постоянно ночуют в таком доме холостяков. Обстановка здесь спартанская: общий деревянный настил и общий длинный деревянный брусок вместо подушки. Во время праздников приглашаются девушки, но им запрещено оставаться на ночь. Девушки воспитываются дома. Внутри *морунга* существуют возрастные группы с разницей в три года. Во время работы в поле и выполнения общественных работ «команды» формируются в соответствии с этими возрастными группами. Хотя каждая семья обрабатывает свой участок \ участки земли своими силами, такие «команды» молодежи оказывают помощь семьям своего *кхела*. В племени ао *морунг* скорее клуб, где молодежь собирается во время праздников, но мальчики и юноши не обязаны постоянно ночевать в доме холостяков. В течение всей жизни мужчина сохраняет принадлежность к своей возрастной группе *морунга*, в частности, при выполнении общих хозяйственных работ (ирригация, заготовка дров). В некоторых деревнях дом холостяков получил развитие как Центр овладения навыками для повышения качества жизни (Center for Learning Skills for Progressive Living). Методы обучения в таких центрах основаны на традициях племени. Основное внимание уделяется вопросам окружающей среды и улучшению методов земледелия.

89% земли (включая лесные угодья) в штате – частные владения (личная или общинная собственность). Основная часть населения занята в сельском хозяйстве. В соответствии с данными министерства сельского хозяйства Нагаленда, сельское население составляет 1635815 человек, количество крестьянских хозяйств 149171¹⁰. В основном практикуется подсечно-огневое земледелие (*джум*) с циклом 10 лет (возраст пожилых людей считается по количеству пройденных циклов). По способу обработки земли это мотыжное земледелие. Экологи в этой связи бьют тревогу по поводу обезлесения и истощения земли. Лишь племена ангами и чхакхенсанг привержены террасному выращиванию риса со своеобразной системой ирригации. Помимо риса, выращивают просо, маис, чече-

¹⁰ <http://nagalandagrisnet.com/>, 05.08. 2012

вицу, зернобобовые, масличные (рапс, подсолнечник), овощи, пряности. В последние десятилетия получило развитие выращивание пряностей. В 2012 г. был зарегистрирован бренд «Нага чили».

Специфика топографии является препятствием для создания крупных фермерских хозяйств. Обработка земли требует больших трудозатрат при низкой производительности труда и высокой себестоимости продукции. В последнее время быстро происходит так называемая феминизация сельскохозяйственного труда. Причины этого явления – недостаток земли и уход мужчин на заработки. При этом, хотя женский труд превалирует в сельскохозяйственном производстве, женщины в рамках обычного права лишены права собственности на землю, права на финансовые услуги, так как земля наследуется только по мужской линии, а в племени коньяк только старшими сыновьями. Женщины лишены права участия в коллективных акциях как члены сельскохозяйственного кооператива или коллектива пользователей водными ресурсами. Как в системах с централизованным управлением, так и в системах с децентрализованным управлением, женщины по существу лишены права голоса.

Правительство штата разработало схему под лозунгом «интенсификации *джума* и продления периода сбора урожая»¹¹. Эта схема предусматривает меры агролесомелиорации: высаживание быстрорастущих мультипрофильных растений на участках под паром, например, посадка дикого подсолнечника с целью повышения плодородности земли. Развитие коммерческой активности в области агролесомелиорации могло бы создать новые рабочие места, улучшить уровень жизни.

При террасном выращивании риса племена ангами и чхакхенсанг используют систему орошения, состоящую из сети каналов и бамбуковых трубок, с помощью которых вода из горных ручьев и небольших рек подается к террасам. Распределение воды осуществляется строго в соответствии с требованиями обычного права. Никто не имеет права создать новый ирригационный канал или

¹¹ Там же

осуществлять забор воды из системы по собственному усмотрению. Канал может являться собственностью одной семьи, ряда семей с компактным или разбросанным расположением участков. Все члены деревенской общины – мужчины, женщины, мальчики и девочки – участвуют в работах по поддержке и восстановлению такой ирригационной системы, если вода используется коллективно всеми членами этой общины. Лицо, которое не участвует в таких коллективных работах, не лишается права пользования водой, однако такое лицо обязано платить определенный штраф, исчисляемый по количеству пропущенных дней. Подготовка и прочистка каналов осуществляется в преддверии муссона. Место, начиная от которого вода из общих ирригационных каналов поступает непосредственно на террасы, засеянные рисом, называется *дзуки*. Это контрольная точка, от которой начинается отвод воды на индивидуальные участки, разделенные камнями или бамбуковыми трубками. Там, где невозможно создать ирригационные каналы, создаются *акведуки*. Дождевая вода собирается в искусственно вырытых водоемах. Когда вода подается на поля, женщины на своих участках собирают улиток, мелкую рыбешку и некоторые виды насекомых, которые идут в пищу.

Обезлесения не избежали даже заповедные территории на границе с Мьянмой (земли племени коньяк). Министерство сельского хозяйства Нагаленда пытается выработать план спасения леса при участии деревенских общин и индивидуальных собственников. Леса подразделяются на лес общинного владения, лес частного владения и лесопосадки. Естественный лес является коллективной собственностью общины, обеспечивающей хозяйственные нужды. Реки, холмы, скальные массивы служат естественной границей, традиционно отделяющей лесные владения разных деревенских общин. Лес частного владения или лесопосадки, как правило, расположены вблизи деревни и являются собственностью группы семей или отдельной семьи. Использование леса общинного владения контролируется советом, состоящим из старейшин каждого *кхела* (патронимии). Член деревенской общины вправе собирать в лесу общинного владения съедобные корни, лесные ягоды и фрукты, лечебные травы, дикие фрукты, сухостой

на дрова. Но если нужен лес для постройки, необходимо разрешение совета старейшин деревни или *кхела*. По завершении строительства приносится клятва в том, что лес не был продан на сторону с целью обогащения. Самовольная порубка деревьев квалифицируется как воровство и карается штрафом в семикратном размере от стоимости срубленного дерева. В рамках обычного права существуют гендерные ограничения в области утилизации и контроля над использованием лесных ресурсов. Только мужчины могут использовать как средство дохода бамбук, тростник, камень. Женщинам разрешается собирать в лесу съедобные корни, ягоды, лечебные травы, дрова.

Почва и климатические условия Нагаленда благоприятны для выращивания высококачественного чая. Чайные плантации являются хорошей альтернативой традиционному джуму. По данным министерства сельского хозяйства Нагаленда, 800 акров земли в округе Мон и 300 акров в округе Мококчунг заняты под чайные плантации, и производство с гектара на некоторых плантациях выше, чем в Ассаме¹². Однако в Нагаленде только одна чайная фабрика в округе Мококчунг, и ее работу обеспечивают поставки мелких производителей с плантаций соседних округов – Зингебото и Вокха. Основная масса чая отправляется на фабрики Ассамы, причем, закупочная цена поддерживается на низком уровне, что вызывает возмущение производителей. 21 марта 2012 г. Хакийе Кибамы, президент Ассоциации хозяев мелких чайных плантаций Нагаленда, выступая на презентации брошюры Конфедерации ассоциации мелких производителей чая, выразил беспокойство по поводу прекращения в 2005 г. субсидирования чайных плантаций Нагаленда Чайной палатой и подчеркнул необходимость государственной поддержки для создания новой чайной фабрики в Нагаленде и поддержки соответствующей инфраструктуры¹³. Делаются попытки расширить чайные плантации, чтобы довести объем производства чайного листа до такого уровня, чтобы стало рентабель-

¹² Там же

¹³ <http://www.nagalandpost.com/ChannelNews/State/StateNews.aspx?news=TkVXUzEwMDAxNTU2OA%3D%3D-gP5wV11ahdM%3D>, 06.08.2012

ным открыть чайную фабрику в форме государственного и частного партнерства (Private Public Partnership). Чайные питомники созданы в округах Мококчунг, Вокха, Димапур, Кохима.

21 апреля 2012 г. в Кохиме начались торжества по случаю платинового юбилея баптистской церкви Нагаленда. Торжества открыл главный министр штата Нефию Рио [The Morung Express, 22.04.2012]. Он напомнил, как 140 лет назад преподобный Е.В. Кларк вступил на землю Нагаленда «с миссией нести просвещение и идеалы христианства». Высокий уровень грамотности в Нагаленде – заслуга баптистской миссии. Христианизация племен проходила мирно и довольно быстро, первыми восприняли христианство ао и ангами. В Нагаленде самый высокий процент баптистов в мире.

75 лет назад, в 1937 г., был создан Совет баптистской церкви Нагаленда (Nagaland Baptist Church Council). Официальная статистика такова: 20 аффилированных ассоциаций, 1553 церкви, более 519 964 крещенных нага, в общей сложности 90% нага привержены баптистской церкви¹⁴. В Нагаленде также существуют католические приходы (первые католические миссионеры появились здесь в 1948 г.). Действует Церковь возрождения Христа. В больших деревнях можно видеть три храма: баптистский, католический и церкви возрождения Христа. В последние годы наблюдаются серьезные конфликты между баптистской и католической общинами. Например, в 2010 г. совет деревни Анатангре принял решение о запрещении строительства католического храма в деревне [Associated Baptist press, 27.06.2010]. В этой связи развернулась дискуссия в прессе. Представители баптистской общины обвиняют католиков в пропаганде прозелитизма, в том, что они подачками пытаются переманить прихожан в католическую общину.

Баптистская церковь принимает активное участие в политической жизни штата. В 2013 г. должны состояться выборы в законодательное собрание. Совет баптистской церкви начал кампанию «за чистые выборы» [The Times of India, 26.06.2012].

¹⁴ <http://www.nbcc.in/statistics.html>, 08.08.2012

Однако часть населения Нагаленда придерживается старых верований, в основе которых анимизм. В деревне Лонгкхум на территории племени ао, в лесу, сохранилось древнее святилище: огромное дерево и камень, окруженный рядом более мелких камней. Один из жителей этой христианской деревни стойко придерживается верований предков, регулярно совершая соответствующие ритуалы. У камня – «алтарь» со следами жертвоприношений (куриные головы, яичная скорлупа). Особую роль играет почитание предков. Могилы часто расположены рядом с жилыми домами, нередко прямо во дворе. У коньяк нага два вида захоронений: христианские с крестами и традиционные с деревянными фигурками усопших, перед которыми в течение месяца ежедневно оставляется еда и рисовое пиво. «Тип первобытного племенного колдуна, одна из самых древних ступеней в развитии понятия бога» [Юнг 2012: 143] – это *гамба* у коньяк нага, который по-прежнему играет в деревне важнейшую роль: к нему идут за советом и за помощью в случае недомогания. Английский антрополог Фюрер-Хаймендорф, занимавшийся полевыми исследованиями на территории племени коньяк в 1936–1937 гг., считал, что «для многих принятие христианства, о котором они имели смутное представление, было лишь переходом от одной системы табу к другой....Но если эти новые ритуалы не помогали, человек, разувверившись уже и в старой магии, оказывался где-то между двумя системами верований, не в силах отдать предпочтение одной из них» [Фюрер-Хаймендорф 1968: 56].

Быстрый рост населения и, соответственно, большое количество молодежи является одной из причин социальной напряженности. Многие молодые люди не хотят оставаться в деревне, но для них нет рабочих мест в городе. Сепаратисты используют недовольство молодежи, рекрутируя молодых людей в свои ряды. Идеология сепаратизма апеллирует такими понятиями как раса, религия, язык, этничность. Лидеры сепаратистов подчеркивают тот факт, что большинство нага – христиане.

Идея создания независимого христианского государства на территории Гор Нага принадлежит сэру Реджинальду Коупланду,

профессору колониальной истории Оксфордского университета, который прибыл в Индию в марте 1942 г. в составе миссии С. Криппса, призванной обеспечить Англии поддержку в войне со стороны политических лидеров Индии [Стрейси 1968: 60, 67]. Эту идею поддержали британские военные представители. Предлагалось создать административное подразделение, охватывающее территории, населенные племенами нага (включая территории Ассама, Манипура и Бирмы). Эта идея не нашла воплощения, но стала своего рода бомбой замедленного действия: одной из неразрешимых проблем региона являются притязания племен Нага-ленда относительно территорий соседних штатов, как то Манипур, Ассам, Аруначал-Прадеш, и даже территории соседней Мьянмы.

Исторически территория Гор Нага не входила в состав соседних государственных образований. Ни индуизм, ни буддизм соседней Мьянмы не получили здесь распространения. Хроники империи Ахом (XIII–XIV в.) упоминают сражения с воинственными горными племенами [Фюрер-Хаймендорф 1968: 30]. Нага платили дань слоновьими бивнями правителям Ахом, взамен получали небольшие земельные наделы в долинах Ассама [Стрейси 1968: 32]. Обмен товарами (ракушки-каури для украшений, металл для изготовления оружия) существовал веками, не затрагивая племенного строя, своеобразной культуры и племенных верований нага.

Попытка создания нового единого культа и объединения племен нага принадлежит человеку по имени Джадонанг [Стрейси 1968: 42–44]. Он родился на территории Манипура. Во время Первой мировой войны воевал в Месопотамии, где научился ряду фокусов. Вернувшись в родные горы, он объявил себя мессией. Джадонанг предлагал своим последователям выпить воды, которая «волшебным образом» сочилась из его боевого меча и таким образом приобщиться к новой религии, обещая всеобщее благоденствие. В 1931 г. он объявил о создании королевства нага. Два огромных питона, которых он держал у себя дома, должны были служить символами могущества. Свою юную сестру Гайдилиу Джадонанг сделал главной жрицей нового культа и потребовал принесения в жертву христиан. Последовали ритуальные убий-

ства. Джадонанг был арестован и повешен британской администрацией по приговору суда. Его дело продолжила Гайдилу, сторонники которой творили жестокие расправы над христианами. В 1932 г. восемнадцатилетняя Гайдилу была арестована и посажена в тюрьму. Ее история тронула Дж.Неру, который, выступая на митинге в Силчаре, назвал ее Нага Рани [там же]. После 1947 г. Гайдилу была выпущена на свободу и получила пенсию как политическая заключенная, однако не отказалась от участия в политике. Гайдилу снова призвала сторонников к уничтожению христиан и всего христианского. В конце 50-х – середине 60-х годов сторонники Гайдилу убивали христиан и сжигали христианские деревни [там же].

Первая экспедиция британских военных в Горы Нага под руководством капитана Фрэнсиса Дженкинса состоялась в 1832 г. В антологию «Нага в девятнадцатом веке», представленную в Элвине, включены отрывки из отчета об этой экспедиции [Элвин 1969: 114]. Горные племена сопротивлялись проникновению чужаков. Их деревни представляли собой крепости с массивными воротами и сторожевыми платформами. Тропинки усеяны были искусно замаскированными острыми колышками, протыкавшими ступню насквозь. Целью британских властей был общий политический контроль. К концу XIX в. британская администрация выделила так называемые «управляемые территории» и «неуправляемые территории» Гор Нага. Река Синьянг была естественной границей между этими территориями. Функции британского эmissара ограничивались сбором налога «на дом» и разрешением местных конфликтов. В 1890 г. британской администрацией была запрещена охота за головами, являвшаяся важной частью ритуальных практик.

В 1881 г. был создан Кохимский клуб (Kohima Club) для взаимодействия верхушки племен с британской администрацией. В 1929 г., когда работала комиссия Саймона, Ниху Ангами и еще 19 членов этого клуба подали меморандум об особом статусе племен нага, вследствие чего территории племен нага был пожалован статус «особого района», дистрикта Гор Нага. В 1945 г. Кохимский

клуб превратился в Совет дистрикта Гор Нага, который, в свою очередь, в 1946 г. был преобразован в Национальный совет нага (НСН) под руководством Запу Физо из племени ангами. Во время Второй мировой войны Физо вступил в Индийскую национальную армию, участвовавшую на стороне Японии в военных действиях в Бирме и на северо-востоке Индии, в частности, на территории Гор Нага. В 1947 г. Запу Физо выдвинул лозунг создания независимого христианского государства Нагаленд, включая районы Туенсанг (Аруначал-Прадеш) и Мао (Манипур). Физо рассчитывал, что племена Манипура и Аруначал-Прадеша придадут силу его движению. К нему присоединился Дайхо, лидер племен нага, проживающих в Манипуре. Во время разработки конституции Манипура Дайхо настаивал на праве горных племен выйти из состава государства через 5 лет.

В 1947 г. Запу Физо с группой сторонников прибыл в Дели, чтобы добиться независимости для племен нага. В этой связи губернатор Ассама А. Хайдари посетил Кохиму. В течение недели шли переговоры с НСН. Было достигнуто соглашение из 9 пунктов, гарантирующее уважение племенных законов и культуры нага. Соглашение предполагалось заключить на 10 лет с правом продления или пересмотра. Впоследствии НСН ссылался на этот пункт как на возможность выхода из Индийского Союза. Соглашение не было утверждено центральным правительством, вследствие чего нага бойкотировали конституционную комиссию, разрабатывавшую статьи об автономии горных районов, равно как и выборы 1952 г. Физо провел плебисцит и заявил, что 99% нага ратуют за отдельное государство. В течение 1947–1956 гг. Физо безуспешно пытался убедить Дж. Неру в необходимости предоставить независимость нага. В 1953 г. президент Индии Раджендра Прасад отказался принять депутацию совета племен Нагаленда. После этого началась кампания ненасильственного сопротивления. Физо выдвинул лозунг «Нагаленд принадлежит Христу».

Ненасильственное сопротивление перешло в вооруженную борьбу после того, как в 1956 г. Физо обвинили в соучастии в убийстве одного из его соратников по имени Сахрайе, который отказался от идеи создания отдельного государства нага, и был выдан

ордер на его арест. Физо некоторое время скрывался в Бирме, затем ему удалось перебраться в восточную часть Пакистана (теперь это Бангладеш), а оттуда в Лондон. В Лондоне Физо сформировал Федеральное правительство Нагаленда (ФПН). Была также создана «армия нага», призванная осуществлять террористические действия на территории Гор Нага. Запу Физо получил гражданство Великобритании и до своей смерти в 1990 г. проживал в Лондоне, нося почетный титул «великий вождь нага».

В 1964 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня и начались переговоры между ФПН и правительством Индии. ФПН требовало полной независимости. Переговоры были прерваны. Следующий раунд переговоров состоялся в 1975 г. в Шиллонге, в результате был подписан мирный договор. Против договора выступили Тхунгаленг Муйва и С.С. Кхапланг. В 1980 г. НСН раскололся. Была создана новая партия – Национальный социалистический совет Нагаленда (НССН). Исак Чишти Сву стал президентом новой партии, С.С. Кхапланг – вице-президентом, Тхунгаленг Муйва – генеральным секретарем. В 1988 г. партия НССН раскололась на две фракции: НССН-АйМ под руководством Муйва и НССН-К под руководством С.С. Кхапланга. Этнические различия лежат в основе постоянного раскола внутри движения сепаратистов. Муйва родился в Манипуре. С.С. Кхапланг из племени коньяк. В 2007 г. из НССН-АйМ вышла группа Азетто Чхофи, лидера группы сема нага, образовав НССН (Объединение). В 2011 г. раскололась партия НССН-К, образовав новую партию НССН (Кхоле-Китови). Появилась еще одна партия под названием Объединенный фронт Зелиангронга. По оценке Института оборонных исследований, постоянные стычки между боевиками различных партий создают угрозу возврата к эскалации насилия, которой характеризовались девяностые годы прошлого века¹⁵. Намерение партии Кхоле-Китови участвовать в переговорах с правительством Индии вызвало резкие протесты со стороны НССН-АйМ и НССН-К, в мае 2012 г.

¹⁵ Institute for Defense Studies and Analysis <http://www.idsa.in/idsacomments/MultipleRebelNagaArmiesinNagaland>, 12.08.2012

партия НССН-АйМ отказалась участвовать в очередном раунде переговоров в знак протеста против участия партии Кхоло-Китови, стремясь сохранить ведущую роль на переговорах¹⁶.

НССН-АйМ требует создания Великого Нагалима путем расширения территории Нагаленда до 120000 км² включая часть территории Манипура (округи Сенапати, Укхрул, Чандел, Таменглонг), 5 округов Ассасма (часть округа Сибсагар, Голахгат, Джорхат, Карби Англонг, Северные Горы Качарар) и 2 округа Аруначал-Прадеша (Тирап и Чанглонг).

Каждая оппозиционная партия имеет свои военизированные отряды, так называемые «армии нага», рекрутируя молодежь. В конце 2011 г. с их стороны был предъявлен ультиматум правительству штата. Основное требование: служащие всех департаментов, кроме полиции и районной администрации, должны внести в их пользу «налог на жалование» в размере 24% месячного жалования¹⁷. Данью облагаются не только государственные служащие и предприниматели, но и простое население. Министр внутренних дел штата Имконг Имчен заявил: «К сожалению, некоторые государственные служащие поддерживают военизированные группы сепаратистов», 15 сентября 2011 г. он отметил, что 528 человек были арестованы в период с 2008 по 2011 гг.¹⁸

Законодательное собрание Нагаленда приняло 4 резолюции (1964, 1970, 1994 и 2003 гг.) о необходимости интеграции районов, населенных племенами нага.

Нижеприведенная таблица иллюстрирует состав Законодательного собрания штата.

¹⁶ Там же

¹⁷ Nagaland Assessment – 2012 www.satp.org/.../india/.../nagaland/index.ht
11.08.2012

¹⁸ Там же

Результаты выборов в национальное собрание¹⁹

ПАРТИИ	ВЫБОРЫ 2003	ВЫБОРЫ 2008
Индийский национальный конгресс (ИНК)	21	23
Фронт народов Нагаленда (ФНН)	19	26
Индийская народная партия (ИНП)	7	2
ДРУГИЕ	14	9 (независимые – 7; индийский националистический конгресс – 2)
ВСЕГО МЕСТ	60	60

Главный министр штата Нагаленд Нефию Рио выступил с заявлением о завершении регистрации своей партии – фронт народов нагаленда – в штате Манипур с целью участия в выборах в законодательное собрание Манипура и защиты прав представителей племен нага, проживающих в Манипуре, и выразил намерение зарегистрировать свою партию в штате Аруначал-Прадеш для участия в выборах. Нэфию Рио также поддержал идею создания Великого Нагалима.

7–8 августа 2012 г. все 60 членов Законодательного собрания Наленда участвовали в переговорах с центральным правительством Индии в Дели. Состоявшийся накануне форум членов Законодательного собрания принял резолюцию о необходимости вовлечения групп непримиримой оппозиции в переговоры на высшем уровне с целью нормализации положения в штате и достижения консенсуса²⁰.

Социально-психологический архетип – племя-деревня-«кхел»/патронимия-семья – фактически не изменился. Сельская община, которая существует в рамках определенной территории, корен-

¹⁹ http://www.sarkaritel.com/states/mia_list.php?state=NL 12.08.2012

²⁰ <http://www.easternmirrornagaland.com/> 12.08.2012

ным образом отличается от того института, который в историографии именуется как «индийская сельская община»: все ее члены принадлежат к одному племени и основополагающий принцип здесь – равенство прав. В последнее время расширяются полномочия деревенских советов («комьюнитизация» начального образования и медицинского обслуживания).

Основа сельскохозяйственного производства – мотыжное земледелие, в основном, джум, являющийся частью социокультуры нага. В последнее время наблюдается феминизация сельскохозяйственного труда. Нововведения, такие как агролесомелиорация, нередко вызывают сопротивление населения, которое воспринимает их как посягательство на традиции и культуру племен.

Сохраняются традиционные социальные институты: деревенский совет, совет старейшин, сельские старосты. *Морунг* – дом холостяков – не только сохранился как инструмент социализации мальчиков, но и получил развитие как центр овладения навыками для повышения качества жизни.

Рост населения может привести к нехватке продовольствия и дальнейшему росту социальной напряженности. Стремление расширить границы штата за счет территорий Ассама, Манипура, Аруначал-Прадеша, Мьянмы выражает не только оппозиция, но и Законодательное собрание, и глава правительства штата, что вызывает бурную реакцию в соседних штатах.

Продолжается фрагментация непримиримой оппозиции, в основе которой лежат этнические разногласия. Обостряются конфликты между различными вооруженными формированиями.

Библиография

Кочергина 1978 – Кочергина В.А. *Санскритско-русский словарь* М.: Русский язык

Юнг 2012 – Юнг К.Г. *Психология бессознательного*. М.: АСТ

Элвин 1969 – Elwin Verrier *The Nagas in the Nineteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 1969.

Фюрер-Хаймендорф 1968 – Christofer von Furer-Hiemrendorf *Naked Nagas*. Calcutta: Thacker Spink & Co, 1968.

Хаттон 1969 – Hutton J.H. *The Angami Nagas*. Oxford: Oxford University Press, 1969.

Хаттон 1969а – Hutton J.H. *The Sema Nagas*. Oxford: Oxford University Press, 1969.

Миллс 1968 – Mills J.P. *The Ao Nagas*. Oxford: Oxford University Press, 1968.

Стрейси 1968 – Stracey P.D. *Nagaland Nightmare*. Bombay: Allied Publishers Private Limited, 1968.

ИНДИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ. ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

В современной Индии остро стоит вопрос о необходимости более широкого участия женщин в экономической и общественной жизни как главном условии их эмансипации и преодолении тенденции к уменьшению доли женщин в населении страны, что ведет к пагубным последствиям в обществе в целом. Решение этих проблем во многом связано с традиционными устоями, определяющими место и положение женщины в семье и обществе. В свою очередь, это зависит от множества иных факторов, таких как религиозное, кастовое и этническое разделение общества. В конечном счете, это выражается в сохранении норм, правил и обычаев, уходящих корнями в далекое прошлое, а также традиционного менталитета женщин и, тем более, мужчин, веками возвращенного патриархальным индийским обществом.

Несмотря на 65 лет независимого развития Индии, принятие целого ряда законов, направленных на освобождение женщин, в реальной действительности они по-прежнему остаются одной из самых уязвимых частей общества. Это по существу касается представительниц всех религий – индуизма, ислама, христианства, сикхизма и других вероисповеданий.

В настоящей статье рассматривается преимущественно положение индусок в общине, насчитывающей более 80% населения страны. При этом следует принимать во внимание, что в течение многих веков индусская община оказывала большое влияние на остальные общины, что сказалось и на положении женщин в них.

В Индии одним из наиболее ярких свидетельств неравноправного положения женщин является сложившееся в стране соотношение полов. В абсолютных цифрах в 2011 г. мужчин было на 38 млн больше, чем женщин (соответственно 624 млн и 586 млн).

* Институт востоковедения РАН

«Пропавшие» женщины

Индия по показателю соотношения полов занимает уникальное место в мире среди больших государств. Только в Китае в результате проведения в последние десятилетия государственной политики, направленной на то, чтобы в семье был лишь один ребенок, число женщин заметно снизилось.

Естественно задать вопрос – почему и как это произошло в Индии, куда «пропали» миллионы женщин? Не случайно в научном обиходе появилось понятие «пропавшие женщины». Как отмечалось в проведенном ЮНИСЕФ исследовании, «Южная Азия – это единственный регион, нарушающий глобальную биологическую норму, с 94 женщинами на каждые 100 мужчин, что значит 74 млн «просто отсутствующих» или «пропавших женщин». В одной только Индии по данным ЮНИСЕФ, эта цифра равна «20–50 млн девочек, «пропавших» с 1901 г.» [Гангули 1998, 2011: 5].

С начала XX в. соотношение мужчин и женщин в населении Индии постоянно менялось не в пользу последних. Так, по переписи 1901 г. этот показатель составлял 972 женщин на 1000 мужчин, а в 2011 г. – 940 женщин.

По штатам картина соотношения полов выглядела весьма неоднородной. Единственным штатом, где число женщин превышает число мужчин, является Керала (1084 женщин на 1000 мужчин). Это можно во многом объяснить сохранением остатков матриархальной культуры. Еще в трех южных штатах: Тамилнаду, Андхра-Прадеше и Карнатаке наблюдается относительное равновесие между полами.

Из всех остальных крупных штатов наихудшее соотношение полов было в Харьяне (877 на 1000), затем в Джамму и Кашмире, Пенджабе, Уттар-Прадеше, Бихаре, Гуджарате, Махараштре и Раджастане [Перепись населения 2011]. Характерно, что в этой группе были как относительно развитые и богатые штаты (Харьяна, Пенджаб, Махараштра), так и наиболее отсталые и бедные (Уттар-Прадеш, Бихар и Раджастан). Это означало, что экономические факторы не являются единственными и решающими в вопросах,

связанных с подчиненным положением женщин, которые в концентрированной форме выражаются в соотношении полов.

Еще более драматичная картина наблюдается в группе детей до шести лет. За десять лет с 2001 г. по 2011 г. в целом по стране в этой группе произошло снижение соотношения полов не в пользу девочек (с 927 до 914 на 1000 мальчиков). Из 28 штатов только в 6с число девочек по отношению к числу мальчиков выросло. Во всех остальных это соотношение изменилось не в пользу девочек. Особенно значительно сократилась доля девочек этого возраста в Уттар-Прадеше, Раджастане и Мадхья-Прадеше [Там же].

Однако в этот перечень попал и штат Махараштра: в 2001 г. там было 913 девочек на 1000 мальчиков в возрасте до шести лет, а через 10 лет это соотношение составило 883 девочки на 1000 мальчиков, что привело к нарушению естественного баланса в соотношении полов [Там же]. В чем же причина этого? Внешнее проявление и объяснение этого явления выявилось в дистрикте Сатара, где в 2011 г. была проведена публичная церемония, на которой 285 девочек, носивших имя «Никоши» (на маратхи означает «Нежеланная»), получили новые имена. В этом дистрикте соотношение числа девочек к числу мальчиков было равно 881 к 1000.

По традиции, родители, у которых уже были дочери, при рождении очередной, давали ей имя «Никоши» в надежде, что следующим ребенком будет мальчик. Когда дистриктовая администрация обнаружила огромное число девочек с этим уничижительным именем, стало понятно, что в дистрикте действует порочная практика, в соответствии с которой девочки с самого рождения считались нежеланными и ненужными. Администрация решила эту проблему своеобразным образом. Она организовала собрание, где девочки сами выбирали себе имена, а представители властей вручали им соответствующие документы. Примечательно, что девочки называли себя именами голливудских актрис, женщин-космонавтов, политических деятелей и реже индусских богинь [Бйатнал 2012]. Понятно, что это мероприятие имело сугубо пропагандистский характер, но не затрагивало главных причин негативного отношения в обществе и семье к девочкам и женщинам.

Как и многие другие современные проблемы индийского общества, проблема такого отношения к женщинам уходит в глубь веков и связана с иерархической кастовой системой. Еще в конце XVIII в. британские колониальные власти обнаружили, что в Северной и Западной Индии некоторые высокие касты практиковали женский инфантицид (убийство младенцев женского пола). Среди них были *раджпуты, джаты, ахиры, гуджары, кхутри, моял-брахманы, леви патидары и кунби*. Это были землевладельческие касты, господствовавшие в сельской местности. Процесс экономического расслоения среди них приводил к внутрикастовой социальной стратификации, что не могло не отразиться на брачных отношениях. Для поддержания своего социального статуса или его повышения, зажиточные семьи старались выдать дочерей в другие богатые семьи. Обязательная выплата приданого при выдаче дочери замуж сочеталась со статусной обязанностью искать подходящего жениха в узком кругу элитарных семей в рамках своей же касты. А невест для сыновей они брали из себе равных или даже нижестоящих семей внутри своей касты. При этом был расчет на получение богатого приданого.

В касте гуджаратских раджпутов самая зажиточная и немногочисленная группа семей – *джадеджа* была вынуждена вести поиск женихов для своих дочерей среди крайне ограниченного числа молодых людей, которых катастрофически не хватало. Это приводило к умерщвлению множества новорожденных девочек. В официальном отчете за 1817 г. сообщалось, что в одной из деревень с 400 хозяйствами *джадеджа*, не было ни одной девочки.

По данным переписи 1872 г., в дистрикте Кайра (Гуджарат) обнаружилось, что в касте *лева канби* соотношение девочек и мальчиков в возрасте до 12 лет было равно 73 к 100, а в 12 деревнях, населенных более высокими по касте аристократическими *лева патидарами*, – от 39 до 53 девочек к 100 мальчикам. Приблизительно такое же соотношение между девочками и мальчиками в более низких и более высоких кастах было подтверждено впоследствии. По переписи населения 1911 г. в семи деревнях близ Бароды в Бомбейском президентстве, где проживали высокока-

стовые *патида*ры, на 1000 мальчиков до 12 лет приходилось 717 девочек того же возраста, в то время как во всех других кастах их было 813. Последующие переписи населения показали, что *раджпуты*, *джаты*, *ахиры* и *гуджары*, практиковали женский инфантицид. В соответствии с кастовой переписью 1931 г. число женщин на 1000 мужчин среди *раджпутов* составляло 868, среди *джатов* – 805.

В борьбе с женским инфантицидом колониальные власти заключали с главами высоких каст (такими, как *раджкумар раджпуты* и *джадеджа*) соглашения, в которых были ссылки на авторитетные религиозные тексты. Так, в одном из таких соглашений (1789 г.) отмечалось, что «убийство зародыша является таким же преступлением, как убийство брахмана, а за убийство женщины наказанием будет *нарак* (ад), в котором преступник проведет столько лет, сколько волос на теле женщины, и что впоследствии он родится вновь в облики прокаженного...» В другом подобном же соглашении (1808 г.) объявлялось, что «убийство детей является ужасным грехом, таким же преступлением, как убийство брахмана... А убийство женщины – грех, подобный убийству ста брахманов. Умерщвление одного ребенка является таким же преступлением против божественных законов, как убийство ста женщин». Как отмечает индийский ученый Л.С.Вишванатх, такого рода соглашения не оказали большого влияния на увеличение числа женщин в этих регионах и кастах [Вишванатх 1998].

В колониальный период, несмотря на принятый в 1870 г. Закон о запрете женского инфантицида, практика умерщвления новорожденной девочки была довольно широко распространена в Панджабе, Гуджарате, Раджастане и на территории нынешнего штата Уттар-Прадеш [Дубе 1983]. Под давлением экономических обстоятельств и социальных условий она продолжилась в независимой Индии и существует до наших дней. Избавление от нежеланной новорожденной девочки происходит не только в сельской местности, но и в городах, и даже в мегаполисах.

Традиция и программы ограничения рождаемости

С начала 1960-х годов в Индии стали активно популяризировать добровольную стерилизацию женщин. А во время чрезвычайного положения (1975–1977 гг.) широко внедрялась практика насильственной стерилизации, затронувшая главным образом мужчин [ПРООН]. Для пропаганды стерилизации в штатах привлекали учителей, многие из них были замужние женщины и даже вдовы. Они испытывали затруднения, когда их заставляли уговаривать мужчин согласиться на операцию, известную как васектомия. В некоторых штатах задерживали выплату зарплат учителям, если они не сумели выполнить определенную им квоту стерилизованных [Джай-акар 1992].

После отмены чрезвычайного положения добровольная стерилизация мужчин почти не проводилась [Исследование 2006]. Из 2 млн стерилизованных в 2010–2011 г., мужчин и женщин, на первых приходилось всего 4,2%. В среднем по стране на 10 тыс. семейных пар было 315 случаев стерилизации, главным образом женщин [Рай 2012].

Как показала дальнейшая практика, главная ответственность за ограничение рождаемости по-прежнему лежала на женщине. С принятием Закона о медицинском прерывании беременности (The Medical Termination of Pregnancy Act, 1972), который фактически легализовал аборт, он стал одним из основных средств контроля за рождаемостью.

К началу 1980-х годов появилась новая технология – амниоцентез, с помощью которой можно было внутриутробно диагностировать пол плода на ранних стадиях беременности. Доступность современных медицинских технологий по определению пола эмбриона привела к распространению аборт, которые стали использоваться для избавления от женских эмбрионов. Проведенные исследования показали, что, несмотря на принятие ряда законов, запрещающих дородовое определение пола младенца, 98% аборт, были сделаны после тестов, обнаруживших именно женский пол эмбриона.

В 1994 г. в Индии был принят Закон о регулировании и недопущении злоупотреблений преднатальной диагностической техникой [Pre-conception and Pre-natal Diagnostic Techniques (Prohibition of Sex Selection) Act, 1994]. Речь шла о тесте для раннего определения пола плода, которым пользовались многие семьи, желавшие предотвратить рождение девочки. Этот закон был изменен в 2003 г. В нем были учтены новые технические достижения в этой области, устранены имевшиеся в первом законе лазейки и ужесточены наказания за его нарушение. В дополнение к этому с 2004 г. индийское правительство стало финансово поощрять рождение девочек. Однако несмотря на все эти меры, остановить процесс избавления от женских эмбрионов не удавалось [Раджалакшми 2012].

Передвижные установки для проведения тестов добирались до самых отдаленных уголков страны и занимались несанкционированным ультразвуковым тестированием для определения пола эмбриона. Более того, шла скрытая и открытая реклама, призывавшая граждан «выкладывать сейчас 500 рупий для проведения теста, чем 10 тыс. рупий через 20 лет (на приданое дочери. – Е.Ю.)» [Frontline. 09–22.06.2001]. В Варанаси (штат Уттар-Прадеш) на дверях одной из клиник висел яркий плакат со словами «Свобода за 250 рупий!». Таких клиник по преднатальному определению пола в этом штате было огромное количество. Защищенные местной мафией, эти клиники предлагали родителям избавиться от женского плода вплоть до пятого месяца беременности. Цена возрастала по мере увеличения срока – на первом месяце беременности стоимость аборта обходилась в 250 рупий, на пятом – в 950 рупий [Сетхи 2007].

В 2006 г. британский медицинский журнал писал, что ежегодно в Индии проводится до 500 тыс. подобных операций, в результате чего за последние два десятилетия родилось на 10% меньше девочек. В индийской прессе сообщалось, что только в одном штате Уттар-Прадеш ежегодно абортировали около 100 тыс. женских зародышей [The Telegraph 13.12.1999; The Hindustan Times. 22.02.2004]. За десятилетие (1991–2001) аборт по ликвидации женского плода

привели к сокращению числа родившихся девочек на тысячу мальчиков с 945 до 927 [The Associated Press, 15.07.2007].

В северных и северо-западных районах страны новобрачную благословляли словами: «Стань матерью сотни сыновей!». Там до сих пор жива поговорка, смысл которой состоит в следующем: «Глупец тот, кто теряет сына; счастлив тот, кто теряет дочь». Есть разные региональные варианты этой поговорки, но суть ее не меняется. Некоторые женщины говорят, что «лучше умереть или быть убитой в утробе матери, чем быть сожженной в доме свекрови из-за приданого» [Сангари 2012].

В древней Индии в соответствии с «Законами Ману» (II в. до н.э.– II в.), муж мог прогнать жену, если она рожала только девочек. И сегодня женщину, у которой рождаются одни дочери, могут подвергать разным видам издевательств: социальному бойкоту, изгнанию из дома, угрозам развода. Такую женщину часто избивают и даже убивают [Сивараман 2001; Сангари 2012].

Если раньше родная семья дочери фактически распоряжалась ею как собственностью, держала ее под своим неусыпным контролем вплоть до выдачи замуж по сговору, то с появлением практики уничтожения женского эмбриона, уже семья мужа решала за нее вопрос о рождении только мальчиков и любыми средствами добивалась проведения теста для определения пола эмбриона, а в случае обнаружения женского зародыша – обязательного аборта. Когда появляется на свет нежеланная девочка, считается, что виновата мать. Нередко женщину понуждают к аборту также ее родители и даже члены ее касты. Если в прошлом умерщвление новорожденной девочки оставляло чувство вины у тех, кто был причастен к этому, то в условиях использования новых технологий это чувство, если и не исчезло, то притупилось и даже подменилось некоторым облегчением у родственников женщины [Сангари 2012]. Сама женщина полностью потеряла власть над своим собственным телом и превратилась в своего рода простое орудие рождения мальчиков. Социальный антрополог Лила Дубе в этой связи писала о новой форме насилия и контроля над женщиной, утверждающей патриархальные привилегии [Дубе 1983].

Распространение такой нормы, как малая семья, может привести к дальнейшему сокращению рождения девочек. В Индии вплоть до конца XX в. обсуждалось предложение ввести для семей норму из двух детей, чтобы ограничить рост населения страны. В качестве наказаний за превышение этой нормы назывались следующие: отказ в получении продовольственных карточек, в зачислении третьего ребенка в государственную школу, исключение зарегистрированных каст и племен из программ помощи, недопущение к приему на государственную работу, отказ в праве работать на выборной должности и т.п. И хотя в центре подобная программа не была принята, в таких штатах, как Харьяна, Панджаб, Уттар-Прадеш, Раджастан и Мадхья-Прадеш стали насильно вводить разные ограничения для семей с числом детей более двух [Рао 2002; Вальдман 2003]. В Гуджарате, Ориссе, Махараштре и Раджастане принятые некоторыми панчаятами и муниципалитетами постановления вводили норму из двух детей и по существу легализовали традиционное предпочтение сына [Сингх 2012].

Индийская медицинская ассоциация, Национальная комиссия по делам женщин и ЮНИСЕФ в сентябре 2001 г. создали Национальную конвенцию религиозных лидеров в Дели, на которой было принято решение вести борьбу с практикой уничтожения женского эмбриона. Как заявили организаторы мероприятия, их главной целью было привлечь на свою сторону религиозных лидеров, пользующихся влиянием в своих общинах [Tehelka. 02.08.2001].

Одновременно были предприняты шаги по выяснению причин усилившегося негативного отношения к рождению девочек. В результате проведенных исследований выяснилось, что практика отказа от девочек началась в городах, а затем постепенно перешла в деревни. Первопричиной послужили крупные изменения в аграрной сфере, особенно среди фермеров, разбогатевших в ходе зеленой революции.

Некоторые индийские ученые считают, что экономическое процветание является одним из самых значительных факторов в ухудшении соотношения полов. В основе этого лежит проблема

собственности, на которую раньше могли претендовать только мужчины.

Закон о порядке наследования индусов (The Hindu Succession Act, 1956) наделил дочь правом наследования недвижимой собственности наравне с сыном. Но в том же законе сохранялось оставшееся от старых времен положение о неразделенном (или совместном) наследстве, признанное во всей Индии, кроме Бенгалии и Ассама. В соответствии с ним женщине не была положена доля в таком совместном наследовании. В Северной Индии продолжали руководствоваться этим положением, компенсируя долю женщины приданым при вступлении в брак.

Принятая поправка к Закону о порядке наследования индусов [The Hindu Succession (Amendment) Act, 2005] утвердила дочь в праве на равную с сыном долю в неразделенном наследстве. Теперь дочь с самого рождения получала те же права в неразделенной собственности, что и сын. Таким образом, было законодательно упразднено древнее правило о том, что дочь не имеет права на наследство [Кант 2006: 112]. Но в реальной жизни изменить существующую практику наследования было очень нелегко. Противодействие этому и другим новым законам приводит к жестоким столкновениям в деревне, связанным с землей.

Теперь крупные землевладельческие семьи пытаются найти способы не выделять для дочери в виде наследства часть земли, полагающейся ей на основе закона от 2005 г. В Тамилнаду, например, среди зажиточных землевладельческих семей распространилась практика избавления от девочек. В Панджабе некоторые землевладельцы стремятся ограничить потомство одним сыном, чтобы впоследствии не делить собственность. Таким образом, собственность является одной из главных причин избавления от девочек, по крайней мере, среди имущих групп [Кумар 2012; Чоудхри 2012].

Практика уничтожения женских эмбрионов в наиболее обеспеченных семьях постепенно распространилась и на менее состоятельные социальные слои. Она не только успела внедриться в семьи, принадлежащие к разным религиям, но стала также расши-

ряться ее география. Даже в таких штатах, как Ассам и Манипур, и таких матрилинейных группах, как наиры в Керале, где в прошлом такое явление почти полностью отсутствовало, теперь тоже избавляются от женских зародышей [Сангари 2012]. В отличие от богатых семей, в бедных семьях главной причиной массового избавления от девочек стало широкое распространение обычая приданого, которое они не в состоянии осилить. В стране более 450 млн человек находятся за гранью нищеты, то есть имеют доход менее 1,25 доллара в день [Айар 2008; Датт, Равальон 2010]. Для таких людей дочь – это огромное бремя, в то время как сын – это дополнительные рабочие руки и надежда вырваться из бесконечного круга бедности.

Некоторые индийские исследователи полагают, что сегодня явное предпочтение сыну отдают семьи из нижнего слоя среднего класса. Они используют сына как социальный лифт для семьи. Однако зрелый средний класс в этом уже не нуждается. Женское образование, распространение современных идей, политика государства по продвижению женщин в обществе и, наконец, понимание того, что дочь больше чем сын будет заботиться о родителях в старости, – все это приводит к отказу от практики предпочтения сына. По мере роста благосостояния народа и увеличения численности среднего класса, отношение общества к дочери должно радикально измениться [The Economist, 31.12.2011.].

Однако главный вопрос состоит в том, когда это произойдет. Учитывая общую социально-экономическую ситуацию в Индии, видимо, это будет возможным не в столь близком будущем. Пока что продолжающаяся дискриминация женщин в разных ее формах, включая практику уничтожения женских эмбрионов, оказывает пагубное воздействие на соотношение полов и состояние общества в целом [The Economist 20.08.2011].

Традиционные представления о роли женщины в семье и касте

В конце XX – начале XXI в. в Индии сложились условия для более полного использования женщинами полученных по закону прав наравне с мужчинами. Всемирный банк определил это тер-

мином "empowerment", то есть «расширением свободы выбора и действия, что означает расширение прав и контроля над ресурсами и принятием решений, которые затрагивают жизнь женщин» [Нараян-Паркер 2002: 11].

За годы развития страны значительные группы женщин существенно продвинулись в таких сферах, как образование, занятость и автономность в семье и обществе. Однако это пока не коснулось огромной части женщин, особенно из бедных слоев.

Сохранению гендерного²¹ неравенства до сих пор способствуют традиционные представления о роли и назначении женщин в семье, касте и общине. Они меняются очень медленно, особенно среди сельских жителей, составляющих более двух третей населения страны. Зависимое и подчиненное положение женщин продолжает во многом оставаться фактом реальной жизни семьи и общества. Круг обязанностей и забот большинства женщин по-прежнему во многом ограничен преимущественно рамками семьи и домашнего хозяйства. Они так и не смогли вырваться из плена косных традиций.

В среде малограмотных и непросвещенных семей кастовые и религиозные ограничения до сих пор обладают большой силой и служат психологическим тормозом на пути раскрепощения женщин и их вовлечения в экономическую и общественную жизнь.

Индуизм четко определил предназначение женщины, ее место в семье, касте и общине. Отработанный до деталей механизм подчинения женщины мужчине постепенно создавался по мере складывания индуизма и кастового строя. Женщинам отводилось

²¹ Понятие «гендер» обнимает целый набор характеристик, определяющих социальное поведение женщин и мужчин во взаимоотношениях друг с другом. «Гендер» относится не просто к женщинам или мужчинам, а к их взаимодействию, к способу социального конструирования этих отношений. Понятие «гендер» применяется при описании социальных процессов, в то время как термин «пол» (англ. sex) характеризует биологические различия между мужчинами и женщинами [США Канада. Экономика, политика, культура. М., 2001, №3, с. 29].

самое низкое место в социальной иерархии. Причем, чем выше была каста по ритуальному статусу, тем большим ограничениям были подвержены женщины, тем отчетливее проявлялось в ней неравенство полов – «гендерная асимметрия».

Положение женщины ухудшалось по мере того, как утверждался патриархальный кастовый строй. Чем строже контролировалось ее поведение, тем больше ограничивались ее права; чем сильнее она закабалялась мужчиной, превращаясь в рабу его желаний, в «простое орудие деторождения» и затворницу, тем больше ритуальной чистоты (и престижа) приобретала семья и каста.

Кодекс поведения для женщин из высших каст, созданный индуизмом, стал впоследствии эталоном, которому старались следовать касты более низкого ритуального статуса.

Главным в кастовой системе является выделение или отделение касты от других каст при помощи правил, которые определяют брак и контакты этой касты с иными кастами и социальными группами. Именно это сохраняет и поддерживает идентичность любой касты, иерархию, порядок и ранг каст, в соответствии с их статусом, и взаимозависимость каст с учетом разделения труда [Дубе 2003:223]. Принципы, лежащие в основе касты, определяли специфическую суть асимметрии полов в индусском обществе. Границы касты и иерархии каст были очерчены посредством взаимоотношения полов. При этом высокое положение касты подтверждалось также степенью контроля мужчин над женщинами. Сами по себе касты взаимодействовали преимущественно через кланы²², основанные на семейном родстве.

Правила поведения каст и их взаимодействия с другими статусными группами, основанными на рождении в них, напрямую связаны с семьей. Именно на семью возлагается ответственность за их соблюдение или нарушение. В последнем случае каста может наказать и даже бойкотировать семью нарушителя, если сама се-

²² Клан – это постоянная группа родственников по мужской линии, происходящих от одного предка, часто мифического.

мья не исправит ситуацию, в том числе и при помощи самых жестких и даже жестоких мер.

Каста функционирует через составляющие ее семейные единицы или более крупные семейно-родственные объединения. Именно через них осуществляется контроль над материальными ресурсами, включая землю. Это имеет критически важное значение для гендерных отношений, поскольку в семьях и кланах существует четкое различие в правах мужчин и женщин. В этой связи эндогамия (правило заключения брака в пределах касты) обладает потенциалом роста статуса семьи при помощи установления соответствующей брачной связи. С другой стороны, эндогамия может также сузить брачный выбор для семьи невесты и поставить ее в трудное социальное и материальное положение [Там же: 224]. И в этом отношении брак в индусском обществе придается исключительно большое значение.

Каста имеет критическое значение для взаимосвязей между полами. По сути, именно социальная и гендерная составляющие в кастовой системе создали внутрикастовые и внекастовые различия и неравноправие, а также различия в статусе. Брахманское жречество через морально-этический императив религии поддерживало воспроизводство кастового строя в череде веков и поколений, поскольку видело в нем эффективный механизм власти и консервации неравенства [Успенская 2012: 19].

Кастовая система во многом основана на фундаментальном различии в сексуальном поведении мужчин и женщин, в закреплённом религиозными установлениями неравенстве между мужчиной и женщиной.

В традиционном строе иерархические отношения между кастами и между мужчинами и женщинами выражались в ритуальной концепции, известной как «чистота и осквернение». Эта концепция была выстроена таким образом, чтобы держать в подчинении наиболее слабые слои общества – женщин и неприкасаемых. По словам индийского социолога Андре Бетеля, эта концепция была «самой непреодолимой идиомой, придуманной челове-

ской изощенностью, чтобы сохранять непоколебимость социальной иерархии» [Батей 2001].

В индийском обществе существовало устойчивое представление, что женщина не может иметь такую же ритуальную чистоту, как мужчина. И это применимо ко всем кастам. Менструация и роды давали основание думать, что женщина является менее чистой, чем мужчина. Именно поэтому женщины из высоких каст были приравнены по своему положению к шудрам (работникам ручного труда). Их исключили из церемонии инициации, и они лишились возможности читать веды на санскрите и участвовать в религиозных жертвоприношениях. Еще одним источником ритуального осквернения для женщины было вдовство. Вдове возбранялось проводить религиозный обряд (*пуджа*) перед семейными богами или готовить «чистую» еду для этих богов. В то же время вдовец не был подвержен таким ограничениям. Считалось, что по уровню ритуальной чистоты высокие касты превосходят низкие.

Предполагалось, что в высоких кастах ритуальная чистота мужчин по сравнению с женщинами из тех же каст была значительно более высокой, чем у низших каст, где разница в ритуальной чистоте между мужчинами и женщинами была существенно меньшей. Это объяснялось тем, что низкокастовые женщины были носителями двойного осквернения. Во-первых – это осквернение в силу того, что они женщины. И, во-вторых, потому что они, также как мужчины из низших каст, занимались кастово закрепленными за ними «оскверняющими» видами работ. Поэтому в этих кастах гендерные различия были менее значимыми, чем в высших кастах. Можно сказать, чем выше ритуальный ранг касты, тем больше гендерный разрыв в дихотомии «чистый–нечистый». По этой логике самые «чистые» – это мужчины-брахманы.

Принципиально разные последствия для мужчины и женщины имело осквернение в результате половой связи. Только мужчине из более высокой касты можно было жениться на девушке из более низкой касты. Блюстители традиции утверждали, что более высокое «семя может упасть на более низкое поле, но более низ-

кое семя не может упасть на высокое поле²³». Это означало, что половая связь женщины с мужчиной из более низкой касты, чем ее собственная, настолько сильно оскверняет, что ее могли исключить из касты, а ее семью подвергнуть остракизму. А если у нее родился ребенок, его считали «неприкасаемым».

Разное культурное восприятие индусами различий между сексуальностью мужчин и женщин концентрируется в проблеме продолжения рода. Брак и сексуальные отношения представляют центральный элемент в касте, который решающим образом влияет на жизнь женщины. В кастовой системе принадлежность к касте исключительно и неизменно определяется рождением. Среди индусов, как правило, действует принцип патрилинейности. Отсюда идентичность отца играет решающую роль, к какой касте будет принадлежать ребенок. Роль женщины в патрилинейном кастовом обществе строго ограничена [Дубе 1997: 10-12].

Сегодня браки по сговору по-прежнему остаются преобладающей нормой семейно-брачных отношений. Большинство даже образованных женщин продолжают полагаться на заключение брака по договоренности. Доминирующая в индийском обществе нравственность, пишет социолог Прем Чоудхри, не предполагает эмоционального и эротического удовлетворения в браке и относится к любви и сексуальности с недоверием и подозрением [Чоудхри 2007: 1-2].

Сексуальность является одним из факторов, побуждающих людей к совместному проживанию. Это движущая сила сближения и объединения людей, одна из основных составляющих семейной жизни. Формирование сексуальности происходит под влиянием условий существования человека, его социального окружения. Некоторые характеристики сексуальности заложены генетически, другие формируются в процессе социализации. Приведенное определение сексуальности мало применимо к индусской брачной практике, которая формировалась на протяжении нескольких тысячелетий и получила свое выражение в сохраняющейся до се-

²³ Считалось, что мужчина – это семя, а женщина – поле.

годняшнего дня кастовой системе с ее правилами и исключениями из них.

В индийском браке продолжение рода и долг всегда были более значимыми, нежели сексуальное удовлетворение. В «Законах Ману» сказано, что только низшие касты женятся для сексуального удовольствия. В ряде районов Индии брак по любви осуждается как «свадьба в джунглях». Общиной такой брак не признается законным. Он воспринимается как сексуальная связь без учета общественной морали и правил. Более того, считается, что для мужчины брак по любви демонстрирует слабость характера, отсутствие мужественности, зависимость от женщины. Такой брак порицается, поскольку он нарушает семейные отношения и ведет к развалу большой нераздельной семьи. Он также свидетельствует о слабости власти старших мужчин и женщин в семье над сыном и, соответственно, над невесткой. Это, в свою очередь, наносит удар по семейной иерархии и нарушает сложившееся соотношение «властных полномочий» как в семье, так и в касте и общине. Поэтому браки, выходящие за рамки общепризнанных норм, рассматриваются как угроза существованию семьи, касты и общины.

В организованных браках, где нередко между супругами нет любви, главное – это рождение сына. Оно означает признание жены и определенное уважение со стороны большой семьи мужа. Женщина, которую в родном доме с детства готовили к уходу в чужую семью и нередко воспринимали как обузу, только после рождения сына впервые испытывала радость любви и прилив положительных эмоций. Она отдавала ему всю свою неисчерпанную любовь. Впоследствии это нередко приводило к тому, что после женитьбы сына по сговору оказывалось, что он любит свою мать больше, чем жену.

Брак по сговору, без любви и взаимного влечения касается и молодых мужчин, которых, также как девушек, женят по выбору родителей. Вот один из примеров. В 1971 г. мне довелось посетить одну из психиатрических больниц в панджабском городе Патиала вместе с невропатологом из Московского Государственного научно-исследовательского института психиатрии профессором

Ю.С. Николаевым. Местные врачи попросили его проконсультировать четырех женатых молодых людей, чтобы определить причину их психического заболевания. Двое из них жаловались на невозможность примириться с браком, в который они вступили по настоянию родителей, и на появившиеся в результате сексуальные проблемы. Выслушав их, наш невропатолог предложил устранить главную причину психического расстройства – неудачный брак. На что местные врачи ответили, что об этом вряд ли можно сказать их родителям, поскольку они считают, что подобная реакция – это нормальное явление, и что со временем все наладится.

Проблема организованного родителями брака не по любви остается одной из наиболее сложных в психологическом, эмоциональном и социальном плане. Это присуще разным странам и разным культурам. И не только Индии, но, в прошлом, и России и многих других стран. В этой связи вспомним А.С.Пушкина. Татьяна Ларина обращается к няне: «Расскажи мне, няня, / Про ваши старые года: / Была ты влюблена тогда?» / – И полно, Таня! В эти лета / Мы не слыхали про любовь; / А то бы согнала со света / Меня покойница свекровь. – / «Да как же ты венчалась, няня?» / – Так, видно, бог велел. Мой Ваня / Моложе был меня, мой свет, / А было мне тринадцать лет. / Недели две ходила сваха / К моей родне, и наконец / Благословил меня отец. / Я горько плакала со страха, / Мне с плачем косу расплели, / Да с пеньем в церковь повели. / И вот ввели в семью чужую...» [Пушкин 1978: 55].

Думается, что сопоставление положения женщин в России и Индии вполне оправдано, несмотря на многие различия, а также несовпадения по времени. Русская литература XIX в., оказавшая огромное влияние на формирование общественной мысли, уделила большое внимание теме женщины. Ее подневольному, униженному положению в браке, семье и обществе, ее стремлению к нравственной, духовной и экономической самостоятельности.

Как и в Индии, оковы крепостнических, рабских традиций цепко держали русскую женщину в их плену. Н.А.Некрасов писал о горькой судьбе женщины на Руси: «Три тяжкие доли имела судьба, / И первая доля: с рабом повенчаться, / Вторая – быть матерью

сына раба, / А третья – до гроба рабу покоряться, / И все эти грозные доли легли / На женщину русской земли. / Века протекали – все к счастью стремилось, / Все в мире по несколько раз изменилось, / Одну только бог изменить забывал / Суровую долю крестьянки» [Некрасов 1982: 79].

Но еще до Некрасова этой темы коснулся Н.В.Гоголь в «Мертвых душах», где прямо говорится, что в крепостническом обществе женщина не считается даже «мертвой душой». А Ф.М.Достоевский в романах «Бедные люди» (1847 г.) и «Неточка Незванова» (1849 г.) выразил свое горячее сочувствие обездоленным людям, и в первую очередь женщинам. В его дальнейшем творчестве он не раз возвращался к теме женщины – униженной и поработенной условиями жестокого быта и всей социальной среды.

Та же нравственная нота прозвучала в творчестве А.Н. Островского – в драме «Гроза» (1859 г.), где единственным «лучом света в темном царстве» была Катерина, затем в пьесе «Бесприданница» (1878 г.), в которой жестокий купеческий мир растоптал душу ее героини Ларисы.

Судьба женщины не обошла и творчество Л.Н.Толстого – от Анны Карениной до Катюши Масловой в романах «Анна Каренина» и «Воскресение».

Характерно, что Махатма Ганди уделял огромное внимание вопросам духовного, социального и политического раскрепощения индийских женщин. Он писал, что если под силой подразумевается нравственная сила, то женщина неизмеримо выше мужчины.

Межкастовый брак – путь к ликвидации касты

Большую поддержку современной молодежи в ее стремлении следовать новой практике бракосочетания на основе законодательных актов оказывает Верховный суд Индии. В одном из своих определений в связи с разбирательством дела о межкастовом браке судья этого суда подчеркнул, что «женщина может выйти замуж по своему выбору. Закон о браке индусов не препятствует межкастовым бракам». Он также заявил: «Кастовая система является проклятием нашей нации, и чем раньше она будет ликвидирована».

рована, тем лучше. Эта система разделяет нацию в то время, когда мы должны быть едиными перед лицом имеющихся вызовов. Межкастовые браки отвечают национальным интересам, поскольку они приведут к разрушению кастовой системы» [The Hindu 08.07.2006].

Ничто другое не сможет упразднить касту, полагал Б.Р.Амбедкар²⁴. Только слияние крови может создать чувство родства, и до тех пор, пока это чувство родства не станет самым важным, создаваемое кастой разъединяющее чувство, что вы чужие, не исчезнет [Амбедкар 1979, I: 67]. Не случайно, что, работая над унификацией индусского частного права и ставя своей целью упразднение кастовой системы, он предложил в 1947 г. включить межкастовый брак в Закон об индусском браке, который был принят лишь в 1955 г. Однако само по себе даже принятие таких законов, при всей их значимости, не могло радикально изменить ситуацию в веками сложившейся системе семейно-брачных отношений. Реальное осуществление этих законов наталкивалось на мощное сопротивление консервативных сил, которое и поныне черпает силу в вековых традициях, освятивших приниженное положение женщин.

Индийский опыт показывает, что чем активнее размываются традиционные социально-экономические отношения, тем упорнее становится сопротивление традиционалистов. Они выступают против подлинного равноправия женщин, в том числе против межкастовых браков, подрывающих основы кастового разделения общества, которое продолжает оказывать большое влияние на общественную жизнь в стране.

Демократизация и новые экономические возможности для женщин привели к изменениям в общественной жизни и затронули традиционные институты. Новые веяния бросают вызов кастовому устройству и связанным с ним обычаям и нормам, в том чис-

²⁴ Б.Р.Амбедкар (1890–1956), выходец из семьи далитов, министр юстиции первого правительства Дж.Неру, председатель комиссии по подготовке Конституции Индии.

ле брачным отношениям. Часть молодежи, главным образом из среднего класса, своим поведением нарушает сексуальные коды и табу, отвергает требования статуса семьи и касты, экзогамию деревни, а с ними и представления о чести и порядочности семейно-клановых касты. Эти вызовы проявляются в разных формах, в том числе в побегах юношей и девушек из семей в другие края, где они регистрируют свой брак в соответствии с гражданским кодексом или на основе Закона о признании брака, принятого «Арья саммадж» (Arya Marriage Validation Act, 1937). Но и после этого на них обрушивается гнев и прямое насилие их родственников.

Практика показывает, что жертвами такого насилия чаще становятся женщины. Нарушение ими кастовых норм и морали, семейных и кастовых правил вызывает негативную реакцию в патриархальной среде. Попытка со стороны девушки самостоятельно избрать себе жениха рассматривается как нарушение традиционных правил приличия и чести.

В обществе действует еще немало групп и организаций, в том числе кастовых панчаятов, которые заинтересованы в поддержке старых норм общественных отношений, особенно семейно-брачных. Последние рассматриваются этими панчаятами как сердцевина всей иерархической кастовой системы. «Правильно» заключенный брак является самым крепким бастионом касты. Именно такой брак в пределах своей касты обеспечивает сохранение и возрождение кастовой исключительности, увековечивает традиционные ценности общины. Поэтому любая угроза нарушить их вызывает протест со стороны такой общины [Каур 2010]. Тем не менее, число браков по любви возрастает. Одновременно растет и насилие над их участниками.

Некоторые индийские социологи объясняют сопротивление межкастовым бракам лишь различиями между ритуальными уровнями кастовых групп, а также уникальными чертами, свойственными членам одной и той же касты. Среди них – особенности религиозных ритуалов, диеты, одежды и т.п. Вместе с тем есть и такие исследования, в которых, наоборот, подчеркивается, что между кастами существует больше общего, чем различного. Что

чаще встречаются значительные вариации в обычаях в самой касте, а не между ними. Кроме того, в некоторых кастах многие уже отошли от традиционного кастового занятия. В этнографическом исследовании «Народы Индии» (1985–1992), охватившем 3581 деревню и 1011 городов в разных штатах и союзных территориях Индии, отмечается, что различиям между кастами подчас придается большее значение, чем тому общему, что объединяет их [Сингх 1992: 71-101].

Важным фактором, оказывающим воздействие на неприятие межкастовых браков, стало растущее влияние касты в политике. Большое значение имеет доступ каст к ресурсам, а также властные взаимоотношения между кастовыми группами. Как писал М.Н.Сринивас, с начала XX в. некоторые касты меняли свои обычаи, ритуалы и даже названия. Более того, родственные подкасты, имевшие одно происхождение, начали объединяться, чтобы сформировать более крупную кастовую группу интересов, с целью создания для нее лучших условий в борьбе за ресурсы. Этот процесс, особенно заметный в Северной Индии, ускорился после достижения страной независимости [Сринивас 1997: XXII].

Введение Конституцией Индии всеобщего избирательного права привело к вовлечению касты в политический процесс. Мобилизация поддержки избирателей на выборах стала во многом происходить на кастовой основе. Поэтому в ходе избирательной кампании касты получали дополнительную возможность подчеркивать свою идентичность. Этому же способствовало освещение выборов в СМИ, особенно по ТВ, а в последнее время и в Интернете [Гупта 2005; Батей 2012].

Региональные партии стали опираться на более многочисленные средние и низкие касты, которые претендуют на экономическую и политическую власть. Мелкие касты соперничают между собой за влияние. Поэтому им важно сохранять свою идентичность [Гупта 2005]. Отсюда и ужесточение требований к браку. Растущее значение кастовой идентификации в общественно-политической жизни ведет к усилению некоторых кастовых традиций, в том числе в вопросах семейно-брачных отношений.

Поскольку брак является инструментом сохранения кастовых отличий и идентичности, межкастовые браки представляют собой прямой вызов этой традиции. Они разрушают статус-кво как в социальных, так и экономических отношениях между кастами и подрывают традиционное положение в сложившейся социальной иерархии. В результате каста может расколоться, распасться на более мелкие группы, оказаться изолированной и лишенной широкого внутрикастового и межкастового общения. Солидарность касты служит определенной гарантией поддержки ее членов при найме на работу, получении образования, налаживании контактов и связей, как в рамках самой касты, так и за ее пределами.

Поэтому заключение межкастового брака, как правило, вызывает отпор со стороны кастовых лидеров. Реже бывает социальный бойкот кастовой общины. Это очень суровая мера, которая может коснуться как членов семей жениха и невесты, осмелившихся на такой брак, так и других родственников, если они не предпримут меры для его предотвращения. В ряде случаев насилие и смерть «провинившихся» считаются более предпочтительными, чем примирение с таким браком.

Количество межкастовых браков пока еще невелико, но даже отдельные случаи вызывают недовольство и неприятие в кастовом обществе. Такие браки наблюдаются в основном среди городских жителей, которые живут вдали от своих деревенских родственников. Они пренебрегают мнением кастовой общины, которая не может осуществлять действенный контроль за их поведением. Но деревенские члены их семей ощущают на себе традиционное неприятие таких браков, и часто вынуждены осуждать их. В противном случае их может ожидать общественное порицание и наказание вплоть до изгнания из касты.

В особенно жестокой форме ведется борьба против заключения браков между далитами и представителями высоких каст в Северной Индии. И это несмотря на то, что государство поощряет подобные браки и выдает денежное вознаграждение тем супругам, где один из партнеров далит. Такие браки рассматриваются

высокими кастами не только как нарушение традиции, но и как попытка далитов подняться в социальной иерархии.

Бракосочетание далита и девушки из «чистой» касты до сих пор осуждается, несмотря на то, что некоторые далиты сумели повысить свой экономический и культурный уровень благодаря системе резервирования для них мест в государственных учебных заведениях и на службе. По решению кастового панчаята их наказывают и, в ряде случаев даже убивают. Так же болезненно воспринимается брак между индуской и мусульманином. И в том, и в другом случае консервативное общество рассматривает это как нарушение устоявшихся норм и традиций, как позор для семьи и кастовой общины.

В неприятии межкастовых браков во многих случаях просматривается открытый или завуалированный экономический фактор. Прежде всего, это связано с защитой права собственности. Особенно в деревне, где раздел земли между разными кастами в случае межкастовых браков вносит напряжение как в семьях, так и в обществе.

Опыт межкастовых браков последних десятилетий показывает, что традиционные нормы бракосочетания нередко корректируются в пользу экономических факторов. Все чаще наблюдаются примеры, когда в случае межкастового брака более зажиточные семьи, независимо от кастовой принадлежности, меньше подвержены преследованию со стороны традиционных кастовых панчаятов. Имущественное положение женщины играет в межкастовом браке определяющую роль. И тогда традиционный ритуальный статус уступает новому, более значимому, – экономическому.

Брак по любви

Межкастовые, а также межрелигиозные и межэтнические браки – это, как правило, браки по любви. Они чаще встречаются в крупных городах таких штатов, как Махараштра и Тамилнаду, где в 1920–1930 гг. проходили крупные антибрахманские движения. Эти движения способствовали изменению в обществе отношений между кастами в пользу более низких из них. В независимой Ин-

дии это нашло отражение и в браках между представителями высших и низших каст.

В 1983 г. на встрече в Бомбейском университете с представителями далитской общественности, исследователями и журналистами мне рассказали о 500 зарегистрированных в Бомбее браках между брахманками из обедневших семей и далитами. Позже, в 1989 г. одна из образованных незамужних брахманок, родители которой не могли обеспечить достойное для ее касты приданое, сказала мне, что многие из ее бомбейских подруг –также брахманок, находившихся в подобном же положении, предпочли выйти замуж за далитов, у которых было высшее образование и хорошая работа. И то, и другое они получили по системе государственных квот. Дети в таких браках принимают касту отца и таким образом попадают в списки зарегистрированных каст. Это рассматривается как преимущество, ибо за этими кастами закреплены, в соответствии с их долей в населении, места в высших учебных заведениях и на государственной службе.

Не случайно Мадрасская ассоциация брахманов (штат Тамилнаду) приняла резолюцию, которая разрешала девушкам из брахманских семей выходить замуж за далитов, если те получили хорошее образование и занимали высокие посты. Все это свидетельствовало о постепенном изменении понятий кастового статуса и более прагматичном подходе к вопросам брака и семьи.

Это особенно касается женщин, получивших профессиональное образование. Они все больше и активнее участвуют в процессах, связанных с развитием образования, науки, средств массовой информации, современных технологий. Среди выпускников колледжей и институтов немало молодых женщин. Многие из них приехали из разных концов Индии и жили в общежитиях, отрывались от семьи и ее привычного бдительного окружения. На работе в некоторых компаниях, особенно информационных, их социальная жизнь определяется коллегами не только в рабочие дни, но нередко и в выходные. Свое свободное время они также проводят вместе. Это создает условия, когда молодые люди сами решают,

как им строить отношения друг с другом, в том числе и заключать браки по любви.

К этому новому стилю поведения можно отнести и распространение так называемого свободного брака, особенно среди университетской молодежи. Это вызвано, в первую очередь, условиями проживания или совместной работы молодых людей и представляет собой своеобразный вызов патриархальной традиции. Многие объясняют это желанием девушек сохранять свою независимость и быть свободными от мужского шовинизма и традиционных семейных отношений.

Если устройство традиционного брака всегда было обязанностью и ответственностью родителей, то в условиях, когда девушки и юноши получают достаточно высокую заработную плату, брак по любви не вызывает больших возражений их родственников. Хотя молодые люди все еще должны получать одобрение со стороны обеих семей, а нередко даже каст. Решающую роль начинает играть принадлежность не к касте, а к новой, в том числе профессиональной общности. Так постепенно создается новый кодекс поведения, новый набор правил [Баас 2007].

Перемены в общественной жизни, принятие законов, признающих право на межкастовые браки, развод, вторичное замужество вдов, а также развитие института гражданского брака, открыли возможности браков за пределами касты и по решению самих брачащихся.

Борьба против старых норм семейно-брачных отношений проходит на фоне значительных изменений в социально-экономической и политической жизни, которые способствуют утверждению новых взглядов на традицию. Особенно заметны эти изменения в богатом штате Харьяна. Там за последние 25 лет число девушек, обучающихся в колледжах, увеличилось в четыре раза, а число школьниц, окончивших 12-летнюю среднюю школу, – в пять раз. В то же время число юношей – выпускников средней школы даже не удвоилось. В некоторых дистриктах штата насчитывалось больше студенток, чем студентов [Outlook, 12.06.2010]. Эти изменения в обществе ведут к обострению конфликтов между теми,

кто придерживается традиционных взглядов, и образованной частью молодежи. Определенную раздвоенность испытывают и их родители. С одной стороны, они стремятся дать образование дочери, чтобы лучше выдать ее замуж, но они же одновременно по традиции противятся бракам по любви, число которых, тем не менее, неуклонно растет.

Поскольку традиционное общество не принимает подобные браки, пара, намеревающаяся заключить такой брак, как правило, убегает из деревни. Государство в лице полиции приступает к их поиску. Она занимается возвращением девушки в ее семью или к опекуну и таким образом расстраивает брак, несмотря на прогрессивные законы и поощрение государством межкастовых браков. Бежавшая девушка бросает тень на честь семьи. По традиции, клеймо бесчестия и позора можно искупить только путем ее наказания, в том числе убийства.

В таком случае община одобряет действие отца или брата девушки, которые контролируют ее поведение, выходящее за рамки правил, когда она самоутверждается, проявляя независимость.

Некоторые касты особенно жестко настаивают на соблюдении традиций. Так, джаты, которые считаются самыми высокими кастами в социально-экономическом отношении в Харьяне и западной части Уттар-Прадеша, выступают категорически против любых смешанных браков. Они не признают новое законодательство и при поддержке кастовых панчаятов добиваются соблюдения традиционных брачных правил. Например, в мае 2002 г. в самом центре деревне Шимли, штат Харьяна, где проживает 30% джатов, были заживо сожжены девушка из семьи джатов и юноша из низкой касты за то, что вступили в «порочную» связь. Никто не выступил в качестве свидетеля. Молчание людей свидетельствовало об их принятии насилия в качестве справедливого наказания за «греховный» проступок. Фактически применение насилия считается более почетным, чем защита нарушивших обычаи, поскольку оно поддерживает «нравственность» и восстанавливает социальный престиж семьи.

Некоторые сторонники традиционной морали считают, что если низкокастовый мужчина вовлечен в сексуальную связь с женщиной из более высокой касты, то он должен быть убит. Ту же участь может разделить женщина, независимо от ее касты, не только в Харьяне, но и по всей Индии, где ежегодно убивают тысячи молодых женщин ради чести семьи и касты [Чоудхри 2007: 195-196].

Тем не менее, несмотря на жесткое сопротивление традиционалистов, в семейно-брачных отношениях происходят изменения [Дубе 1997: 21]. Современные браки нередко ведут к появлению новых спорных, нетрадиционных идей о ранге и равенстве между кастовыми группами, что вызывается растущей дифференциацией власти, богатства и статуса внутри каждой касты и между ними. В свою очередь, это способствует переоценке статуса различных кланов и разрушению прежней внутренней устойчивой и взаимосвязанной структуры внутри кастовых групп.

Все это подводит нас к вопросу о существовании и будущем касты, которая определяет зависимое положение женщины.

Конституция Индии предоставила всем гражданам равные права перед законом, но не отменила и не могла отменить кастовую систему. Об этом свидетельствует проведенная впервые в независимой Индии в 2011 г. кастовая перепись населения. Сегодня можно вполне определенно сказать, что в современной Индии каста и связанные с ней традиции существуют в разных их проявлениях и формах. Каста продолжает оставаться в глубинах сознания большинства индусов. Патриархальные обычаи и привычки иерархического общества также не исчезли из реальной жизни.

Индийские социологи подчеркивают, что современная городская каста заметно отличается от деревенской. В городской касте существует внутреннее разделение на более и менее обеспеченные семьи. Связь касты с ее традиционным занятием сильно ослаблена. В городе, по существу, перестала действовать система профессионального разделения труда, а идея чистоты и осквернения в известной степени утратила свое значение [Сринивас 1997: XXIII]. Каста как иерархическая система намного ослабла не только

в городе, но и в деревне. Однако любые экономические и политические движения, например, фермеров, обычно «контролируются» мужчинами из доминирующих каст, часто озабоченных увековечением кастовых и гендерных форм господства в их деревнях» [Харрисс 2012].

Несмотря на изменения в законах, позволяющих ныне вступать в межкастовые браки, в большинстве случаев обычай заключать браки в пределах касты все еще строго соблюдается. Экономическое развитие и рост численности среднего класса сопровождаются новыми возможностями для личной мобильности. Это ослабляет прежнюю связь между кастой и видом занятия. Однако каста сохраняется и даже усиливается в общественном сознании, чему немало способствует политика. Не последнюю роль в этом играют средства массовой информации [Батей 2012].

Поскольку специфика асимметрии полов в индусском обществе заложена в принципах касты, это значит, что существуют и, видимо, будут еще долго существовать традиции и обычаи, во многом определяющие характер гендерных отношений [Дубе 2006: 242].

Развитие демократии внесло свои изменения в общественную жизнь. Но в религиозной сфере и в кастовом сознании, изменения происходят весьма медленно и становятся заметными лишь через несколько поколений. При этом они сначала затрагивают крупные города типа Колкаты, Мумбая, Дели и Ченнаи. А малые города и деревни по-прежнему остаются на обочине этого процесса.

Тем не менее, по мере социально-экономического и культурного развития общества кастовые отношения, хотя и медленно, но продолжают размываться. В свою очередь, это влечет за собой перемены в гендерных отношениях в пользу женщины. Усиливаются новые тенденции в семейно-брачных отношениях, характеризующиеся большей свободой женщин, их стремлением к самостоятельности и независимости. Институт семьи и брака медленно, но определенно эволюционирует в сторону женского равноправия.

Библиография

- Айар 2008 – Ayar Shankar. The Other India Story // India Today, 08.09.2008.
- Амбедкар 1979 – Ambedkar Dr. Babasaheb Annihilation of Caste. Writing and Speeches. Vol. I, Bombay.
- Баас 2007 – Baas Michael “Arranged Love”: Marriage in a transnational work environment// HAS Newsletter № 45
- Батей 2001 – Beteille Andre The Indian Middle Class // The Hindu, 05.02.2001.
- Батей 2012 – Beteille Andre The Peculiar Tenacity of Caste // EPW, March 31, 2012
- Бйатнал 2012 – Byatnal Amruta Satara renames its ‘unwanted’ girls // The Hindu, 23.10.2011
- Вальдман 2003 – Waldman Amy States in India Take New Steps to Limit Births // The New York Times, 07.11.2003
- Вишванатх 1998 – Viswanath L.S. Efforts of Colonial State to Suppress Female Infanticide // EPW, 1998, May 9
- Гангули 1998 – Ganguli Shobori Where have all the girls gone // The Pioneer, 07.08.1998;
- Гангули 2011 – Ganguli Shobori The War Against Girls // The Wall Street Journal, June 18–19, 2011.
- Гупта 2005 – Gupta Dipankar Caste and Politics: Identity over System // Annual Review of Anthropology, vol.34
- Датт, Равальйон 2010 – Datt Gaurav, Ravallion Martin Shining for the Poor Too? // EPW, 13.02.2010
- Джайакар 1992 – Jayakar Pupul Indira Gandhi. New Delhi: Penguin Books in India.
- Дубе 1983 – Dube Leela Amniocentesis Debate Continued // EPW, 17 September.
- Дубе 1997 – Dube Leela. Caste and Women // Srinivas M.N. (ed.) Caste: Its Twentieth Century Avatar. New Delhi: Penguin Books India (P) Ltd.
- Дубе 2003 – Dube Leela Caste and Women // Anupama Rao (ed.) Gender and Caste. New Delhi: Kali for Women/Women Unlimited.
- Дубе 2006 – Dube Leela Caste and Women // Rao Anupama (ed.) Gender and Caste. New Delhi: Kali for Wome

Исследование 2006 – 2005–06 National Family Health Survey (NFHS–3). ICSSR.

Кант 2006 – Kant Anjani Law Relating to Women and Children. Allahabad: Central Law Publications.

Каур 2010 – Kaur Ravinder Panchayats, Sex Ratio and Female Agency // EPW, 05.06.2010.

Кумар 2012 – Kumar Meenakshi Daughters unwanted // The Hindu, 07.01.2012.

Нараян-Паркер 2002 –Narayan-Parker D. Empowerment and Poverty Reduction: A Sourcebook. Washington DC:World Bank

Некрасов 1982 – Некрасов Н.А. Мороз, красный нос // ПСС и писем в 15 томах, т. 4. Поэмы 1855–1877 гг. Ленинград: «Наука»

Перепись населения 2011 – Statement 13 Sex Ratio of Total population. Census of India 2011 Table_1 // http://www.censusindia.gov.in/vital_statistics/.

ПРООН – www.undp.org/hdro/indiaper.pdf.

Пушкин 1978 – Пушкин А.С. Евгений Онегин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том пятый. Ленинград: «Наука», 1978, с. 55.

Раджалакшми 2012 – Rajalakshmi T.K. Off target // Frontline, 27.01.2012.

Рай 2012 – Rai Usha A rare job for a woman doctor // The Hindu, 16.01.2012.

Рао 2002 – Rao Mohan A voice of sanity // Frontline, 27.09.2002.

Сангари 2012 – Sangari Kunkum Settled Alibis and Emerging Contradictions. Sex Selection, Dowry and Domestic Violence // EPW, 25.08.2012.

Сетхи 2007 – Sethi Aman Faraway Bride // Frontline, 24.02 – 09.03 2007.

Сивараман 2001 – Sivaraman M. Female Infanticide – Who Bears the Cross? // The People's Democracy, 24.06.2001

Сингх 1992 – Singh K.S. People of India: An Introduction. Calcutta: Anthropological Survey of India.

Сингх 2012 – Singh Kirti Man's world, legally // Frontline, 28.07–10.08, 2012.

Сринивас 1997 – Srinivas M.N. (ed.) Caste. Its Twentieth Century Avatar. Introduction. New Delhi: Viking.

Успенская 2010 – Успенская Е.Н. Этнокастовые общности в контексте формирования и функционирования индийской традиционной социальной организации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.. Санкт-Петербург.

Чоудхри 2007 – Chowdhry Prem Contentious Marriages, Eloping Couples. Gender, Caste and Patriarchy in Northern India. New Delhi: OUP.

Чоудхри 2012 – Chowdhry Prem. Infliction, Acceptance and Resistance. Containing Violence on Women in Rural Haryana // EPW, 15.09.2012.

Харрисс 2012 – Harriss John Reflections on caste and class, hierarchy and dominance // Seminar 633 – May 2012.

ИНДИЯ: ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ «ПЛЕМЕН»

Для Индии как для государства племена – это острая проблема. И в древности, и при Моголах, Индия никогда не существовала как единое государство, объединяющее территорию, хотя бы приблизительно схожую с современной. Вместе с обширным пространством, созданным как более или менее единое целое лишь со времен английской колонизации, независимая Индия унаследовала и народы, живущие на этой территории. С ними нужно было строить общее государство.

В первые годы после обретения Индией независимости В. Элвин, канадский антрополог и советник Дж. Неру по вопросам племен, предлагал создать особые «парки», где развитие этнических общностей происходит без вмешательства культуры извне. Дж. Неру, конструируя демократическую страну с равными правами для всех слоев населения, придерживался иного мнения и выступал за интеграцию. В результате был выбран «средний» путь, избегавший крайних решений. В предисловии к работе самого Элвина «Философия НЕФА²⁵» Дж. Неру определил пять принципов развития племен, *Panchsheel*, как эти принципы были названы в Индии: основополагающим явился тезис культуры о совместном развитии при условии уважения собственной культуры племен. Особо были подчеркнуты необходимость охраны каждой культуры и ограничение посещения территорий, отведенных племенам (тезис 3). В. Элвин согласился с премьер-министром, процитировав известного социального работника А.В. Тхаккара, активно трудившегося в сфере развития племен: «Безопасность следует из единства, а не из изоляции» [Элвин 1989: 216].

Для Индии «зарегистрированные племена» – это около 8% общего населения, что, в соответствии с данными проекта «Люди Индии», составляет 3580634 человека; с ними следовало «объ-

* Российский государственный гуманитарный университет

²⁵ NEFA – North-East Frontier Agency. Ныне пять округов шт. Аруначал-Прадеш

единяться», и для этого были разработаны специальные правительственные программы. Второй пятилетний план (1956–61) предполагал создание службы развития племен (Tribal Development Blocks), а Пятая пятилетка, стартовавшая в 1974 г., – создание дополнительных программ²⁶, направленных на улучшение форм хозяйствования [Ратх 2006: 16–17]. В 1980 г. был оглашен доклад комиссии Б.П. Мандала, и в 1990 г. вступили в действие законы о резервировании 27% рабочих мест на государственных предприятиях для нескольких категорий населения, включая и «зарегистрированные племена».

Сейчас эти программы стали давать результат, но с улучшением материальной базы племенных общностей появилась новая проблема – изменение самосознания людей и их борьба за свои права. Этническая идентичность, бесспорно, играет значительную роль в период процессов, угрожающих самому существованию народа, и длительная инкапсуляция племен Индии, следствие их вечного противостояния бесконечным захватчикам и притеснителям, сформировала очень четкую идентификацию каждой группы. В 1972 г. по этническому признаку были сформированы штаты Трипура, Манипур и Мегхалая, а в 2000 г. все были свидетелями появления двух «племенных» штатов – Джхаркханд и Чхаттисгарх, ассоциируемых с мундоязычными народами.

Племена стали требовать к себе больше внимания. Для них было открыто много школ, построено огромное количество домов, выделены крупные земельные наделы на ведение сельского хозяйства. Но, несмотря на огромные усилия и гигантские средства, вкладываемые в развитие традиционных сообществ, это не всегда дает нужный результат²⁷.

²⁶ Large Agricultural Multi-Purpose Societies (LAMPS), Tribal Cooperative Marketing Development on India Limited (TRIFED), Tribal Development Corporations и т.д.

²⁷ И.М. Ковалев еще в 1982 г. рассказывал о традиции скотоводов паньян в Тамилнаду покидать поселение, если кто-то в нем умер, и о домах, выстроенных без учета этой культурной особенности [Ковалев 1982: 107].

Ниже мы рассмотрим конкретную программу в контексте этнической общности или группы, на поддержание которой программа направлена, и основная цель каждой – улучшение материальной базы племен; вероятно, это лишь первые шаги, но и здесь подходы различны.

Полагаю, что сама информация о методах и результатах программ развития племен имеет значение – изменение формы жизнеобеспечения влияет на многие общественные институты. Выборка, представленная в статье, явно недостаточна для сколь угодно определенных выводов, но важно обозначить само поле для исследований.

Племена и конкретные программы

Бондо

Эта этническая общность из Ориссы – одна из наиболее колоритных, которую мне доводилось видеть. Женщины бондо носят на шее характерные полые металлические кольца, знак брака, эти кольца очень заметны, и они особенно впечатляют в сочетании с короткой стрижкой и мини-юбкой, принятой в этой культуре как нормальная одежда для замужней женщины. Данный стиль одежды резко контрастирует с тем, что обычно встречается в Индии; впрочем, и сам антропологический тип бондо очень интересен. Это смесь австралоидных расовых признаков, что наилучшим образом заметно у мужчин, и монголоидных черт, что характерно в основном у женщин.

Бондо представляют собой одну из «примитивных племенных групп»²⁸ штата Орисса. Согласно переписи 1991 г. их численность составляет 5129 чел. [Документы 2001]. Самоназвание – *ремо* (люди), язык принадлежит к группе мунда. Заняты огородничеством, работой по найму, но основу жизнеобеспечения составляет охота

²⁸ Термин, используемый в официальном языке документов и постановлений правительства Индии для обозначения наиболее отсталых в технологическом плане групп и общностей.

и собирательство. Делятся на две группы – онтал (кобра) и кило (тигр).

Программа развития

По счастливой случайности, бондо если и затронуты какими-либо программами, то незначительно; эта этническая общность донесла до настоящего времени и свою культуру, и свой общественный порядок. В 70-х годах XX века появилась организация BDA (Bondo Development Agency), которая осуществляет контроль над всеми видами хозяйственной деятельности бонда – от охоты и собирательства до подсечно-огневого земледелия. Был организован и кооператив «Оджа», т.о. теперь хозяйственная активность бондо стимулируется доступом на общий рынок. С точки зрения известного индийского антрополога Говиндры Чандра Ратха, в результате этого бондо утратили традиционную форму жизнеобеспечения и все больше зависят от правительства штата, финансирующих BDA [Ратх 2006: 22]. Как кажется, это не совсем верно, и мне было бы очень интересно проверить это во время полевой работы²⁹.

Колча и Котвалия

Эти две этнические общности объединяют и соседство, и история, и общая программа развития. Согласно исследованиям генетиков, котвалия и колча близки между собой не только по языку и хозяйственному типу, но и по комбинациям генов [Мухеджи, Трипатхи, Колах, Соланки, Гхош, Редди, Моханти 2009: 118]. Отношение к ним со стороны окружающих кастовых групп тоже сходно – и колча, и котвалия считаются неприкасаемыми и испытывают на

²⁹ Бондо мне довелось наблюдать во время двухдневного пребывания в деревне Мадалигуда. Мужчины весь световой день заняты в джунглях, и мне довелось наблюдать работу группы, собирающей бамбук. Они выбирали наиболее стройные и крупные стебли и носили их в одно место на обочине дороги; кто платил им за эту работу, не ясно. Бондо, во всяком случае, до сих пор занимают нишу, в которой и развивалась их культура, нужно лишь предложить им новые возможности для ее безопасного использования, исключаяющие подсечно-огневое земледелие.

себе все неудобства этого положения. В рамках государственного проекта была предпринята программа переселения двух этих общностей и наделения их землей, на эту программу возлагались большие надежды – землю решено было дать под садоводство и выдать долгосрочные займы на ведение работ.

Колча – одна из «примитивных племенных групп» в штате Гуджарат (на юго-востоке Сурата). Численность племени в доступных источниках обнаружить не удалось. По данным П.К. Моханти, использовавшего данные колониального периода, численность колча в 1911 г. составляла 5849 чел. [Моханти 2004: 335]. Известны несколько названий этой общности: колгха, най, коли, токри коли. Колча делятся на четыре группы [Кумар 2003: 704]: мат (временные сельскохозяйственные рабочие), нантад (владельцы земли), санджапат (посыльные и уборщики мертвых животных), кхандит-мундит (те, кто сбривает все волосы на голове в случае смерти кого-либо в семье землевладельца, на чьей земле он работает). Фамилии (кланы): Ядав, Полкар, Манджекар, Бхаура, Чаудари, Саора, Вахут и др. Основные занятия включают дубление шкур, плетение корзин, сбор меда, работу по найму на фермах. Верования синкретичны и включают элементы индуизма и культа предков.

Котвалия – одна из «примитивных племенных групп» в штатах Гуджарат и Мадхья-Прадеш. их численность в 1981 г. составляла 17 759 чел. [Моханти 2004: 407]. Известны несколько названий этой общности: витолия (Гуджарат), котвар (Мадхья– Прадеш). Фамилии (кланы): Бародиа, Котвалия, Мангкоталия (Гуджарат). Занятия: изготовление предметов из бамбука, работа по найму [Триведи 1993: 238]. Верования синкретичны и включают элементы индуизма и культа предков.

Программа развития

В отношении колча и котвалия в 1982 г. была принята программа переселения. Усилиями Индийской Агропромышленной группы³⁰ осуществлен проект Вансада (Vansada Project), в рамках которого каждая переселенная семья получала 1 акр (чуть менее чем

³⁰ BAIF – Bharatiya Agro-Industries Foundation.

полгектара) земли под посадки фруктовых деревьев или посадки растений для скота, т.н. «программа вади». Вследствие этой программы на 1000 акров заброшенных земель было высажено 63 тыс. фруктовых деревьев и 1 млн обычных деревьев, что увеличило заработки людей, а также уменьшило детскую смертность. 38% переселенных людей смогли расплатиться за предоставленные им кредиты, а доходы 20% выросли до 3000–4000 рупий в год [Бхатт 1990].

К сожалению, индийский исследователь не сообщает нам, что случилось с остальными 80% переселенных. Вероятно, их положение пока не улучшалось, но наша информация относится к раннему этапу действия программы, а садоводство, как известно, требует времени. Было бы интересно ознакомиться с более свежими данными, полагаю, они скорее позитивны, во всяком случае, садоводство как форма жизнеобеспечения вполне соответствует и образу жизни, и культурным ценностям значительного количества индийских племен. И всегда лучше спасти хоть 20%, чем не сделать ничего, а таких случаев, подозреваю, значительно больше, чем можно обнаружить в официальных данных. Как говорится, лучше мало, чем ничего, и ниже следует пример того, что происходит, когда программа не продумана как следует.

Янади

Янади – одна из «примитивных племенных групп» в штате Андхра-Прадеш, (районы Чинтур, Пракашам и Ниллор). Слово янади пришло из санскрита и означает тех, чье происхождение неизвестно. Согласно переписи 1991 г. их численность составляет 395739 чел. [Документы 2001]. Янади делятся на четыре эндогамные суб-группы: манчи (или редди) янади заняты в сельском хозяйстве и рыбной ловле (манчи – рыба); паки янади и чалла янади – уборщики павших животных и мусора; а адави янади живут в лесу и промышляют охотой и собирательством [Документы 2002].

Но чалла янади не всегда промышляли сбором мусора – издревле они жили на острове Шрихарикота, отделяющем озеро Пу-

ликат (граница Андхра-Прадеш и Тамилнаду) от Бенгальского залива. Там они занимались собирательством моллюсков и крабов на мелководье. Начиная с XIX в. на этом острове появились кастовые индусы, и к 1971 г. их насчитывалось уже 11 деревень с населением 2500 чел., тогда как янади осталось не более 250 чел. [Пракаш Редди 2003: 167].

Программа развития

Но настоящие сложности у янади появились в 1968 г., когда остров был выбран для строительства космодрома. Профессор Судхакар Рао, один из моих учителей в HCU³¹, был среди антропологов, прибывших тогда на остров для решения проблем с местными жителями. По его словам, янади спали в песчаных ямах под заслонами от ветра и по своей материальной культуре мало отличались от андаманских аборигенов.

В результате, когда началось переселение, кастовые индусы, организованные в сплоченную группу, получили от государства значительную компенсацию, тогда как янади, не имевшие никакой собственности, которую можно было хоть как-то оценить, были переселены без каких-либо компенсаций. 79 семей было перемещено с острова в две деревни. Так в течение двух месяцев все янади покинули эти поселения и разбрелись неведомо куда [Пракаш Редди 2003: 168].

Теперь они промышляют сбором мусора, что стоит признать неудачной заменой моллюскам. Сейчас проблемами янади занимается отдельный департамент развития, базирующийся в г. Ниллор, и программа развития включает наделение землей жителей 3722 деревень, находящихся в 166 *мандалах* (округах) районов Чинтур, Пракашам и Ниллор [там же: 169].

В целом, программа развития, составленная с учетом всех (что желательно) или хотя бы основных (что необходимо) особенностей конкретной культуры, очень важна. Один из наиболее удачных примеров – программа в отношении племени кани из Кералы.

³¹ HCU – Hyderabad Central University

Кани

Кани – одна из «примитивных племенных групп» в штате Керала (холмы Агастималаи). По официальным данным, численность кани в 1991 г. составляла около 16118 чел. [Документы 1991б]. Занятия: дрессировка слонов и сбор лечебных трав.

Программа развития

Все началось в декабре 1987 г. с ботанической экспедиции в джунгли Кералы, когда ученые из Исследовательского института тропической ботаники (TBGRI³²) обратились к местному племени кани за помощью в переноске грузов. Биологи тогда обратили внимание, что в то время как они сами выбиваются из сил, их носильщики почти не подвержены усталости. Вскоре выяснилась и причина – кани употребляли в пищу плоды какого-то местного растения. В дальнейшем открылись и удивительные лечебные свойства этого растения *дживани*, названного ботаниками *arogyapacha* (*Trichopus zeylanicus*). Оно обнаружено также на Шри-Ланке и в Малайзии, но его лечебные свойства открыты племенем кани³³. Растение является антидепрессантом, способствует улучшению функций печени и восстанавливает иммунитет. Биологами из TBGRI было создано лекарство, так и названное *дживани*, и 2% общей прибыли от его продажи перечисляется на счета кооператива, основанного племенем кани³⁴.

Другим примером удачной аккультурации этнической группы является ченчу, у которых уже удалось провести небольшую полевую работу и убедиться, как иногда важна реальная помощь.

³² The Tropical Botanic Garden and Research Institute.

³³ Первая лицензия на производство лекарства появилась 10 ноября 1995 [Биджой 2007: 4].

³⁴ В ноябре 1997, при участии TBGRI, девятью мужчинами племени кани была зарегистрирована трастовая компания Kerala Kani Samudaya Kshema Trust. Решение о создании траста было принято на общей встрече 40 мужчин [Гупта 2002.: 23].

Ченчу

Ченчу – одна из «примитивных племенных групп» штата Андхра-Прадеш. По официальным данным, численность ченчу в 1991 г. составляла около 40869 чел. [Документы 1991а]. Фамилии (кланы): Нирмала, Шигурла, Балмури, Ирайя, Уртанури, Райя и др. Занятия: охота, рыболовство и собирательство, сельское хозяйство.

Программа развития в отдельном случае (case study).

Во время наводнения на р. Кришна конце 2009 г. Красным Крестом в деревне Амерагири, в семи километрах от г. Коллапур (Андхра-Прадеш), был организован временный лагерь для рыбаков-ченчу. В нем находилось 50 семей из изолированных деревень, рыбаки и охотники джунглей. Эти люди переселились в палатки на время наводнения, но не спешили возвращаться – их деревни были полностью разрушены, и они дожидались реальной помощи государства.

Люди жили впроголодь, довольствуясь небольшим количеством риса и овощей. Рыбалки не было из-за отсутствия лодок, потерянных во время наводнения. Всего четырнадцать мужчин из лагеря имели ежедневную работу по устройству дороги через лес в рамках государственной программы и получали мизерную зарплату 100 рупий в день. В лагере был зафиксирован случай туберкулеза, и как минимум одна женщина покончила собой, выпив яд для насекомых. Мне было тяжело покидать их лагерь.

Но во время следующей поездки к ченчу 2012 г. я вновь посетил эти места и к своей радости я обнаружил на месте палаточного лагеря новую деревню в 50 домов. Эти постройки, на первый взгляд, выглядят как прежний палаточный лагерь – того же размера домики с плоскими крышами, но сделанные из цементных блоков, есть порог и отмостка, дверь и маленькое окно.

Удалось вновь посетить одно из поселений рыбаков, Гунла пенту, и встретить там старых знакомых. Мне пояснили, что дома в Амерагири были построены государством и принадлежат им, ченчу, но пока что в них мало кто живет – все рыбачат на реке и ночуют в своих прежних шалашах по берегу. Но, во всяком случае, те-

перь у них есть место, где можно переждать наводнение и непогоду, и, вероятно, со временем эти новые дома будут больше и больше обживаться из-за близости школы.

Все это свидетельствует о реальной заботе индийского государства о своих гражданах и это должно вызывать ответную реакцию, во всяком случае, исходя из основы любого традиционного общества – принципа обязательной взаимности.

Библиография

Биджой 2007 – Bijoy C.R. Access and Benefit Sharing from the Indigenous Peoples' Perspective: The TBGRI-Kani 'Model' // *Environment and Development Journal*, 3/1,

Бхатт 1990 – Bhatt A. *Poverty, Tribals and Development: A Rehabilitation Approach*. Delhi: Manohar Publishers.

Гупта 2002 – Gupta Anil K. Value addition to local Kani tribal knowledge: patenting, licensing and benefit-sharing // <http://www.iimahd.ernet.in/publications/data/2002-08-02AnilKGupta.pdf>

Джайяраман 1996 – Jayaraman K. S. Indian Ginseng brings royalties for tribe. // *Nature*, 381.

Документы 1991а – *Census of India 1991. Andhra Pradesh Special Tables for Scheduled Tribes*.

Документы 1991б – *Census of India 1991. Final Population Totals, Kerala: Director of Census Operations*.

Документы 2001 – *Census of India 2001*. Census Commission of India 2009

Документы 2002 – *Yanadis*. Hyderabad: TWD (Tribal Welfare Department).

Ковалев 1982 – Ковалев И.М. *Судьбы индийских племен*. М: ГРВЛ.

Кумар 2003 – Kumar S.S. *Gujarat*, Part 1, New Delhi: Popular Prakashan.

Моханти 2004 – Mohanty P.K. *Encyclopedia of Primitive Tribes in India*, Vol. 2, New Delhi: Gyan Publishing House.

Мухеджи, Трипатхи, Колах, Соланки, Гхош, Редди, Моханти 2009 – Mukherjee M.B, Tripathy V., Colah R.B., Solanki P.K., Ghosh K., Reddy B.M., Mohanty D. Microsatellite diversity among the primitive tribes of India // *Indian Journal of Human Genetics*, vol. 15 (3).

Пракаш Редди 2003 – Prakash Reddy G. *Hunter-Gatherers and the Politics of Environment* // T. N.Madan. (ed.) *Nomadism in South Asia*. New Delhi: Oxford University Press.

Ратх 2006 – Rath G.C. (ed.) *Tribal Development in India. The Contemporary Debate*. New Delhi: Sage Publications.

Триведи 1993 – Trivedi Harshad R. *Tribal Land Systems: Land Reform Measures and Development of Tribals*, New Delhi: Concept Publishing Company.

Элвин 1989 – Elwin V. *Philosophy of NEFA. Director of Information NEFA // Philanthropologist*, Shillong: Oxford University Press.

ГИМНЫ «ПЕВЦА ЧАМАРОВ» И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТЕСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РАВИДАСИ

Имя Равидаса³⁵ – средневекового поэта-мистика, мыслителя и философа хорошо известно в Индии и за ее пределами. Прожив, если верить легендам, долгую жизнь длиной в полтора столетия (1377–1528 гг.), Равидас оставил после себя большое поэтическое наследие, оказавшееся чрезвычайно востребованным в разные времена. Он был кожевником-чамаром, т.е. изгоем в кастовом обществе, и потому идея несправедливости социального устройства доминировала в его произведениях.

Равидас вошел в число наиболее известных *бхактов*³⁶, круг поклонников и последователей которых объединял представителей всех слоев общества. Его стихи (40 гимнов-*шадов* и одно двустихие-*шлока*) включены в «Ади грантх» – священный текст сикхов, где связаны воедино произведения поэтов, живших в разных частях Индии и представлявших разные религии и социальные эшелоны. Гимны Равидаса присутствуют в целом ряде рукописей, найденных в Пенджабе и за его пределами³⁷.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменован ростом интереса к личности и творчеству Равидаса – прежде всего со стороны далитов³⁸ Северной и Северо-Западной Индии, сделавших «певца чамаров» своей иконой как в прямом, так и переносном смысле.

* Институт стран Азии и Африки МГУ

³⁵ Также Раидас; реже – Ро(х)идас, Ру(х)идас.

³⁶ *Бхакт* – букв. «преданный, любящий [бога]», последователь *бхакти* – религиозно-реформаторского течения в средневековой Индии, делавшего упор на прямую эмоциональную (чувственную) связь между бхактом-любящим и богом-возлюбленным. Подробнее о *бхакти* см. [Ванина 1991, Ванина 1993, Ключев 1991].

³⁷ См. напр., [Манн 2001; Хоули 2004: 9–32].

³⁸ Далиты («угнетенные») – современный политизированный термин, использующийся в отношении низкокастовых – бывших неприкасаемых, включенных в списки так называемых «зарегистрированных каст» (Scheduled castes).

От сикхизма к «собственной вере»

Низкокастовые сикхи испытывают особые чувства к Равидасу. С появлением сикхизма на стыке XV–XVI вв. панджабские неприкасаемые стали переходить в новую веру, декларировавшую всеобщее равенство, в том числе кастовое. Многие из них – прежде всего, чамары – поклонялись Равидасу, равно как первым десяти гуру и «Ади грантх», и это поначалу не было основанием для противопоставления себя сикхской общине. Ситуация стала заметно меняться во второй половине XIX в., когда с переходом Индии под прямое управление Британской короны в 1858 г. в Панджабе возросла численность военных гарнизонов, нуждавшихся в обслуживании, поставках обмундирования и снаряжения. Услуги кожевников, ткачей и ряда других каст, занимавшихся ритуально нечистыми работами, оказались крайне востребованными, что не замедлило сказаться на росте их материального благосостояния. В начале XX в. некоторая часть равидаси смогла эмигрировать в США, Канаду и другие страны; так начала формироваться мощная диаспора, никогда не разрывавшая связей с исторической родиной³⁹. Тогда же в Панджабе стали появляться первые сообщества *дера*⁴⁰ равидаси [Рам 2009: 4].

После обретения Индией независимости и раздела страны (1947 г.) в жизни низкокастовых панджабцев произошли большие перемены, в значительной степени обусловленные исходом последователей ислама в Пакистан. В своем противостоянии с высшими землевладельческими (по преимуществу сикхскими) кастами как индусы, так и сикхи лишились поддержки мусульман, в массе своей принадлежавших к низшим социальным стратам [Пури 2009: 6]. Это противостояние усилилось с выделением Панджаба в самостоятельный штат в 1966 г. и началом «зеленой револю-

³⁹ О начальном этапе миграции сикхов/панджабцев см. [Маклеод 2000: 237–253]. Различные аспекты современного состояния сикхской диаспоры в Европе подробно анализируются в сборнике [Сикхи 2012].

⁴⁰ *Дера* (палатка, лагерь) – молитвенный дом, община, сообщество во главе с единоличным лидером-гуру. Термин получил широкое распространение в индийском Панджабе с начала 1990-х годов.

ции» в Северо-Западной Индии. Именно тогда конфликт джатов-землевладельцев и безземельных далитов – двух крупнейших социальных групп в деревнях штат Панджаба – вступил в активную фазу.

Несмотря на неплохое (в сравнении с низкокастовыми в других штатах Индии) финансовое положение далитов Панджаба⁴¹, их социальный статус по-прежнему остается чрезвычайно низким. «Наша [главная] проблема – унижение, а не лишения (deprivation)»⁴², – утверждал панджабец Канши Рам (1934–2006), известный политик и основатель Бахуджан Самадж Парти (БСП), необычайно популярной в северных штатах Индии далитской партии. Панджабская пресса наводнена материалами о непрекращающихся унижениях, которые далиты испытывают со стороны высококастовых сикхов⁴³. В частности, в сикхских храмах-*гурдварах* далитам отводят отдельные места у входа, заставляя становиться в конец очереди при раздаче еды в трапезных-*лангар*, не разрешают пользоваться общими площадками для кремации и пр. Но едва ли не самым большим оскорблением низкокастовые сикхи считают отказы в выдаче священного текста «Ади грантх» для выполнения некоторых ритуалов в домашних условиях⁴⁴.

⁴¹ См. [Рам 2009: 3]. Современные социологические исследования [Джодхка 2004; Пури 2009] показывают, что бо́льшая часть низкокастовых Панджаба занимаются не типичными для них занятиями. Из сельскохозяйственных рабочих далиты «переквалифицировались» в торговцев, ремесленников (плотников, столяров, каменщиков); в дистрикте Амритсар они задействованы в молочном производстве и продаже молока [Пури 2009: 8]. Немало далитов занято в сфере обслуживания. В среде бывших неприкасаемых также появились ювелиры. Значительное количество далитов еще в 1960-х годах уехали за границу (по некоторым данным, из каждой третьей семьи [Пури 2009: там же]), и средства, поступающие от них из-за рубежа, имеют колоссальное значение как для оставшихся в Панджабе членов семей, так и для экономики всего штата.

⁴² Цит. по [Пури 2009: 10].

⁴³ Подробнее см. [Бочковская 2007].

⁴⁴ Такие отказы администрация *гурдвар* обычно мотивирует «неумением» далитов достойным образом обращаться с «Ади грантх», а также от-

Неудивительно, что равидаси стали все больше и больше дистанцироваться от «мейнстримных» сикхов. К началу XXI в. в Пан-джабе насчитывалось уже свыше 100 равидасских *дера* [Рам 2009: 4]. Среди них выделяется одно из старейших сообществ, *дера* Сачкханд Баллан⁴⁵, базирующаяся неподалеку от Джаландхара, крупного административного центра так называемого панджабского Доаба – богатой области в междуречье рек Беас и Сатледж с высокой долей зарегистрированных каст среди населения (более 35%)⁴⁶ и очень тесными связями с панджабской диаспорой⁴⁷. Солидные финансовые пожертвования от диаспоры (прежде всего британской), на регулярной основе поступающие в адрес *дера* Сачкханд Баллан с 1990-х годов, способствовали росту значимости этого сообщества среди равидаси и других далитов Пан-джаба в последнее десятилетие.

Под руководством своих духовных авторитетов равидаси стали активно строить собственные храмы, именуя их *гурдерами*⁴⁸, и использовать собственный священный текст, базирующийся исключительно на гимнах Равидаса. Противостояние общин достигло апогея после так называемой «венской бойни», когда в мае 2009 г. в Вене (Австрия) сикхские экстремисты застрелили Санта Рамананда, одного из лидеров панджабских равидаси, во время бого-

существованием у них условий для выказывания необходимого уважения к Книге-Гуру.

⁴⁵ Основателем *дера* был Сант Пипал Дас (?–1928).

⁴⁶ Средняя цифра по Пан-джабу составляет 28,8%, по Индии – 16% [Перепись 2001].

⁴⁷ Доаб часто именуют «хабом индийцев-нерезидентов» – Non-resident Indians (NRI) hub; также NRI belt [*Business Standard*. Feb. 18, 2008], NRI heartland [*The Times of India*, June 22, 2012] – ввиду колоссального количества выходцев из этого района, проживающих за пределами Индии. См. [Тханди 2006: 2].

⁴⁸ Равидаси умышленно используют термины «гурдера» (обитель/община гуру), «гургхар» (дом гуру) или «бхаван» (дворец) вместо «гурдвара» (врата гуру) для подчеркивания своей обособленности от сикхизма.

служения, проходившего в местной *гурдере*. Это событие окончательно оттолкнуло большую часть равидаси от сикхизма, и 30 января 2010 г. в Варанаси/Бенаресе (штат Уттар-Прадеш) – родном городе «певца чамаров» – старейшины общины официально провозгласили создание самостоятельной *равидассия дхарам* (религии равидаси/равидассия) [Суман 2010: 46], «не имеющей ничего общего с сикхизмом» и располагающей полным набором собственной атрибутики.

Конструирование символов

Главным паломническим центром⁴⁹ последователей новой религии был назван храм Равидас Джанмастхан Мандир на южной окраине Варанаси. Его сооружение началось еще в 1965 г., когда *дера* Сачкханд Баллан только приступала к расширению сферы влияния и совершенствованию имиджа общины. Лидеры *дера* выкупили у властей штата Уттар-Прадеш земельный участок, где, как предполагалось, некогда появился на свет Равидас, и начали там строительство храма. В 1974 г. состоялось его торжественное открытие, но затем, очевидно, финансирование сократилось, и о Равидас Джанмастхан Мандире почти два десятилетия ничего не было слышно. В 1990-х годах *гурдера* в Варанаси обрела новую жизнь: здание было надстроено и облицовано плитами белого мрамора, на храм был водружен золотой купол (инаугурационную церемонию возглавлял лично Канши Рам, глава БСП), а внутренняя часть подверглась реконструкции.

Основной объект поклонения – скульптура Равидаса в человеческий рост – располагается на первом этаже под балдахином. Этажом выше находится еще одна «полноразмерная» статуя Равидаса, размещенная в золотом паланкине – предмете особой гордости общины. Паланкин – дар европейской общины равидаси – в 2010 г. был торжественно доставлен из Джаландхара в Варанаси; процессия-*ятра* проходила через Панджаб, Харьяну, Дели и Уттар-Прадеш, т.е. через те штаты, где количество «зарегис-

⁴⁹ *mahān tīrthasthān* (пандж., хинди); *Ultimate place of pilgrimage* (англ.).

стрированных каст» особенно велико, и тем самым способствовала формированию/расширению единого равидасского пространства в Северной Индии.

На стенах обширного зала на первом этаже Равидас Мандира размещены фотографии известных лиц, прежде всего, политиков – президента Индии К.Р. Нараянана⁵⁰, лидера БСП Канши Рама, главных министров штата Уттар-Прадеш Кальяна Сингха и Маявати и пр., посещавших храм и поддерживавших деятельность общины. Особое место занимают портреты и фотографии старейшин равидаси – от основателя *дера* Санкханд Баллан Пипала Даса до нынешнего лидера Ниранджана Даса, а также изображения *шахида* (мученика) Санта Рамананда, убитого в 2009 г.

Таким образом, центральное место в храме принадлежит скульптурным и графическим изображениям Равидаса и современных равидасских гуру, что наглядно отображает главную конфликтную линию равидаси с «истинными» сикхами, признающими «Ади грантх» в качестве единственно возможного объекта для поклонения.

Объявляя Равидас Мандир главным паломническим центром, лидеры равидаси одновременно присвоили статус священного текста книге под названием «Амритбани Сатгуру Равидас Махарадж (Бессмертные слова истинного гуру Равидаса махараджа)». В нее вошли 240 приписываемых Равидасу гимнов, включая 40 *шабдов* и одну *шлоку* из «Ади грантх». До 2010 г. в равидасских храмах «Ади грантх» и «Амритбани» соседствовали, но с провозглашением в 2010 г. «религии равидассия» центральное место в *гурдерах* было закреплено за «Амритбани». Во всех *гурдерах*, включая храм в Варанаси, священная книга размещается на специальной подставке рядом со статуей или портретом Равидаса. Обычно ее прикрывают декоративной накидкой, которую убирают во время богослужений.

⁵⁰ К.Н. Нараянан (1920-2005; в должности Президента Индии с 1997 по 2002 г.) принадлежал к касте параваров, включенной в список «зарегистрированных каст» штата Тамилнаду.

«Амритбани» состоит из 177 страниц; ее электронная версия размещена на сайте *dera* Сачкханд Баллан⁵¹. Текст книги представлен на старом панджаби и записан в графике гурमुखи; параллельно существует версия в графике деванагари. С учетом ориентации на диаспору «Амритбани» была переведена на английский⁵², а также на хинди и несколько других индийских языков. Компоновка рассмотренных мною трех основных изданий – на панджаби [Амритбани (б.г.)], хинди [Амрит Вани (б.г.)] и английском [Амритбани 2012] – несколько различается, но в каждом из них присутствуют все 240 гимнов, приписываемых Равидасу.

Одна из ключевых идей «религии равидассия» изложена в *арти* (*ārtī*) – хвалебном гимне, которым открывается английская версия книги [Амритбани 2012: 26]⁵³. Этот гимн входит в «Ади грантх»; в нем Равидас говорит о необходимости медитации и повторения божественного Имени (*nām simaran*) как важнейшем способе прямого общения с Божеством и познания его. *Арти* начинается словами:

Само Имя Твое, о Мурари⁵⁴! –
Есть *арти*, обряд поклонения.
Без Имени Хари нет истины во Вселенной.
[Амритбани (б.г.): 31; Ади грантх: 694]⁵⁵

⁵¹ http://sachkhandballan.net/main.php?page=Amritbani_Guru_Ravidass_Ji

⁵² Перевод, выполненный панджабским поэтом и писателем Сири Рамом Аршем, опубликован в 2012 г. [Амритбани 2012].

⁵³ Далее в этой же версии, а также в издании на панджаби, *арти* повторяется как *шабд* 31 [Амритбани 2012: 49 Амритбани (б.г.): 21]; в тексте на хинди – *шабд* 23 [Амрит Вани (б.г.): 52].

⁵⁴ Мурари – эпитет божества.

⁵⁵ Здесь и далее ссылки на «Ади грантх» приводятся постранично в соответствии с фиксированным расположением гимнов на 1430 страницах в любом традиционном издании. При подготовке статьи использовался текст [Ади грантх 1992].

При медитации все внимание должно фокусироваться на Имени – эту мысль Равидас повторяет во многих гимнах; между тем, его последователи считают вышеупомянутый гимн-*арти* квинтэссенцией идей *равидассия дхарам*. Именно его исполняют в конце ежедневных богослужений в *гурдерах*. В отличие от индусских церемоний поклонения, в *гурдерах* (как и в сикхских *гурдварах*) почти не используется зажженный светильник, который в качестве символического подношения огня круговыми движениями раскачивают перед изображением божества или над ним. Ритуалы в *гурдерах* достаточно просты: помимо чтения гимнов из «Амритбани» священнослужители трубят в раковины и звенят в небольшой колокол [Рам 2009: 21]⁵⁶, а затем исполняют гимн-*арти*, в котором, в частности, говорится:

Ритуалы не есть Божеству поклонение.

Иллюзия все, где нет Его имени.

[Амритбани (б.г.): 31; Ади грантх: 694]

Еще одна строка из *арти* стала частью религиозного символа равидаси, официально зарегистрированного в соответствии с индийским Законом об авторском праве. Равидаси его именуют *нишан-сахиб* (*nishān sāhib*, Знак господин) или *хари нишан* (*hari nishān*, Божественный знак); он присутствует на шафрановом флаге⁵⁷, реющим над каждым равидасским храмом. В *гурдерах* *нишан-сахиб* можно увидеть всюду – над изображениями Равидаса и вокруг них, на стенах, покрывалах, а также на книгах, плакатах и прочей печатной продукции, издаваемой общиной. Знак пред-

⁵⁶ Эти действия Равидаса упоминаются в легендах о сотворенных им «чудесах». См., напр., [Суман 2010: 114-115].

⁵⁷ Под термином *нишан-сахиб* у сикхов прежде всего понимают флаг с эмблемой-*кханда*, который обозначает место нахождения *гурдвары*; иногда так именуют и саму эмблему. *Кханда* представляет собой обоюдоострый клинок (знак божественного знания) в окружении двух мечей (олицетворение светского и духовного начала) и кольца-*чакры* (символ бесконечности).

ставляет собой круг в обрамлении 40 солнечных⁵⁸ лучей, символизирующих 40 гимнов Равидаса из «Ади грантх». Круг олицетворяет вечность Вселенной; в центр круга помещен божественный эпитет *хари* (в графике гурмукхи), над ним – язык пламени, олицетворяющий божественное Имя, а также знание, носителем которого являются Равидас и его гимны. Внутри по кругу начертана строка из гимна-*арту*:

Свет в Имени Твоем
Сиянью фитиля зажженного подобен,
Что озаряет каждый уголок храма (*bhavan*)⁵⁹.
[Амритбани (б.г.): 31; Ади грантх: 694]

Важнейшим элементом богослужений равидаси является *ардас* (*ardās*) – молитвенная формула, которой заканчивается подавляющее большинство ритуалов⁶⁰. *Ардас* включает произнесение *шлоки* и одного (в зависимости от ситуации) из 40 *шабдов*, вошедших в «Ади грантх». Основной мыслью *шлоки* является идея единства божественного начала:

Говорит Равидас:
Кто, Достойнейшего [бога] отвергнув, стремится к другим [богам],
Тому уготован путь в ад.
[Амритбани (б.г.): 150; Ади грантх: 1377]

После исполнения *шабда* из «Ади грантх» звучит заключительная формула: *bole so nirbhai, shrī guru ravidās mahārāj kī jai* (Бесстрашен тот, кто восхваляет Шри Гуру Равидаса Махараджа) – в от-

⁵⁸ Равидас – букв. «слуга солнца».

⁵⁹ Видимо, многозначный термин *bhavan* (дом, здание, дворец или же – Вселенная), использующийся общиной в качестве одной из альтернатив понятию «гурдвара», был заимствован из гимнов Равидаса.

⁶⁰ У сикхов *ардас* непременно включает формулу, восхваляющую «Ади грантх», десять сикхских гуру, а также сикхов-мучеников, отдавших жизнь во имя торжества веры.

личие от сикхского ритуала, где *ардас* заканчивается словами *bole so nihāl, sat sī akāl* (Что [бог] говорит – то благо, Истина – в Бесмертном [боге]). Таким образом, *ардас* представляет собой еще один элемент конструирования новой идентичности, «отталкивающейся» от сикхизма и фокусирующейся на наследии Равидаса.

Для внутреннего убранства главного храма в Варанаси и других *гурдер* широко используются транспаранты со строками из наиболее узнаваемых гимнов «певца чамаров». Изображения *шахида* Санта Рамананда, занимающие одно из самых почетных мест в храмах, и служащие для визуализации идеи единения *бхактов* с божеством, обычно сопровождаются следующими словами:

Я был разделен с Тобой в течение множества жизней.

Это свое рождение я посвящаю Тебе.

[Амритбани (б.г.): 20; Ади грантх: 694]

В унисон звучит известный всем поклонникам Равидаса гимн, который открывает «Амритбани» (в Равидас Мандире плакат с этими словами расположен у входа):

Ты и я, я и Ты, – где между нами различие?

[Единое целое] – слиток и браслет золотой,

Вода и волна [на поверхности].

[Амритбани (б.г.): 1; Ади грантх: 93]

Гимны логически подводят к тезису об отсутствии граней между поклонником и божеством, а, следовательно, и равенстве поклонников – безотносительно возраста, пола, социального статуса, касты. Это тем более важно, что вопрос кастового равенства и (не)справедливости в отношениях между кастами является системообразующим в религии равидаси:

Низка моя каста, низок мой род,

Профессия тоже низка.

Благодаря Твоему великодушию я поднялся выше всех,

Говорит Равидас-чамар.

[Амритбани (б.г.): 24]

Наиболее полно эти мысли воплощены в концепции Бегампуры – «города без несчастий», о котором идет речь в одном из гимнов Равидаса. Приведем его полностью:

Этот город зовут Бегампура.

В нем отступают боль и несчастье;

Там не взимают ни дань, ни налоги;

В нем нет ни греха, ни ужаса смерти.

О мой брат! Идеала обитель

Я нашел здесь, в общем веселии:

Вечна и прочна власть Всевышнего,

Нет вторых, нет третьих, – все первые.

Этот город славен богатством [жителей] и изобилием.

Все свободны в своем движении,

Куда бы ни шли они!

Равидас, свободный чамар, говорит:

Друг мне тот, кто рядом со мною!

[Амритбани (б.г.): 2; Ади грантх: 345]

Две последние строки гимна красуются на ярких плакатах с изображением «певца чамаров» в Равидас Джанмастхан Мандире и других *гурдерах*. Любопытно, что в английской версии «Амритбани», явно рассчитанной на аудиторию, проживающую за пределами Индии, перевод звучит несколько иначе, подчеркивая важность сплочения общины: *Равидас, свободный чамар говорит: О мой друг, приходи и становись гражданином Бегампуры!* [Амритбани 2012: 28].

Идеальный город, в котором каждый обретает счастье, лишен кастовой вражды, поскольку там нет людей второго и третьего сорта. Мысль о том, что все могут перемещаться повсюду без ограничений и запретов, приобретает особую значимость для со-

временных последователей Равидаса, дискомфортно себя ощущающих в «высококастовых» *гурдварах*. Равидас хочет видеть вокруг стабильный, справедливый и хорошо организованный мир, жители которого свободны от невзгод. Не удивительно, что эта «великая утопия» средневекового поэта воспринимается в XXI в. в качестве «уникальной концепции социализма, равенства и достоинства» [Амритбани 2012: 17]. Понятие Бегампуры, представляющее собой стержень идеологии равидаси, широко пропагандируется общиной.

Так, официальные лица все чаще именуют Бегампурой «главный паломнический центр» – Равидас Джанмастхан Мандир. С 2000 г. во время ежегодных празднеств, приуроченных к дню рождения Равидаса, специальный поезд под названием «Begumpura Express» курсирует между Джаландхаром и Варанаси, перевозя паломников к месту основных торжеств у Равидас Мандира. Наконец, ведущим популяризатором идей равидаси является выходящая с 1991 г. еженедельная газета «Begumpura Shaheer» (Город Бегампура) на панджаби, хинди и английском языках⁶¹, которую издает *дера* Сачкханд Баллан в Джаландхаре. Газета публикует гимны из «Амритбани» с пространными комментариями, а также подробно рассказывает о жизни общины как в Индии, так и за ее пределами.

Сикхи или не сикхи?

При исследовании современных тенденций в развитии общины равидаси неизбежно возникает вопрос о соотношении *равидассия дхарам* и сикхизма. Этот вопрос также актуален в контексте дискуссии на тему «Кто есть сикх?», продолжающейся уже несколько десятилетий среди самих сикхов, а также историков, религиоведов и социологов в Индии и за ее пределами⁶².

Как было показано выше, провозглашение религии равидаси преследовало цель полного размежевания общины с сикхизмом.

⁶¹ <http://begumpurashaher.net/>

⁶² Подробнее о дискуссии см. [МакЛеод 2006: 1–140]

Полевые исследования, проводившиеся мной в январе–феврале 2012 г. в Равидас Джанмастхан Мандире и ряде *гурдер* Пенджаба, показали, что подавляющее большинство расидаси отрицательно отвечают на вопрос о какой-либо связи их общины с сикхской верой. При этом как в Пенджабе, так и диаспоре существуют серьезные разногласия по поводу провозглашения «Амритбани Сатгуру Равидас Махарадж» в качестве единственного священного текста равидаси [The Times of India. 04.02.2010]⁶³. Ряд исследователей [Джодхка 2004; Рам 2009 и др.] полагают, что последователи Равидаса никогда не входили в число сикхов, и потому считают использование словосочетания «сикхи-равидаси» некорректным. В то же время высший сикхский орган – Комитет по управлению *гурдварами* (Shiromani Gurdwara Prabandhak Committee), заинтересованный в сохранении широкой аудитории последователей, позиционирует равидаси как «составную часть сикхской веры»⁶⁴.

Неоднозначность «статуса» равидаси обусловлена спецификой самого сикхизма (прежде всего, начального этапа его истории). Учение гуру Нанак базировалось на открытости и стремлении объединить в широком идейном русле различные религиозно-философские и социальные концепции; благодаря этому число последователей сикхизма в XVI в. стало быстро расти. Но исходный «универсализм» сикхской веры объективно создавал среду для дальнейшего развития собственных идейных компонентов и появления «ересей». «Ади грантх», включающая произведения, написанные как сикхскими гуру, так и низкокастовыми *бхактами*, представляла собой платформу для единения, но одновременно

⁶³ Об аналогичных разногласиях мне рассказывала д-р Мина Дханда, профессор университета Вулвергемптона (Великобритания), – непосредственный очевидец и участник дискуссий, развернувшихся в 2010-2011 годах в *гурдерах* г. Вулвергемптона, где проживает большая община равидаси.

⁶⁴ См. http://zeenews.india.com/news/states/ravidassia-community-part-of-sikh-faith-sgpc_601649.html

Вопрос о взаимоотношениях равидаси с Комитетом по управлению *гурдварами* выносится за рамки настоящей статьи.

скрывала в себе основу для потенциального размежевания последователей сикхской веры. Разнообразные «альтернативные» направления (*удаси*, *нирмала* и др.) в сикхизме стали формироваться еще при жизни десяти сикхских гуру. По всей видимости, равидаси представляли собой вариант «пограничного» сообщества, до поры вполне комфортно ощущавшего себя рядом с «истинными» сикхами.

В сегодняшних действиях равидаси мы видим решимость далитов продемонстрировать – во всяком случае, внешне, – свою полную независимость от сикхской веры. Но к этому они идут методом «от противного», создавая собственные символы в противовес сикхским, а потому в значительной степени реплицируя последние. Очевидно, что конфигурирование *равидассия дхарам* вокруг образа *бхакта* Равидаса и его поэтического наследия является примером проявления протестной идентичности и осуществляется на базе перекраивания основных понятий и атрибутов сикхизма под конкретные нужды равидасской общины.

Библиография

- Ади грантх 1992 – *Sri Guru Granth Sahib*. Tr. by Pritam Singh Chahil. 4 Vols., ND. Амритбани (б.р.) – *Amritbāni Satigurū Ravidās Mahārāj*. Vārānasī. http://sachkhandballan.net/main.php?page=Amritbani_Guru_Ravidass_Ji
- Амритбани 2012 – *Amritbani Satguru Ravidas Maharaj*. Tr. by Siri Ram Arsh. Varanasi (UP).
- Амрит Вани (б.р.) – *Jagatguru Ravidas Amrit Vāṇī Evam Sankshipt Jīvan*. Pratham Hindī Sanskaraṇ. Vārānasī.
- Бочковская 2007 – Бочковская А.В. Кастовые конфликты в современной сикхской общине Панджаба // *Вестник Московского университета*. Серия 13 (Востоковедение). № 4.
- Ванина 1991 – Бхакти: история, типология, перспективы эволюции // *Индия: религия в политике и общественном сознании*. М.
- Ванина 1993 – Ванина Е.Ю. *Идеи и общество в Индии XVI–XVIII вв.* М.
- Джодхка 2004 – Sikhism and the Caste Question: Dalits and Their Politics in Contemporary Punjab // *Contributions to Indian Sociology*. Vol. 23 (1&2). P. 165–92.

Клюев 1991 – Клюев Б.И, Литман А.Д. Бхакти – феномен общественной жизни Индии (постановка вопроса) // *Индия: религия в политике и общественном сознании*. М.

Маклеод 2000 – *Aspects of Sikh Identity, Culture, and Thought*. ND. (2nd impression 2001).

МакЛеод 2006 – McLeod W.H. Who is a Sikh? // *Sikhs and Sikhism*. ND.

Манн 2001 – Mann, Gurinder Singh. *The Making of Sikh Scripture*. ND. (3rd impression 2009).

Перепись 2001 – *Census of India 2001*. <http://censusindia.gov.in/>

Пури 2009 – Puri, Harish K. *Understanding Change in the Lives of Dalits of East Punjab since 1947*. <http://theprg.files.wordpress.com/2009/05/understanding-change-in-the-lives-of-dalits.pdf>.

Рам 2009 – Ram, P. Ravidass, Dera Sachkhand Ballan and the Question of Dalit Identity in Punjab // *Journal of Punjab Studies*. Santa Barbara, California. Vol. 16, № 1. http://www.global.ucsb.edu/punjab/journal/v16_1/articles/RonkiRam16_1.pdf.

Сикхи 2012 – *Sikhs Across Borders. Transnational Practices among European Sikhs*. Eds. Jacobsen K., Myrvold K. L., NY.

Суман 2010 – Suman, Chain Ram. *Miracles of Jagatguru Ravidass Ji*. Publication of Shri Guru Ravidass Janam Sthan Mandir, Seer Goverdhanpur. Banaras.

Тханди 2006 – Thandi, Shinder S. Punjabi Diaspora and Homeland Relations // *Seminar*. (Web-edition). New Delhi. №567 (November) <http://www.india-seminar.com/semframe.html>

Хоули 2004 – Hawley, J.S, Juergensmeyer, M. *Songs of the Saints of India*. ND. (Tenth impression 2011).

ТРАКТОВКА БУДДИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Буддизм в Южной Азии имеет уникальную судьбу – он зародился в середине VI в. до н.э. в исторической Индии, обрел массовую опору, был востребован как религия в крупных имперских державах древности, но, не удержавшись в центрах власти южноазиатского субконтинента, распространился по периферии региона, влияние его сократилось до остаточных нестатусных в преимущественно индусском социуме отдельных групп. По количеству адептов буддийская община сегодня – одна из самых малочисленных конфессий республики Индия (менее 1% населения – небольшое число в сравнении не только с индусами, составляющими более 80%, но и другими религиозными общинами, исповедующими ислам, сикхизм, христианство).

В современной Индии «буддийский мир» представлен, несмотря на общую малочисленность общины, всеми основными направлениями буддизма: буддизм тхеравады (Северо-Восточная Индия: Бихар и Орисса), махаяны и ваджраяны (Северная Индия: Ладакх, Химачал-Прадеш и Сикким), включая буддистов – тибетских беженцев, обосновавшихся в районе Дхармсалы, а также необуддизм – наваяна (Западная Индия: Махараштра). Упадок буддизма в центральных районах Индии (XII–XIII вв.) сопровождался, между тем, закреплением его позиций на юге – в Шри-Ланке – и на севере – в Непале, Тибете, Бутане и Сиккиме (ныне штат Индии), где он и по сей день является массовой религией.

Более того, буддизму суждено было получить историческую «компенсацию» – выйти за пределы южноазиатского региона и стать мировой религией (в отличие от индуизма). Сегодня буддизм властвует над умами сотен миллионов последователей в Юго-Восточной и Центральной Азии, на Дальнем Востоке, шагнул в Европу и Америку.

* Институт стран Азии и Африки МГУ

Обретенный буддизмом статус мировой религии дает свой «ответ» и на жителей Индии, «променявших» его когда-то на индуизм. По идейно-культурному влиянию буддизм продолжает занимать особое положение своего рода «цивилизационного кода», знакового феномена в определении ценностных ориентиров жителей Индии, по-прежнему считается неотъемлемой частью духовной культуры индийцев, вне зависимости от их религиозной принадлежности.

Речь, таким образом, пойдет не о буддизме как религии, и не о положении отдельных буддийских общин в Индии, а о буддизме вне религиозного дискурса, иными словами, о буддизме как этическом и эстетическом феномене, а также о значении буддийской традиции в жизни индийцев, исповедующих в своем большинстве другие религии, или же о деятельности представителей буддийской общины, направленной на консолидацию индийского общества в целом.

Философские и этические воззрения буддизма, относящиеся к разряду высших достижений индийской мысли, и поныне – гордость индийской интеллектуальной традиции. Обращение к буддийской тематике характерно и для современной философской литературы Индии (С. Радхакришнан, М. Хириянна, П.Т. Раджу, С.Н. Дасгупта и др.), в которой буддизм занимает почетное место в современной «философии ценностей». С. Радхакришнан, будучи не только ученым-философом, но и государственным деятелем «эпохи Неру», разъясняя смысл государственной символики независимой Индии в своих публичных выступлениях неоднократно указывал на ее буддийские истоки: «Колесо Ашоки (*чакра*), изображенное на белой полосе индийского флага – наш символ чистоты и святости помыслов и стремления к Истине» [Радхакришнан 2007: 386] .

Буддизм для представителей иных религий, порожденных Индостаном, занимает уникальное место – он принадлежит одновременно всем и никому. Неслучайно огромное количество публикаций по буддизму в современной Индии, значительное число буддийских научных центров, занимающихся проблемами буд-

дийского наследия: охране буддийских памятников, сохранению, переводу и публикации буддийских текстов. Жива и популярна традиция паломничества к священным местам, связанным с важнейшими вехами становления и развития буддизма: Бодх-Гайя, Сарнатх, Раджагриха, Паталипутра и др. Буддийские архитектурные памятники и ансамбли считаются жемчужинами индийского зодчества – такие, например, как ступа в Санчи. Индия пышно отпраздновала 2500-летие (1956) и 2550-летие (2006) *паринирваны* Будды, ознаменовав их проведением многочисленных конференций и симпозиумов по проблемам буддийского наследия, основанием центров по изучению буддизма (Centres for Buddhist Studies) при ведущих университетах Индии и центров по изучению буддийских медитативных практик (Vipassana centres). Продолжают свое существование буддийские университеты в Наланде, Дхармсалле. В жизни индийцев велико значение храмового комплекса Махабодхи махавихара в Бодх-Гайе, где, по преданию, Будда достиг озарения.

Для современной Индии характерна практика возведения современных статуй Будды и ступ – ярким примером первого может служить колоссальное изваяние Будды, доминирующее над водохранилищем Хусейн Сагар в центре Хайдарабада – оно было установлено в 2006 г., второго – гигантская ступа Вишва Шанти, возведенная в 2007 г. в мемориале Радж Гхат в Дели, священном месте кремации Махатмы Ганди. Важным объектом паломничества является мемориал Чайтья-бхуми на месте кремации Б.Р. Амбедкара в Дадаре.

Буддийская культура, став составной частью мировой цивилизации, отразившись в мировой литературе, философии и искусстве, продолжает свою жизнь и в современной индийской литературе и искусстве, разрабатывающих буддийские сюжеты. «Джатаки», «Дхаммапада» – составная часть общеиндийского литературного наследия.

В современной Индии издаются как палийские буддийские источники (буддийский канон «Типитака» и его важнейшие составляющие части – «Виная-питака», «Сутта-питака», «Абхидхамма-

питака»; комментаторская литература (Нагасена, Буддхагхоша, Буддхадатта, Дхаммапала); неканонические сочинения – «Милинда-паньха», так и санскритские буддийские источники («Дивья-авадана», «Лалитавистара», «Махавасту», «Ашокавадана»); труды буддийских санскритских авторов (Ашвагхоша, Нагарджуна, Васубандху, Дхармакирти), эпиграфические и литературные источники, сочинения китайских буддийских паломников Фа Сяня, Сюань Цзана и И Цзина.

Переиздаются труды буддийских реформаторов, просветителей и общественно-политических деятелей колониального периода (таких как Анагарика Дхармапала, Ананда Кумарасвами), работы современных буддийских идеологов и философов.

Огромный интерес современных индийцев к буддийским экспозициям в Национальных музеях Индии. Интеллектуалы воздают должное художественным ценностям выставленных творений, массовые посетители (со всей очевидностью не буддисты, а индусы) совершают пуджу перед скульптурными или иконографическими изображениями Будды, а также перед изображениями Будды в современной живописи, полагая его составной частью индуистского пантеона. Буддийские верования инкорпорированы индуизмом и сосуществуют с ним на уровне народных культов и бытовой традиции.

Эта «инклюзивная» тенденция прослеживается не только на уровне массового религиозного сознания, но и в современной политической деятельности индуистских партий и общественных организаций, начиная со старейших ХМС (Хинду махасабха) и РСС (Раштрия сваямसेвак сангх), относящих буддизм (наряду с джайнизмом и сикхизмом) к разряду «своих», рожденных на местной почве религий (*свадешу*), в отличие, например, от «чужих», пришлых – ислама и христианства (*видешу*).

К буддийской фразеологии и символике обращаются люди, не относящие себя к буддистам по вероисповеданию и апеллирующие к секуляризму и универсализму. Как отмечает нобелевский лауреат Амартья Сен в своей ставшей бестселлером книге «The Argumentative Indian», буддийское толерантное отношение к иным

по отношению к буддизму ценностям и воззрениям, а также практика публичных дискуссий, берущая начало в глубокой древности, стали основой для идей секуляризма и демократии, создания атмосферы «интеллектуальной гетеродоксии» в современной Индии [Сен 2005: 15–17].

Реформаторская и просветительская деятельность представителей буддийской мысли в Южной Азии, охватившая территориально как Индию, так и сопредельные страны, берет начало в последней четверти XIX в. и связана с такими именами, как Анагарика Дхармапала (1864–1933) (современники называли его «вторым Ашокой»), Валисинха Харишчандра и Ананда Кумарасвами. Они стояли у истоков концепции «буддийского национализма» и способствовали развитию классической буддологии в Южной Азии. Важную роль в популяризации буддийских ценностей среди индийцев самых различных конфессий сыграли Раджендралал Митра, Хара Прасад Шастри, Сатиш Чандра Вибхусан.

Одним из направлений деятельности активистов «Буддийского возрождения» последней четверти XIX – первой половины XX в. явилось так называемое движение в защиту буддийских святынь. Оно оказалось значимым не только для последователей буддизма в Индии, но и для индийцев других религиозных общин, ратовавших за возрождение национальных культурных символов. В 1891 г. было основано Общество Махабодхи для защиты буддийских ценностей в Бодх-Гайе, а в октябре того же года организована там международная буддийская конференция с участием представителей Индии, Цейлона, Китая, Японии с целью выкупить буддийский храм в Бодх-Гайе и превратить его в центр по распространению буддийских знаний, где бы преподавали ученые монахи из различных азиатских стран. Большое внимание уделялось также восстановлению буддийских памятников в Сарнатхе, Лумбини, Санчи, Кушинагаре, Раджагрихе.

Буддийский экуменизм предполагал очищение азиатских обществ от старой традиционной религии и укрепление новой модернизированной религиозности, призванной создать базу для кооперирования практической деятельности различных буддий-

ских конфессий, для формирования единой мировой общности буддистов.

Интерес Запада к буддийской философии, тесные контакты буддийских деятелей с теософским движением, их стремление к изменению «удельного веса» буддизма как в Индии, так и за ее пределами привели лидеров движения в защиту буддизма к мысли о миссионерской деятельности в странах Европы и Америки. Это положило начало «экспорту буддизма». Анагарика Дхармапала, представлявший буддистов на Всемирном конгрессе религий в Чикаго в 1893 г., заявил: «Не подлежит сомнению, что американцы и другие западные народы утратили веру в христианство и готовы принять учение нашей возвышенной религии» [Дхармапала 1965: 6]. Он совершал неоднократные пропагандистские поездки по странам Европы и Америки, в том числе по Англии и США. При его активном участии были созданы Общество Махабодхи в Лондоне и целый ряд филиалов в европейских странах [Сангхаракшита 1964: 82–84].

Буддийские идеологи, говоря о зарождении буддизма как оппозиции «аристократическому брахманизму», ссылались на канон и на историю сангхи как на источник демократических идеалов. В выступлении на упоминавшемся выше Всемирном конгрессе религий в Чикаго «Чем мир обязан Будде?», в котором один из разделов назывался «Религия и социальные проблемы», Анагарика Дхармапала подчеркивал, что основной целью буддизма является достижение на земле всеобщего братства. Дхармапала особо отмечал глубокий гуманизм буддизма. Он призывал к мирным отношениям между различными народами, осуждал войны и кровопролитие [Дхармапала 1965: 20]. В 1899 г. во время поездки по Северной Индии в открытом письме, написанном в Сахаранпуре, он призывал: «Откройте глаза и смотрите, слушайте крики печали. Не рассчитывайте, что кто-то позаботится о вас, потому что Всемогущий не считает времени по вашим часам. Для него тысяча лет – один час, и неразумно с вашей стороны сидеть сложа руки. Поднимайтесь, мои братья, ибо жизнь в этом мире коротка» [Сангхаракшита 1964: 76–77]. В речи, произнесенной летом 1915 г. в Бен-

гальской медицинской академии в Калькутте, он отметил, что буддизм по самому своему происхождению является «социальной этикой» [Бенц 1966: 40–41].

Внимание Дхармапалы привлекала проблема трактовки вопроса о кастовом, социальном и расовом неравенстве. Обратившись к буддийским текстам («Дигха-никае», «Ангуттара-никае», Мадждхима-никае», «Самъютта-никае»), он пришел к выводу, что в них «кастовая теория осуждена и подвергнута осмеянию как порочная по своей природе» [Дхармапала 1965: 142]. Буддийский реформатор не отвергал понятие «каста» вообще, но выступал против того, чтобы человек был отнесен к какой-либо касте от рождения. С его точки зрения, каста может быть обретена и это определяется жизненным поведением: «Простейшим путем определения касты или религии человека является выяснение его каждодневных занятий, в чьих интересах он затрачивает свою жизненную энергию» [Там же: 143]. Вопрос о кастах он связывал с вопросом о равенстве людей в целом и расовом равенстве, в частности. «Разница между человеком и человеком состоит не в цвете кожи, а в характере» – говорил он [Там же: 143–144].

Отправной точкой для подхода реформаторов к проблеме модернизации послужило представление о здоровом смысле как методе критического подхода к религиозным догмам и обычаям. Приемлемость тех или иных положений буддизма выводилась из их соответствия переосмысливаемому пониманию мира, новому соотношению веры и знания. В «Буддийском катехизисе», крайне популярном среди буддийских активистов первой половины XX в., отмечалось: «Как и всякая другая религия, просуществовавшая много веков, он, несомненно, содержит как истинные, так и неистинные положения..., благородные моральные принципы Будды и то, что должно быть устранено для его же блага» [Олкотт 1881: 20]. Буддийскими реформаторами были предприняты попытки приспособить религию к современным представлениям, подчеркнуть «рациональность» буддизма, доказать, что он не только не противоречит новейшим научным открытиям (теориям эволюции, наследственности, законам сохранения и превращения

энергии, причинности и т.п.), но и «предугадал» их за два тысячелетия назад. Они указывали, что научные открытия изложены в буддийских канонических сочинениях в символической или аллегорической форме. Многие высказывания Будды нужно понимать метафорически, а не буквально и соотносить с новыми достижениями науки. Буддийские идеологи утверждали, что «буддизм – это научная религия, поскольку она... учит, что ничто не должно приниматься на веру» [Дхармапала 1965: 20], что метод постижения истины в науке и буддизме одинаков: он основан не на слепой вере, а на практическом познании мира: доказательства можно получить лишь опытным путем. Истина в буддизме не возвещается свыше, она должна быть увидена путем медитации, выступающей как средство проверки достоверности буддийской доктрины, своего рода экспериментальная лаборатория.

Анагарика Дхармапала не раз отмечал в своих статьях, что «чрезмерная вера и недостаточный разум пагубны», что «буддизм равноценен знанию в других науках» [Дхармапала 1946: 16]. Он подчеркивал глубокую философскую насыщенность буддизма. Буддийские реформаторы старались подчеркнуть, что буддизм – это «реалистическая доктрина..., свободная от сверхъестественного и лишенная всех антропоморфных концепций» [Дхармапала 1954: 3]. Анагарика Дхармапала писал, что буддизм «свободен от теологии, служителей культа, ритуалов, церемоний, догм, рая, ада и прочих теологических примет» [Дхармапала 1965: 27], а в «Буддийском катехизисе» указывалось: «Из всех религий он один учит наивысшему благу без бога, продолжению бытия без души, блаженству без неба, святости без Спасителя, искуплению одними собственными силами, без обрядов, молитв и покаяния, без посредства святых и духовенства; он учит, наконец, совершенству, осуществимому уже в земной жизни... Слово религия неприменимо к буддизму; он не религия, а нравственная философия» [Олкотт 1881: 20].

Признание рационального характера буддизма влекло за собой реинтерпретацию его целей как направленных на социальную реформу и строительство нового эгалитарного общества, выделение

приоритета социально-этического начала. Буддийские реформаторы стремились ввести новый тип медитации не только для монахов, но и для мирян, ориентированный не на достижение нирваны, а на социально значимые цели – обретение самоконтроля, самодисциплины, необходимые буддисту в его активной борьбе за процветание своей религии. Изменяется и само понятие нирваны, под которой подразумевается «жизнь в самопожертвовании и благотворительности, всеобъемлющей любви ко всему сущему и просвещенном разуме» [Дхармапала 1965: 8].

Буддийские идеологи первой половины XX в. пытались сочетать традиционные религиозные стереотипы массового сознания с модернизированным буддизмом, совмещать религиозную мораль и религиозные нравственные ценности со светским практическим подходом к решению социально-экономических и политических проблем. Большое значение в плане популяризации буддизма сыграли европейские ученые, которые стали осваивать санскрит, пали, издавали словари, переводили на английский язык исторические хроники, публиковали труды по истории буддизма [Бапат 1976: 122–140, 534]. Огромное значение для развития буддологических исследований имело создание в 1881 г. М. Мюллером и Т.В. Рис Дэвидсом Общества палийских текстов, а также основание в 1907 г. Буддийского общества Великобритании и Ирландии.

1947 г. (обретение национальной независимости) и 1956 г. (празднование 2500-летия паринирваны Будды) стали важными вехами в возрождении буддийских ценностей в индийском обществе. Безвозмездный труд на благо общества (*Сарводая шрамадана*) трактовался как традиционная *дана* – пожертвование на благо буддийской общины. В его рамках были определены и сформулированы возможные пути участия сангхи в современной общественно-политической жизни, включая деятельность в области образования и воспитания молодежи, а также в социальных программах по повышению уровня жизни населения. Важным направлением в деятельности сангхи стало участие в буддийском экуменическом движении в рамках Всемирного братства будди-

стов и других международных буддийских организаций, а также борьба за мир и нераспространение ядерного оружия [Сверер 1970: 51].

Экуменические тенденции, свойственные буддизму на всех этапах его существования, проявились в XX столетии в попытках создать «общебуддийские» организации, не привязанные к той или иной конкретной школе буддизма, на основе идеи единства *тхеравады*, *махаяны* и *ваджраяны* и претворились в деятельность целого ряда буддийских групп и объединений [Там же: 87].

Идеи «обмирщения» буддизма нашли выражение в формировании буддийских центров медитации для мирян, где монахи занимаются совместно с мирянами практикой медитации, – ориентирующих последователей не на уход от мира и отрешение от мирских забот, а на раскрытие буддийской мудрости в миру. Широко пропагандируемая практика мирской медитации расценивается как средство для обретения самоконтроля, самодисциплины, воспитания в себе бескорыстия, необходимых для служения своей стране, сокращения пропасти между религиозной практикой и повседневной жизнью. Значительный контингент центров медитации составляют помимо индийцев, как буддистов, так и представителей других конфессий, европейцы и американцы, принявшие буддизм. Их привлечение к буддийской активности рассматривается как важная составная часть прозелитической деятельности буддийской общины, активно участвующей в создании центров за пределами ареала традиционного распространения буддизма [Дхаммавихари 1992: 3–9].

Образ Будды присутствует в общественной мысли Индии XIX–XX в. и за пределами буддийского дискурса. К нему обращаются самые различные мыслители – как в плане вдохновения, так и в плане неприятия. Ярким примером первого является использование буддизма индийскими универсалистами, проповедовавшими равенство и равнозначность всех религий. Так, несмотря на опорную риторику, базирующуюся на индусской образности, М.К. Ганди и его сторонники обращались в идейном обрамлении сатьяграх и к буддийским символам. Так освещает в своих мемуа-

рах знаменитый «соляной поход» 1930 г. один из ближайших сподвижников Ганди Махадев Десаи: «Я видел в нем, Гандиджи, идеального вайшнав, Господа Раму, отправившегося на завоевание Ланки. И более того, я вспоминал о великом походе Господа Будды, предпринятом для обретения божественной мудрости. Будда начал этот поход, прощаясь с миром, пробираясь через темноту, вдохновляемый миссией облегчения участи страдающих и угнетенных... Что еще можно сказать об этом марше кроме того, что он в точности напоминал великий поход отречения Будды?» [Десаи 1978: 137].

Примером критического подхода стал реформатор индуизма Свами Вивекананда, негативно оценивавший буддийский фатализм и противопоставлявший ему философию активного действия – *карма-йогу* [Мехта 2005: 162–163].

Образы буддизма использовались секулярными деятелями современной Индии (Дж. Неру, А.К. Азад и др.), нашедшими в морально-этических принципах буддизма основу для единения индийцев в рамках общества, разделенного этническими, конфессиональными, социальными и кастовыми барьерами. Их привлекали толерантность буддизма по отношению к другим верованиям, абстрагированность от этнической принадлежности адептов, отрицание нетерпимости на кастовой основе, идеи равенства возможностей на пути морального совершенствования. Современное индийское государство опирается на символику, основанную на буддийской традиции. Так, символом республики Индия является Львиная капитель Ашоки с четырьмя львами, развернутыми на четыре стороны света, а на национальном флаге Индии изображена *чакра*, «колесо Учения».

Дж. Неру в своей знаменитой книге «Открытие Индии» [Неру 1989, I], известной каждому образованному индийцу, уделил значительное внимание буддизму и его роли в становлении индийской цивилизации в главах «Махавира и Будда. Касты», «Учение Будды», «История Будды», «Ашока», «Преемственность индийской культуры». Он подчеркивает, что буддизм для индийцев – не религия, а историко-культурный феномен, образность,

имманентно присущая индийскому менталитету, направленному на поиск «золотого сечения» между приятием жизни и отрешением от нее. Он повествует о веротерпимости буддизма, противопоставляя его растущему коммунализму в индийском обществе. Радуя за единство и неделимость Индии, он пишет о буддизме как религии централизованных объединенных государств, преподнося Ашоку как великого собирателя индийских земель и мудрого правителя.

Особое внимание Дж. Неру уделяет концепции «срединного пути», далекого от крайностей, кладет его в обоснование доктрины политического центризма, идей синтеза, консенсуса, социальной гармонии, преодоления конфликтности и выражает их формулой «Единство в многообразии» («Unity in Diversity»): «Образ Будды, с любовью воспроизведенный тысячами рук в камне, мраморе и бронзе, словно символизирует весь дух индийского мышления, или, по меньшей мере, один его жизненно важный аспект. Будда оставил отпечаток на образе мышления человечества и являет собой законченный образец спокойствия и кроткого величия, безграничной любви ко всему, что дышит, и жалости ко всему, что страдает, образец совершенной нравственной свободы и освобождения от всякого нравственного предрассудка. И страна, и народ, способные дать столь изумительный тип человека, должны обладать большим запасом мудрости (*праджня*) и внутренней силы (*тапас*)» [Неру 1989: 201–202].

Эти же принципы он кладет в основу международной политики равноудаленности от военных блоков – политики неприсоединения и следования принципам «*панча шила*» (пяти нравственных добродетелей), политической интерпретации кодекса образцового поведения в буддизме: уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование.

Интересная «перекличка» мыслей обнаруживается при сопоставлении работ Дж. Неру с воззрениями крупных европейских философов, историков, деятелей культуры XX в. О сохранности буддийской учености и живой традиции передачи буддийских

знаний в Индии начала XX в. писал Ф.И. Щербатской в письмах С.Ф. Ольденбургу [Бонгард-Левин 1972: 18–19]. Альберт Швейцер в известном труде «Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика» отмечает: «Будда дал Индии то, чего она еще не имела: этическое учение, созданное на основе философской мысли» [Швейцер 2002: 118]. И далее: «Хотя буддизм и прекратил в Индии свое существование, это не означает, что учение Будды оказалось ненужным для Индии....Его этическое учение стало всеобщим достоянием. Его влияние заметно еще и сегодня» [Там же: 134]. Арнолд Тойнби в своей публичной лекции «Единый мир и Индия», прочитанной им в Дели в 1959 г. размышлял о значимости принятия буддизма Ашокой для последующего развития всей индийской истории и ментальной традиции, впитавшей идеи веротерпимости, неприятия войн и насилия. По его мысли, именно эти буддийские принципы могут быть положены в основу единения народов мира [Тойнби 1960: 18–19].

Знаменательно появление трудов со сравнительной характеристикой буддизма и других религий – буддизма и индуизма, буддизма и христианства, а также с сопоставлением буддизма и марксизма, буддизма и социализма и т.п., в которых буддизм выводится из религиозного дискурса и помещается в разряд идеологических построений (например, у Б.Р. Амbedкара и Э.М.Ш. Намбудирипада). Сравнение буддизма и марксизма осуществляется с разных позиций: как возможности синтеза, так и отрицания каких-либо взаимосвязей. Наиболее значимыми представляются труды Б.Р. Амbedкара «Буддизм и индуизм» и «Будда или Карл Маркс» [Клюев 2002: 42–44].

Невысокое положение буддистов в социальной структуре современного индийского общества побуждает последователей этой религии к использованию буддистских лозунгов и риторики в различного рода протестных движениях социально-политического и социально-экономического характера, нередко с несвойственными духу буддизма агрессивными проявлениями. Интересны в этом плане далиты-необуддисты, последователи Б.Р. Амbedкара, ибо побудительные мотивы их выбора – социальные (стремление из-

бежать низкого статуса), а не собственно религиозные (выбор буддизма как более подходящей религии), однако эта тема, нашедшая отражение в работах Е.С. Юрловой [Юрлова 2003], Б.И. Ключева [Ключев 2002], А.В. Бочковской [Бочковская 2012] и ряда других отечественных и зарубежных исследователей, является, безусловно, предметом особого исследования и выводится нами за рамки рассмотрения в данной работе.

Библиография

Батат 1976 – Batat P.V. (ed.) *2500 Years of Buddhism*. Calcutta: Government of India. 1976.

Бонгард-Левин 1972 – Бонгард-Левин Г.М. (отв. ред.). *Индийская культура и буддизм*. М.: Наука. 1972.

Бочковская 2012 – Бочковская А.В. Прах для памяти и единения// Глушкова И.П. (отв. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М.: Наталис. 2012.

Десаи 1978 – Desai M. *The Great March// Navajivan*, 16 March, 1930. Цит. по: *Rule, Protest, Identity. Aspects of Modern South Asia*. L.: Cambridge University Press. 1978.

Дхармапала 1965 – *Dharmapala, Anagarika. Return to Righteousness: A Collection of Speeches, Essays and Letters of the Anagarika Dharmapala* (ed. by A. Guruge). Colombo.: Government Press. 1965.

Дхармапала 1954 – Dharmapala, Anagarika. *Buddhism in its Relationship with Hinduism*. Calcutta: Maha Bodhi Society. 1954.

Дхармапала 1946 – Dharmapala, Anagarika. *The Psychology of Progress or the Thirty-Seven Principles of Bodhi*. Colombo: Maha Bodhi Society. 1946.

Дхаммавихари 1992 – Dhammavihari, Bhikkhu. *The Message of Buddhism from Buddha to Asoka. Its Relevance to the 21st Century*. Varanasi. 1992.

Ключев 2002 – Ключев Б.И. *Религия и конфликт в Индии*. М.: ИВ РАН. 2002.

Мехта 2005 – Mehta V.R. *Foundations of Indian Political Thought. An Interpretation (From Manu to the Present Day)*. N. Delhi.: Manohar. 2005.

Неру 1989 – Неру Дж. *Открытие Индии*. Книга первая. М.: Изд-во политической литературы. 1989.

Олкотт 1881 – Olcott H.S. *A Buddhist Catechism*. London: Theosophical Society. 1881.

Радхакришнан 2007 – Radhakrishnan, S. *The Flag of Dharma //Modern Indian Speeches. 1877 to the Present*. Ed. by R. Batabyal. N. Delhi.: Manohar. 2007.

Свереп 1970 – Swearer D.K. *Buddhism in Transition*. Philadelphia.: University Press. 1970.

Сен 2005 – Sen, Amartya. *The Argumentative Indian. Writings on Indian Culture, History and Identity*. Delhi, Penguin books. 2005.

Тойнби 1960 – Тоунбее, А. *One World and India*. N. Delhi.: ICCR. 1960.

Швейцер 2002 – Швейцер А. *Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика*. М.: Алетейа. 2002.

Юрлова 2003 – Юрлова Е.С. *Индия: от неприкасаемых к далитам*. М.: ИВ РАН. 2003.

ИНДИЯ: РЕСУРСЫ, ХОЗЯЙСТВО, РАЗВИТИЕ

А.В. Акимов*

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ИНДИИ И КИТАЯ ДО 2050 г.

Китай и Индия являются крупнейшими по численности населения странами и одними из самых крупных экономик мира, так что прогноз развития этих государств является важным моментом для определения перспектив мирового развития. Ниже представлены результаты расчетов автором этой статьи прогнозной численности населения этих стран, их обеспеченности земельными и водными ресурсами для ведения сельского хозяйства и роста потребности в топливно-энергетических ресурсах, а также некоторые индикаторы различий сложившихся моделей социально-экономического развития этих стран, и качественные сценарии развития, вытекающие из сложившихся тенденций. Методика расчетов описана в ранее опубликованных работах автора [Акимов 1992; Акимов 2008].

Дан сравнительный анализ пятилетних планов развития экономики Индии на 2012–17 гг. и КНР на 2011–15 гг. в качестве индикаторов проблем, стоящих перед этими странами.

Прогнозные расчеты

Представленные в таблицах 1–4 данные прогнозных расчетов основаны на операциональном описании демографического перехода – (методике смены режимов демографического развития). Этот подход позволяет связать демографический переход, а, следовательно, темпы роста численности населения, с социально-экономическим развитием стран.

По прогнозу Китай к 2050 г. не только завершает демографический переход, но и быстро приближается к прекращению роста численности населения, в то время как в Индии лишь после 2020 г. сформируются параметры воспроизводства населения, характер-

* Институт востоковедения РАН

ные для стран, прошедших демографический переход, причем это происходит в рамках сценария, названного реальным.

Этот сценарий для Индии сформирован как промежуточный между средним и минимальным сценариями демографического прогноза. Традиционно демографический прогноз дается в максимальном, минимальном и среднем вариантах. При прогнозе численности населения Индии по среднему сценарию, который предусматривает инерционное развитие по сложившемуся в последние десятилетия типу воспроизводства (медленное падение рождаемости), численность населения Индии в первой половине XXI века выростала столь значительно, что плотность населения страны оказывалась слишком высокой при все еще преобладающем сельском населении.

Таблица 1.

Прогноз численности населения до 2050 г. по реальному сценарию, млн чел.

Год	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Китай	1373,7	1426,0	1480,2	1536,6	1555,9	1575,4	1595,2	1615,3	1635,6
Индия	1218,2	1345,0	1449,0	1561,0	1640,6	1703,1	1767,9	1835,2	1858,2

Источник: расчеты автора

Таблица 2.

Потенциально доступные для обработки пахотные земли, га/чел., реальный сценарий

Год	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Китай	0,10	0,10	0,09	0,09	0,09	0,09	0,09	0,09	0,08
Индия	0,14	0,13	0,12	0,11	0,10	0,10	0,10	0,09	0,09

Источник: расчеты автора

Таблица 3.

Пресная вода на душу населения, куб. м в год, реальный сценарий

Год	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Китай	2109	2031	1957	1885	1862	1839	1816	1793	1771
Индия	1557	1410	1309	1215	1156	1114	1073	1033	1021

Источник: расчеты автора

Таблица 4.

**Потребность в топливно-энергетических ресурсах (ТЭР)
в угольном эквиваленте в млн т у. т., реальный сценарий**

Год	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Китай	2442,4	3018,5	3730,5	4609,8	5082,5	5603,7	6178,3	6811,9	7510,4
Индия	801,2	1098,7	1470,2	1967,3	2568,3	3311,5	4269,9	5505,5	6827,6

Источник: расчеты автора

Таким образом, первым существенным отличием в прогнозах численности населения Китая и Индии является то обстоятельство, что в Китае проблема чрезмерно высоких темпов роста численности населения решена, а в Индии нет, и это не исключает катастрофического сценария развития для Индии.

В таблице 1 представлена динамика численности населения Индии по сценарию, который не выходит за рамки экологических ограничений, но и в этом случае рост численности населения этой страны будет очень существенным, и на фоне продолжения в Китае политики по ограничению рождаемости, Индия к 2025 г. выходит на первое место в мире по численности населения.

Большие масштабы численности населения Индии и Китая и быстрый рост населения в этих странах остро ставит вопрос о продовольственном обеспечении этих стран. В таблицах 2 и 3 показана ситуация с двумя основными факторами сельскохозяйственного производства: землей и водой. Их сочетание необходимо для ин-

тенсивного сельскохозяйственного производства. В обеих странах происходит сокращение сельскохозяйственных земель. Если в Китае обеспеченность пахотной землей примерно в полтора раза ниже, чем в Индии, то к концу прогнозного периода в Индии этот показатель падает до уровня КНР, и в обеих странах на душу населения придется менее 10 соток пахотных земель.

Ситуация с обеспечением пресной водой еще более напряженная. Уровень менее 5000 куб. м в год на человека считается границей, ниже которой начинаются затруднения с водообеспечением. Ниже уровня 2000 куб. м на чел. в год трудности с водообеспечением носят постоянный характер. Индия уже сейчас имеет низкий уровень обеспеченности пресной водой, а в перспективе острота проблемы увеличивается очень значительно. В Китае в силу меньшего роста населения острота проблемы радикально не меняется.

Помимо расчета обеспеченности ресурсами для производства продовольствия проведены расчеты потребности Индии и Китая в топливно-энергетических ресурсах. Именно они обеспечивают развитие современного индустриального общества и не утрачивают важности в постиндустриальном. Расчеты потребностей проведены умножением душевого уровня потребления ТЭР на прогнозную численность населения. Душевой уровень устанавливается как макроэкономический норматив по примеру ныне развитых в экономическом отношении стран.

В операциональном описании демографического перехода через страны-эталоны возможно сопоставление социально-экономического уровня стран с фазой и режимами демографического развития. Таким образом, степень продвижения по пути демографического перехода позволяет определить уровень социально-экономического развития, соответствующий ключевым фазам демографического пути, а к этим моментам привязаны душевые нормативы потребления ТЭР. В промежутки между этими периодами душевые нормативы определяются интерполяцией. Для КНР максимальный душевой норматив, достигаемый после завершения демографического перехода, установлен в 5 т. у.т. на человека

в год, то есть на уровне среднего в ныне развитых индустриальных странах (за исключением США и Канады), а для Индии – 4,5 т у.т./чел. в год, как в странах Южной Европы.

За прогнозный период потребности КНР вырастают в 3,8 раза, а Индии в 12 раз, что выводит эти страны в число основных игроков на мировом рынке топлива. Возможности покрытия этих потребностей и их источники нуждаются в особом исследовании.

Сценарии развития Китая и Индии до 2050 г.

В качестве обобщения анализа тенденций развития Китая и Индии до 2050 г. ниже представлены сценарии развития этих стран. Для Индии они показаны на рис. 1.

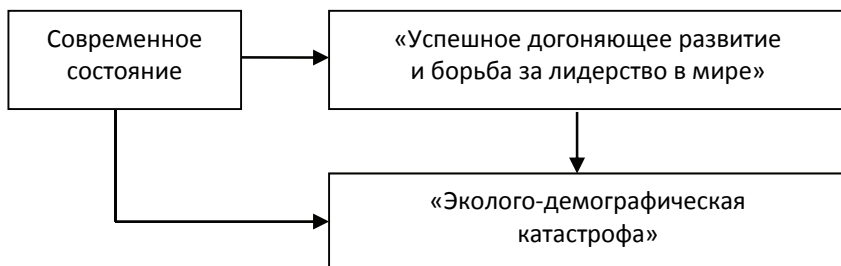

Рис. 1. Возможные сценарии развития Индии

Источник: составлено автором

«Эколого-демографическая катастрофа». Большое население, особенно в сельской местности, и ограниченные экономические ресурсы, недостаточные для реализации широкомасштабных программ модернизации экономики в целом и сельского хозяйства в частности, создают условия для экологического кризиса большого масштаба, поскольку уже многие десятилетия в Индии нарастает аграрное перенаселение, которое ведет к разрушению природной среды в деревне. По словам В.Г.Растяникова: «Современная Индия переживает острейший кризис, несмотря на головокружительные успехи экономического роста за последние десятилетия. Червоточина этого кризиса под названием «давление

населения на землю» (pressure of population on land) весьма болезненно ощущалась крестьянами Индии еще в 30-е годы XX века, к началу XXI века она разрослась в огромную раковую опухоль. Этот кризис имеет перманентный характер. Его причина – не конъюнктурно-рыночного происхождения, не некий особый феномен спада экономического цикла, это кризис самих фундаментальных основ земледельческого производства, исторически главной сферы экономической деятельности народов Индии. Первопричина этого кризиса – чрезмерно интенсивный, не соотносящийся с массой имеющихся природных ресурсов рост населения» [Растянников 2010: 9]

Состояние современного сельского хозяйства Индии характеризует тот факт, что производство продовольственного зерна на душу населения в начале XXI в. ниже, чем в конце XIX в. [Растянников 2010: 95]

Как пишет А.М. Горячева: «Уже сейчас страна отягчена таким количеством «избыточного», бедного, неграмотного и больного населения («биомассой», по выражению одного индийского социолога), что ее никак не удастся включить в современный экономический процесс (inclusive growth). Руководство страны отдает себе отчет в том, что даже темпы экономического роста в 8–10% в год не могут решить проблему кардинально». [Горячева 2010: 109]

Таким образом, вероятность кризисного сценария развития в Индии велика.

«Успешное догоняющее развитие и борьба за лидерство в мире». Создатели аббревиатуры БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), обозначающей страны с большим потенциалом развития в XXI веке, из международной консалтинговой фирмы Голдман Сакс считают, что при успешном развитии к 2050 г. экономика Индии по своим масштабам может превысить экономику США. Для этого, по мнению экспертов из Голдман Сакс, Индии нужно решить десять основных задач, решение которых позволит значительно ускорить темпы социально-экономического развития и к 2050 г. добиться высокого статуса в мировом сообществе. Эти задачи сформулированы следующим образом [Нейл, Поддар 2008: 16]:

1. *Улучшение государственного управления.* Без этого сложно рассчитывать на улучшение системы образования, создание инфраструктуры, повышение продуктивности сельского хозяйства и устойчивое экономическое развитие.

2. *Развитие системы общего образования.* Задача состоит в том, чтобы сделать начальное и среднее образование всеобщим, поскольку в настоящее время лишь часть детей ходит в школу. Всеобщее образование может стать мощным рычагом для раскрытия потенциала нации.

3. *Увеличение числа и повышение качества работы университетов.* Как считают специалисты Голдман Сакс, на противоположной части спектра системы образования Индия также нуждается в улучшениях для раскрытия потенциала ее растущего населения.

4. *Контроль инфляции.* Несмотря на то, что Индия не находится среди стран с очень высокой инфляцией, рост цен в последние годы заметно ускорился. Установление контрольных максимальных значений допустимых темпов инфляции должно обеспечить стабильность цен для гигантского населения страны.

5. *Проведение заслуживающей доверия денежной политики.* Без понятной обществу и деловым кругам предсказуемой денежной политики трудно бороться и инфляцией. Среднесрочные планы, включающие оценку государственных расходов, могут стать полезным инструментом.

6. *Либерализация финансового рынка.* Дальнейшая либерализация финансового рынка Индии может способствовать устойчивому экономическому росту.

7. *Увеличение торговли с соседними странами.* В настоящее время Индия является менее открытой с точки зрения внешней торговли страной, чем другие крупные развивающиеся страны и переходные экономики, особенно по сравнению с Китаем. Рекомендуемыми партнерами для расширения торговли являются крупные соседние страны: Китай, Пакистан, Бангладеш.

8. *Увеличение продуктивности сельского хозяйства.* Сельское хозяйство в условиях роста мировых цен может стать дополнительной возможностью Индии для роста. Необходимо разработать планы повышения продуктивности сельского хозяйства, которые могут быть направлены на удовлетворение глобальных потребностей в продовольствии.

9. *Улучшение инфраструктуры.* Современное качество инфраструктуры в Индии невысоко. Улучшения происходят, но они отстают от роста потребностей. Без развития инфраструктуры экономическое развитие будет иметь ограниченные возможности.

10. *Улучшение качества окружающей среды.* В области улучшения качества окружающей среды необходимо бороться за повышение энергоэффективности и большую экологичность энергетики. Второй задачей в этой области является улучшение водоснабжения и экологическая охрана пресных вод. Это необходимые условия для устойчивого роста.

Представляется, что решение этих задач вполне вероятно, так что Индия сможет реализовать свой потенциал догоняющего развития.

Рост роли Индии в мире в ближайшие десятилетия уже не вызывает сомнений, эта перспектива широко обсуждается: «В следующие 15–20 лет индийские лидеры будут бороться за многополярную международную систему, в которой Дели стал бы одним из таких полюсов, а также политическим и культурным мостом между поднимающимся Китаем и Соединенными Штатами. Все более уверенное поведение Индии на международной арене, питаемое главным образом экономическим ростом и успешным демократическим развитием, подталкивает страну к партнерству со многими государствами. Однако это партнерство нацелено на максимизацию самостоятельности Индии, а не на союз с какой-либо страной или коалициями стран» [Мир после кризиса 2009: 74]

Для КНР выделены следующие варианты развития: (см. рис. 2).

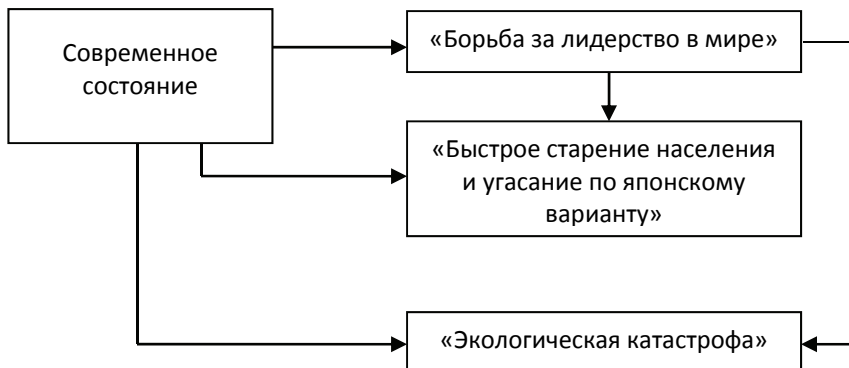

Рис. 2. Возможные сценарии развития КНР
 Источник: составлено автором

«Экологическая катастрофа». Специалисты, анализирующие ситуацию в Китае, указывают именно на эту опасность, как наиболее серьезную для будущего развития этой страны. Основные факторы, предопределяющие эту опасность – очень большая численность населения, особенно сельского, даже после трех десятилетий успешной демографической политики, и ресурсоемкий характер экономического роста. Экономические потери Китая от нарушения экологического равновесия и загрязнения окружающей среды оценивают от 10% до 20% ВВП, причем около 2/3 потерь от нарушения экологического равновесия и 1/3 от загрязнения окружающей среды. [Ушаков 2008: 37] Таким образом, можно считать, что 2/3 потерь связаны с чрезмерной нагрузкой на среду в сельской местности из-за перенаселения, а остальные связаны с современным промышленным производством. В целом же загрязнение воздуха и водных ресурсов определяют остроту экологической проблемы.

Наиболее чревата кризисом ситуация с разрушением природной среды в перенаселенной сельской местности, поскольку экологический кризис в этом случае перерастает в социальный. Что касается загрязнения вод и воздуха, то аналогичная ситуация возникла в Японии, Германии и США на стадиях интенсивного промышленного роста. Для решения этих проблем имеются техноло-

гические решения, но они требуют больших экономических затрат и проведения государственной политики по внедрению экологически безопасных технологий.

«Быстрое старение населения и угасание по японскому варианту». Одним из важных факторов успеха китайских реформ и быстрого экономического роста в результате их проведения стала демографическая политика, направленная на сокращение рождаемости в стране. Ее несомненный успех имеет обратную сторону – старение населения, то есть рост доли пожилых в населении страны. По имеющимся прогнозам к 2050 г. около 30% населения Китая будет старше 60 лет [Старение мирового населения 2002]. В настоящее время в Японии – стране с наиболее старой структурой населения, сталкивающейся с большими проблемами пенсионного обеспечения граждан и необходимостью переносить промышленное производство в другие страны из-за дефицита молодой рабочей силы, доля лиц старше 60 лет составляет 23%. К 2050 г. этот показатель в США достигнет 27%, то есть население Китая будет более старым, чем население США.

Очевидно, что Китай может потерять свое конкурентное преимущество как страна, обладающая достаточно квалифицированной, но дешевой рабочей силой. Удержать позиции «мастерской мира» при стареющем населении, которое будет нуждаться в социальном обеспечении, что будет отрывать средства от экономического развития, будет затруднительно. Китай станет похожим на современную Японию по своим достижениям и проблемам, но с гораздо более низким уровнем ВВП на душу населения.

«Борьба за лидерство в мире».

Как подчеркивают авторы доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир»: «Китай имеет предпосылки в ближайшие двадцать лет оказывать на мир большее влияние, чем какая-либо другая страна. Если нынешние тенденции не изменятся, к 2025 г. экономика Китая станет второй по величине в мире, а сам он – ведущей военной силой» [Мир после кризиса 2009: 13]. По различного рода оценкам, Китай может стать первой по масштабам экономикой

мира еще в первой половине XXI в. Важно отметить то, что экономика Китая будет лидировать не только по объемам, хотя и здесь ее отрыв от других впечатляет уже сейчас. Например, КНР находится на первом месте в мире по производству стали с гигантским отрывом от других государств: 568 млн т в 2009 г., Япония – 88 млн т, США – 58 млн т, Россия – 60 млн т. [Всемирная ассоциация производителей стали, 06.10.10] Аналогичная ситуация в энергетике, других отраслях металлургии, машиностроении. С 2004 г. Китай является крупнейшим в мире экспортером продукции цифровых технологий, опережая и Японию, и ЕС, и США [Промышленная политика Китая 2006: 50]. По абсолютному числу пользователей Интернета КНР находится на первом месте в мире (свыше 250 млн чел.) [Дамм 2009: 28].

КНР планирует долгосрочную стратегию развития. В ее разработке участвует Академия общественных наук, Академия наук, исследовательские центры Госсовета, Комитета по планированию развития Китая. При сопоставлении прогнозных оценок, сделанных ранее, и реальных результатов экономического развития оказывается, что прогнозные оценки были вполне реалистичны и весьма близки к тому, что осуществилось [Наумов 2001: 70].

Безусловно, КНР предстоит преодолеть немало препятствий на пути к экономическому лидерству, включая технологические, социальные, экономические, экологические проблемы внутри страны, а также сложности утверждения в качестве крупнейшей мировой державы в системе международных экономических отношений. Тем не менее, есть свидетельства тому, что США уже готовы принять Китай в этой его новой роли. Экспертные и политические круги США обсуждают концепцию «G-2» (механизм неформальных договоренностей между США и КНР) [Бергстен и др. 2008: 25–27], которая должна по сути дела заменить «G-7» и «G-8» (США, Канада, ФРГ, Великобритания, Франция, Италия, Япония и Россия).

Подводя итог сравнению перспектив развития Китая и Индии в ближайшие десятилетия, можно сказать, что основной задачей для Китая является удержаться на траектории устойчивого экономического роста и развития, а для Индии – выйти на такую траекторию.

Сравнение пятилетних планов КНР и Индии

Для тестирования долгосрочных прогнозов по Индии и КНР полезным инструментом являются пятилетние планы развития этих государств. В обеих странах подготовлены двенадцатые планы социально-экономического развития. Нужно отметить, что краткосрочные перспективы экономического развития Индии также противоречивы, как и долгосрочные, и документы по подготовке двенадцатого плана развития на 2012–2017 гг. дают основания для подтверждения обоих сценариев [Пятилетний План 2012–17, 2011]. Например, численность населения страны по переписи выросла больше, чем предполагалось, все еще высок уровень бедности (около 37%), очень низкими темпами растет сельскохозяйственное производство, занятость вне сельского хозяйства выросла в основном в строительстве и не увеличилась в обрабатывающей промышленности, но в то же время существенно увеличились число и доля учащихся среди молодежи, резко выросли число и доля женщин среди учащихся, уменьшилась бедность, страна имеет демографический дивиденд, который состоит в том, что при сокращении численности трудоспособного населения в развитых странах и в КНР, численность трудоспособного населения Индии растет, и это является ощутимым преимуществом в международной конкуренции при росте образования.

Для реализации этого преимущества Индии необходимо повысить качество человеческих ресурсов, включая сокращение смертности, особенно детской и материнской. По этим показателям Индия существенно отстает, при имеющемся уровне социально-экономического развития эти показатели должны быть ниже, если ориентироваться на среднемировые тенденции.

В двенадцатом пятилетнем плане предусмотрено повышение расходов на медицину и санитарию, включая водоснабжение сельского населения. Именно эти аспекты важны для ликвидации самых заметных зон отставания Индии. Дополнительной проблемой является нехватка персонала, в том числе медицинского, который был бы способен решить проблемы при увеличении финансирования. Другая часть спектра проблем по улучшению челове-

ческого потенциала в стране – развитие образования, включая высшее. Здесь также сохраняется ряд проблем, включая неполный охват детей начальным образованием и недостаточное финансирование университетов.

Ограничителями экономического роста Индии остается устаревшая инфраструктура и энергетическое хозяйство. На создание современной инфраструктуры в последние годы реализации одиннадцатого пятилетнего плана тратилось около 8% ВВП. Тем не менее, в перспективе потребуются большие инвестиции в жилищное строительство в городах по мере роста городского населения. Энергетическое хозяйство страны в значительной степени зависит от импорта топлива. Сохранение регулируемых цен на топливо признается вынужденной мерой для обеспечения бедных, но субсидирование этой сферы при росте мировых цен на энергоносители остается тяжелым бременем для бюджета.

Уязвимость экономического роста возрастает в связи с тем, что около 80% нефти Индия импортирует и даже по углю зависимость от импорта составляет около 20% [там же: 29] В целом зависимость от импорта энергоресурсов планируется на уровне 38% от суммарной потребности.

Острыми остаются проблемы землепользования и обеспеченности пресной водой. Для сельского хозяйства именно они являются ключевыми. Сельское хозяйство использует около 80% пресной воды. Ее нехватка во многих районах приводит к истощению подземных вод. Большой проблемой является загрязнение вод, в частности, пестицидами и минеральными удобрениями.

Как подчеркивается в материалах по подготовке двенадцатого пятилетнего плана, Индия обладает всего лишь 4% мировых запасов воды при 16% мирового населения. Напряженность ситуации усиливается истощением запасов подземных вод. Их уровень падает на 4 см в год в северных штатах, где высока концентрация населения и хозяйственной деятельности [там же: 46].

В материалах двенадцатого пятилетнего плана подчеркивается, что для индустриального развития и урбанизации стране потребуются территории, которые нужно будет выводить из сельскохозяй-

ственного использования и компенсировать владельцам изъятие земель. В то же время законодательство в этой области предусматривает компенсацию по ценам, ниже рыночной цены земли, что представляет собой угрозу социальных конфликтов в ходе изменений в землепользовании. Что касается решения продовольственной проблемы страны в случае сокращения сельскохозяйственных земель, то, как считают разработчики пятилетнего плана, она может быть решена за счет повышения продуктивности сельского хозяйства [там же: 50].

Определенным осложнением для Индии является неопределенность в мировой экономике. К мировому финансово-экономическому кризису Индия подошла страной, все больше включающейся в мировое хозяйство. Доля внешней торговли в ее ВВП нарастала. Китай же мог реагировать на кризис переориентацией экономического роста на внутренний рынок.

В двенадцатой пятилетке темпы роста ВВП Индии должны вырасти до 9%. Вероятно, это достаточно реалистические планы, но так же как и в прошлые пятилетки, темпы роста сельского хозяйства будут в 2–2,5 раза ниже, чем темпы роста промышленности. При все еще очень высоком весе сельского населения страны это будет означать нарастание проблем несбалансированности, сохранение и, возможно, увеличение разрыва между модернизирующейся городской Индией и стагнирующей сельской. Опасность развития по сценарию эколого-демографической катастрофы будет сохраняться.

Проблемой страны является незавершенный демографический переход. Достижение уровня простого воспроизводства населения планировалось к концу срока одиннадцатого пятилетнего плана, но эта цель достигнута только в южных штатах, а на севере страны общий коэффициент фертильности все еще выше 3,3 детей на женщину, что чревато региональными конфликтами [там же: 90].

В конкуренции Китая и Индии в среднесрочной перспективе может стать борьба за ресурсы. Очевидно, что экономический рост требует от обеих стран увеличения импорта многих видов ресурсов, как минеральных для промышленности, так и определен-

ных видов сельскохозяйственной продукции для продовольственного обеспечения растущего и предъявляющего растущие требования к качеству питания населения. Неизбежно столкновение интересов этих двух экономических гигантов. Китай уже проявляет большую активность в обеспечении контроля над природными ресурсами в Африке и Латинской Америке. Он обладает большими финансовыми и организационными ресурсами для осуществления этой стратегии. На масштабном международном форуме в Пекине в июле 2012 г., организованном китайской стороной для развития связей со странами Африки, были озвучены планы экономической помощи КНР странам Африки. Китайская сторона предложила странам Африки кредитную линию на 20 млрд долл. на три года, не считая совместных проектов [Тарасенко 2012: 96]. Очевидно, что КНР стремится получить максимальное экономическое и политическое влияние в регионе, который обладает большими запасами природных ресурсов, которые необходимы для продолжения экономического роста КНР. Что касается Индии, то она может оказаться лишенной доступа к этим ресурсам, что затруднит ее экономическое развитие.

В этих условиях рост количества и качества трудовых ресурсов Индии может вылиться в успешную и массовую эмиграцию. Знание английского языка, распространенное среди индийского образованного класса, будет служить входным билетом в средний класс или как минимум на рынок труда развитых стран.

Представляется, что властям и элите Индии предстоит выработать очень точную стратегию развития на ближайшие годы для успешного развития страны по пути догоняющего развития и выхода в число развитых стран.

Другие задачи стоят перед КНР. Двенадцатый пятилетний план развития народного хозяйства КНР на 2011–2015 гг. нацелен на реструктуризацию китайской экономики путем увеличения потребления, развития сектора услуг, перехода к отраслям промышленности с высокой добавленной стоимостью, рационализации энергопотребления и природопользования. Тремя ключевыми аспектами промышленной политики в двенадцатом пятилетнем плане явля-

ются концентрация на развитии научных исследований, поддержка семи «формирующихся стратегических отраслей» и строительство объектов транспортной и энергетической инфраструктуры. К числу «формирующихся стратегических отраслей» отнесены экологически чистые энергетические технологии, следующее поколение информационных технологий, биотехнологии, производство сложного оборудования для промышленности транспорта и научных исследований, альтернативные виды энергетики, новые материалы, экологически чистые транспортные средства [Кесси, Колески 2011: 19].

Двенадцатый план в большей степени нацелен на экономическое развитие, а не просто рост, на развитие науки, образования и увеличения благосостояния страны и ее граждан. Этот пятилетний план самый «экологичный» среди всех пятилетних планов. В нем поставлены цели увеличить потребление энергии из нетрадиционных источников до 11,4% от общего потребления к 2015 г. и до 15% к 2020 г.

Среди целей по повышению благосостояния населения помимо роста доходов выделено строительство жилья и повышение средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни.

Сравнение двух планов показывает, что страны находятся на разных стадиях развития. Китай приступает к решению задач, которые характерны для развитого общества, прошедшего основную фазу индустриального развития, которая характеризуется ростом выпуска промышленной продукции, созданием физической инфраструктуры городской индустриальной среды. Китай накопил мощный экономический потенциал и подготовил кадры, которые могут обеспечить решение сложных проблем развития, которые неизбежно встают в индустриальной фазе развития, и обеспечить устойчивый рост с опорой на собственные экономические и людские ресурсы.

Индии еще предстоит развить свою промышленность до масштабов и технологического уровня, которые необходимы для создания развитого общества с достаточно обеспеченным населением. В этой фазе ресурсы страны меньше, а риски, связанные с си-

туацией на мировых рынках, зависимостью от импорта топлива и сырья, неурожаев в собственной стране, выше. В этой ситуации демографо-экологические риски, связанные со все еще быстрым ростом бедного сельского населения при сильно истощенных природных ресурсах остаются важным фактором социально-экономического развития страны.

Анализ пятилетних планов КНР и Индии подтверждает тенденции, отраженные в долгосрочных сценариях.

Библиография

Акимов 1992 – Акимов А.В. *Мировое население: взгляд в будущее*. М.: «Наука».

Акимов 2008 – Акимов А.В. *2300 год: глобальные проблемы и Россия*. М.: Восточный университет.

Бергстен и др. 2008 – Bergsten C. F., Freeman C., Lardy N.R., Mitchell J.D. *China's Rise*. Washington D.C: Peterson Institute for International Economics.

Всемирная ассоциация производителей стали 06.10.10 – World Steel Association, www.worldsteel.org

Горячева 2010 – Горячева А.М. Какое будущее ожидает азиатского гиганта? // *Восток (Orient)*, №3.

Дамм 2009 – Damm Jens. *Chinascapе moving beyond the People's Republic* // *The Newsletter IIAS* No 50, Spring.

Кесси, Колески 2011 – Casey J., Koleski K. *Backgrounder: China's 12th Five-Year Plan*. U.S. – China Economic & Security Review Commission. June 24.

Мир после кризиса 2009 – *Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир*. Доклад Национального разведывательного совета США. М.

Наумов 2001 – Наумов И.Н. *Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации*. М.: ИДВ РАН.

Нейл, Поддар 2008 – O'Neill J. and Poddar T. Ten Things for India to Achieve its 2050 Potential // *Goldman Sachs Economic Research. Global Economic Paper* No 169, June 16.

Промышленная политика Китая 2006 – Промышленная политика Китая: очередное достижение // *Экономист*, № 1.

Пятилетний План 2012–17, 2011 – *Faster, Sustainable and More Inclusive Growth. An Approach to the Twelfth Five Year Plan (2012–17)*. Delhi: Government of India Planning Commission. October.

Растянников 2010 – Растянников В.Г. *Аграрная Индия: парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. – начало XXI в.* М.: ИВ РАН.

Старение мирового населения 2002 – *World Population Ageing 1950–2050*. UN: NY.

Тарасенко 2012 – Тарасенко П. Китай закладывает в Африку рычаги // *Коммерсант*, № 132 (4917), 20.07.2012, <http://www.commersant.ru/doc-y/1984071>

Ушаков 2008 – Ушаков И.В. *Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае*. М., ИД «Форум», 2008.

ПУТИ И МЕТОДЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (ОПЫТ ИНДИИ)

Экономическая реформа, направленная на расширение свободы рынка и частного предпринимательства, началась в России и Индии практически одновременно. Однако ее результаты разительно отличаются. В процентах к 1991 г. ВВП России в 2010 г. составлял 121%, Индии – 357%, промышленное производство – соответственно 86% и 360%, сельскохозяйственное производство – 68% и 164%, инвестиции в основной капитал – 70% и 539% [Российский статистический ежегодник; Экономический Ежегодник].

В этой связи опыт Индии и возможности его использования в России заслуживают тщательного внимания.

Структурную модернизацию экономики в исторически приемлемые сроки невозможно осуществить, опираясь на стихийный рынок, который имеет тенденцию консервировать сложившееся соотношение рыночных сил внутри страны и в мировом масштабе. Поэтому для подчинения рыночных сил целям социально-экономического развития Индия при проведении реформы сохранила базовые структуры государственного сектора и государственного регулирования, включая планирование, адаптированное к рыночной экономике.

Это определило пути и методы финансирования экономического развития.

Планирование⁶⁵

Ключевую роль в разработке и реализации общей стратегии модернизации и развития экономики играет планирование и Плановая комиссия как мозговой центр всего экспертного сообщества, орган координации планов штатов и отраслевых ведомств. Пятилетние планы определяют как общую стратегию развития, так и

* Институт востоковедения РАН

⁶⁵ Подробнее см. [Маляров О.В. 2010, I, с. 252–256]

пути ее финансового обеспечения, служат основой социально-экономической политики государства. Они конкретизируются в годовых планах, финансирование которых составляет неотъемлемую часть годового бюджета страны.

Бюджетная стратегия⁶⁶

Бюджетная политика в Индии исходит из того, что модернизация экономики и ускорение на этой основе общего социально-экономического развития требует наращивания капиталовложений, даже если это ведет к бюджетному дефициту.

Как отмечают индийские ученые, в развитых странах приоритетное внимание уделяется экономической стабилизации и, соответственно, ограничению (но не устранению) бюджетного дефицита в целях предотвращения роста инфляции. Так, в странах Европейского Союза принято решение об ограничении бюджетного дефицита 3% ВВП. Однако даже в этих странах ряд крупнейших членов Европейского Союза нарушает это правило, исходя из интересов своего социально-экономического развития, превышая установленный потолок.

В переходных экономиках, где главным приоритетом является социально-экономическое развитие, дозированное дефицитное финансирование, направленное на увеличение производительных инвестиций, является инструментом ускорения темпов экономического роста.

В этой связи заслуживают внимания замечания бывшего Управляющего Резервного банка Индии (центрального банка страны) С. Венкитараманана о крайней опасности и теоретической несостоятельности попыток сокращения бюджетного дефицита за счет урезания необходимых государственных капиталовложений. В своей статье «Нельзя распинать экономику на кресте сокращения бюджетного дефицита», признавая необходимость сдерживания инфляции, он вместе с тем подчеркивает теоретическую несостоятельность абсолютизации представления о том, что бюджетный

⁶⁶ Подробнее см. [Маляров О.В. 2010, I, с. 303–347]

дефицит как таковой наносит вред экономике. Говоря о «ряде неправильных представлений о бюджетном дефиците», он пишет: «Первым является представление, будто бюджетный дефицит плох сам по себе и является источником многих пороков, таких как высокий дефицит текущего платежного баланса и, конечно же, инфляции. Второе – это идея, согласно которой, существует какое-то священное и точно определенное численное отношение бюджетного дефицита к ВВП, превышение которого предвещает катастрофу. Третье – идея, что приватизация – надежное средство уменьшения бюджетного дефицита и потому оправдана хотя бы по этой причине» [Венкитараманан 1998].

Как отмечает С. Венкитараманан, произвольно включенный в Маастрихтское соглашение максимум бюджетного дефицита в 3% к ВВП на практике обычно не соблюдается. Как показывает опыт разных стран, «высокий уровень бюджетного дефицита в отношении к ВВП не обязательно означает высокий уровень инфляции».

«Существует также сомнение в том, что высокий бюджетный дефицит обязательно ведет к дефициту текущего платежного баланса. В течение примерно нескольких десятилетий эксперты МВФ утверждали, что страны с высоким бюджетным дефицитом рискуют получить высокий дефицит платежного баланса. Это была доктрина двойного финансового дефицита. Однако она не получила полного подтверждения в действительности... Если бюджетный дефицит покрывается полностью или в основном за счет внутренних ресурсов, а именно за счет увеличения внутреннего долга или денежной эмиссии, увеличение бюджетного дефицита не обязательно окажет отрицательное влияние на текущий платежный баланс» [Там же].

Признавая, тем не менее, важность ограничения бюджетного дефицита, Венкитараманан считает неправомерным рассматривать приватизацию средством сокращения бюджетного дефицита: «Является ли приватизация панацеей для бюджетного дефицита? При подготовке к созданию Европейского валютного союза в Брюсселе в качестве доктрины было выдвинуто положение, со-

гласно которому, доход от продажи активов – то есть приватизация – не может считаться сокращением бюджетного дефицита. Продажа на рынке приносящих доход активов, видимо, не лучший способ устранять несбалансированность бюджета. Отрицательной стороной первоначального сокращения бюджетного дефицита в результате продажи активов могут быть еще большие дефициты во все последующие годы. Дефицит в год продажи уменьшается, но в будущем он возрастет».

Говоря о сокращении бюджетного дефицита путем уменьшения бюджетных расходов, Венкитараманан подчеркивает необходимость дифференцированного подхода к текущим расходам и капиталовложениям: «Нам следует рассмотреть структурный состав дефицита и сосредоточиться на сокращении текущих расходов». В то же время он считает, что «не следует распинать экономику на кресте сокращения бюджетного дефицита» и поэтому «действительно необходимые капиталовложения не должны стать жертвой политики сокращения бюджетного дефицита». При этом он опирается на мнение бывшего британского министра финансов Гордона Брауна (а позднее премьер-министра Великобритании) и представителя Италии в Европейском союзе Марио Монти (ныне премьер-министра Италии), «которые настаивали на том, что государственные капиталовложения не должны включаться в расчет бюджетного дефицита в качестве его составной части, по крайней мере, в период спада производства» [Там же].

В объявленной правительством Манмохана Сингха в мае 2004 г. «Общенациональной программе-минимум правительства Индии» провозглашается, что «правительство не будет сокращать дефицит за счет сокращения или свертывания роста инвестиций и ассигнований на развитие» [Программа 2004].

Бюджет Индии является бюджетом развития. Он тесно увязан с пятилетними и годовыми планами социально-экономического развития, разрабатываемыми Плановой комиссией. Ассигнования на годовой план, составляющий часть пятилетнего плана, являются органической частью годового бюджета. Ориентированности на развитие способствует аналитический характер бюджета. В нем

выделяются «ассигнования на выполнение плана», «ассигнования на развитие» и прочие ассигнования.

Для оптимизации бюджетных расходов в Индии осуществляется планирование бюджетных расходов с нулевой базы.

При традиционном подходе к подготовке бюджета, одобренные бюджетные расходы предшествующего года принимаются в качестве базы для подготовки бюджетных оценок на следующий год. На основании расходов предшествующего года определялся прирост расходов и уровень инфляции. При таком приростном подходе не происходит всестороннее и детальное рассмотрение каждой статьи расходов для определения ее полезности.

При планировании бюджетных расходов с нулевой базы цифры бюджета текущего года не экстраполируются в качестве базы для бюджета следующего года, и подготовка бюджета следующего года исходит из нулевой базы.

При этом, даже действующие статьи расходов должны подвергаться детальному рассмотрению для определения того, стала ли данная статья излишней или должна быть сохранена. Действующие программы и соответствующие статьи расходов должны подвергаться столь же тщательному рассмотрению, что и новые программы, и необходимые для них расходы. Это должно помочь в определении тех действующих программ и проектов, которые изжили себя и не приносят былой пользы. Расходы на такие программы и проекты толкуются как излишние и не включаются в бюджет следующего года.

Тем самым бюджетный процесс с нулевой базой выступает в качестве альтернативы произвольному урезанию статей бюджетных расходов в целях бюджетной экономии.

При оценке программы, проекта и соответствующей статьи бюджетных расходов может использоваться метод анализа затрат и результатов.

В условиях дефицита ресурсов планирование бюджетных расходов с нулевой базы позволяет ранжировать статьи расходов с точки зрения их приоритетности и распределять имеющиеся ре-

сурсы в соответствии с сознательно принятыми решениями об их приоритетности.

Планирование с нулевой базы повышает обоснованность бюджетного документа.

Решение о переходе к бюджетному процессу с нулевой базой было принято Правительством Индии в 1986 г. и стало применяться, начиная с бюджета 1987-88 г. Бюджетный процесс с нулевой базой рассматривается также как механизм бюджетного контроля в целях тщательной проверки и контроля бюджетных расходов для их оптимизации и сдерживания инфляции.

Кредитно-финансовая система и кредитно-финансовая политика⁶⁷

Кредитно-финансовая система. Государство играет главную роль также в создании кредитно-финансовой системы, обеспечивающей процесс модернизации и развития.

Основой созданной в независимой Индии кредитно-финансовой системы и главным механизмом ее развития стало становление и расширение ее государственного и государственно-кооперативного секторов.

1 января 1949 г. был национализирован центральный банк страны – Резервный банк Индии (РБИ). Это позволило государству сделать его главным орудием становления и развития всей кредитно-финансовой системы страны, подчинения ее функционирования целям социально-экономического развития.

Помимо обычных функций центрального банка (регулирования денежного обращения, поддержания валютного курса рупии и т.п.), РБИ участвует в регулировании отраслевой и территориальной направленности кредитно-инвестиционных потоков.

В период 1955–1980 гг. осуществлялись меры национализации частных коммерческих банков. Это было связано с тем, что попытки государства побудить их владельцев расширить сферу их фи-

⁶⁷ Подробнее см. [Маляров О.В. 2010, II, с. 602–638]

нансовых услуг на сельскую местность, сельское хозяйство и другие приоритетные сферы экономики не привели к должным результатам.

После национализации крупнейших частных банков на долю 28 государственных коммерческих банков приходится примерно 80% отделений, вкладов и кредитов всех коммерческих банков страны.

Хотя в ходе экономической реформы возможности основания частных банков были расширены, доминирующие позиции государственного сектора сохранились.

В результате национализации важная сфера экономики, связанная с привлечением денежных ресурсов и распределением их между различными отраслями и укладами, перешла из частнокапиталистического в государственно-капиталистический уклад, а государство приобрело важное орудие регулирования денежного обращения и проведения кредитно-денежной, экономической и социальной политики.

К государственным коммерческим банкам примыкают 196 региональных сельских банков, созданных в качестве их дочерних банков. Каждый региональный сельский банк призван обслуживать кредитные нужды сельской бедноты в двух-трех округах.

Важным шагом в развитии финансовых услуг стало создание в государственном секторе системы долгосрочного финансирования экономики. В этой сфере государственный сектор занимает почти монопольное положение.

На общеиндийском уровне действуют три вида государственных организаций долгосрочного финансирования.

Первый – государственные финансовые корпорации и банки развития, специально созданные для предоставления долгосрочных займов и инвестиций: Индийский банк промышленного развития (ИБПР), Корпорация промышленного финансирования, Банк развития мелкой промышленности, Банк промышленных инвестиций, Корпорация промышленного кредита и инвестиций, Корпорация финансирования рискованного капитала и технологий, Компа-

ния развития технологии и информации, Компания кредита и инвестиций в морское судоходство, Корпорация финансирования туризма.

Второй – государственный паевой траст, созданный в целях аккумуляции средств мелких и средних инвесторов для последующего вложения их в диверсифицированный портфель обращающихся на бирже ценных бумаг – «Юнит траст оф Индия».

Третий – государственные страховые компании – Индийская корпорация страхования жизни и Корпорация общего страхования, созданные в результате национализации частных компаний страхования жизни и имущественного страхования и использующие накопления страховых фондов для долгосрочных займов и инвестиций в ценные бумаги.

На уровне штатов действуют государственные финансовые корпорации штатов и корпорации промышленного развития штатов.

Создание государственной системы долгосрочного финансирования экономики устранило главный недостаток колониальной сферы финансовых услуг – отсутствие источника поддержки капиталовложений в экономику, играющих главную роль в ее развитии.

Именно государственные организации долгосрочного финансирования экономики (а не спекулятивные фондовые биржи, тоже получившие развитие в годы независимости) стали главным механизмом мобилизации и целенаправленного размещения инвестиций в экономику.

Хотя роль рынка капитала как источника внешних финансовых ресурсов для реального сектора экономики в Индии тоже растет, доминирующую роль в предоставлении этих ресурсов по-прежнему играют государственные банки и организации долгосрочного финансирования (см. табл. 1).

Таблица 1.

**Источники мобилизации финансовых ресурсов
для компаний реального сектора экономики (в % к ВВП)**

	1971/72– 1991/92 гг.	1992/93– 1999/00 гг.
Банки и организации долгосрочного финансирования	3,9	4,3
Ресурсы, мобилизованные на рынке капитала	0,6	1,7

Источник: [Доклад Рабочей группы 2004]

Следующим важнейшим элементом созданной в независимой Индии кредитно-финансовой системы стало формирование **государственно-кооперативной системы кредита**. Через эту систему направляется примерно половина общего кредита сельскому хозяйству и смежным видам деятельности в сельской местности.

Нижнее звено системы составляют 92 тысячи первичных обществ сельскохозяйственного кредита, включающих 98 млн членов. Первичные общества входят в качестве членов в состав 364 центральных кооперативных банков, действующих на уровне округов. 28 кооперативных банков штатов возглавляют эту трехступенчатую структуру, через которую направляется краткосрочный и среднесрочный кредит для сельского хозяйства. Наряду с этим в Индии действует двухступенчатая государственно-кооперативная система долгосрочного кредитования сельского хозяйства, состоящая из 19 кооперативных банков штатов по развитию сельского хозяйства и сельской местности, и их низовой сети, включающей 738 кооперативных банков с более 7 млн членов.

Государство самым активным образом участвует в функционировании и развитии этой системы, участвуя в паевом капитале кооперативных обществ и кооперативных банков, являясь их главным кредитором и используя их для государственного финансирования сельского хозяйства.

Для обеспечения комплексности и скоординированности финансовых потоков в основные сферы экономики, проходящих че-

рез различные каналы кредитно-финансовой системы, в Индии были созданы головные кредитные организации финансирования основных сфер экономики: Индийский банк промышленного развития, Национальный банк для сельского хозяйства и сельского развития. Определенные координирующие функции выполняют и такие отраслевые финансовые организации как Экспортно-импортный банк Индии, Банк развития мелкой промышленности, Национальный банк жилищного строительства, Индийская компания кредита и инвестиций в морское судоходство, Индийская компания финансирования туризма.

Процесс создания специализированных головных финансовых организаций в 80-х годах XIX века является важным шагом в направлении специализации и координации в сфере финансовых услуг, что имеет большое значение для повышения эффективности и квалифицированности финансирования приоритетных отраслей и сфер экономики.

О структуре кредитно-финансовой системы независимой Индии свидетельствует табл. 2.

Таблица 2.

Структура кредитно-финансовой системы Индии на 31 марта 2004 г.

	Число	Активы	
		млрд рупий	%
I. Банки		23473,37	75,1
в том числе:			
1. Коммерческие	291	20459,48	65,5
в том числе:			
государственные	223	15421,56	49,4
в том числе:			
основные коммерческие банки	27	14714,28	47,1
региональные сельские банки	196	707,28	2,3
частные индийские банки	30	3672,76	11,8
иностраные банки	33	1363,16	4,4

2. Кооперативные	3111	3015,89	9,7
в том числе:			
а) сельские кооперативные банки	1185	1789,84	5,7
в том числе:			
краткосрочного кредита*	397	1725,95	5,5
долгосрочного кредита	788	63,89	0,2
б) городские кооперативные банки	1926	1226,05	3,9
II. Организации долгосрочного финансирования		7770,90	24,9
в том числе:			
1. Организации долгосрочного кредитования	8	2000,89	6,4
в том числе:			
Индийский банк промышленного развития	1	669,21	2,1
Индийская корпорация промышленного финансирования	1	202,93	0,8
Экспортно-импортный банк	1	155,52	0,5
Национальный банк для сельского хозяйства и сельского развития	1	558,89	1,8
Национальный банк жилищного строительства	1	131,08	0,4
Индийский банк промышленного инвестирования	1	30,73	0,1
Индийский банк развития мелкой промышленности	1	193,27	0,6
Компания финансирования развития инфраструктуры	1	59,26	0,2
2. Инвестиционные организации	7	4663,06	14,9
в том числе:			
Юнит траст оф Индия	1	579,46	1,9
Корпорация страхования жизни	1	3461,19	11,1
Корпорация общего страхования	1	164,41	0,5
Прежние дочерние компании Корпорации общего страхования**	4	458,00	1,5

3. Организации долгосрочного финансирования штатов	46	250,12	0,8
в том числе:			
Финансовые корпорации штатов	18	127,12	0,4
Корпорации промышленного развития штатов	28	123,00	0,4
III. Прочие организации	2	104,77	0,3
в том числе:			
Корпорация страхования вкладов и кредитных гарантий	1	87,40	0,28
Корпорация гарантирования экспортного кредита	1	17,37	0,06
IV. Небанковские финансовые компании***	892	752,06	2,4
ВСЕГО		31244,27	100,0

*Исключая первичные общества сельскохозяйственного кредита.

**Нэшнл иншурэнс компани, Нью Индия Эшшурэнс, Ориентал Индия иншурэнс, Юнайтид Индия Иншурэнс.

***Лизинговые компании, компании по продаже товаров в рассрочку и т.п.

Источник: [Доклад Резервного банка 2003.04: 213]

Доля государственного и государственно-кооперативного секторов в общих активах основных финансовых организаций независимой Индии составила 78%, в том числе доля первого – 72%. В сфере коммерческого банковского дела доля государственного сектора в общих активах – 75%, в сфере долгосрочного финансирования он абсолютно доминирует.

Кредитно-финансовая политика государства и ее результаты.

В результате развития этой системы был преодолен один из главных недостатков, порожденных колониальной социально-экономической структурой – неразвитость современной системы кредита, особенно долгосрочного, и отвлечение кредитных ресурсов от финансирования производственной сферы. Роль банков и других финансовых организаций в аккумуляции сбережений и направлении их на финансирование реального сектора экономики многократно возросла.

В Индии проводится политика активной мобилизации сбережений населения путем расширения сети банковских отделений и распространения ее на сельскую местность, где проживает большинство населения страны.

Национализация крупнейших частных банков и переход основной части коммерческого банковского дела в руки государства позволили резко ускорить создание новых банковских отделений, особенно сельских. При общем увеличении числа отделений коммерческих банков с 4,2 тыс. в конце 1951 г. и 8,3 тыс. июля 1969г. (период национализации 14 крупнейших частных банков) до 80,5 тыс. в конце июня 2009 г., доля сельских отделений возросла соответственно с 13,4% и 22,3% до 39,5%.

О расширении сети банковских отделений после национализации крупнейших частных банков в 1969 г. говорит табл. 3.

Таблица 3.

**Отделения коммерческих банков
(по состоянию на 30 июня соответствующего года)**

	1969	2004	2009		
			Всего	в том числе сельские	доля сельских отделений, %
Государственные банки в том числе:	7015	61466	71196	30688	43,1
основные коммерческие банки	7015	46980	55997	19044	34,0
региональные сельские банки	–	14486	15199	11644	76,6
Частные индийские банки	1117	5839	9023	1137	12,6
Иностранные банки	130	218	295	4	1,4
Всего	8262	67523	80514	31829	39,5

Источник: [Экономический обзор 2009–10. Таблица 4.5 (А 58)]

Как явствует из таблицы, на долю государственного сектора в 2009 г. приходилось 88,4% всех отделений коммерческих банков страны и 96,4% всех сельских отделений. В то время как доля сельских отделений у государственных банков составляла 43,1% (у региональных сельских банков – 76,6%), у частных индийских банков она была на уровне 12,6%, а у иностранных – лишь 1,4%. Иными словами, основное бремя политики расширения сети банковских отделений и распространения ее на сельскую местность взял на себя государственный сектор.

Принадлежность их к государственному сектору не только позволяла непосредственно проводить эту политику, но, повышая надежность вкладов населения, расширяла масштабы их привлечения. Доля депозитов коммерческих банков в ВВП поднялась с 13% в 1969 г. до 54% в 2003/04г.

Это резко увеличило долю и абсолютные масштабы сбережений, распределение которых опосредствуется государственными кредитно-финансовыми организациями. Тем самым многократно возросли возможности государственного кредитно-денежного регулирования развития экономики.

Государство проводит активную политику целенаправленного распределения финансовых потоков в соответствии с установленными приоритетами. Ограничивая свободу функционирования рынка кредитных и инвестиционных ресурсов, оно стремится обеспечить ими приоритетные сферы экономики, особенно те, которые не обеспечиваются в должной мере рыночными силами.

С одной стороны, кредитная политика всячески ограничивает кредитование спекулятивных операций. С другой стороны, она непосредственно определяет долю кредитно-финансовых ресурсов, направляемых на финансирование приоритетных сфер экономики.

Во-первых, устанавливая для коммерческих банков норму ликвидности, Резервный банк Индии обязывает их вкладывать установленную долю средств в определенные ликвидные активы, значительную часть которых составляют низкодоходные государственные ценные бумаги. Эти вложения используются для финан-

сирования государственных инвестиций в соответствии с приоритетами, установленными пятилетними планами и бюджетной политикой государства. При росте обязательной минимальной нормы ликвидности с 29% совокупных пассивов банка в 1972 г. до 38,5% в 1991г., инвестиции банков в государственные ценные бумаги по отношению к депозитам возросли с 23% в 1971 г. до 44% в 2003/04 г. [Маляров 2010, I: 614].

Во-вторых, коммерческим банкам устанавливаются задания по кредитованию приоритетных сфер экономики.

Так, в 1968 г. к «приоритетным секторам» были отнесены сельское хозяйство, мелкая промышленность и мелкий бизнес, которые почти не кредитовались частными коммерческими банками. Последним было предписано увеличить долю «приоритетных секторов» в их совокупных кредитах до 33% (1/3), а в 1984/85г. – до 40%.

40% займов «приоритетным секторам» должно предоставляться сельскому хозяйству.

Чтобы обеспечить доступ к банковскому кредиту наиболее обездоленным слоям крестьянства, предписывалось, что 50% прямых займов сельскому хозяйству должно предоставляться мелким (1–2 га) и маргинальным (до 1 га) земледельцам и сельскохозяйственным рабочим.

С той же целью устанавливалось, что 12,5% займов мелкой промышленности должно предоставляться сельским ремесленникам и домашней промышленности, а из общей суммы займов, предоставляемых современной мелкой промышленности, 40% должны предоставляться предприятиям с инвестициями в машины и оборудование до 500 тыс. рупий, 20% – с инвестициями от 500 тыс. рупий до 2500 тыс. рупий.

Переход крупнейших коммерческих банков в руки государства был призван повысить эффективность этой политики.

После национализации крупнейших частных банков в 1969 г. доля сельских отделений государственных коммерческих банков была увеличена с 22% в 1969 г. до 58,5% в конце 1990/91 г, доля

«приоритетных секторов» в общем кредите государственных банков – с 14,6% на июнь 1969 г. до 39,5% к концу 1990/91 г. Число мелких предприятий, получивших доступ к кредиту коммерческих банков возросло соответственно с 51 тыс. до 2830 тыс., а доля кредитов мелкой промышленности – с 8,3% до 15,7%. За тот же период число банковских счетов, связанных с прямыми кредитами сельскому хозяйству, увеличилось со 160 тыс. до 19735 тыс., а доля прямых кредитов сельскому хозяйству – с 1,3% до 14,7% [Маляров, II: 615].

Впоследствии список «приоритетных секторов» был расширен: в него были включены мелкий бизнес, розничная торговля, мелкий дорожный и водный транспорт, переработка сельскохозяйственной продукции, инициированные государством организации поддержки списочных каст и племен, образовательные учреждения, программное обеспечение, лица свободных профессий и занятости (professionals and self-employed persons), жилищные займы, микро-кредит и др. Однако доля сельского хозяйства и мелкой промышленности в общей сумме займов государственных коммерческих банков приоритетным секторам, хотя и заметно снизилась, оставалась преобладающей. В 1969 г. она составляла 94%, в 2007 г. – 58% [Там же].

О кредитовании приоритетных сфер экономики государственными коммерческими банками говорит табл. 4.

Чтобы расширить общие масштабы мобилизации финансовых ресурсов и их доступность для приоритетных сфер социально-экономической структуры, Резервный банк Индии регулирует не только банковскую ставку по кредитам, предоставляемым центральным банком, но также ставки процента по депозитам и кредитам коммерческих банков, в том числе устанавливая льготные ставки для определенных категорий заемщиков.

Создание государственно-кооперативной системы кредита стало еще одним важным каналом государственного финансирования развития сельского хозяйства.

Таблица 4.

Кредиты государственных коммерческих банков приоритетным секторам

	Число счетов, тыс.			Сумма займов на счетах, млрд рублей			Доля в сумме займов, %		
	1969	2007	2009*	1969	2007	2009*	1969	2007	2009*
1.Сельское хозяйство**, в том числе:	170	25113	29368	1,62	2026,14	2982,11	5,4	15,4	17,6
прямое финансирование	160	23746	28836	0,40	1443,72	2156,42	1,3	11,0	12,7
косвенное финансирование	10	1367	532	1,22	582,42	825,69	4,1	4,4	4,9
2. Мелкая промышленность	50	1685		2,57	1025,50		8,3	7,8	
3. Микро-предприятия и мелкие предприятия	...		4302	...		1913,07	11,3
4. Создание промышленных колоний	...	5		...	2,61	
5. Операторы дорожного и водного транспорта	2	445		0,05	69,24		0,2	0,5	
6. Розничная торговля	38	3224	3416	0,19	289,92	430,61	0,6	2,2	2,5
7. Малый бизнес	...	1596		...	108,22		...	0,8	
8. Профессионалы и самостоятельно занятые	8	986		0,02	86,51		0,1	0,7	

9. Микро-кредит	851	39,43	0,2
10. Образование	1	1002	1580	0,01	140,12	269,13	...	1,1	1,6
11. Потребительские займы	...	331		...	31,37		...	0,3	...
12. Созданные штатами организации для кредитования других приоритетных секторов	...	27		...	8,05		...	0,1	...
13. Созданные штатами организации для помощи членам списочных каст и племен в приобретении средств производства и сбыте продукции	...	6	18	...	2,60	0,58
14. Жилищные займы	...	3458	3605	...	1330,57	1565,90	...	10,1	9,3
15. Фонды предоставляемые региональным сельским банкам
16. Займы группам взаимопомощи	...	967		...	38,98		...	0,3	...
17. Займы производству программного обеспечения	...	13		...	4,55	
18. Займы пищевой промышленности и переработке сельскохозяйственной продукции	...	50		...	49,38		...	0,4	...

19. Инвестиции в венчурный капитал
Займы приоритетным секторам, всего	260	38908	43140	4,41	5213,76	7200,83	14,6	39,7	42,5
Все займы банков				30,17	13138,40	16934,37	100,0	100,0	100,0

1969 г. – данные на конец июня, 2007г. и 2009 г. – данные на конец марта.

С 2008 г. классификация приоритетных секторов изменилась и «мелкая промышленность» вошла в группу «микро-предприятия и мелкие предприятия».

* Предварительные данные.

** Исключая плантации.

Источник: [Экономический обзор 2009/10: Таблица 4.6 (А 59)].

Число членов первичных обществ сельскохозяйственного кредита увеличилось с 4,8 млн в 1951–52 г. до 109,8 млн в 2000–01 г. В 2002–03 г. в общей сумме институционального кредита сельскому хозяйству доля кооперативных организаций достигла 44% [Маляров 2010, II: 620].

Политика государства в сфере финансовых услуг сыграла важную роль в создании условий для ускорения развития экономики:

- многократно расширился современный, организованный, сектор финансовых услуг;

- увеличились финансовые ресурсы для государственных капиталовложений;

- создана практически отсутствовавшая в колониальный период система долгосрочного финансирования экономики, поддержки производительных инвестиций;

- в общей сумме организованного кредита резко возросла доля реального сектора экономики при соответствующем сокращении доли сферы обращения, особенно спекулятивной деятельности;

- было обеспечено первоочередное финансирование приоритетных секторов экономики;

- организованный сектор финансовых услуг был распространен на мелкую промышленность и сельское хозяйство, в колониальный период не имевших доступа к организованному кредиту.

Так, активная роль государства в расширении кредита сельскому хозяйству привела к уменьшению зависимости сельских семей от кредита ростовщиков: его доля в общей сумме кредита сельским семьям снизилась с 93% в 1951/52 г. до 69% в 1971/72 г., 40% в 1981/82 г. и 38% в 1991/92 г. в то время как доля кооперативов возросла соответственно с 3% до 15%, 26% и 26%, а коммерческих банков – с 1% до 2%, 23% и 21%. В 2002/03 г. в общей сумме институционального кредита сельскому хозяйству доля кооперативных организаций составляла 44%, доля коммерческих банков 47%, региональных сельских банков – 9% [Там же].

- расширение организованного сектора финансовых услуг не только само по себе обеспечило экономику более дешевыми кре-

дитно-инвестиционными ресурсами; его конкуренция вынуждала ростовщиков тоже снижать ставки процента по предоставляемым займам, тем самым, удешевляя финансовые услуги в целом.

Роль иностранного капитала⁶⁸

В Индии со времени завоевания независимости было признано, что в такой крупной стране иностранный капитал не может стать основой капиталовложений; главным источником может быть только рост внутренних сбережений. Недостаток частного капитала были призваны восполнить государственные капиталовложения.

Иностранные капиталовложения рассматривались в первую очередь как источник современного оборудования и технологий.

Вместе с тем признавалось, что государство должно регулировать формы и отраслевые направления иностранных капиталовложений.

Политика регулирования иностранного капитала преследует две основные цели. С одной стороны, правительство стремится привлечь иностранный капитал в качестве источника современной техники и технологий, а также финансирования программ развития, особенно наиболее капиталоемких объектов промышленности, в первую очередь тех, строительство которых связано с валютными расходами. С другой стороны, оно стремится ограничить приток иностранного спекулятивного капитала, дестабилизирующего финансовое положение страны, ограничить конкуренцию иностранного капитала, препятствующую росту национального капитала, и установить индийский контроль над предприятиями с иностранным участием.

В этих целях правительство издает специальные информационные заявления.

В Информационном заявлении от 8 мая 1961 г. подчеркивалась связь регулирования отраслевых сфер иностранного капитала с пятилетними планами: «В целом политика будет заключаться в при-

⁶⁸ Подробнее см. [Маляров 2010, I: 268–272, 542–555, 676–683]

влечении иностранного капитала в те отрасли, развитие которых нужно стране для выполнения плановых заданий...Если объект одобрен для развития в частном секторе и нуждается в импортных машинах и оборудовании, иностранный капитал будет привлекаться в качестве одной из форм финансирования строительства». В Заявлении приводился список отраслей, которые, по мнению правительства не нуждаются в иностранном капитале: банковское дело, страхование, торговля и коммерческая деятельность, плантационное хозяйство. Примерный список отраслей, где иностранный капитал будет приветствоваться, исходил из разрыва между наличными мощностями и плановыми заданиями.

В Заявлении правительства от 20 июля 1968 г. говорилось: «Главной целью регулирования иностранных инвестиций и иностранного сотрудничества остается использование иностранного капитала и технического опыта наиболее выгодным для страны образом – с учетом настоящих и будущих потребностей (особенно в целях эффективного укрепления ее платежного баланса) – без отрицательного влияния на рост индийских и иностранных предприятий, уже утвердившихся в Индии». С этого времени правительство стало периодически публиковать списки отраслей и производств, в которых: а) могут быть разрешены иностранные капиталовложения; б) может быть разрешено иностранное техническое сотрудничество, но не иностранные капиталовложения; в) нет необходимости ни в иностранных капиталовложениях, ни в иностранном техническом сотрудничестве. Эти списки корректировались по мере освоения новых производств и новых технологий в Индии.

Валютное регулирование используется также для обеспечения индийского контроля над предприятиями с иностранным участием.

Обычный максимум иностранного участия первоначально был установлен на уровне 49%, а с 1973 г. снижен до 40%. В то же время, стремясь привлечь иностранный капитал в наукоемкие и технологически сложные отрасли, правительство публикует списки производств, в которых разрешается более высокая доля иностранного участия, в том числе 51% и более. Такие же исключения

делаются для компаний, которые обязуются экспортировать значительную часть своей продукции, – в целях использования иностранного капитала для проникновения на зарубежные рынки и расширения экспорта индийской продукции.

Новый режим функционирования иностранного капитала, установленный независимым государством, а также характер развития экономики, определяемый общим социально-экономическим курсом, вызвали существенные сдвиги в отраслевой структуре иностранного капитала. Проводившаяся в годы независимости государственная политика регулирования отраслевых сфер иностранного капитала – ограничения его в традиционных отраслях, уже освоенных национальным капиталом, и направления в капиталоемкие и технологически сложные отрасли – была успешной.

За период с 1947–48 г. по 1980г. доля традиционных колониальных отраслей – плантаций, горнодобывающей, пищевой и текстильной промышленности, торговли и управляющих агентств – в общей структуре накопленного иностранного капитала снизилась с 62% до 8%. В то же время доля машиностроения, металлургии и металлообработки, химической промышленности поднялась за этот период с 9% до 39% [Маляров 2010, I: 549].

Это позволило существенно ослабить ограничения иностранного капитала в ходе экономической реформы, провозглашенной в 1991 г.

В 48 приоритетных производствах иностранные инвесторы получили право на автоматическое, ускоренное утверждение своих прямых капиталовложений с повышенной долей участия в акционерном капитале предприятия – до 51%, а в 9 сверхприоритетных производствах – до 74% (обычный «потолок» иностранного участия по закону составляет 40%).

С переходом к экспортноориентированной модели развития ослабление государственных ограничений иностранного капитала не отменило регулирования его отраслевой направленности.

Правительство образовало Комиссию по инвестициям. Как отмечается в Экономическом обзоре правительства за 2004–05 г.:

«Комиссия будет взаимодействовать с промышленными группами/домами в Индии и крупными компаниями за рубежом, особенно в тех отраслях, где существует крайняя необходимость в инвестициях, но достаточных инвестиций пока нет. Комиссия будет стремиться обеспечить определенный уровень инвестиций каждый год и будет давать рекомендации правительству в отношении как политики, так и процедур, направленных на увеличение притока иностранных прямых инвестиций в Индию» [Экономический обзор 2004–05: 158].

Доля традиционных колониальных отраслей в отраслевой структуре иностранного капитала продолжала уменьшаться – до 6% в 1996–97 г. Вместе с тем, в соответствии с новым этапом развития экономики и снятия или ослабления ограничений в отраслях, зарезервированных прежде за государственным сектором, значительно увеличилась доля иностранного капитала в топливно-энергетических отраслях, сфере телекоммуникаций, программно-обеспечения и т.д., что нашло выражение в увеличении доли «предприятий общественного пользования», «сферы услуг» и «прочих» отраслей.

Ослабление ограничений иностранного капитала было органической частью перехода к экспортноориентированной модели развития, углубления связей с мировой экономикой, требований ВТО. Кроме того, привлечение иностранных прямых и портфельных инвестиций рассматривалось как средство сдерживания привлечения заемного капитала, особенно краткосрочных займов, уменьшения иностранных инвестиций, связанных с увеличением внешней задолженности Индии.

О результатах этой политики свидетельствует табл. 5.

Поставленная задача решается весьма успешно. Правительству удалось резко сократить долю привлекаемых заемных средств.

Приток иностранного капитала в различные отрасли индийской экономики и его доля в этих отраслях были далеко не одинаковыми. Они в большой мере зависели от сохраняющегося государственного регулирования отраслевых сфер предпринимательства иностранного и индийского монополистического капитала, хотя,

как уже говорилось, в годы реформы административное регулирование путем лицензирования все больше уступает место стимулирующему и поддерживающему регулированию.

Таблица 5.

**Виды иностранных инвестиций,
поступавших из-за рубежа в период 1990/91–2005/06 гг.**

	млн долларов				%			
	1990/ 91	1995/ 96	2001/ 02	2005/ 06	1990/ 91	1995/ 96	2001/ 02	2005/ 06
Инвестиции, не создающие долга	106	4805	8140	20174	1,5	59,2	83,8	71,7
В том числе:								
Прямые	99	2143	6122	7680	1,4	26,4	63,0	27,3
Портфель- ные	7	2662	2018	12494	0,1	32,8	20,8	44,4
Инвестиции, создающие долг	7070	3312	1574	7951	98,5	40,8	16,2	28,3
в том числе:								
Иностранная помощь	2208	883	1206	1531	30,8	10,9	12,4	5,4
Долгосроч- ные и сред- несрочные коммерче- ские займы	2251	1276	-1590	1926	31,3	15,7	-16,4	6,8
Краткосроч- ные займы	1073	49	-795	1704	15,0	0,6	-8,2	6,1
Депозиты индийцев, проживаю- щих за рube- жом	1538	1104	2753	2790	21,4	13,6	28,4	9,9
Всего	7176	8117	9714	28125	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [Резервный банк Индии 2005/06]

Представление об основных отраслевых сферах притока иностранных прямых инвестиций в годы реформы можно получить на основании табл. 6.

Таблица 6.

Отраслевая структура общего притока иностранных прямых инвестиций в период с августа 1991 г. по сентябрь 2006 г.

	Абсолютные показатели		в %
	в млрд рупий	в млн долларов	
Электрооборудование (включая электронику и программное обеспечение)	273,11	6272	17,54
Транспортное машиностроение*	145,02	3436	9,31
Сектор услуг (финансовых и нефинансовых)	197,59	4600	12,69
Телекоммуникации (включая радиосвязь, мобильные телефоны и базовые телефонные услуги)	161,72	3776	10,39
Топливо (электроэнергетика и нефтепереработка)	116,08	2720	7,45
Химическая промышленность (кроме производства удобрений)	90,19	2238	5,79
Пищевая промышленность	48,52	1212	3,12
Фармацевтическая промышленность	45,31	1055	2,91
Цементная промышленность	33,27	768	2,14
Металлургическая промышленность	33,28	766	2,14
ВСЕГО (включая другие отрасли)	1815,66	43290	

* Главным образом автомобилестроение.

Источники: [Экономический обзор 2006–07: 153].

На отрасли, имеющие ключевое значение для научно-технического прогресса – электротехническую и электронную промышленность, производство программного обеспечения и средств связи – приходится 28% иностранных прямых инвестиций. Вместе со сферой услуг, включающих информационные услуги, они концентрируют 41% этих инвестиций.

Отраслевая направленность притока иностранного капитала в основном соответствует общим отраслевым приоритетам социально-экономического курса государства – первостепенного развития капиталоемких и технологически сложных отраслей, особенно электроники, а также сферы услуг (прежде всего информационных, в сфере программного обеспечения, бизнеса и консалтинга, обработки данных и т.п.). На металлургию, энергетику, машиностроение, химическую и фармацевтическую промышленность и сферу услуг в период 1991–2001 гг. приходилось 69% одобренных правительством соглашений о сотрудничестве, 85% одобренных и 83% фактических иностранных прямых инвестиций.

Доля машиностроения составляет соответственно 45%, 40% и 52%, в том числе доля электротехнической и электронной промышленности, производства средств связи и программного обеспечения – 28%, 30% и 31%.

Несмотря на значительное ослабление государственных ограничений отраслевых сфер иностранных капиталовложений и жесткости их административного регулирования в годы реформы, индийскому правительству удалось направить основную часть иностранных прямых инвестиций в главные отрасли, определяющие научно-технический прогресс страны.

Принятые в Индии пути и методы финансирования экономического развития привели к увеличению нормы валовых внутренних сбережений (в процентах к ВВП) за период с 1950/51 г. по 2007/08 г. с 9% до 36%, валовых внутренних капиталовложений – с 8% до 38%. Если в период 1900–01– 1950–51гг. (50 лет, предшествовавших завоеванию политической независимости и принятию первого пятилетнего плана) среднегодовой темп прироста национального дохода составлял лишь 1,2%, сельскохозяйственной продукции – 0,3% и промышленной продукции – 2,0%, то в период 1951–52 – 2004–05 гг. они возросли соответственно до 4,5%, 2,6% и 6,3%. В период 2005–06 – 2008–09 среднегодовой темп прироста ВВП в экономике достиг 8,8%, с 1950–51 г. по 2007–08 г. национальный доход на душу населения увеличился более чем в 5 раз. [Маляров 2010, I: 696].

Библиография

Российский статистический ежегодник. Росстат. М

Экономический ежегодник –Economic Survey. Government of India. New Delhi

Маляров 2010 – Маляров О.В. *Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики*. М: Восточная литература. I, II. 2010.

Венкитараманан 1998 – S.Venkितaramanan. *The Favourite Whipping Boy. One Should Not Crucify the Economy on the Cross of Fiscal Deficit Reduction* // The Economic Times, 2.12.1998.

Программа 2004 – National Common Minimum Programme of the Government of India. May 2004. New Delhi, 2004.

Доклад Рабочей группы 2004 – Report of the Working Group on Development Financial Institutions. Reserve Bank of India. Department of Banking Supervision. Financial Institutions Division, May 2004. Mumbai, 2004.

Доклад Резервного банка 2003/04 – Report on Currency and Finance 2003–04. Reserve Bank of India. Mumbai, 2004.

Экономический обзор 2009/10 – Economic Survey 2009–10, Government of India, New Delhi, 2010.

Экономический обзор 2004/05 – Economic Survey 2004–2005. Government of India. New Delhi, 2005.

Резервный банк Индии 2005/06 – Reserve Bank of India. Annual Report 2005–06. Mumbai, 2006

Экономический обзор 2006/07 – Economic Survey 2006–07, Government of India. New Delhi, 2007 .

**АГРАРНАЯ ИНДИЯ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА.
ОБЗОР**

За последние десятилетия Индия показала феноменальные темпы экономического роста (до 8% к началу второго десятилетия XXI века!). Она стала мощной державой компьютерного мира. Но вместе с тем в Индии сохранилась огромная (по числу занятого населения) сфера экономической деятельности – аграрная, где вектор роста развернут в *противоположную* от общенациональной тенденции сторону.

Маргинализация хозяйства агросферы

По существу вся эпоха независимости Индии отмечена драматическими процессами углубления диспропорции между базисными факторами производства в сельском хозяйстве – количеством имеющейся рабочей силы, с одной стороны, и наличными природными ресурсами, используемыми в производстве, – с другой. Но особенно они усилились с начала 1970-х годов, когда доступные для возделывания земельные ресурсы в Индии практически почти полностью были исчерпаны, что «перекрыло кислород» росту площади обрабатываемой земли. Эра развития земледелия экстенсивного типа – «вширь» – завершилась.

Суть переживаемого Индией в последние десятилетия кризиса Плановая комиссия страны лаконично сформулировала так: «Страна, где свыше миллиарда ртов, которых надо кормить, находится в состоянии постоянного стресса, будучи вынуждена выжимать все больше и больше из своих сельскохозяйственных ресурсов, причем в условиях, когда площадь возделываемой земли неуклонно сжимается. А доходы на сельскохозяйственные вложения падают» [Отчет о состоянии земледелия 2006: 12]. Страна вступила в новую эпоху сельскохозяйственного роста, возвестившую об императивной потребности перехода аграрного сектора Индии к модели интенсивного роста, основывающейся, помимо

прочего, на массивированной интенсификации использования природных ресурсов. Пережитая Индией, как и другими странами Азии, в 60–80-х годах «зеленая революция» знаменовала первый шаг на пути к этой модели роста.

Ресурсный голод между тем предопределил и *характер социально-экономического процесса в агросфере*. Обширными своими сегментами аграрное хозяйство страны вошло в разрушительную фазу инволюционного развития – *измельчания хозяйства агросферы*, причем такая форма развития охватывает в Индии сразу обе стороны спектра земледельческих хозяйств – и «снизу» (дробление мелких по землепользованию хозяйств), и «сверху» (дробление хозяйств с крупным, по индийским стандартам, землепользованием), тем самым вымывая из рядов производителей те их слои, которые способны осуществлять положительный экономический рост, являются носителями тенденций к прогрессивной экономической трансформации аграрной экономики⁶⁹. С какой интенсивностью происходит этот процесс?

Если за первые полтора десятилетия второй половины XX века (1954/55 – 1970/71 гг.) параметры землепользования, как средненациональные, так и групповые, по обеим категориям рассматриваемых хозяйств (см. табл. 1), в целом отличались определенной устойчивостью, то с 70-х годов возникла совсем иная ситуация.

Согласно данным опубликованных сельскохозяйственных переписей, в расчете на одну производственную единицу аграрного сектора Индии в течение тридцати лет, с 1970/71 по 2000/01 гг., средняя хозяйственная площадь (operational land area) претерпевала четко выраженное сокращение – из пятилетия в пятилетие – и в конечном итоге уменьшилась на *две пятых*, с 2,3 га до 1,3 га, а

⁶⁹ Проблема маргинализации хозяйства аграрного сектора Индии также исследовалась автором в других работах [Растянников 1999: 450–454], [Растянников, Дерюгина 1999: 56–61]. Эта же проблема разрабатывалась параллельно нашими индийскими коллегами-аграрниками [Рао Ханумпа 1999: A133–A136].

в соответствии с трендовой отметкой на 2006 г. уменьшилась до 1,17 га, или *вдвое*, за 35 лет (см. табл.1).

При таком тренде изменений средняя площадь земли под хозяйством уже к 2016 г., сократится до *одного гектара!* (См. табл.1). Между тем уменьшающийся хозяйственный участок все более активно насыщается рабочей силой, существенная часть которой, несмотря на происходящую интенсификацию земледелия, сопряженную с ростом числа работников, используемых на единицу площади обрабатываемой земли, относится к типу относительно «избыточного населения»⁷⁰.

Так, за период 1950/51–1970/71 гг. такая площадь в расчете на одного работника, занятого в сельском хозяйстве, уменьшилась на 16% (с 1,51 га до 1,27 га), а за период 1970/71–2000/01 гг. данная площадь сократилась на 53% (с 1,27 га до 0,6 га) [Растянников, Дерюгина 1999: 56–61], [ФАО 2004: 169], [Сельскохозяйственная статистика 2004: 163], т.е. во втором периоде в расчете на десятилетие сокращение площади на одного сельскохозяйственного работника происходило примерно в *два раза* интенсивнее, чем в первом периоде. (Общее сокращение составило 2,5 раза.)

⁷⁰ Так, по оценке Плановой комиссии Индии, в 1992–1995 гг. сельскохозяйственный сектор Индии, сосредоточивая около двух третей (63,4%) (март 1992 г.) общего числа лиц, занятых в народном хозяйстве, смог в той или иной степени обеспечить работой *менее половины* (47,9%) общенационального прироста рабочей силы [Восьмой план 1996: 66]. Как комментировала такого рода диспропорцию Национальная комиссия по сельским рабочим, «увеличение емкости занятости в сельских районах не соответствует приросту массы рабочей силы»; в частности, «численность сельскохозяйственных рабочих увеличивается в течение нескольких последних десятилетий более высоким темпом, чем происходит прирост населения в деревне» [Отчет о сельских рабочих 1991: 69]. (Подробнее об этом ниже.)

Таблица 1

**Маргинализация хозяйства в аграрном секторе Индии
(вторая половина XX века – начало XXI века)***

Показатель / год	1954/ 1955	1960/ 1961	1970/ 1971	1976/ 1977	1980/ 1981	1985/ 1986	1990/ 1991	1995/ 1996	2000/ 2001	2006	2011	2016
Удельный вес земельной площади, %, приходящийся на:												
– хоз-ва с площадью до 2 га на хоз-во	16,8	18,9	20,9	23,5	26,2	29,0	32,4	36,0	39,0	42,2	45,3	48,3
– хоз-ва с площадью 10 га на хоз-во и более	33,3	30,7	30,9	26,2	23,0	20,1	17,3	14,8	13,2	11,1	9,7	8,5
Средний размер земельной площади на хоз-во в Индии в целом, га	2,31	2,69	2,30 (2,20)	2,00	1,84 (1,67)	1,69	1,55 (1,34)	1,41	1,32 (1,06)	1,17	1,08	1,00
Удельный вес хоз-в, %:												
– с площадью до 2 га на хоз-во	68,7	63,7	69,6	72,7	74,5	76,2	78,2	80,3	81,9	84,4	86,1	88,0
– с площадью 10 га на хоз-во и более	4,3	4,7	3,9 (3,1)	3,0	2,4 (1,9)	2,0	1,6 (1,3)	1,2	1,0 (0,8)	0,8	0,6	0,5

* [Национальное выборочное обследование 8 раунд 1958: 36], [Национальное выборочное обследование 16 раунд 1963: 20,21], [Отчет о

сельскохозяйственной переписи 1970-71: 26], [Отчет о сельскохозяйственной переписи 1980-81: 17], [Сельскохозяйственная статистика 2001: 190], [Сельскохозяйственная статистика 2004: 186], [Сарвекшана1997: 17, 20, 21], [Сельскохозяйственная статистика 2006: Таблица 16.1], [Сельскохозяйственная статистика 2011: Таблица 15.1, 15.3,16.1], [Национальное выборочное обследование 59 раунд 2006: 16, 18].

Примечание. За 1954/55 и 1960/61 гг. приводятся данные Организации «Национальные выборочные обследования» (NSSO). За период 1970/71–2000/01 гг. используются данные регулярных сельскохозяйственных переписей, проводящихся Министерством сельского хозяйства Индии один раз в десять лет. Последующие данные – прогнозного характера – исчислены на основе экспоненциального тренда динамики показателей сельскохозяйственных переписей за 30 лет. В скобках – показатель, заимствованный из публикаций NSSO. Его значения относятся соответственно к годам/периодам: 1970/71 г., 1981/82 г., 1991/92 г., 2002/03 г. По исчислениям Плановой комиссии, средний размер земельной площади на хозяйство составлял в 2000/01 году 1,34 га. Тот же показатель, по оценке Отдела сельскохозяйственной переписи Министерства сельского хозяйства, составлял в 2005/06 году 1,23 га [Сельскохозяйственная статистика 2011: Таблица 15.3].

Между тем площадь посевов (т.е. площадь, *реально* используемая в процессе земледельческого производства) изменяется совсем по другому алгоритму, нежели площадь угодий, отнесенная к категории «хозяйственная площадь». В результате развития ирригационного потенциала в Индии во второй половине XX века существенно расширилась площадь поливных земель, используемых под посевы обычно дважды (а иногда и трижды) в течение года. В 1950/51 г. коэффициент использования обрабатываемой земли Индии под посевы составлял 111,1%, в 2000/01 г. он увеличился до 133,2%, а в 2008/09 г. – до 138,0% [Сельскохозяйственная статистика 2004: 162], [Сельскохозяйственная статистика 2011: Таблица 13.1]. Фактор интенсификации использования природных ресурсов приводит, конечно, как бы к увеличению реально используемой в процессе производства площади земли и в результате компенсирует в той или иной степени процесс сокращения хозяйственных участков, обусловленный диспропорцией между

наличной рабочей силой и наличными природными ресурсами, задействованными в земледельческом производстве. Сколь велика эта компенсация?

Так, за тридцать пять лет (1970/71–2006 гг.) средний размер площади под хозяйством (operational land area) сократился *наполовину*; ожидаемый же прирост среднего землепользования хозяйства – за счет роста площади вторичных посевов на базе поливных земель – за 1950/51–2000/01 гг. (т.е. более продолжительный период времени) увеличился, по расчетам с использованием приведенных «коэффициентов интенсивности», лишь на *одну шестую* [Сельскохозяйственная статистика 2004: 162], [Сельскохозяйственная статистика 2011: Таблица 13.1] (см. также Табл.1). Иначе говоря, хотя и в несколько замедленном темпе, площадь *реального* землепользования средней производственной единицы (т.е. с учетом площади вторичных посевов) в аграрном секторе Индии продолжала и продолжает неуклонно сокращаться.

За этим процессом стоит распад сложившихся производственных единиц, приводящий к все большему насыщению хозяйственной площади Индии мельчайшими и мелкими клочками земли. За тридцать лет, охваченных сельскохозяйственными переписями (1970/71–2000/01 гг.), при застойном фонде обрабатываемой земли, число мельчайших хозяйств выросло более чем вдвое (на 113,2%) – с 35,7 млн. до 76,1 млн., мелких – более чем на две трети (на 70,1%) – с 13,4 млн. до 22,8 млн., а крупных, наоборот, уменьшилось более чем наполовину (на 56%) – с 2,77 млн. до 1,23 млн. Мельчайшие хозяйства (имеющие хозяйственную площадь менее 1 га) составляли 56% общего числа земледельцев в 1982 г., в 2003 г. их доля увеличилась до 70% [Одиннадцатый план 2010: 3, гл.1].

Не вызывает сомнения факт, что, например, распад «крупного» (со средней площадью землепользования 18–17 га) хозяйства происходил (и происходит) не только под давлением угрозы законодательного фактора (введение земельного максимума – «потолка» земельного владения), но и в результате, как и в хозяйствах других, более мелких групп, «заурядной» (естественной) демографической дифференциации (по законам, установленным А. В.

Чаяновым), выталкивающей «осколки» бывшего «большого» хозяйства (и одновременно – *NB* – крупного землепользователя) в состав низших по размерам земельной площади групп хозяйств – «средних» и «полусредних», землепользование которых под прессом все того же демографического давления рассыпается в свою очередь на участки – парцеллы (соответственно – мельчайшие хозяйства) размером 0,4 га (что, кстати говоря, соответствует площади среднего «личного подсобного» хозяйства в России начала XXI века). Естественно, изменяется и ландшафт экономического пространства аграрного сектора Индии. Если раньше, в 1970/71 г., на каждое «крупное» хозяйство (со средней площадью 18,1 га) приходилось всего 13 мельчайших хозяйств – парцелл, то в 2000/01 г. каждый аналог такого «Монблана», хотя и с несколько (на 5%) уменьшившейся площадью земли (до 17,2 га), стал феноменом куда более редким, чем прежде, оказавшись на арене индийской деревни в окружении существенно более плотного массива мельчайших хозяйств – теперь 62. А еще через полтора десятка лет (считая от начала нынешнего века), к середине второго десятилетия XXI века (см. табл.1), группа «крупных» хозяйств, при существующем тренде похозяйственных изменений, превратится в экономически малозначащий хозяйственный анклав (кроме, возможно, пенджабского региона), демонстрирующий неотвратимое – при «необузданном» развитии процессов маргинализации – сползание в экономическое небытие (см. ниже).

Маргинализация хозяйственной системы Индии происходит на фоне удручающей динамики природных ресурсов, используемых в сельскохозяйственном производстве.

Проблемы ресурсной базы в сельском хозяйстве

В последние два десятилетия процессы ухудшения претерпевает база природных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве. Вследствие деградации выходит из культивации больше земельных площадей, чем возвращается в обработку после мелиоративных работ. В.С.Вьяс еще в начале 90-х годов отмечал: «Ныне почти половина обрабатываемой земли подвержена весьма силь-

ной почвенной эрозии, заболачиванию, засолению, разрушениям вследствие образования трещин и оврагов» [Вьяс 1994: 4].

К концу первого десятилетия XXI века ситуация, похоже, заметно изменилась у худшему: «Серьезность проблемы (деградации культивируемых земель. – В.Р.) можно оценить по тому факту, что почти две трети нашей обрабатываемой земли в той или иной степени или деградировали или больны, и только около одной трети находится в хорошем состоянии»⁷¹ [Одиннадцатый план 2010: 8, гл.1]. В дополнение к результатам хищнического возделывания земли сельское хозяйство несет земельные потери вследствие активного наступления города на сельскохозяйственную ниву. И это – в условиях непрекращающегося прироста сельского населения.

Не менее драматично складывается ситуация вокруг водопользования в Индии. Страна переживает эпоху истощения природных источников водных ресурсов, доступных для целей сельскохозяйственного производства. Вследствие бесконтрольного развития колодезного орошения (процесса, так много способствовавшего распространению «зеленой революции» вширь) происходит прогрессирующее опускание горизонта подземных вод, использующихся для полива (к великому ущербу для мелких и мельчайших «фермеров») [Одиннадцатый план 2010: 4, гл.1]. Более того природные источники воды во все большей степени используются для обеспечения различных видов несельскохозяйственной деятельности и городских нужд. «Сверхэксплуатация подземных вод» отмечает Плановая комиссия, «серьезно угрожает эффективности и потенциалу базы снабжения производства в сельском хозяйстве»

⁷¹ О том, какой остроты достигает проблема деградации сельскохозяйственных земель в Индии, ярко видно из возражения редакции журнала «Economic and Political Weekly» Плановой комиссии Индии по поводу запланированного темпа ежегодного роста производства в сельском хозяйстве в XI пятилетнем плане (2007–2012): «Этот темп роста (104%) также не может быть желательным сам по себе, поскольку он оказал бы огромное давление на уже находящиеся в напряженном состоянии природные ресурсы» [Анонимный автор 2007: 2231].

[Отчет о состоянии земледелия 2006: 19]. Словом, сельскохозяйственная и несельскохозяйственная формы деятельности «вошли в клинч». Но, призывает Плановая комиссия, «императивная нужда ускорить сельскохозяйственный рост не должна решаться за счет устойчивости базы наших природных ресурсов, которые строго ограничены»⁷² [Одиннадцатый план 2010: 8, гл.1].

Вопрос об эффективном хозяйстве

В глобализирующейся экономике, такой, в частности, как индийская, где товарное сельскохозяйственное производство взяло старт от унаследованной системы «землесберегающих» технологий с их исходно низкой производительностью труда, все острее стоит вопрос о массовом формировании хозяйства, отличающегося адекватной требованиям рынка эффективностью. Между тем возможности становления такого хозяйства весьма ограничены и «снизу» и «сверху».

Упомянем о некоторых из противодействующих положительной динамике эффективного хозяйства общих процессах, охватывающих аграрную экономику. Природные катаклизмы – быстрое опускание уровня подземных вод, деградация возделываемых земель («умирающие почвы» и др.) – уже сами по себе представляют препятствие для снижения издержек производства либо даже условие роста таких издержек. Т.е. помимо общемирового, здесь действуют также национально-особенные факторы роста издержек. Удорожанию производства активно способствует маргинализация хозяйственных владений, действующая не только как средство закрепления ручного труда в земледелии, но и как предпосылка отторжения все более множасьего слоя

⁷² В государственном секторе водного хозяйства, видимо, должны быть большие реконструкции. Как отмечал Заместитель Председателя Плановой комиссии Индии, в течение десятого Пятилетнего плана государство вложило в ирригацию больше средств, чем было запланировано, но «добавка к ирригационному потенциалу составила всего 50% запланированного показателя, а действительная площадь оливной земли не увеличилась вовсе» [Анонимный автор 2007: 2232].

мельчайшего и мелкого крестьянства от благ государственной аграрной политики⁷³.

В том же направлении оказывают влияние рыночные цены, рост которых во многих случаях стимулируется государством (см. ниже), а также – в последнее десятилетие – мировой рыночной конъюнктурой.

Емким источником экономического потенциала эффективного (либо, при благоприятствующих условиях, могущего стать таковым) хозяйства остается в Индии собственное землевладение крупных землевладельцев. Но даже при либеральном законодательстве о земельном максимуме («потолке» земельных владений), которое к тому же выполняется с результатами, «далекими от удовлетворительных» [Одиннадцатый план 2010: 30, гл.1], в шестидесятилетней войне против отчуждения у них «излишков» земли крупные землевладельцы одержали «сокрушительную победу», уступив государству (для последующего перераспределения) лишь весьма незначительное количество своей земли⁷⁴. Тем не менее, процесс массового развития экономики масштаба у них пока не «пошел». Исключение, которое, впрочем, зиждется на силе экономического влияния государства в сельской местности,

⁷³ «Мелкие и маргинальные фермеры зачастую не имеют доступа к основным сельскохозяйственным услугам, таким как кредит, службы распространения средств производства, страхование и рынки... Почти все арендаторы-издольщики и большинство маргинальных фермеров не имеют возможности получить кредит из институциональных источников... Недавние самоубийства фермеров во многих частях Индии связаны с увеличением их задолженности неинституциональным источникам кредита [Одиннадцатый план 2010: 33, гл.1].

⁷⁴ На 2010 год площадь, объявленная «излишками земли», составляла 2,1% общего количества земли находящейся в собственности; из них было распределено 1,54% земельных «излишков». Принадлежность остальной части земли все еще оспаривалась в судах [Одиннадцатый план 2010, : 29-30, гл.1]. Тем самым у крупных землевладельцев (если за таковых принять – по стандартам Индии – собственников 10 гектар земли и более) было отчуждено примерно 7% их общей земельной площади, из которой действительно было распределено на 2010 год 5,13% земли.

представляет регион Пенджаб, некоторые другие районы поливных земель.

Но, пожалуй, нет в аграрном секторе Индии более острой проблемы развития экономического потенциала эффективного хозяйства, чем проблемы мобилизации возможной для обработки земли. Между тем, исходя из социальной обстановки в деревне (предотвращение, насколько это возможно, обезземеления бедного крестьянства), власти запретили институт аренды в большинстве штатов Индии, тем самым направив его развитие в русло «подпольных» (неформальных) арендных отношений; в частности, различные формы издольщины, этого наиболее популярного типа «подпольной» аренды, «все еще распространяются на существующую часть совокупного землепользования в некоторых регионах» Индии [Одиннадцатый план 2010: 32, гл.1]. С большими трудностями развивается институт «перевернутой» аренды, т.е. аренды, когда зажиточные хозяева арендуют землю у разоренных мелких и мельчайших земледельцев. Одним словом, «большое число устных договоров и (или) скрытых аренд продолжает охватывать все слои сельских семей». Именно отсюда, кстати говоря, проистекают призывы (Плановой комиссии) «свежим взглядом» рассмотреть вопрос об арендном законодательстве, с тем, чтобы разрешить аренду в «ограниченной степени» [Одиннадцатый план 2010: 32, гл.1].

То, что является новым в сегодняшней индийской деревне, это стихийно формирующееся стремление бедняков – мелких и мельчайших земледельцев к объединению, для того чтобы коллективно действовать в сфере хозяйственной деятельности. И здесь заложен заряд большого трансформирующего влияния. Плановая комиссия не преминула особо выделить этот факт: «Ныне хорошо осознано, что бедным больше всего придает силу, когда они функционируют как группа, а не как отдельные индивиды» [Одиннадцатый план 2010: 38, гл.1].

«Групповой подход» позволяет получить институциональный кредит (на группу); реализовать на рынке (а не у ростовщиков по заниженным ценам) свою продукцию и при этом воспользоваться

государственной системой «минимально поддерживающих цен»; построить в совместной собственности артезианский колодец для целей полива своих посевов и др. Более того, в иных случаях объединенные в группы бедняки–собственники клочков земли могут организовать на своей земле совместное ведение хозяйства (group farming). Поэтому «мы должны поощрять групповой подход» [Одиннадцатый план 2010: 38, гл.1].

Плановая комиссия ищет (и находит) и другую составляющую «объединительной» энергии бедных хозяев. В данном случае – общенационального значения. По убеждению Комиссии, «это также лучший способ обеспечить формирование экономики масштаба» [Одиннадцатый план 2010: 38, гл.1]. То, что Плановая комиссия связывает развитие эффективного хозяйства именно с новым типом организации мелкого хозяйства, по-видимому, находит объяснение в том, что массовое образование экономики масштаба оказалось мало возможным на социальной базе крупного землевладения – потому что, во-первых, крупных землевладельцев, как мы видели, становится – и быстро исторически – все меньше (см. выше), и, во-вторых, они еще не освободились от «врожденных депрессоров» (Д.Торнер). «Дамокловым мечом» над многими крупными землевладельцами «висит» выгода, проистекающая от сдачи земли в аренду маргинальным хозяйчикам.

А в условиях поголовной маргинализации системы хозяйства агросферы, когда маргинальный производитель все больше выдвигается на роль основной социальной фигуры деревни, не могут активно помочь росту эффективности производства и средние хозяева (обрабатывают 4–10 га земли), пока образующие главную «питательную среду» предпринимательства в сельском хозяйстве Индии.

Изменения в социально-экономической структуре деревни

Существенные трансформации «поголовная» маргинализация хозяйственной системы вносит в социально-экономическую структуру аграрного сектора Индии, радикально изменяя состав его экономических агентов. В результате того, что социальный про-

цесс в деревне все больше смещается от типа *двусторонней* («нормальной») дифференциации сельского общества товаропроизводителей (с ее крайней формой – выделением сельской буржуазии – на одном полюсе, сельскохозяйственного пролетариата – на другом) к типу *одностороннего* измельчания хозяйств (с последующим выбытием их владельцев из рядов земледельцев, работающих «на собственный счет»), земледельческий капитализм постепенно утрачивает адекватную себе «среду обитания». Маргинализация резко ослабляет социальный базис формирования предпринимательской прослойки в аграрном секторе (например, в Индии за период 1971–2001 гг. удельный вес пашни, принадлежащей хозяйствам, обрабатывающим 10 гектаров земли и более, сократился с 30,9% до 13,2% общей площади пахотной земли, а удельный вес таких хозяйств уменьшился с 3,9% до 1,0% общего числа хозяйств) (см. табл.1); вместе с тем маргинализация способствует непомерному, диспропорционально высокому – по отношению к реальным ресурсам капитала, – росту сельского пролетариата (например, в Индии за три с половиной десятилетия, предшествующих началу XXI столетия, последний увеличился с 1/4 до 2/5 общего числа семей сельского населения). Более того, в составе сельскохозяйственных рабочих рабочие «временного» найма (по существу подлинные рабочие) почти полностью вытеснили постоянных рабочих – «сроковых батраков»: их удельный вес уже в 1993/94 г достигал 96,1% (против 88% в 1977/78 г.)! Что свидетельствует об усилении давления на сельские рынки труда аграрного перенаселения, размывании социальных оболочек беднейших групп населения деревни [Гхош 1999: 2593, 2597, 2600].

В итоге маргинализация катализирует (во многих случаях – активно расширяет) условия для *массового исхода* бывших тружеников деревни в города (по типу того, который исторически раньше случился в странах Латинской Америки). Главной социальной фигурой деревни, сосредоточивающей *основную* часть земли, становится (в ряде регионов Азии, например, в Бангладеш, штатах Индии Западная Бенгалия, Керала – *уже стал*) *мельчайший производитель, возделывающий 0,5 га земли и менее*.

Отставание сельского хозяйства

Источники позволяют оценить динамику сельскохозяйственного роста Индии за последние три десятилетия. В целом она характеризуется ясно выраженной тенденцией к сокращению темпов прироста сельскохозяйственного продукта, результаты особенно заметны во второй половине периода (см. табл.2). И происходит это сокращение на фоне существенного (после экономической реформы начала 90-х годов) прибавления темпа прироста ВВП.

Таблица 2

Индия: динамика отставания сельского хозяйства, последние два десятилетия XX – первое десятилетие XXI века*

Пятилетние планы развития	Среднегодовой прирост продукта, %	
	Сельскохозяйственный продукт ¹	Валовой внутренний продукт
VI (1980/81 – 1984/85)	5,7	5,5
VII (1985/86 – 1989/90)	3,2	5,8
VIII (1991/92 – 1996/97) ²	3,7	6,8
IX (1997/98 – 2001/02)	2,5	5,5
X (2002/03 – 2006/07)	2,5	7,8
XI (2007/08 – 2011/12)	2,8	7,9

* [Отчет о состоянии земледелия 2006: 13], [Экономический обзор 2010-11: 188], [Экономический обзор 2011-12: 179,180], [Одиннадцатый план 2010: 3, гл.1].

¹ Показатель включает также данные о других составляющих «первичного сектора» – лесоводство и рыболовство (примерно 2,1–2,3% ВВП к концу первого десятилетия XXI века).

² Показатель включает годы VIII пятилетнего плана плюс один год, в план не включенный (1991/92).

К началу второго десятилетия XXI века индийская экономика отличалась одним из самых высоких в мире темпов экономического роста. Тем острее и ощутимее был углубляющийся разрыв между экономикой города, за счет динамики которой происходило это ускорение, и нисходящим движением экономики сельского хозяйства, сосредоточивавшего все еще большую часть трудовых ресурсов страны. К тому же сельское хозяйство подвержено колебаниям роста «вследствие капризов природы», что является «вопросом большого беспокойства» [Экономический обзор 2010-11: 180].

Выделим несколько факторов, повлиявших на спад темпов экономического роста в аграрном секторе. Во-первых, это деградация почв (т.е. посевных площадей), которая распространяется быстрее, чем успевает государство восстанавливать утрачивающие свое плодородие земли, а также истощение водных ресурсов. Во-вторых, как отмечал Председатель Плановой комиссии Премьер-министр Индии Манмохан Сингх, это «утомление» технологий (скажем ниже). В-третьих, это – крайне недостаточные инвестиции, как частных владельцев земли, так и особенно государства. В-четвертых, стала сказываться со все большей остротой маргинализация хозяйственной системы аграрного сектора Индии, особенно в суходольных районах (около 60% возделываемой площади Индии). Наконец, в-пятых, изменились (с 1999 г.) условия торговли в ущерб сельскохозяйственному производителю, причем «впервые со времени обретения Индией независимости цены на сельскохозяйственную продукцию упали фактически одновременно с замедлением роста производства в сельском хозяйстве. И это не только угнетало рост доходов, но и значительно увеличивало долги фермеров». Что было «важной причиной недавнего аграрного бедствия» в Индии [Одиннадцатый план 2010: 6, гл.1].

Отставание сельского хозяйства (и смежных отраслей «первичного сектора») отмечается и другими показателями. Плановая комиссия установила, что за период 1950/51–2006/07 годы, т.е. за 56 лет, прирост ВВП в расчете на работника в сельском хозяйстве составлял в реальном исчислении лишь 75% (хотя сельскохозяйственная часть ВВП увеличилась в Индии в целом за это время в четыре с

половиной раза – в ценах 1999-2000 гг.). Между тем во всей экономике ВВП в расчете на душу всего населения вырос в реальном исчислении в четыре раза за указанные годы [Одиннадцатый план 2010: 3, гл.1]. Если судить по исходным данным Плановой комиссии Индии и принять во внимание численный состав семей, проживающих в сельской местности, часть членов которых является иждивенцами, то, возможно, мы будем недалеко от того представления, что несельскохозяйственные секторы экономики Индии в шесть–семь (или даже больше) раз превзошли за полвека по результатам прироста ВВП весь «первичный сектор» народного хозяйства страны. При этом сохранялось громадное преобладание сельского хозяйства по численности занятого в нем населения (54,02%) [Данные для Заместителя Председателя 2012: Таблица 42].

Увеличился разрыв между городом и деревней также по уровню потребительских расходов. В Индии в целом он возрос за три десятилетия в полтора раза. В деревне XXI века средняя семья затрачивала сумму, составляющую лишь половину средних семейных потребительских расходов города, при этом такой разрыв возрастал интенсивнее в штатах, где городские очаги экономической деятельности (в том числе промышленные) функционировали особенно активно (см. табл.3)

Таблица 3

Отношение средних потребительских расходов на семью в деревне к средним потребительским расходам на семью в городе (цены текущие)*

Регион (штат)/год	1973/74	1993/94	2004/05
Орисса	0,61	0,55	0,53
Западная Бенгалия	0,59	0,59	0,50
Уттар Прадеш	0,84	0,70	0,61
Андхра Прадеш	0,78	0,71	0,55
Пенджаб	0,92	0,85	0,69
Индия	0,75	0,61	0,52

*[Данные для Заместителя Председателя 2012: Таблица 38].

Тот же самый процесс происходил и в Китае, экономика которого после реформы конца 70-х – середины 80-х годов обрела «второе дыхание». Только разрыв между экономикой города и деревни и, соответственно, подушевыми доходами был здесь существенно глубже⁷⁵.

В Индии отмечено в буквальном смысле выталкивание сельского хозяйства (и «смежников») из общенационального инвестиционного процесса (доля «первичного сектора» сократилась в национальном накоплении с 20% в 1950 г. до 5% в 2005 г.; при 54% занятых сектор «обходился» в 2000-х годах накоплением, равным 2,3–2,6% валового внутреннего продукта, против 27% во всей экономике) [Данные для Заместителя Председателя 2012: Таблица 42], [Сельскохозяйственная статистика 2011: Таблица 3.6], [Растяников, 2010: 33].

В континентальном Китае доля прироста ВВП за счет «первичного» сектора (57% национальной рабочей силы в 2005 г.) сократилась до 3,6% в 2007 г., против 7,1% в 1991 г. [Статистика Китая 2008: Таблица 2-12]. В Китае же с 90-х годов XX века разительные изменения претерпевают инвестиционные приоритеты в аграрном секторе: земледельческие хозяйства стали осуществлять «обратный переход» – от вложений в «основной капитал» (овеществленный труд) как источник экономического роста к вложениям (вынужденным) в фонды «средств существования», расходуемые на оплату рабочей силы (живого труда) [Бони 2005: 430]. Импульс к таким, инволюционным по своему характеру, заменам дало, помимо других факторов влияния, неимоверно усилившееся к началу XXI века аграрное перенаселение.

Перенасыщенный «избыточным» населением аграрный сектор Индии резко сократил в XXI веке свою способность к абсорбции такого населения [Руководящий комитет 2008: 13].

⁷⁵ Так, в Китае в 2007 году показатель среднего душевого дохода в городе был в 3,33 раза выше такового в сельской местности, против соответственно 2,57 раза в 1978 г. [Статистика Китая 2008].

Экономическая политика государства в аграрном секторе

В последние десятилетия XX и особенно в XXI все большее место в сельскохозяйственном росте занимает деятельность государства. Здесь будет затронуто три аспекта экономической политики, связанной с динамикой сельского хозяйства.

Изложенные выше факты также свидетельствуют, что стихийно-рыночные отношения все больше оказываются бессильны сыграть роль кровеносной системы в распределении продовольственных (сельскохозяйственных вообще) ресурсов в стране. В таких условиях именно государство вынуждено в данной области национального хозяйства замещать – притом с годами все активнее – функции частного капитала (кстати, зачастую выступающего в торгово-спекулятивном обличе), компенсируя их недееспособность деятельностью своих институтов распределения (в первую очередь в том, что касается «сферы бедности») и обмена.

Чем примечательна эта политика в Индии?

Государственные заготовки (закупки) зерна, главного объекта заготовок, по темпам своего роста на протяжении последнего полувека постоянно опережали, и намного, процессы формирования товарной массы зерна, поступавшей на рынки (см. табл. 4).

Таблица 4

Индия: изменение роли государства в закупках зерна на оптовых сборных рынках, 1959/60 – 2006/07 гг.*

Период	Закупки зерна государством, млн. т в год	Удельный вес товарного зерна, закупленного государством, %
1963/64–1967/68	4,1	35,1
1979/80–1985/86	15,7	56,0
1999/2000–2006/07	36,9	66,4
2007/08–2009/10	51,0	70,3

* [Отчет о политике цен для сезона «Хариф» 1968-69: 42, 43], [Отчет о политике цен для сезона «Раби» 1968-69 : 12, 17], [Сельскохозяйственная статистика 1988: 57], [Сельскохозяйственная статистика 2004: 133], [Сельскохозяйственная статистика 2006: Таблица 9.1], [Сельскохозяйственная

статистика 2008: Таблица 4.6(a), 4.7(b), 9.1], [Коротко о сельском хозяйстве Индии 27-е издание 2000: 230, 231], [Отчет комиссии по сельскохозяйственным издержкам и ценам 2007–08: 236, 238], [Гулати, Кишнан 1975: 833], [Растянников, Дерюгина 2004: 575], [Экономический обзор 2010–11: 196, 201].

Примечание. Зерновые ресурсы, формируемые государством путем закупок зерна на оптовых рынках, состоят в подавляющей части из двух зерновых культур – риса и пшеницы. На серые хлеба приходится по годам XXI века – от 0,07% до 2,8% общего объема закупок [Сельскохозяйственная статистика 2006: Таблица 11.1(b)].

Подпираемое нуждами экономического роста, непрерывно ощущая угрозу нарушения системы обеспечения многих «узловых точек» хозяйства критическими ресурсами развития, государство Индии вынуждено было постоянно стремиться (и с течением времени – все более энергично) к сосредоточению в своих руках крупных масс продовольствия. (В 2007/08–2009/10 годах государство закупало на рынке 82% поступавшего на него главных видов товарного зерна – пшеницы и риса!) Отсюда – столь феноменальный результат усилий государства в проникновении на зерновой рынок страны (см. табл. 4).

Действительно, в начале XXI века, по прошествии пяти десятилетий, государство овладело более чем *двумя третями наиболее емкого рынка сельскохозяйственной продукции – зернового*, при этом с середины 60-х годов, например, поступления пшеницы в «закрома государства» выросли в *девять раз* (а ее сборы *менее чем в шесть раз*). Тем самым государство решало крупную общенациональную задачу – обеспечивало (в большей или меньшей степени) *устойчивость* (несмотря на препятствующую активность торгово-спекулятивного капитала) *распределения* продовольственных ресурсов массового потребления, хотя и путем непрерывного и все более настойчивого своего вторжения в рыночные правила игры.

В частности, государство выступало все более активным покупателем – конкурентом частных торговцев, из года в год повышая цену («минимальную поддерживающую цену») на покупаемое

зерно и некоторые другие продукты. В итоге национальная закупочная цена превысила мировые цены на зерно, а также его средние национальные издержки производства. Первоначально считалось, что увеличение минимальной поддерживающей цены будет способствовать росту заинтересованности земледельцев в увеличении производства и урожайности. Но вскоре обнаружилось, что «большое число мелких и мельчайших фермеров неспособны самостоятельно попасть на сельскохозяйственные рынки» [Экономический обзор 2010-11: 216]. Выгоды, проистекающие из высоких зерновых цен, им не достаются. Между тем повышение «минимальных поддерживающих цен» давало толчок росту рыночных цен на все сельскохозяйственные товары и в конечном итоге «тянуло вверх» все товарные цены рынка. Выбиралось государство из этого ценового капкана «путем увеличения продовольственных субсидий» [Экономический обзор 2010-11: 216] (см. ниже). Рост бюджетных затрат, огромный сам по себе, пропорционально все повышался.

Ускорение экономического роста сопрягается в Индии с углублением еще одной аграрной диспропорции, суть которой, учитывая зерновую составляющую спроса, можно было бы определить так: в то время как *уровень и структура общественной потребности* нации в продовольствии формируются под воздействием современного общественного разделения труда, становления и укрепления современных форм экономической деятельности, демонстрационного эффекта потребления, распространяемого из экономически развитых стран, *система хозяйства*, призванная удовлетворить продовольственные потребности, пока представлена малоэффективным, во многом традиционным производством, полунатуральным по характеру воспроизводственного процесса, потребительским по своим целям (обеспечение продовольственных нужд лишь самым непосредственных производителей).

Несмотря на то, что страна пережила «зеленую революцию» (в 60–80-е годы), к концу первого десятилетия XXI века 80% площади под пшеницей, послужившей провозвестником «зеленой революции» в Индии (одно время ее даже называли «пшеничной рево-

лющей»), засевалось «собственными» семенами земледельцев; 85% земледельцев использовали при посевах «свои» семена [Отчет о состоянии земледелия 2006: 23], 80% молока, производящегося в стране, приходилось на долю «неорганизованного сектора» [Экономический обзор 2010-11: 205], где продукция производилась кустарными методами.

Указанная диспропорция – фундаментального характера, оценивать ее направления нужно в контексте динамики рынка. Министрство финансов Индии отмечает: «Сельскохозяйственный сектор Индии находится на перепутье. С одной стороны, он сталкивается с повышением спроса на номенклатуру (ценных – *Авт.*) продуктов питания, а с другой, сообщает относительно слабый отклик в виде предложения многих товаров. Что ведет к частым всплескам продовольственной инфляции» [Экономический обзор 2010-11: 215]. Лидируют в углублении этой коллизии расширяющий свои ряды «средний класс» (прежде всего города), предъявляющий все больший спрос на ценные продукты питания, а торможение вызывают многообразные «депрессоры» роста (в том числе сохранившиеся от прошлой аграрной структуры), которые подпираются процессами маргинализации хозяйственной системы агро-сферы.

В XXI веке резко возросла роль и место в сельскохозяйственном воспроизводстве (при все большем отставании аграрного сектора) государственной политики субсидирования производства в сельском хозяйстве. Так, субсидии в различных формах, направляемые государством в сферу производства в сельском хозяйстве, быстро увеличивались в 90-х годах XX века и 2000-х годах: за период 1993/94–1999/2000 годы они выросли в 2,2 раза (цены текущие), за период 1999/2000–2005/06 годы – в 1,9 раза (цены текущие) и составили в 2005/06 г. 578,2 млрд. рупий. Во второй половине первого десятилетия произошел скачок в росте производственных субсидий, последние увеличились всего за четыре года (2005/06–2008/09 гг.) в 2,8 раза и достигли астрономической суммы – 1609,2 млрд. рупий! В результате повышалась, особенно к концу первого десятилетия XXI века, и доля производственных субсидий по от-

ношению к сельскохозяйственной части ВВП. О возрастающей роли субсидиальной «подпитки» экономического роста в сельском хозяйстве Индии наглядно свидетельствуют следующие данные (*среднеарифметические значения по годам/периодам, в % к сельскохозяйственной части ВВП; цены текущие*) [Одиннадцатый план 2010: гл.1], [Сельскохозяйственная статистика 2008: Таблица 12.1], [Сельскохозяйственная статистика 2011: Таблица 12.1]:

1976–1980	1993/94–1995/96	1996/97–1998/99	1999/2000	2000/01–2002/03	2003/04–2005/06	2006/07–2008/09
3,0	6,5	7,3	6,9	8,1	8,7	12,7

Как видно, власти Индии лихорадочно искали пути эффективной поддержки производства в сельском хозяйстве с целью преодолеть последствия резко снизившегося темпа динамики валового сельскохозяйственного продукта. Всего за пятилетие от начала XXI века производственные субсидии государства в сельское хозяйство увеличились по отношению к валовому сельскохозяйственному продукту на *четверть*, а в целом за выделенные годы XXI века их величина по отношению к сельскохозяйственной доле ВВП возросла более чем в 1,8 раза.

Опережающий рост субсидий в сельское хозяйство наглядно подтверждает ту закономерность, которой отмечается экономический рост сегодняшней Индии: чем болезненнее дает о себе знать отставание сельского хозяйства, тем острее ощущаются явления аграрного бедствия (*agrarian distress*), переживаемые деревней. Ныне субсидии органически «вплетены» в воспроизводственный процесс в агросфере, при этом государство берет на себя существенную часть совокупных расходов по воспроизводству в сельском хозяйстве. (Отметим, что все субсидии, обусловленные функционированием сельского хозяйства, т.е. производственные и продовольственные, составляли в 2008/09 году 22% величины части ВВП, произведенной в сельском хозяйстве, а только производственные субсидии – 17,3%.)

Именно участие государства в прямом финансировании применяемых в земледелии новых средств производства позволяет в определенной степени снизить совокупные издержки производства и тем самым обеспечить внедрение этих средств в сельское хозяйство. Очевидно, что без такого финансирования прогресс интенсификации в земледелии претерпевал бы большие трудности (в частности, существенно сократилось бы поле применения новых средств производства). (Например, фермеры-земледельцы ныне платят за минеральные удобрения лишь 25–40% их рыночной цены. Остальную часть цены получают заводские производители удобрений в форме специальных субсидий [Экономический обзор 2010-11: 196].)

Другой линией политики субсидирования является, как отмечалось выше, развитие системы продовольственных субсидий, когда государство выдает все растущим группам людей «пайки» по ценам ниже рыночных, неизменяющимся (с 1 июля 2002 г.), по специальным «карточкам». (Например, люди, зарегистрированные как живущие «за чертой бедности», получают по 35 кг зерна в месяц на семью.)

Интенсивность работы этой системы многократно возросла в XXI веке. В частности, всего за одно десятилетие (2000/01–2009/10 гг.) субсидии данной категории увеличились в 4,8 раза, при этом в конце периода они возрастали на 30–40% ежегодно [Экономический обзор 2010-11: 212], одновременно как с развитием рыночной инфляции, так и с дальнейшим развертыванием сети государственного продовольственного снабжения. Без такой политики угроза голода или действительный голод поразил бы большие массы людей.

Вместо заключения

«Ныне нужда во второй зеленой революции испытывается скорее, чем когда-либо прежде» [Министерство финансов].

Все более остро ощущаемая обществами стран Азии *абсолютная* ограниченность природных ресурсов, используемых в сельскохозяйственном производстве, диктует императивную необхо-

димось нового биотехнологического прорыва в продовольственном комплексе национального хозяйства. Если прежде (во времена Т.Мальтуса, да и много позднее) недостаток культивируемых земель мог быть возмещен путем реализации реальных возможностей экспансии экстенсивного производства на пустующие земли, поступавшие в обработку, то теперь, когда ресурсные источники исчерпаны, этот недостаток не может быть компенсирован иначе, как все большей активизацией сферы НИОКР, способной обеспечить высокоурожайным материалом и необходимым «пакетом» технологий производящий сектор сельского хозяйства. Или, если сказать иначе – *критический узел* роста в агросфере ныне переместился с проблемы освоения свободных земель к проблеме внедрения в производственный процесс в сельском хозяйстве результатов развития «экономики знаний» – духовных элементов производительных сил, ставших *детерминантным* фактором системы последних в современную эпоху [Крылов 1974].

Проблема же их внедрения состоит в том, что, как свидетельствует опыт многих стран, в частности – весьма наглядно – Японии, развитие биопотенциала имеет *не равномерный поступательный, а дискретный характер*, который на протяжении исторического времени может проявлять себя *длительными фазами застоя продуктивности в сельском хозяйстве* с последующими (бурными?) ее скачками – в агросфере в целом или в отдельных отраслях производства (что мы видели уже на примере «зеленой революции» в Азии). Зерновое производство Индии (и, возможно, Китая) вошло именно в такую фазу роста. Отметим здесь: мы должны различать два свершающихся независимо один от другого, процесса: один, возникший как результат действия земельно-демографического комплекса (ЗДК) и проявляющийся в маргинализации хозяйственных владений; и другой, определяемый особенностями протекания научно-технологической революции в сфере агропроизводства (имеется в виду, прежде всего, дискретный характер этой революции в том, что касается стран Азии). Оба эти процесса (второй – в фазе спада волны), накладываясь друг на друга, порождают *эффект негативной синергии*, прокладывая

щий себе путь в земледелии Индии. И это неизбежно усиливает явления аграрного бедствия во многих сельскохозяйственных регионах Индии.

Таблица 5

Индия и Китай: ежегодные темпы прироста урожайности зерновых культур, 1978–2011 гг. *, %

Период (годы)	Индия		Индия (Пенджаб)	Период (годы)	Китай	
	Все зерновые	Рис	Пшеница		Рис	Пшеница
1980/81–1989/90	2,95	3,20	2,95	1978–1990	3,26	5,12
1989/90–1999/00	2,00	1,20	1,56	1990–1999	1,55	2,74
1999/00–2010/11	0,64	1,28	(–)0,44	1999–2010	0,88	2,33

*[Сельскохозяйственная статистика 1988: 9], [Сельскохозяйственная статистика 2001: 26], [Сельскохозяйственная статистика 2011: Таблица 4.5(а), 4.6], [Статистика Китая 2006: Таблица 13-15, 13-17], [Статистика Китая 2010: Таблица 12-1, 12-2].

Индия и Китай демонстрируют ныне синхронность в развитии состояния «утомленности» земледельческих технологий (проявляющейся в устойчивом снижении урожайности зерновых культур. См. табл. 5), что с новой стороны подчеркивает общемировую универсальность хода свершающейся в мире информационной революции, призванной дать импульс перелому тренда в сельскохозяйственной продуктивности в сторону положительно возрастающей его направленности.

Библиография

Анонимный автор 2007 – *Economic and Political Weekly*. 2007. June 16. Vol. 40. №2. Редколлегия.

Бони 2005 – Бони Л.Д. *Китайская деревня на пути к рынку*. М.: Институт Дальнего Востока. 2005.

Восьмой план 1996 – *Draft Mid-Term Appraisal of the Eighth Five Year Plan 1992–1997*. New Delhi. 1996.

Вьяс 1994 – Vyas V.S. *Agricultural Policies in the Nineties* // National Bank Review. Vol. 10. №3. July–September. 1994.

Гулати, Кришнан 1975 – Gulati I.S., Krishnan T.N. *Public Distribution and Procurement of Foodgrains*. // *Economic and Political Weekly*. 24.05.1975.

Гхош 1999 – Ghose Ajit K. *Current Issues of Employment Policy in India* // *Economic and Political Weekly*. 1999. September 4. Vol. 34. №36.

Данные для Заместителя Председателя 2012– Data for the Use of Deputy Chairman, Planning Commission. 15th January 2012.

Коротко о сельском хозяйстве Индии 27-е издание 2000 – *Indian Agriculture in Brief*. 27th Ed. 2000.

Крылов 1974 – Крылов В.В. *Производительные силы развивающихся стран и формирование их социально-экономической структуры*. Канд. дисс. эк. наук. М.: ИМЭМО. 1974.

Национальное выборочное обследование 8 раунд 1958 – *The National Sample Survey. 8th Round. First Report on Land Holdings. Rural Sector*. Govt of India. Calcutta, 1958.

Национальное выборочное обследование 16 раунд 1963 – *The National Sample Survey. 16th Round. Tables With Notes on Agricultural Holdings in Rural India*. Calcutta: Indian Statistical Institute. 1963 (Draft).

Национальное выборочное обследование 59 раунд 2006 – *The National Sample Survey. 59th Round. Some Aspects of Operational Land Holdings in India, 2002-03*. NSSO. Govt. of India. 2006. (<http://mospi.nic.in>).

Одиннадцатый план 2010 – *Five Year Plans. Eleventh*. <http://planningcommission.nic.in>

Отчет комиссии по сельскохозяйственным издержкам и ценам 2007-08 – *Reports of the Commission for Agricultural Cost and Prices for the Crops Sown during 2007-08 Season*. Govt. of India. Ministry of Agriculture. New Delhi. 2008.

Отчет о политике цен для сезона «Раби» 1968-69 – *Report of the Agricultural Prices Commission on Price Policy for Rabi Foodgrains for 1968-69 Season*. New Delhi, 1968.

Отчет о политике цен для сезона «Хариф» 1968-69 – *Report on Price Policy for Kharif Cereals for the 1968-69 Season*. Agricultural Prices Commission. New Delhi. 1968.

Отчет о сельских рабочих 1991 – *Report of the National Commission on Rural Labour*. Govt. of India. Ministry of Labour. Vol.I. New Delhi. 1991.

Отчет о сельскохозяйственной переписи 1970-71 – All India Report on Agricultural Census 1970-71. Govt. of India. N.D. 1975.

Отчет о сельскохозяйственной переписи 1980-81 – All India Report on Agricultural Census 1980-81. Govt. of India. N.D. 1987.

Отчет о состоянии земледелия 2006 – *The XIth Five Year Plan (2007–2012). Report of the Working Group on Crop Husbandry, Agricultural Input, Demand and Supply Projections and Agricultural Statistics for the Eleventh Five Plan (2007–2012)*. Govt. of India. Planning Commission. New Delhi. 2006.

Рао, Хануматта 1999 – Rao V.M., Hanumappa H.G. Marginalization Process in Agriculture // *Economic and Political Weekly*. 1999. December 25.

Растянников 1999 – Растянников В.Г. Становление современного аграрного хозяйства в Индии // *Земельный вопрос*. Под ред. Е.С. Строева. М.: «Колос». 1999.

Растянников 2010 – Растянников В.Г. *Аграрная Индия. Парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. – начало XXI в.* М.: ИВ РАН. 2010.

Растянников, Дерюгина 1999 – Растянников В.Г., Дерюгина И.В. *Сельскохозяйственная динамика. XX век*. М.: ИВ РАН. 1999.

Растянников, Дерюгина 2004 – Растянников В.Г., Дерюгина И.В. *Модели сельскохозяйственного роста в XX веке*. М.: ИВ РАН. 2004

Руководящий комитет 2008 – *Report of the Steering Committee on Labour and Employment constituted for the Eleventh Five Year Plan (2007–2012)*. Govt. of India. Planning Commission. 2008.

Сарвекшана 1997 – *Sarvekshana. Journal of NSSO*. Vol. XX. 1997. №3.

Сельскохозяйственная статистика 1988 – *Agricultural Statistics at a Glance 1988*. Govt. of India. Ministry of Agriculture. New Delhi. 1988.

Сельскохозяйственная статистика 2001 – *Agricultural Statistics at a Glance 2001*.

Сельскохозяйственная статистика 2004 – *Agricultural Statistics at a Glance 2004*.

Сельскохозяйственная статистика 2008 – *Agricultural Statistics at a Glance 2008*.

Сельскохозяйственная статистика 2011 – *Agricultural Statistics at a Glance* 2011.

Статистика Китая 2006 – *China Statistical Yearbook* 2006. National Bureau of Statistics of China. 2006. www.stats.gov.cn.

Статистика Китая 2008 – *China Statistical Yearbook* 2008.

Статистика Китая 2010 – *China Statistical Yearbook* 2010.

ФАО 2004 – *The State of Food and Agriculture*. 2003-04. FAO. Rome. 2004.

Экономический обзор 2010-11 – *Economic Survey* 2010-11. Govt. of India. Ministry of Finance. New Delhi. 2011.

Экономический обзор 2011-12 – *Economic Survey* 2011-12.

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ 2011 г.:
ЧЕГО БОЛЬШЕ – НАДЕЖДЫ ИЛИ ШОКА И РАЗОЧАРОВАНИЯ?
Результаты переписи 2011 г.

Согласно предварительным опубликованным результатам переписи населения Индии численность населения страны на 1 марта 2011 г. составила 1,21 млрд человек [Перепись 2011, Индия]. Абсолютный прирост за десятилетие 2001–2011 гг. достиг 181 млн и оказался почти на уровне предыдущего десятилетия 1991–2001 гг. (182 млн), но все же меньше на 0,86 млн, что произошло впервые за всю историю проведения переписей в Индии. Как ни обещающе выглядят такие итоги, но нельзя забывать, что такой прирост за 10 лет все же равняется всему населению Бразилии. В очередной раз не сбылись прогнозы прироста числа жителей страны. Государственная программа «Национальная политика по народонаселению», принятая в 2000 году, предполагала, что население страны возрастет к 2011 г. до 1107 млн человек, тогда как реальные результаты превысили прогнозы на 103 млн. Возможно, однако, что при подведении окончательных итогов переписи и эти цифры окажутся превзойденными. Уровень недооценки по переписям, а их уже состоялось в общей сложности 15, варьирует от 1,5 до 2%. Но даже если исходить из того, что последняя перепись самая совершенная из всех предыдущих, то и тогда эта цифра не может быть меньше 1%, а это дополнительные 12 млн человек [EPW, 16.04.2011: 13], и получается, что снижения абсолютного прироста все-таки не произошло. Справедливости ради надо отметить, что кроме «установочных» целей в рамках программы по государственной политике по народонаселению, разрабатываются государственными организациями и более приближенные к реальности прогнозы роста численности жителей страны на предстоящую перепись. Один из таких прогнозов, выполненный в 2006 г., оказался наиболее точным, предсказав, что перепись покажет результат в 1192,5 млн человек, т.е. ошибка составила совсем незна-

* Институт востоковедения РАН

чительную величину в 18 млн [Исследования по народонаселению, №11-02: 2].

Как показала последняя перепись, доля Индии в мировом населении выросла с 14,2% в 2001 г. до 17,5% в 2011 г. Доля же страны в мировой суше не превышает 2,5%. Разница между численностью населения Индии и Китая сократилась с 238 млн в 2001 г. до 131 млн в 2011 г., а между США (третьей страной в мире по численности населения) и Индией – увеличилась с 741 до 902 млн человек. С 2000 по 2010 годы население мира ежегодно прирастало на 79 млн человек и почти 22% из них составляли индийцы, опережая по этому показателю даже Китай [Исследования по народонаселению, №11-02: 1]. Двадцатое столетие Индия встретила с населением 234,4 млн, а через 110 лет оно уже выросло в 4 раза. На увеличение числа жителей страны в 1,% раза Индии потребовалось первые 50 лет прошлого века, а остальные $\frac{3}{4}$ прироста выпали на вторую половину века.

По прогнозам ООН население Индии к 2050 г. вырастет до 1614 млн человек и увеличит свою долю во всем населении земного шара в 9150 млн до 19%. Это означает, что из прогнозируемого прироста населения за 50 лет с 2000 до 2050 г. в 2854 млн, 571 млн или 19% всего прироста придется на долю индийцев [Исследования по народонаселению, №11-02: 1]. Этот прогноз предполагает и то, что к середине XXI столетия самой многонаселенной страной мира станет Индия, отодвинув Китай на 2-е место. Во многом, стабилизация численности населения мира, т.е. переход на нулевой прирост населения, в ближайшие 50 лет будет зависеть от того, как скоро Индия выйдет на последнюю стадию демографического перехода.

После опубликования весной 2011 года предварительных итогов переписи огромную нескрываемую радость вызвало, столь давно ожидаемое, снижение ежегодных темпов прироста населения. Своего пика они достигали в период 1961–1971 гг. – 2,2% в год в среднем. В дальнейшем возобладала тенденция их медленного снижения, но вплоть до 2001 г. они все же оставались выше 2%, что было чрезмерно высоким показателем для страны с такой

огромной абсолютной численностью населения как Индия. В 2001 г. они снизились до 1,95% в год, а по последней переписи – до 1,63%. Но все же и они оказались выше 1,48%, «заявленных» в программе «Национальная политика по народонаселению». Для Индии разница в 0,2% означает лишние 360 тыс. абсолютного прироста в год. Сокращение коэффициента рождаемости и смертности по результатам переписи 2011 г. оказалось ниже, чем прогнозировалось, исходя из данных выборочных обследований по репродуктивному поведению индийских семей. По программе «Национальная политика по народонаселению» предполагалось, что коэффициента рождаемости, обеспечивающее простое воспроизводство население, страна достигнет к 2010 году. Однако, уже сейчас ясно, что по самым оптимистичным прогнозам такого уровня рождаемости Индия достигнет не ранее 2021 г. Такой уровень рождаемости предполагает не более 2,6 ребенка на женщину, вышедшую из репродуктивного возраста [Исследования по народонаселению, № 11-02: 2]. Для сравнения отметим, что темпы ежегодного прироста населения в Китае за это же десятилетие составили всего 0,53%, в США – 0,7% [Перепись 2011: 11]. Результаты последней индийской переписи вызывают сомнения, что коэффициент рождаемости даже к 2021 г. достигнет величины, которая позволит выйти на режим стабилизации численности населения к 2045 г. и, следовательно, эта цель отодвигается на неопределенную перспективу.

В такой обширной, в том числе и по территории, стране как Индия не могут не быть огромные контрасты между штатами и целыми регионами, объединяющие группу штатов, детерминированные историческими и географическими факторами развития. Всего в стране по переписи 2011 г. насчитывалось 29 штатов и 6 союзных территорий. Обычно их группируют в три категории: крупные штаты (с населением свыше 20 млн), малые штаты (менее 20 млн жителей) и союзные территории. По последней переписи в 17 крупных штатах проживало 95% населения страны, в 12 малых – 4,7% и на союзных территориях – 0,3%. Именно 17 крупных штатов задают тон в демографических закономерностях, свойственных

Индии. Население трех крупнейших штатов превышает 100 млн в каждом: население Уттар-Прадеш – 199,6 млн, Махараштры – 112,4 млн, Бихара – 103,8 млн [Перепись 2011: 20]. Население только двух штатов – Уттар-Прадеша и Махараштры – в 312 млн человек превышает все население США. При этом 5 штатов на северо-востоке страны и 5 союзных территорий имеют население менее 1 млн каждый.

Региональные различия в Индии, вплоть до конца XX в., носили четко выраженный контраст между относительно благополучным Югом и слаборазвитым Севером. Перепись 2011 г. показала, что эта картина начинает размываться. Часть северных штатов, население которых между 1951 и 2011 гг. составляло 43–46% всего населения страны, составляют, так называемую группу Empowered Action Group (EAG). В нее входят – Уттар-Прадеш, Раджастан, Уттаркханд, Бихар, Джаркханд, Мадхья-Прадеш, Чхаттисгарх, Орисса. Они представляют собой единый географический континуум на севере Индии. До 1971 г. темпы роста населения в них опережали штаты юга. Затем в штатах вне этой северной группы, особенно на юге, началось быстрое сокращение рождаемости и, соответственно, сокращение темпов прироста населения. В штатах EAG таковые изменения стали заметны только в декаду 2001–2011 гг. Однако, положительная динамика и в это время проявилась далеко не всех штатах этой группы: штаты Бихар, Чхаттисгарх и Джаркханд по-прежнему демонстрируют самые высокие темпы прироста населения (более 2% в год). Они образуют единый территориальный очаг демографического неблагополучия на севере страны. Прочие штаты этой группы показали некоторое замедление темпов роста – до 1,8%, что, однако, все равно превышает средний показатель по Индии. На северо-востоке страны также существует очаг высоких темпов роста населения – свыше 2%. Это штаты Мегхалайя, Манипур, Аруначал-Прадеш, Мизорам. Это самые маленькие по территории и населению штаты Индии. Единственным исключением этого региона стал штат Нагаленд, население которого в первое десятилетие нового века не только не выросло, а даже сократилось.

В южном штате Тамилнаду, пионере демографического перехода в Индии, последняя перепись показала замедление этого процесса. Неожиданным оказалось, что практически во всех штатах, где разворачивался демографический переход, его темпы замедлились и оказались ниже, чем были потенциально заложены в результатах предыдущей переписи 2001 г. Большинство штатов этой, наиболее благополучной группы, находятся на третьей стадии демографического перехода, но они оказались заложниками ситуации, когда, несмотря на снижение коэффициента рождаемости, продолжается рост населения из-за значительной доли населения, находящегося в репродуктивных возрастах. В четвертую стадию демографического перехода штат Тамилнаду вступил уже в 2001 г., сейчас к нему присоединились прочие южные штаты, а также Панджаб и Западная Бенгалия. Как велики различия между штатами, находящимися на разных стадиях демографического перехода видно на следующем примере: в Тамилнаду количество рождений на одну женщину составляет 1,7 ребенка, а в Бихаре – 3,9 [Международный журнал, 12.2011: 7]. Доля южных штатов во всем населении страны упала с 22,5% в 2001 г. до 20,8% в 2011 г., что, между прочим, делает актуальным вопрос о долевом представительстве южных штатов в парламенте страны.

Половая структура населения Индии по переписи 2011 г.

Для демографических характеристик индийского населения одним из самых больных мест является несбалансированная половая структура. Это явление свойственно и другим южноазиатским странам и Китаю. Оно стало следствием социально-экономических приоритетов, исторически возобладавших в этом регионе. Самой «маскулизированной» страной южноазиатского региона является все же не Индия, а Китай, где на 1000 мужчин приходится 926 женщин. Индии находится на предпоследнем месте в южной Азии с показателем на 2011 г. 940. В остальных странах ситуация с половой структурой более сбалансированная.

Самый «провальный» для Индии за весь период проведения переписей стал 1991 г., когда индекс половой структуры оказался

всего 927. В 2001 г. он поднялся до 933 и в 2001– до 940. Фактически же Индии сейчас удалось вернуться на лишь уровень 1961 г. По данным последней переписи в Индии проживает на 37,3 млн меньше женщин, чем мужчин.

Мировой Экономический Форум в 2006 г. разработал «индекс полового неравенства» (Gender Gap Index), который дает возможность проводить сравнения между странами мира по таким показателям, как: участие женщин в экономическом развитии (уровень доходов, заработная плата, доступность должностей, требующих высокой квалификации); образование женщин (доступность образования и, высшего в частности); участие женщин в политическом процессе; здоровье женщин и доступность медицинских услуг. По совокупному индексу полового неравенства Индия занимает 98 место из всех 115 обследованных стран. Столь низкое положение страны в мировой иерархии определяется неудовлетворительным состоянием практически по всем пунктам, входящим в индекс, кроме одного. По участию женщин в политике Индия – одна из самых передовых стран: 20-е место в мире. Даже США уступают Индии (22-е место). В Индии доля женщин в парламенте 8% и им же принадлежит 3% министерских постов, а в США – доля женщин в парламенте 15% и женщин министров 14%, но чрезвычайно низка доля женщин в органах исполнительной власти, что и отодвигает их на более низкую позицию по сравнению с Индией. По данным Форума, в Индии крайне неблагоприятно обстоит дело с правами и участием женщин в экономическом процессе. По этому показателю Индия занимает лишь 110-е место в мире, оставив за собой только Пакистан, Иран, Саудовскую Аравию, Йемен и Бахрейн. Китай по этому показателю занимает 53-е место [Единый мир Южной Азии 2012: 1].

Как и всегда в Индии, нельзя абстрагироваться от региональных различий, даже по такому показателю как соотношение численности мужского и женского населения. Тенденция, отмечавшаяся уже с самого начала проведения переписей – большая «маскулинизация» населения на севере страны по сравнению с югом – сохраняется и сейчас. На севере прослеживается цепочка штатов с

особо выраженным дисбалансом половой структуры – это штаты Панджаб, Харьяна, Чандигарх и Дели. Однако, в период между двумя последними переписями на фоне общеиндийской тенденции снижения дисбаланса половой структуры эти штаты выделились особо динамичным процессом повышения доли женщин. В эту струю попала и Махараштра. Нельзя не отметить, что есть штаты, где динамика имела и негативную направленность, т.е. доля женщин продолжает сокращаться – это штаты: Бихар, Гуджарат и Джамму и Кашмир.

Положительная динамика индекса половой структуры интерпретируется в Индии со сдержанным оптимизмом. Безусловно, в стране развиваются и всячески поощряются на правительственном уровне меры по улучшению положения женщин в стране. В Индии это направление государственной политики имеет общее название «наделение женщин правами» (empowering women). Важный фактор снижения дисбаланса – это улучшение статистического учета: с каждой новой переписью женское население учитывается все полнее. Недоучет женского населения в ходе переписей, как предполагается, был особенно значительным вплоть до 1981 г. Самой «невидимой» для переписей, наряду с девочками младших возрастов, были и будущие матери. Государственные меры по поддержанию здоровья беременных женщин и кормящих матерей и, как следствие, снижение смертности этого контингента женского населения, привели к тому, что продолжительность жизни женщин уже в 90-е годы превысила мужскую на 1 год. В западных странах этот разрыв не менее 3–5 лет.

Одним из главных положительных сюрпризов переписи 2011 г. стало снижение абсолютного прироста детей в возрасте 0–6 лет. По переписи 2001 г. самая младшая возрастная группа (в переписях обычно возрастные группы показываются с интервалом 5 лет, кроме самой младшей, что связано с возрастом поступления в школу – 6 лет) приросла на 164 млн, а по переписи 2011 г. – на 159 млн. Доля младшей возрастной группы снизилась с 16% до 13,1%. Это крайне желательное явление для Индии произошло благодаря снижению коэффициента рождаемости с 3,1 ребенка на женщину

в 2001 г. до 2,7 в в 2009 г. [Международный журнал 2011: 13]. Однако этого все-таки недостаточно, чтобы решительно сбить тенденцию роста населения, и итоги переписи 2011 г. вынуждают индийских экспертов перенести дату обгона Китая по общей численности населения страны с 2045 г. на 2030 г.

Факт постоянного снижения доли девочек в возрастной группе 0–6 лет уже давно фиксировался переписями (см. табл. 1), но не привлекал особого внимания. Однако, результаты переписи 2011 вызвали в индийском обществе шок, так как на фоне некоторого улучшения показателя общей половой структуры произошло только упрочение стойкой, все последние 60 лет, тенденции падения доли женской составляющей среди индийских детей.

Таблица 1.

**Коэффициент половой структуры
в младшей возрастной группе 0–6 лет индийских детей в 1961–2011 гг.**

Год переписи	Все население	Дети в возрасте 0-6 лет
1961	941	976
1971	930	964
1981	934	962
1991	937	945
2001	933	927
2011	940	914

Источник: [Международный журнал, 12.2011: 13]

Динамика коэффициента половой структуры показывает стойкое предпочтение детям мужского пола в индийских семьях. При этом, данные выборочных обследований свидетельствуют, что социально-культурная психология в молодых семьях меняется быстро, даже на севере, где всегда особенно сильно было желание иметь потомков мужского пола, а не дочерей. Но, высказываемое респондентами более сбалансированное отношение к детям обоего пола, повсеместно пока не слишком согласуется с реальными фактами (табл. 2). Из всех крупных штатов только в двух – Панджабе и Харьяне – прослеживается положительная динамика половой

структуры в детских возрастах. Но даже эта тенденция пока не изменила факта, что половая структура всего населения в этих штатах остается одной из самых несбалансированных в Индии. Некоторое, но, правда, совсем незначительное повышение числа девочек в общей численности младших детей наблюдается только в одном штате – Тамилнаду. Махараштра, самый продвинутый в экономическом плане, штат Индии по последней переписи наряду с северными, традиционно самыми неблагополучными в демографическом отношении, штатами показала по последней переписи самое заметное сокращение относительной доли девочек среди детей самой младшей возрастной группы.

Казалось бы, что обычно считающимися в мире благоприятными для выравнивания половой структуры населения, в том числе и детей, такие факторы как рост образования женщин и ускорение темпов урбанизации, повышение удельного веса, которых, безусловно, зафиксировала последняя перепись, не срабатывают в Индии.

Таблица 2.

Динамика половой структуры детей в возрастной группе 0-6 лет в крупных штатах Индии в 1991–2011 гг.

Штаты	Количество девочек на 1000 мальчиков		
	1991	2001	2011
Андхра-Прадеш	975	961	943
Бихар	953	942	933
Гуджарат	928	893	886
Джаркханд	979	965	943
Западная Бенгалия	967	960	950
Карнатак	960	946	943
Керала	958	960	959
Мадхья-Прадеш	941	932	912
Махараштра	946	913	883
Орисса	967	953	934
Панджаб	875	798	846
Раджастхан	916	909	883

Тамилнаду	948	942	946
Уттаркханд	949	908	886
Уттар-Прадеш	927	916	899
Индия	945	927	914

Источник: [Международный журнал, 12.2011: 14]

Такие сверхурбанизированные территории, как Дели и Чанди-гарх, показали и максимальное сокращение относительной доли девочек – на 47 и 54 пункта соответственно. В Индии прослеживается, противоречащая всему мировому опыту, закономерность, – чем более урбанизирована территория, тем более несбалансированна в ней половая структура. Очевидно, в Индии действует очень мощный фактор, который вносит свои коррективы в эту закономерность.

Корень проблемы заключается в том, что как бы не изменилось на социальном уровне отношение к женщинам в современной Индии, на бытовом уровне, когда речь идет о выборе пола ребенка для своей конкретной семьи, предпочтение будет отдано сыну, а не дочери. Воплощают эти предпочтения индийские семьи двумя путями: путем более пренебрежительного отношения к здоровью дочерей и путем селективных абортов. Факт более высокого риска смертельного исхода в случае серьезного заболевания для девочек подтверждается данными Национальных Выборочных Обследований Семейного Здоровья (НВОСЗ) регулярно раз в 5 лет, начиная с 1992 г., проводимыми в Индии. Так, индекс смертности в 1993–1997 гг. для девочек до 6 лет составил 1011 девочек на 1000 мальчиков, а в 2000–2004 гг. он вырос до 1045. Вероятность летального исхода для девочек в первый год жизни в 2000-е годы была на 40% выше, чем у мальчиков, и на 61% выше в возрасте 1–5 лет [EPW, 04.2011: 16]. Исследования показывают также, что более высокая (на 50%) смертность девочек в возрасте 1–4 года объясняется отсутствием прививок и худшим питанием в семье по сравнению с тем, что получают в семье мальчики [Остер 2009: 325]. Данные НВОСЗ показывают, что в 2000-е годы распространенность прививок среди девочек была на 50% меньше, чем среди их

сверстников мальчиков. Этот разрыв имеет тенденцию увеличиваться [EPW, 04.2011: 16].

Развитие медицинских технологий позволило проводить диагностику пола ребенка на ранних стадиях беременности. В Индии эти технологии и аппаратура появились в середине 70-х годов XX столетия и вызвали чрезвычайную заинтересованность в обществе, особенно в среде обеспеченного и образованного среднего класса. Рынок услуг по определению пола ребенка в Индии в конце 2000-х годов достигал 100 млн долл. в год [Исследование ресурсов 2011: 11]. Методика определения пола ребенка и, в случае недовольства намечающимся полом, последующего аборта, приобрела в Индии громадный размах. Недовольство вызывал исключительно женский пол неродившегося малыша. Практика аборт, исключительно по показаниям пола ребенка, получила название селективных абортов. Индийское государство, оценив возможные демографические последствия их распространения, среагировало довольно быстро и законодательно запретило диагностику пола ребенка с последующим абортом – Pre-Natal Diagnostic Techniques Act. Доказать, однако, прямую связь между диагностикой и абортом в реальной жизни довольно проблематично, да и желание применять этот закон особенно не наблюдается. Примеров преследования врачей за нарушение этого закона, за прошедшие 16 лет со времени его принятия, буквально единицы. По оценке, в 2001–05 годах на 20 живорождений девочек приходился один аборт нерожденного плода женского пола. И это увеличение по сравнению с периодом 1996–2001 гг., когда этот показатель составлял 1 на 30. По оценке известного индийского демографа П.М. Кулкарни, такой масштаб селективных абортов стоил Индии 0,5 млн неродившихся девочек ежегодно в 2001–05 гг. [EPW, 04.2011: 16]. Многие исследования подтверждают тот факт, что рост благосостояния индийцев, особенно среднего класса, только способствует распространению практики селективных абортов. Яркий пример тому штат Махараштра, где на фоне роста доходов граждан происходит самое динамичное ухудшение половой структуры населения, особенно среди детей. По распростра-

ненности селективных абортов в Индии на одном из первых мест находится штаты Пенджаб и Харьяна, а также Дели и Чандigarх. В них особенно сильно нарушается биологически запрограммированное соотношение полов всего населения даже в детских возрастах. По мнению некоторых индийских специалистов, масштабы, которые приобрели в стране селективные аборты, – это национальный позор страны.

Развитие урбанизации по данным переписи 2011 г.

Новые экономические реалии Индии, возникшие в последние 20 лет, заставляют скорректировать государственные и планирующие органы отношение к такому процессу, как урбанизация. В 11-м пятилетнем плане (2007–2012 гг.) урбанизация рассматривалась как позитивный фактор, поскольку 62% ВВП страны создается в городском секторе, а решение амбициозной задачи добиться ежегодных темпов роста ВВП в 9-10% невозможно без внушительного роста городского сектора народнохозяйственного комплекса [EPW, 08.2011:10]. В 12-м пятилетнем плане (2012–2017 гг.) уже констатируется, что наряду с положительным зарядом, который дает нарастающие темпы урбанизации, они же и несут в себе гигантский вызов всей экономике, так как потребуются чрезвычайно затратная реорганизации всей городской инфраструктуры и обеспечение энергетических нужд, значительно превосходящих потребности сельского сектора. Первый аспект уже получил внимание в работе экспертной группы под эгидой Министерства городского развития по оценке потребующихся инвестиций на развитие городской инфраструктуры – High Powered Expert Group Estimating the Investment Requirements of Urban Infrastructure. Второй аспект разрабатывается в рамках «Плана действий по климатическим изменениям» (Action Plan for Climate Change). Для Индии крайне важен и такой затратный аспект роста городского населения, как улучшение здоровья малообеспеченных его слоев.

Традиционно Индия считается страной сельской (около 70% населения проживало вне городов) и с медленными темпами урбанизации. Перепись 2011 г. впервые зафиксировала опережаю-

щие темпы роста городского населения по сравнению с сельским. Более того, также впервые абсолютный прирост городского населения превзошел прирост сельского. Прогноз, выполненный в департаменте Генерального регистратора индийской переписи в 2006 г., предполагал, что городское население страны увеличится до 358 млн, а темпы роста снизятся с 2,75% в 1991–2001 гг. до 2,23% в 2001–2011 гг. [Генеральный Регистратор 2006, 131]. Предположение о замедлении темпов урбанизации основывалось опять же на традиционном мнении о неспособности индийских городов поглощать значительные избытки рабочей силы и прочих мигрантов. На самом деле, по переписи 2011 г. городское население выросло на до 377 млн человек, а темпы роста составили 2,76% в год. Доля городского населения увеличилась с 27,7% в 2001 г. до 31,7% в 2011г. Прирост доли городского населения в 2001 г. составил 2,1процентных пункта, а в 2011 г. – 3,3. Эти данные хорошо коррелируют с темпами роста ВВП: в 90-е годы 6% в год в среднем, а в 2000-е – 8%. Фактор экономического роста и, связанный с ним увеличившийся поток сельских мигрантов в города, можно считать решающим в ускорении процесса урбанизации в Индии.

Таблица 3.

Рост городского населения Индии в период независимости

Год переписи	Численность городского населения, млн	Доля городского населения, %	Среднегодовые темпы роста городского населения, %
1961	78,94	17,97	-
1971	109,11	19,91	3,23
1981	159,46	23,34	3,79
1991	217,18	25,72	3,09
2001	286,12	27,86	2,75
2011	377,10	31,16	2,76

Источник: [EPW, 08.2011: 11]

Различия в показателях рождаемости и смертности между городами и сельской местностью практически не меняются последние 40 лет. Замедление темпов прироста сельского население особенно заметно в 2000-е годы происходит в основном за счет миграции сельских жителей в города, хотя в Индии нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор роста городского население, как изменение статуса населенного пункта с сельского на городской. Вклад же такого фактора роста числа городских жителей, как их естественный прирост снизился с 62% в 1981–1991 гг. до 44% – в 2001–2011 гг. [EPW, 08.2011 11].

В Индии, в отличие от других южноазиатских стран, понятие города трактуется двояко: «статусные города» – это те населенные пункты, которые по решению правительства штата получают право на самоуправление посредством муниципалитета, независимо от числа их жителей, и города «цензовые», имеющие население не менее 5000 жителей, плотность городского население св. 400 человек на км² и 75% мужской рабочей силы, занятой вне сельского хозяйства. В Индии, урбанизация с точки зрения получения статуса городского муниципалитета, процесс прогрессивно-реверсивный: случается, что город теряет свой городской статус по той или иной причине и, наоборот, сельское поселение его приобретает, переходя в категорию города.

По переписи 2011 г. в Индии насчитывается 7935 городов. По сравнению с 2001 годом их количество возросло на 2774. Часть этих новых городов выделены из состава материнской городской агломерации и получили свои собственные муниципалитеты. Общее число городских агломераций и городов составляет сейчас в Индии 6166 единиц: 2532 – это «цензовые города» и 242 – «статусные». Все города Индии разбиваются в зависимости от численности населения на 6 классов людности. Первый класс – это города с населением св. 100 тыс. человек. В 2011 их было 468 против 394 в 2001 г. В городах этого класса проживает 264,9 млн человек или 70% всего городского населения. В этом классе выделяется категория городов с населением св. 1 млн. Сейчас их в Индии 53, а население насчитывает 160,7 млн или 42,6% всего городского

населения. Их число по сравнению с 2001 годом выросло на 18 [Исследование ресурсов 2011: 1]. На фоне динамичного роста крупных городов наблюдается резкое замедление роста малых городов, население которых активно мигрирует в крупные города. Как считают специалисты, чтобы процесс урбанизации не принял слишком несбалансированный характер, чреватый большими трудностями и бюджетными затратами, необходимо надо экономическими методами в рамках государственной политики контролировать функционирование малых и средних городов. Фактически речь идет о государственном субсидировании развития этих городов.

Региональные различия по уровню урбанизации в Индии укладываются в закономерность – чем выше уровень экономического развития штата, тем выше в нем доля городского населения. Все южные штаты, а также штаты Пенджаб, Харьяна, Гуджарат и Махараштра отличаются выше среднего по стране уровни урбанизированности. Среди наиболее урбанизированных штатов Индии на первом месте штат Тамилнад – 48,4% городского населения. В самом конце шкалы штатов по степени развития городов находятся крупные штаты Бихар (11,3%), Ассам (14,0%), Орисса (16,6%). По темпам прироста городского населения на первом месте штаты Керала (6,5% в год) и Андхра-Прадеш (3,0%). В этих двух штатах, а также в Западной Бенгалии и Гуджарате рост числа городов происходит в значительной степени за счет перехода деревень в ранг городов.

Рост численности населения страны и проблемы государственной политики по искоренению бедности и обеспечению продовольственной безопасности

Индийская перепись – это гигантский по объему и самый надежный источник информации по всем аспектам развития и изменениям, происшедшим в обществе и государстве за последние десять лет со времени последней переписи. Спектр данных, собираемых в ходе переписи, охватывает демографию, экономическую деятельность, социальные вопросы грамотности и образования,

здоровья населения, развития урбанизации, средств жизни домохозяйств, численность и состав зарегистрированных каст и племен, религиозных групп, распространенность языков, вопросы миграции и многие другие, от которых зависит как страна живет сейчас и будет жить в будущем. Не случаен в связи с этим лозунг переписи 2011 г.: «Наша перепись – наше будущее». Данные переписей – это основной источник информации для принятия основополагающих политических и социально-экономических решений для государственных органов и органов самоуправления на местах.

2000-е годы прошли в Индии под знаком масштабного наступления государства на извечные индийские проблемы: бедность, безработицу и неполную занятость, неграмотность и низкий уровень образования, особенно женщин, плохое здоровье сельских жителей, беременных и кормящих матерей, недостаточное питание значительной части населения страны. Эти направления были задействованы в амбициозных государственных проектах, как: Миссия по подъему здоровья сельского населения (Rural Health Mission 2005), Гарантированная Занятость (Employment Guarantee Scheme 2006), Законопроект о праве на всеобщее начальное образование (Right to Education 2009), Законопроект о Праве на достаточное питание (Food Security Bill 2011). Все эти законы и миссии требуют гигантских государственных ассигнований и поэтому правительству крайне важно знать насколько реально сокращение прироста населения в ближайшем будущем и на более отдаленную перспективу и каковы размеры населения, нуждающегося в государственной поддержке по заявленным направлениям.

Не случайно, наверное, что после опубликования первых результатов переписи весной 2011 г., которые не оправдали ожиданий по существенному снижению прироста населения, весной этого же года правительство начало кампанию по пересмотру «границ бедности». Предыдущая перепись 2001 г. также в свое время вызвала бурную, многолетнюю дискуссию, но в основном в академических кругах, о реальных масштабах бедности в стране. Общим убеждением стало, что данные о существенном сокращении бедности в стране, исходящие от Плановой комиссии, не очень то

соответствуют действительности. После переписи 2011 г. правительство, в лице заместителя председателя Плановой комиссии М. Сингха и министра сельского развития Дж. Рамеша, приняло решение о снижении порога бедности до 32 рупий ежедневных расходов на одного человека городах (эквивалентно 64 центам США или 0,5 евро) и 26 рупиям в сельской местности [EPW, 11.2011: 8]. Этот порог расходов на одного человека в день должен был послужить основанием для прикрепления граждан к общественной, субсидируемой государством, системе продаже основных продуктов питания (ОСР). Ранее Плановая комиссия предлагала еще более низкий порог – 20 рупий (40 центов) в городах 15 рупий (33 цента) в деревнях [Мировой соц. вебсайт 2011]. Насколько низок этот порог можно оценить из сопоставления цены одного кг риса, который составлял весной 2011 порядка 40 рупий. Верховный суд страны запретил Плановой комиссии снижение порога бедности до этих размеров. Главным аргументом в пользу снижения порога бедности и, следовательно, сокращения числа пользователей общественной системой распределения (ОСР), послужил гигантский рост расходов государства на содержание этой системы и на обеспечение необходимых объемов закупок зерна для нее. По государственным закупочным ценам в систему ОСР ежегодно поступает на склады до 60 млн т зерна, что составляет почти 35% всего товарного зерна в стране. Намерение Плановой комиссии снизить порог бедности вызвало осенью 2011 г. политическую бурю. В нее посыпались многочисленные запросы и протесты от общественных движений и организаций, из академических кругов. С протестом выступила такое, чрезвычайно авторитетное движение, как «Право граждан на нормальное питание».

Чрезвычайная запутанность вопроса о реальных масштабах бедности в Индии вынудила правительство назначить новую комиссию по отработке этого вопроса. Пока официальная версия, которой придерживается Плановая комиссия, – в стране произошло снижение бедности с 37,2% в 2004/05 г. до 29,8% в 2009/10 г. [EPW, 04.2012: 7]. Эти оценки получены на основе методики комитета Тендалкара и данных 61 и 66 раундов Национальных Выбо-

рочных обследований. По другим данным, например комитета Н.С. Саксены, в 2009 г. 50% индийцев проживало за чертой бедности и при этом, начиная с 1972/73 г. по 1999/2000 г., наблюдалось постоянное снижение калорийности ежедневного рациона питания бедняков. Исследование Оксфордского университета показало, что в 2010 г. 55% населения или 645 млн человек, относилось к беднякам. В 2009 г. был опубликован в Индии «Отчет о деятельности предприятий неорганизованного сектора», согласно которому 77% населения (836 млн) тратят в день на питание менее 20 рупий. Всемирный Банк, по критерию затрат в день 1,25 долл, оценили уровень бедности в Индии в 41%. Проф. Урсула Патнаик из университета им. Джавахарлала Неру, авторитетнейший в Индии специалист по проблемам уровня жизни, охарактеризовала порог бедности, предложенный правительством, как «крайнюю степень нищеты». В 1979 г. в Индии официально минимальным порогом бедности было объявлено потребление в 2400 ккал в день в деревнях и 2100 ккал в городах. В конце 2000-х годов в ряде штатов Индии реальная калорийность питания большинства населения не превышала 1500 ккал в день. По мнению Патнаик, в 2009/10 г. 75% населения страны проживало за чертой бедности [Мировой соц. вебсайт 2011]. Бедность в 8 индийских штатах – Бихаре, Чхаттисгархе, Джаркханде, Мадхья-Прадеше, Ориссе, Раджастане, Уттар-Прадеше и Западной Бенгалии, – даже превышает бедность беднейших стран мира на африканском континенте.

До начала экономических реформ в 90-е годы XX в. Индия не считалась страной со значительным неравенством в доходах и расходах населения. Однако реформы дали толчок резкому росту неравенства. На другом, от основной массы населения, прозябающей в бедности и нищете, полюсе активизировался рост числа богачей: на конец 2000-х годов в стране насчитывалось 55 долларовых миллиардеров. Клуб миллиардеров ежегодно увеличивается в Индии на 10%, и это на фоне мирового экономического кризиса [Мировой соц. вебсайт 2011]. Появилось понятие «разделенная Индия» – на одном полюсе процветающая и богатееющая верхушка общества, включая «новый средний класс» или «сияющая Индия»,

которая, живет как бы не замечая, прочую Индию или большинство населения, существующую на грани физического выживания.

Проблема искоренения бедности перестала для Индии быть только внутренним делом. В 2000 г. 189 государств подписали декларацию о намерении освободить людей от нищеты и прочих видов угнетения. В их числе была и Индия. Эта задача – одна из 8 целей развития до 2015г., провозглашенных ООН. В число целей развития входят: 1) искоренение нищеты и голода; 2) обеспечение всеобщего начального образования; 3) установление равенства полов и наделение женщин правами; 4) снижение детской смертности; 5) улучшение здоровья матерей; 6) борьба со СПИДом, малярией и другими смертоносными инфекционными заболеваниями; 7) улучшение экологической обстановки. Каждая из этих задач крайне актуальна для Индии, а учитывая, что каждый пятый житель земли индиец, то становится очевидным, что здоровье и процветание мира сильно зависит от состояния дел в Индии.

В апреле 2012 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун посетил Индию с 3-х дневным визитом для инспектирования состояния дел с целями развития нового тысячелетия. Он имел беседы с премьер-министром, представителями государственного и частных секторов, с бизнес элитой страны. Руководство страны поспешило заверить, что Индия беспрепятственно продвигается по этому пути и гарантией тому План гарантированной сельской занятости им. Махатмы Ганди, национальная политика по универсализации начального образования (до 8 класса включительно), Национальная миссия по подъему здоровья сельских жителей, Миссия обеспечения питьевой водой им. Раджива Ганди и всеобщая кампания по строительству закрытых канализационных сетей.

Но так ли все благополучно, как отчиталась Индия перед высоким чиновником ООН? Что касается борьбы с бедностью, то ситуация, как уже рассматривалось, крайне неоднозначна. Рост ВВП (в постоянных ценах) в период 2001–2010 гг. составил в среднем 10,2% в год. В результате, чистый национальный продукт на душу населения увеличился с 16122 рупий в год в 2000/01 г. до 33731 рупии в 2009/10 г. За это же производство зерновых выросло с

196,8 млн т до 218,2 млн т, что составило рост в среднем в год на 1,15% на душу населения. Население, вспомним, росло на 1,67% в год [Перепись 2011: 35]. Такое соотношение динамики роста производства одного из основных продуктов питания большинства населения и прироста численности населения несет в себе потенциал снижения доступности продовольствия. Да и сами реформы, похоже, прошли пик успеха. По мнению главного экономического советника правительства Индии Каушика Басу: «Экономические реформы в стране замедлились и эта ситуация сохранится до 2014 г.» (цит. по [Котхари 2012: 2]).

Огромный дисбаланс по демографическим показателям между северными и южными штатами нарастает с каждой новой переписью. Особенно он ускорился с началом экономических реформ в 90-е годы XX в. В 1991 г. доля южных штатов в общей численности населения страны составляла 23%, а в 2011 г. сократилась до 21%. По прогнозам, к 2051 г. их доля уменьшится уже до 16%, а доля северных штатов возрастет с 37% в 2011 г. до 45%. На юге коэффициент завершённой рождаемости составляет сейчас 2,1 ребенка на женщину, а в Бихаре, например, – 4,0 ребенка [Котхари 2012: 7].

В Индии взаимодействие социально-экономических и биологических механизмов воспроизводства населения приводят к теснейшей зависимости таких показателей, как материнская смертность, выживаемость детей и уровень рождаемости. По данным последнего общеиндийского обследования семейного здоровья существует огромный разрыв между севером и югом. В табл. 4 показаны эти данные для наиболее контрастных по отношению друг к другу штатов.

Таблица 4.

**Воспроизводство население в ряде северных и южных штатах
в 2005/06 гг.**

Штат и его население в 2011 г.	Доля беременных женщин, регулярно наблюдающихся у врачей, %	Доля супружеских пар, применяющих контрацептивы, %	Материнская смертность (на 100 тыс живорождений)	Завершенная рождаемость на 1 женщину	Число нежелательных рождений на 1 женщину	Наделенность женщин правами
Уттар-Прадеш, 200 млн	27	29	359	3,8	1,5	34
Бихар, 104 млн	17	29	261	4,0	1,6	33
Индия, 1210 млн	44	48	212	2,7	0,8	37
Андхра-Прадеш, 85 млн	85	67	134	1,8	0,3	41
Тамилдаду, 72 млн	96	60	97	1,8	0,4	47

Источник: [Котхари 2012: 3]

Обследование здоровья индийских семей показало, что в последнее десятилетие, в то время как население ежегодно прирастает на 17–18 млн человек, более 15 млн женщин, в основном из низших слоев, не имеют во время беременности доступа к услугам врачей или в поликлиники. По-прежнему проблемой остается снабжение супружеских пар необходимым количеством современных противозачаточных средств и борьба со СПИД`ом. Из общего числа 26 млн ежегодно рождающихся детей 5,5 млн относятся к категории незапланированных и нежелательных. По оценке НОСЗ в 2005/06 г. 30% или 224 млн человек в возрасте до 35 лет также стали результатом нежелательной беременности. Уровень нежелательных рождений в этой возрастной группе вырос с 23% в 1992/93 г. до 30% в 2005/06 г.. По данным всех трех НОСЗ количество незапланированных рождений достигает 450 млн из всех 1210 млн населения страны и большинство из них приходится на необеспеченные семьи [Котхари 2012: 3].

Различия между севером и югом Индии по показателям рождаемости и прироста населения будут иметь для страны существенные последствия. Уже сейчас установилась четкая закономерность – ареалы ускоренного экономического развития совпадают с ареалами низкой рождаемости. Основной прирост рабочей силы идет из северных районов высокой рождаемости и низкой грамотности и профессиональных навыков, что идет вразрез с потребностями экономического роста. Американский экономист Н. Эберштадт так охарактеризовал эту ситуацию: «Короче говоря, существуют две Индии – север, фабрика по производству детей, и юг – фабрика по созданию новых рабочих мест и развитию современных производств» (цит. по [Котхари 2012: 7]). Министр внутренних дел Индии П. Чидатбарам в разговоре с американским послом Т. Ромером отметил, что: «Индия могла бы сохранять темпы экономического роста в 11–12% в год, если бы в стране был юг и запад» (цит. по [Котхари 2012: 8]).

Демографический разрыв между севером и югом несет в себе и потенциал политических потрясений. 82 статья Конституции страны закрепляет число мест в нижней палате парламента пропорци-

онально численности населения штата. 42 поправка к этой статье от 1976 г. закрепляет эту пропорцию на уровне переписи 1971 г. После получения результатов всех последующих переписей южными штатами регулярно поднимается вопрос в парламенте о пересмотре этой поправки и введению «плавающего» количественного представительства штатов в зависимости от изменения численности населения в них. После переписи 2001 г. число мест северных штатов в Локк Сабхе увеличилось с 174 до 189, а число мест от южных штатов сократилось – с 129 до 115.

Наиболее амбициозные и затратные для бюджета страны планы по сокращению бедности и безработицы были представлены Правительством Объединенного Прогрессивного Альянса, возглавляемого партией Индийский Национальный Конгресс, в период между двумя последними переписями. В 2005 г. правительство приняло программу о гарантиях сельской занятости, который в 2009 г. получил имя Махатмы Ганди. Она предполагает, что каждый взрослый член семьи, обратившийся в органы местного самоуправления (панчаяты), должен получить неквалифицированную, ручную работу не менее чем на 100 дней за минимальную заработную плату, величина которой устанавливается законодательно в каждом штате отдельно штате. Определение мест и объемов работ полностью находится в компетенции панчаятов. Негласно считается, что это такие виды работ, на которые более обеспеченные сельчане претендовать не будут. Финансирование работ по этой программе ложится как на Центральное правительство, так и на правительства штатов.

План гарантированной сельской занятости (ПГСЗ) для такой страны как Индии, где безработица и неполная занятость повсеместное явление, – это огромный вызов. Уровень финансирования, по заявленным министерством сельского развития ставкам заработной платы, зависит от потребностей в рабочих местах. Заранее, до обнародования этой программы, никто не пытался подсчитывать эту потребность. В сводной табл. 5 по данным Национальных Выборочных Обследований (66 раунд, 2009/10 г.) показано соотношение реальных потребностей в рабочих местах бедных сельских жителей и их создание по программе ПГСЗ.

Таблица 5.

Реализация программы ПГСЗ в татах Индии в 2009/10 г.

Штаты	Доля населения за чертой бедности, %	Доля сельских жителей, занятых в ПГСЗ, %	Доля семей, обратившихся в ПГСЗ, %	Доля семей нуждавшихся в работе, но не получивших ее, %	Доля женщин, занятых в ПГСЗ, %
Андхра-Прадеш	20,64	35,4	47,2	24,9	58,1
Бихар	56,47	9,9	46,1	78,5	30,0
Гуджарат	32,54	21,5	38,2	43,8	47,5
Джаркханд	43,50	19,2	51,7	62,8	34,3
Западная Бенгалия	35,05	43,2	65,8	34,4	33,4
Карнатак	31,34	8,0	22,8	64,8	36,8
Керала	11,74	11,2	23,2	51,7	88,2
Мадхья-Прадеш	45,85	40,6	64,6	37,1	44,3
Махараштра	33,90	4,4	27,7	84,0	39,8
Орисса	49,93	22,0	50,7	56,7	36,3
Панджаб	19,44	5,2	31,2	83,3	26,0
Раджастхан	31,2	61,8	73,2	15,5	66,9
Тамилдаду	22,81	33,5	41,4	19,0	82,9
Уттаркханд	-	29,2	40,6	28,0	40,1
Уттар-Прадеш	40,75	16,2	35,0	53,6	21,7
Харьяна	24,18	5,1	19,5	73,8	35,6
Индия	36,43	24,9	44,7	44,4	48,1

Данные об уровне бедности Плановой комиссии (на основе методики Танделкара).

Источник: [EPW, 04.21.2012: 57]

По отчетам местных администраций все заявки на работу удовлетворяются полностью, а, следовательно, все выделенные средства на вознаграждение за работу ушли по назначению. Получается, что из 52,865 млн сельских семей, обратившихся за работой в 2009/10 г. получили ее 52,53 млн или 99,4% [EPW, 04.21.2012: 56]. Расхождение между отчетами местных органов и данными обследований (табл. 5) объясняются незаинтересованностью администраций показывать истинные масштабы неудовлетворенного спроса на рабочие места, поскольку в этом случае они будут обязаны выплачивать пособие по безработице. Центральное правительство несет 90% всех расходов на программу ПГСЗ (зарплата рабочим и прочие расходы), а также оплачивает 6% расходов на администрацию на местах. Выплата же пособий по безработице полностью ложится на плечи правительств штатов.

Из данных табл. 5 становится очевидным, что чем беднее штат и чем выше в нем прирост населения, тем выше в нем неудовлетворенный спрос на работу. Яркий пример штаты Бихар (78,5% заявок на работу неудовлетворенны), Джаркханд (62,85), Орисса (56,7%), Уттар-Прадеш (53,6%). Вероятнее всего, главная, но не единственная причина, неудовлетворения спроса меньшие финансовые возможности многонаселенных бедных штатов. Сколь тяжело финансовое бремя выполнения программы ПГСЗ для бедных штатов становится очевидным из сопоставления колонки 2 из табл. 5 и колонки 1 из табл. 6.

Самый низкий уровень вовлеченности в программу ПГСЗ в самых развитых штатах – Махараштра 4,4%, Харьяна 5,1%, Панджаб 5,2%, Карнатак 8,0%. В этих штатах же штатах самая благополучная демографическая ситуация и самый низкий уровень расходов местных бюджетов на государственную программу, а следовательно, они могут позволить себе больше средств выделять на развитие, а не на искоренение бедности.

Таблица 6.

Расходы штатов на ПГСЗ в 2009-2010 гг. и средний уровень зарплат по ПГСЗ и на свободном рынке в 2009/10 г.

Штаты	Расходы в год на душу населения, рупии*		Средняя зарплата по ПГСЗ в день на человека, рупии	Средняя зарплата в день на человека на свободном рынке, рупии		
	2009/10	2010/11		Все занятые	Мужчины	Женщины
Андхра-Прадеш	749	896	91,9	98,5	115,4	75,7
Бихар	214	309	97,5	79,4	81,0	65,8
Гуджарат	214	226	89,3	83,3	87,3	71,0
Джаркханд	586	539	97,7	101,2	103,6	82,2
Западная Бенгалия	335	399	90,4	85,3	87,8	65,9
Карнатак	742	683	86,0	84,5	96,9	62,8
Керала	186	276	120,6	206,5	226,6	119,3
Мадхья-Прадеш	734	707	83,7	69,0	74,5	58,1
Махараштра	54	60	94,3	75,2	86,0	58,2
Орисса	281	455	105,9	75,6	81,0	59,1
Панджаб	89	98	123,5	130,4	133,5	91,8
Раджастхан	1133	647	87,4	125,7	132,3	94,3
Тамилдаду	555	744	71,6	110,8	132,1	72,6
Уттаркханд	406	539	99,0	118,7	122,1	96,7
Уттар-Прадеш	389	365	99,5	94,3	97,0	69,2
Харьяна	87	128	150,9	139,6	146,1	99,1
Индия	464	477	90,2	93,1	101,5	68,9

*Текущие цены

Источник: [EPW, 04.21.2012: 57, 64]

Не менее масштабный, чем ПГСЗ, проект выдвинуло правительство Объединенного Прогрессивного Альянса в конце 2011 г. – это обеспечение законодательной базы для искоренения голода и недоедания в стране. Он получил название Национальный Закон о продовольственных гарантиях – НЗПГ (National Food Security Bill). Критики правительства считают, что он появился как раз накануне 2012 г. – года выборов в парламент и носит популистский характер. Но только в этом причина? На самом деле на долю Индии приходится 25% всех голодающих в мире. По показателю глобального индекса голода (Global Hunger Index), со своими 21% крайне недоедающих, 43,5% детей до 5 лет имеющих острый дефицит веса, что хуже, чем даже в самых бедных африканских странах, Индия относится к категории стран «вызывающих тревогу». По этому показателю Индия занимает 67 место из 81 стран мира, вошедших в группу обследуемых. Ситуацию усугубляет и то, что в процессе перевозки и хранения урожая, теряется 35–40% собранного зерна на пути от поля до потребителя [Третьевъе 2012: 1].

Индия является крупным производителем зерна, однако по экономическим причинам, из-за бедности и ничтожных доходов, значительная часть населения не имеет адекватного доступа к этим ресурсам. По закону НЗПБ 2011 продовольственная поддержка государством должна охватить не 75% сельского населения 50% городского. Прежде всего от него должны выиграть беднейшие слои, которые квалифицируются по нему как «приоритетные». Для них предусматривается норма 7 кг зерна в месяц. Для второй категории субсидируемого населения, «прочие нуждающиеся», нормы еще не определены. И, наконец, третья категория, на которую распространяется закон, – это кормящие матери, для которых продовольственная помощь будет бесплатной. Закон также охватит частично детей в возрасте до 6 лет, бездомных и инвалидов. Субсидированные цены для первой категории граждан составят в 2011–2012 гг. 3 рупии за 1 кг риса, 2 рупии пшеницы, а для прочих зерновых – 1 рупию. Министр продовольствия и потребительских товаров Индии К.В. Томас информировал верхнюю палату парламента 19 марта 2012 г. о том, что на для этого

потребуется 56 млн т зерновых в год, если исходить из уровня бедности на 1993/94 г. и численности населения на 2001 г.. Бюджету страны это обойдется в 889,7 млрд рупий, а, если учитывать результаты переписи 2011 г., – то 19709,6 млрд рупий в год [НЗПБ 2011, 19.03.2012]. В долларах это составит около 20 млрд. Субсидирование цен на продовольственное зерно очень затратная для бюджета страны статья. В 90-е годы XX в. Эти затраты составляли 2% всех государственных расходов, в бюджете 2011-2012 г. они запланированы уже на уровне 10% [Харш 2012: 2]. Председатель Резервного Банка Индии полагает, что астрономические расходы на НЗПБ, будут способствовать огромному ускорению инфляции на продовольственные товары и без того, ставшей одной из основных экономических проблем в 2011–2012 гг.

Инфраструктура для претворения НЗПБ в жизнь существует в Индии давно – это общественная система распределения (Public Distribution System), с 1997 г. получившая название целевая система распределения, функционирующая через сеть магазинов «справедливых цен». В нее входит более 500 тыс. таких магазинов. До 2011 г. пользователя «магазинов справедливых цен» были все семьи, официально определенные как «проживающие за гранью нищеты». По закону НЗПБ от 2011 г. все хозяйства теперь делятся на категории: приоритетные, просто нуждающиеся и прочие. На последние не распространяется продажа зерновых по субсидированным ценам. Ранее система поддержки бедняков не включала слишком много действительно нуждающихся семей, что неоднократно отмечалось в различных обследованиях. Теперь предлагается перейти на систему денежных выплат в виде ежемесячного чека, получаемого главой семьи, в том числе и женщинами, средства с которого могут быть потрачены на покупку продовольствия по субсидированным ценам. Вопрос, который возникает в связи с этим, пойдут ли эти деньги действительно на продукты? Подобное сомнение выражают члены многих неправительственных организаций.

Трудно сейчас пока оценить насколько программа НЗПБ поможет решить проблему голода в стране. Но, учитывая, что столь критикуемая программа ПГСЗ, все-таки работает на ослабление

безработицы и повышение доходов сельского населения, можно надеяться, что НЗПБ это серьезный шаг по продовольственной поддержке беднейших слоев. Индийский опыт по осуществлению государственных программ по борьбе с бедностью, безработицей, голодом вызывает огромное уважение, какие бы эти программы не содержали недоработки и встроенные механизмы, препятствующие их претворению в жизнь. Реально дело делается и вносит лепту по борьбе с этим злом.

Главная проблема, или точнее беда, Индии состоит в том, что несмотря на довольно успешную деятельность государства по поддержке беднейших слоев, на экономические реформы, которые сейчас накануне третьего этапа, демографические проблемы отбрасывают страну назад. За 60 лет независимости население Индии выросло с 360 млн до 1210 млн человек и, по прогнозу Индийского фонда по народонаселению к 2051 г. может увеличиться 1823 млн и быстрее всего население будет расти в уже перенаселенных северных штатах. В этих условиях масштабы государственной поддержки будут только нарастать, поскольку беднейшие слои не могут быть брошены на полное самообеспечение, чреватое для них физической невыживаемостью. Как долго сможет выдерживать сельское хозяйство и государственный бюджет эту нарастающую нагрузку? Многое будет зависеть не только от внутреннего состояния экономики Индии, но и от состояния мирового хозяйства и торговли. Ряд экспертов, в основном зарубежных, полагают, что правильнее было направить гигантские средства, расходуемые сейчас на прямую помощь беднякам, на развитие сельского хозяйства. Но что тогда делать с гигантскими незанятыми трудовыми ресурсами в сельской местности? Так что отказ от государственной политики по поддержке незащищенных слоев населения в настоящее время совершенно нереален.

Библиография

Сокращение: EPW – Economic and Political Weekly, India, Mumbai

Генеральный Регистратор 2006 – Registrar General Census Commissioner [2006]: *Population Projections for India and States 2001-2026*. Report of the

Technical group on Population Projections by National Population Commission. New Delhi

Единый мир Южной Азии 2012 – *One World South Asia: India dawdling in closing gender gap reveals Gender Gap Index*, 10.05.2012 // <http://southasia.ontworld.net/article/India-dawdling-in-closing-gender-gap-reveals-gtnder-gap-index>

Исследования по народонаселению – *Studies in Population and Development*, №11-2, Shyam institute, Bhopal, april 2011

Исследование ресурсов 2011 – *Resources Research. India's 2011 Census, a Population Turning Point*. // <http://makanaka.worldpress.com/2011/04/01/indias-2011-census-a-population-turning-point/>

Котхари 2012 – Kothari D. *India: Policy Action for Achieving the Millennium Development Goals*. 30 april 2012. Population and Development in India.

Международный журнал 2011 – *International Journal of business and Management to-morrow*, vol. I, № 3, 2011.

Мировой социалистический вебсайт 2011 – *World Socialist Web Site 2011. Indian Government seeks to lover official poverty line to 50 cents per day*.

Остер 2009 – Oster E. *Proximate Sources of Population Sex Imbalance in India*, Demography 2009, vol. 42, №2.

Перепись 2011 – *Census of India 2011*, Ministry of Home Affairs, Government of India, New Delhi 2011. Provisional Population Tables, vol. 1.

НЗПБ 2011, 2012 – *Indian Food Security Bill involve 22,4 billion dollars subsidy*. // <http://www.ebizexpand.com/2012/Indian-food-security-bill-will-involve-22-4-billion-subsidy/>

Третьевье 2012 – Trethewie C. *“Indian Food Security Bill: a waste or win for hungry?”*, S. Rajarathan School of International Studies, jan. 16, 2012. // <http://www.rsis.edu.sq/>

Харш 2012 – Harch V. *“Why India’s Food Security Bill is doomed to fail”*, // <http://www.byupoliticalreview.com/?p=103047>

EPW – *Economic & Political Weekly*, India, Mumbai

ИНОЙ СРЕДНИЙ КЛАСС – ИНДИЯ

Средний класс, как понятие, социально-экономическая и политическая категория, не может пожаловаться на отсутствие внимания со стороны общественных дисциплин. Однако попытки предложить его точное, получившее широкое признание определение, все еще не принесли результатов. Возможно потому, что само сочетание *средний и класс* формально дает представление о его сущности. Оно помещает его между устоявшимися и принятыми по смыслу общественными явлениями, традиционно связанными с отношением к средствам производства (или отсутствием такового) – рабочим классом, крестьянством и капиталистами. Термин «*средний класс*» возник в западной социологии, и во многом его количественный рост был связан с увеличением потребления. Этот признак сохранил свое значение и в современной исследовательской литературе.

Как подчеркивал Г.К. Широков, исследуя эволюцию капитализма, для этой социально-экономической группы характерен быстрый рост и разнообразие составляющих, среди которых он в первую очередь отмечал профсоюзы [Широков 1998: 198]. Но это в странах Запада. В развивающихся экономиках Востока о среднем классе заговорили всерьез существенно позже, и отсутствие его устоявшейся качественной дефиниции привело к тому, что количественные оценки этой группы остаются расплывчатыми и неопределенными.

Казалось бы, такая устоявшаяся политическая, экономическая и социальная категория, как *средний класс*, может быть, и нуждается в дополнениях и уточнениях, но сам феномен не должен подвергаться сомнению. Но постмодернизм не терпит постоянства, и динамизм, а проще говоря, неустойчивость современного общества порождает подчас скоропалительные выводы. В последнее время появились довольно жесткие формулировки об исчезнове-

* Институт мировой экономики и международных отношений РАН

нии среднего класса в результате усиливающихся кризисных явлений в мировой экономике, четко проявившиеся в развитых странах. Полагаю, что такая позиция стала частью направления, характеризующегося как новая нормальность (New Normal), в основе которого понимание неустойчивости, нестабильности, непредсказуемости, постоянной изменчивости существующего порядка вещей.

На Гайдаровском форуме 2012 г. в Москве Джеффри Сакс (Колумбийский университет), подчеркнул рост неравномерности в распределении национального богатства в США, в результате которой «большая часть населения не имеет надлежащих знаний и навыков, чтобы приспособиться к происшедшим изменениям. Из-за этого исчезает средний класс» [Экономическая политика 2012, № 2: 17]. Не нуждается в доказательствах тезис, что современная экономика действительно требует от ее участников повышенной и ускоренной адаптивности. Но все же трудно предположить, что такие качества резко ухудшились именно у среднего класса, тем более, американского, которому в силу его исторических корней и положения часто приходилось быстрее и активнее приспосабливаться к меняющейся среде. (Показательно, как цепко в США держится память о кризисе 1929 г., причем не только в исследовательской литературе, но и в художественной). В умении извлекать уроки из прошлого опыта, своего рода Path Dependency, одна из основных особенностей среднего класса, своего рода залог его выживания.

Излишняя, на мой взгляд, категоричность присутствует в беседе главного редактора журнала «Международная жизнь» А. Оганесяна с М. Хазиним, руководителем компании НИОКОН, жестко озаглавленная «Похороны среднего класса или закат "золотого миллиарда"». Насколько оправдано отождествление золотого миллиарда со средним классом? К тому же позиция М. Хазина не оставляет современному среднему классу никаких шансов, кроме мести. Здесь нужна цитата: «В течение 5–8 лет средний класс исчезнет как вид, но те, кто входит в него сегодня, никогда не простят потери того, что они имели» [Международная жизнь 2011, № 9: 52]. Пепел Клааса стучит в сердце среднего класса?

Явным преувеличением представляется встречавшаяся в СМИ попытка напрямую связать «арабскую весну» с возросшей ролью среднего класса в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Это не отвечает самой сути среднего класса как силы, в значительной степени уравнивающей противоречия в обществе с тем, чтобы не допустить взрыва. Ссылки на участие в этих выступлениях значительной доли молодежи, получившей образование, еще не делает ее средним классом.

В современной России обсуждение проблем среднего класса ведется с переменной интенсивностью, но, по крайней мере, его существование не отрицается. (В СССР официальная историческая наука использовала расплывчатое обозначение «средние слои», чтобы не признавать наличие в стране какого-либо класса, кроме рабочего и крестьянства)⁷⁶. Это табу перестало действовать в России, но все же понимание сути и особенно перспектив роста среднего класса, его роли в обществе нуждается в количественном и качественном осмыслении. На основе обширного обзора ВЦИОМ 2009 г. его руководитель В. Федоров отметил: «Наш быстро развивающийся средний класс плохо адаптируется» [The Moscow News 2009, № 11, March 27 – April]. Довольно сложно ожидать хорошей адаптации от общности, только недавно начавшей себя осознавать в условиях нестабильной экономики с постоянно изменяющимися законами и правилами. Обсуждение проблемы среднего класса в России было стимулировано декабрьскими событиями 2011 г. Например, в статье Б. Миронова об опыте российских революций 1905 и 1917 годов содержится вывод, адресованный сегодняшнему дню: «Средний класс не чувствует себя хозяином жизни, его требования не рассматриваются властями как приоритетные, в силу чего он стремится разрушить существующий общественный порядок и построить новый» [Миронов 2012: 104]. Не совсем ясны основания для категоричного вывода о разрушительных намерениях среднего класса, но, по крайней мере, речь не идет о его похоронах. В условиях развитого рыночного хозяйства, если исходить из

⁷⁶ См. подробнее: [Смирнов 2011: 249 – 250].

опыта Западной Европы и США второй половины XIX в. и до второй мировой войны, средний класс представлял как влиятельная сила, осознающая свои возможности, ориентированная на status quo, что не наблюдается в современной России.

Видимо, надо четко разграничивать процессы, так или иначе затрагивающие позиции и влияние среднего класса, в разных группах стран с существенными различиями в уровнях социально-экономического развития. Заслуживает пристального внимания формирование среднего класса в развивающихся странах. Эксперты банка HSBC представили свое исследование «Потребители в 2050 году» с выводами о характере грядущей потребительской революции в мире, в которой определяющая роль будет принадлежать среднему классу в странах Юга. Этот традиционный подход, напрямую связывающий рост потребления с количественным ростом среднего класса, привел их к принципиальному выводу. В 2050 г., по их мнению, средний класс в этих странах будет насчитывать примерно три миллиарда человек, рост реальных доходов в Индии, КНР, Филиппинах, Малайзии и еще ряде стран Юга, а также в России и Польше, превысит 4% в год (в развитых странах 2%). Как считают эксперты, потребительский бум затронет не только продовольственные товары, что характерно для начального этапа увеличения доходов в странах догоняющего развития (период «большой еды»), но и широкую номенклатуру потребительских товаров и сервиса. Причем, как подчеркивается в исследовании, в этой нише рост спроса поднимется до 5–8% [РБК Daily, 19.10.2012]. Очевидные признаки этого процесса уже отчетливо просматриваются, особенно в КНР, Индии, Малайзии. Открытие бутиков по продаже товаров категории люкс, распространение сетевых предприятий с мировыми брендами (Wall Mart, Carefour и др.) стало массовым явлением на национальных рынках стран Юга. В этом одна из их типичных черт современного развития, результат мощного влияния демонстрационного эффекта по сравнению с становлением среднего класса в странах Запада.

Исследование банка HSBC концентрирует внимание на количественном аспекте потребления; это верно, поскольку рост потреб-

ления и его диверсификация – наиболее характерные проявления растущих доходов населения. Относительно новой чертой по сравнению со становлением среднего класса в странах Запада стал взрывной спрос на услуги, в первую очередь образовательные, а также рекреационные. Это диктуется такими противоположными причинами, как традиционная престижность образования в странах Востока, так и сложившейся в этой группе современной демографической пирамидой с преобладанием молодых возрастов, прежде всего в Индии. Эта страна не только добилась в нулевые годы высоких темпов экономического роста, но и предполагает их удержать в ходе 12 пятилетнего плана (2012–2017 годы). Надо принять во внимание, что по оценке департамента народонаселения ООН, Индия к 2100 г. станет самой многонаселенной страной в мировом хозяйстве, обогнав Китай. Медианный возраст ее населения составляет порядка 25–28 лет, один из самых благоприятных в мире, что позволяет при сохранении высоких темпов экономического роста рассчитывать на демографический дивиденд.

Неоспоримым фактором ускоренного формирования среднего класса становится урбанизация. При всех противоречиях этого процесса в Индии, как и во всех развивающихся странах, усилении массовой городской нищеты (*slum urbanization*), давлении на слабую городскую инфраструктуру, урбанизация повышает мобильность национального рынка труда. Например, население Дели за 100 лет его существования с 1911 г. выросло с 410 тыс. до 16,7 млн ежегодный рост экономики достигает 10,5%, средний доход его жителя 16800 рупий, что вдвое превышает аналогичный показатель по стране. Возможности заработка в городах выше, чем на сельской периферии, в том числе в их неформальном секторе, в котором действуют тысячи мелких нерегистрируемых фирм. Известен пример самого знаменитого, крупнейшего в Азии кластера неформальных предприятий под Мумбаи – Дхарави, владельцы которых вполне отвечают по доходам критерию низшей страты среднего класса. В этой связи целесообразно вспомнить известного исследователя проблем отсталости В. Пржеворски и его характеристику бедного капитализма Востока. Почему не быть бедному среднему классу на том же Востоке и, шире, Юге?

Особого внимания заслуживает роль ритейла в формировании низшей страты среднего класса на перспективу. Объем розницы в Индии составляет 435 млрд долл., причем доля современного сегмента (сетового и супермаркеты) ритейла не превышает 7%. Это сфера покупок миллионов индийцев. К 2020 г рост розничного оборота до 850 млрд долл. в руках мелкого бизнеса. Современные торговые предприятия отвечают потребностям формирующегося, прежде всего в крупных городах, среднего класса Индии. Это целевая клиентура современного ритейла, для которой покупки в таких магазинах своего рода признак даже не столько экономического, сколько социального престижа. Постепенно этот слой населения расширяется за счет верхушки на сельской периферии. В любом варианте это значительная платежеспособная страта населения Индии.

Расширение хозяйственного поля для крупных сетевых торговых предприятий неизбежно грозит разорением основы индийского малого розничного бизнеса, бесчисленным мелким магазинчикам, лавкам, привычным для покупателей с ограниченными доходами на сельской периферии и окраинах городов. Одних таких неорганизованных (нерегистрируемых) торговых «точек», работающих вне государственного учета, насчитывается примерно 12 млн. Они вездесущи, пронизывают хозяйственную жизнь страны, это занятость и доходы, от которых зависит существование миллионов людей. На их стороне действуют два фактора. Многовековая привычка большинства населения к такому типу торговли, представленному *pop and mom stores*, и сохраняющийся стереотип поведения индийской домохозяйки, основного действующего лица в этом сегменте рынка. Характерно, что представитель такой крупной компании, как «Хиндустан Левер», говорил об индийской домохозяйке как об иконе, на которую надо молиться, поскольку от нее зависят домашние покупки.

Внутренний спрос, по признанию большинства индийских и зарубежных экономистов, – один из основных, если не основной, рычаг экономического роста Индии. Ритейл – это рыночная ниша, в которой в Индии 70% занимают продовольственные товары,

привлекательна для сетевых западных компаний, владельцев мировых брендов как динамикой спроса, так и быстрой диверсификацией, наглядно проявившимися на фоне высоких темпов роста национальной экономики в предыдущие годы. Весьма важно, что сдвиги затронули сельское население – самую массовую и самую инертную группу. В этой связи можно говорить об экономическом росте снизу. Последний ценз показал рост грамотности сельского населения, скачкообразное распространение мобильной связи и значительное увеличение числа владельцев банковских счетов. Очевидно, что в большинстве это еще не средний класс, грамотность – только первый шаг к образованию, счета в банках на небольшие суммы, но это продвижение миллионов людей, подступы к повышению уровня жизни.

При анализе среднего класса Индии, представляется допустимым использовать выражение «иной средний класс», поскольку становление в условиях догоняющего развития, сохраняющегося дуализма экономики с массовой нищетой, во многом определяют специфику этой категории. Но при всей, как мне представляется, особенности индийского среднего класса, можно говорить о его пассивности. Это связано прежде всего с общим экономическим ростом страны в нулевые годы. Индия возглавила в 2010 г. пять стран-оптимистов с самой высокой оценкой своих экономических перспектив, согласно World Public Opinion [Финансовые известия, 30.09.2012]. Показательно, что в Индии получила широкое распространение категория бумеров, молодых, успешных работников, прежде всего в сфере ICT, ориентированных на потребление и инвестирование, что принципиально отличает их от старшего поколения, которое из триады Дж. Кейнса – склонности сберегать, потреблять инвестировать – неукоснительно выбирало сбережение.

К сожалению, несмотря на довольно частое упоминание, особенно в последнее десятилетие, среднего класса в исследовательской литературе по развивающимся странам, определения и четких его критериев все еще не сложилось. Лондонский «Экономист», используя деление доходов населения в странах Юга на

квинтили, считает, что к среднему классу относятся те, кто не входят ни в верхний, ни в нижний квинтиль. Это своего рода золотая середина, но слишком расплывчатая, что не дает адекватного понимания величины доходов. Вместе с тем в разных публикациях выражается уверенность в количественном росте среднего класса, причем нарастающими темпами. Рейтинговое агентство Mackinsey Quarterly сочло, что 50 млн индийцев можно считать средним классом по европейским стандартам, «в ближайшие два десятилетия его рост составит 5% в год и достигнет 40% населения». Выступая на слушаниях в Брукингском институте, министр торговли Индии Ананд Шарма в 2010 г. сообщил о численности среднего класса от 300 до 500 млн человек.

Азиатский банк развития (АДБ) от 200 до 300 млн человек посчитал в Индии средним классом, отметив его важную роль в урбанизации и потреблении, а также фактором мирового экономического роста. Очень важна попытка АДБ дать количественную оценку дохода на человека, которого можно причислить к среднему классу – от 1000 до 2000 рупий в месяц. АДБ предложил стратификацию среднего класса по трем уровням дохода, которые явно не совпадают с ранее приведенными показателями. Это 2–4 долл. в день по ППС для низшей страты, 4–10 долл. для средней и 10–20 долл. для верхней.

Низшую страту можно рассматривать как протосредний класс, т.е. слой населения, чуть поднявшийся над чертой бедности, слой неустойчивый, но, видимо, перспективный, хотя такой доход едва поднимается, если вообще поднимается, над уровнем выживания. АДБ считает, что по самоощущению индийский средний класс считает себя беднее, чем он есть на самом деле. Эта особенность не есть специфика индийского среднего класса, а довольно распространенное психологическое ощущение, вызываемое контрастом с доходом более высокой группы. Под традиционное западное понимание среднего класса индийская его ипостась не подходит. Это те, кто унаследовал состояние, имеет постоянную работу, достиг определенного уровня финансовой безопасности, позволяющей соблюдать закон и порядок, т.е. быть законопослушным гражда-

нином и налогоплательщиком. Иными словами, средний класс уже не отягощен заботой о повседневном выживании.

Есть еще одна важная черта, позволяющая выделить средний класс как общность. Это его самоидентификация. Похоже, что она была четко прослежена в Южной Корее, когда страна еще только преодолевала статус развивающейся, становясь новой индустриальной, одним из первых азиатских тигров (драконов). Критерий принадлежности к среднему классу, предложенный входе опроса в середине 90-х годов XX века компанией «Самсунг», был незатейлив – наличие в семье пяти домашних предметов, телевизора, стиральной машины, микроволновой печи, холодильника, видеомагнитофона, чтобы покупать серьезные фильмы для детей (последнее примечание заслуживает внимания). По сути, это было определение платежеспособности формирующегося среднего класса с пока еще ограниченными запросами. 81% населения Южной Кореи в положительных ответах посчитали себя на такой основе средним классом. Можно иронизировать над приведенными показателями, но приходится признать их соответствие понятию начальной стадии национального среднего класса страны, преодолевающей глубокую социально-экономическую отсталость.

В нулевые годы XXI в. упоминания индийского среднего класса несколько участились, хотя точные определения все еще отсутствуют. Любопытно описание, своего рода аналог южнокорейского варианта, людей, едущих с северо-востока Индии на юг в поезде новейшей конструкции Vivek Express через всю страну, что довольно дорого. Своеобразный социальный срез, портрет в дорожном интерьере. Это студенты, смотрящие болливудский фильм по компьютеру, пациент из Северного Ассамы, направляющийся в госпиталь на юге в Тамилнаду, солдат в отпуске, болтающий с родными по новому мобильнику, предприниматель из Манипура, с гордостью рассказывающий попутчикам о своем процветающем бизнесе. По сути, это описание разнообразия людей, составляющих ныне средний класс Индии или подтягивающихся к его уровню [The Economist. 24.03.2012: 25].

К сожалению, мало сведений о росте заработной платы квалифицированных рабочих, хотя глава Bharat Forge, крупной многопрофильной компании, включающей автоборочные заводы, сообщил, что с 1980-х годов по 2010 г. она увеличилась с 700–800 рупий в месяц до 20–30 тысяч (15–16 и 38–40 долл. соответственно). Однако с учетом инфляции и неоднократным падением курса рупии за этот период несомненный рост не кажется таким уж внушительным.

Заслуживают внимания в связи со становлением среднего класса отношения с индийской диаспорой. Дело не только в переводе средств от 25 млн зарубежных индийцев, хотя этот канал стал важным источником притока финансовых ресурсов. Представители индийской диаспоры активно участвовали средствами, технической помощью, например, в масштабной государственной программе выдачи всему населению Индии удостоверений личности. Они же оказывают поддержку соплеменникам в получении информации об экономических возможностях получения заказов за рубежом. Особого внимания заслуживает возвращение в нулевые годы экспатов, этнических индийцев, специалистов и бизнесменов в страну происхождения, стремившихся использовать новые возможности растущей национальной экономики. Они привнесли знания, средства, современные методы менеджмента, оживили предпринимательский климат в стране, что, в конечном счете, способствует укреплению позиций среднего класса, его авторитету.

Библиография

Смирнов 2011 – Смирнов В.П. *От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи*. М.: Новый хронограф.

Мионов 2012 – Мионов Б. По классическому сценарию: Русская революция 1917 года в условиях экономического роста и повышения уровня жизни // *Экономическая политика*. Апрель, № 2

Широков 1998 – Широков Г.К. *Парадоксы эволюции капитализма*. М.: ИВ РАН.

РОЛЬ РЕГИОНОВ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ИНДИИ НА ПРИМЕРЕ ШТАТА ГУДЖАРАТ

Изучение опыта зарубежных стран в области инновационного развития является важной составляющей в формировании и осуществлении инновационной политики нашей страны. Особенно интересен в этой связи опыт Индии – страны с федеративным устройством, которая, несмотря на значительную неравномерность в развитии регионов, вот уже второе десятилетие показывает серьезные достижения в таких инновационных отраслях как информационные и биотехнологии, космос и др.

Каковы место и роль самих регионов в этих процессах, кто наиболее активные и перспективные участники формирования и осуществления инновационной политики региона и каковы перспективы развития регионов в этой связи – опыт Индии в этих вопросах актуален для России, поскольку российская государственная политика в области инноваций охватывает общие направления развития региона и эксплуатирует общие модели развития инновационных отраслей без учета региональной специфики.

Начиная с обретения Индией независимости, в стране проводилась активная политика по формированию и развитию научно-технологического сектора. В отдельные временные периоды научно-техническая и промышленная политики имели различные векторы развития, что было напрямую связано с общим экономическим курсом страны: ускоренная индустриализация за счет привлечения иностранных технологий (1947 – начало 1960-х); политика импортозамещения и развитие собственных технологий (вторая половина 1960 – конец 1980-х); либерализация экономики и развитие новых конкурентоспособных отраслей (1990-е годы) и современный этап (2000-е годы) – использование накопленного потенциала в области науки и технологий (институционального, правового, инфраструктурного) для формирования эффективной инновационной системы страны.

* Томский государственный университет

Все это так или иначе способствовало достижению результатов в таких высокотехнологичных областях, как космос, информационные и биотехнологии, ядерные технологии.

На протяжении всей истории развития научно-технологического сектора Индии отчетливо прослеживается определяющая роль федерального правительства. Это касается и расходов на научно-технологический сектор, создания институтов по его поддержке и развитию, и наличия конституциональных полномочий федеральных органов власти по определению общей экономической политики страны.

Тем не менее, у штатов конституционно достаточно полномочий для осуществления самостоятельной деятельности по развитию инновационного потенциала региона. В конституции строго распределены вопросы экономического развития, относящиеся к юрисдикции центрального правительства и администрации штатов, есть также список параллельной компетенции. К вопросам компетенции штатов относятся такие важные вопросы, как развитие предпринимательства, информационных технологий, биотехнологий, инфраструктуры, особых экономических зон [Конституция Индии 2012], и т.д. У штатов есть возможность обеспечивать правовое поле деятельности участников инновационных процессов региона.

Штаты наделены определенными полномочиями назначать и собирать местные налоги, помимо получаемой ими доли в федеральных налогах. Экономическое и социальное планирование отнесено к совместной компетенции центра и штатов, хотя в течение долгого времени оно осуществлялось в основном на федеральном уровне. Таким образом, у администрации регионов есть доступ к финансовым ресурсам, достаточность которых нужно рассматривать в каждом конкретном случае.

Как видим, у штатов существуют возможности для инновационного развития с учетом своей специфики. Вопрос в том, используются ли они и каким образом.

Штат Гуджарат – один из быстро развивающихся промышленных штатов западной Индии, со средними темпами роста ВВПШ

7–11% в год [Статистика штата Гуджарат 2009–10 гг.]. Гуджарат был передовым штатом по реализации реформ начала 90-х годов. Показатели роста экономики штата всегда были выше среднеиндийского уровня.

Гуджарат охватывает 6% площади и 5% населения страны [Там же]. В штате исторически развита предпринимательская культура, правительство штата поддерживает и стимулирует частные инициативы и участие населения в развитии региона. Структура экономики штата представлена сильным и уверенно растущим промышленным сектором, коммерциализированным сельским хозяйством и очень высокой степенью урбанизации (42% населения живут в городах, согласно переписи населения 2011 года [Перепись населения Гуджарата 2011]).

Гуджарат – второй штат по степени индустриализации, третий – по урбанизации и пятый по уровню жизни среди всех регионов Индии [Экономика Гуджарата 2012].

Среди быстро растущих отраслей штата – транспорт, логистика и коммуникации (рост 11,63% за период 1992/93–2004/05 гг.); строительство – 7,92% и сектор услуг – 8,71% за тот же период [Там же].

Правительство выделяет шесть ключевых отраслей промышленности: добыча сырой нефти, нефтепереработка, добыча угля, производство электроэнергии, производство цемента, металлургия [Социально-экономический обзор 2010/2011].

Предприятия малого и среднего бизнеса сосредоточены в текстильной промышленности, производстве (обработке) неметаллических минеральных продуктов, производстве резиновых и пластиковых изделий, готовых товаров из металла (не машиностроение), производстве одежды.

Крупный бизнес сконцентрирован в таких отраслях как химическая и нефтехимическая (29,27% от всех промышленных проектов штата, 42,19% инвестиций штата и 26,54% от всей занятости штата) и текстильная промышленность (21,49% проектов, 10,28% инвестиций и 23,05% занятости) [Промышленность Гуджарата 2011].

Научно-технологический сектор штата включает высшие учебные заведения, R&D лаборатории при местных компаниях, научно-исследовательские лаборатории транснациональных корпораций, особые экономические зоны.

Институционально они обслуживаются рядом государственных организаций и ассоциаций, бизнес-объединениями.

Департамент науки и технологий штата был создан при правительстве штата в 2003 году, его основной задачей является формулирование и осуществление политики правительства в развитии новых технологий в следующих областях:

- 1) Информационные и коммуникационные технологии;
- 2) Электронное правительство;
- 3) Биотехнологии;
- 4) Наука и технологии;
- 5) Дистанционное зондирование и космические технологии;
- 6) Сейсмология;
- 7) Формирование научного мышления у студентов;
- 8) Поощрение исследований в области новых технологий.

Совет по науке и технологиям Гуджарата был основан в 1986 году при Департаменте образования правительства штата. С 2000 года эта организация работает при Департаменте по науке и технологиям Гуджарата.

Основные задачи Совета:

- 1) Популяризация науки и распространение научного мышления среди населения штата;
- 2) Определение областей для применения достижений в области науки и технологий для обеспечения социально-экономического развития штата;
- 3) Предоставление рекомендаций правительству штата по политике в области научного развития региона;
- 4) Отслеживание и поддержка научно-исследовательской деятельности в различных областях, обеспечение процесса необходимой информацией;

5) Определение приоритетных сфер науки и технологий, необходимых для долгосрочного развития штата.

Кроме этих организаций в обслуживании инновационных и научно-технологических процессов страны участвуют такие специфические государственные учреждения как Департамент образования Гуджарата, а также Комиссариат по высшему образованию, Комиссариат по промышленности.

Инфраструктура научно-исследовательской деятельности и НИОКР штата

Научно-исследовательская деятельность и НИОКР осуществляются в штате высшими учебными заведениями, исследовательскими институтами, исследовательскими лабораториями в частных и транснациональных компаниях.

Большинство организаций (частных и государственных) работает в сфере медицинских исследований (22 из 56 на 2006 год), среди региональных исследовательских институтов большая часть занимается исследованиями в области сельского хозяйства.

Таблица 1.

Вузы и исследовательские институты штата Гуджарат

Год	Центральные университеты	Университеты штата	Институты, признанные университетами	Институты национальной важности	НИИ
2006-2007	0	18	3	0	16
2007-2008	0	16	2	1	16
2008-2009	0	16	2	1	16
2009-2010	1	16	2	2	16

Источник: [Комиссариат Высшего образования 2012].

Примерно 30% всех выпускников вузов Гуджарата⁷⁷ получили степень или дипломы в области коммерции.

Одной из основных организаций, обеспечивающих руководство и сопровождение научно-исследовательской деятельности вузов и НИИ является Консорциум знаний Гуджарата.

Среди конкретных целей организации заявлены:

- 1) объединение всех высших учебных заведений, исследовательских институтов и библиотек в единую сеть национального и международного уровня;
- 2) обеспечение интерфейса для взаимодействия научных работников и преподавателей штата и зарубежных ученых – обмен визитами, совместные программы университетов, колледжей, факультетов в своих областях, организация лекций;
- 3) обеспечение активного сотрудничества между центрами разработок штата с их партнерами в стране и за рубежом;
- 4) продвижение исследований, поддержка процессов создания знаний, инноваций и патентования путем обеспечения взаимодействия ученых, институтов, агентств, вовлеченных в эти процессы в соответствии с законами по защите прав интеллектуальной собственности.

Для обеспечения взаимодействия по научным исследованиям и проблемам в штате периодически проводятся семинары, конференции национального и международного уровня.

Поддержку исследовательским институтам оказывает также Комиссариат по промышленности штата.

Так, в рамках программы по поддержке исследовательских институтов и организаций, осуществляющих НИОКР, инициированной в 2009 году, предусмотрена поддержка в виде возмещения 60% стоимости проекта, не включая стоимость земли и построек.

50% (максимум 50 млн рупий) проектных расходов контрактных исследовательских работ также возмещаются.

⁷⁷ Данные по поступившим в 2004 году [Комиссариат Высшего образования 2012]

Под данную схему попадают следующие виды деятельности:

- 1) создание новых научно-исследовательских и НИОКР институтов, технологических центров;
- 2) – содействие организациям в модернизации и пополнении технических средств и оборудования;
- 3) – содействие в использовании компаниями контроля качества, технологических экспертиз, управление качеством;
- 4) – создание тестовых центров, агентств по сертификации качества;
- 5) – инновационная деятельности предприятий малого и среднего бизнеса;
- 6) – создание институтов по инновациям и инкубации идей;
- 7) – содействие в технологических трансферах.

Этой программой могут воспользоваться все НИИ штата, проекты от НИИ, подтвержденные Департаментом научно-промышленных исследований (федеральное агентство), проекты, исходящие от Всеиндийского совета по техническому образованию.

Взаимодействие университетов и промышленности осуществляется также через сеть научно-инновационных центров, созданных при поддержке Гуджаратского совета по науке и технологиям на базе университетов и колледжей.

Основные области работы таких центров:

- 1) Электроника и новые технологии;
- 2) Нанотехнологии;
- 3) Нейробиология;
- 4) Робототехника;
- 5) Гериатрия;
- 6) Материаловедение;
- 7) Химия.

Отдельно следует выделить такие инфраструктурные системы как особые экономические зоны (ОЭЗ). Правительство Гуджарата указывает на существование 55 ОЭЗ в штате, но необходимо учитывать, что все они находятся на разной стадии развития. Полно-

ценно функционирующих ОЭЗ в штате три, причем две из них мультитоварные, третья производит текстиль и одежду.

Зоны, работающие в сферах хай-тек находятся на стадии рассмотрения.

Таблица 2.

Доля ОЭЗ в общем количестве заявленных ОЭЗ штата.

Специализация ОЭЗ	Доля ОЭЗ в общем количестве заявленных ОЭЗ штата
Информационные технологии	31%
Строительство	25%
Мультитовары	13%
Одежда и текстиль	13%
Фармацевтика	6%
Энергетика	6%
Другое	6%

Источник: [Экономика Гуджарата 2012].

Правительство штата очевидно делает ставку на развитие сектора ИТ, поскольку именно в этой отрасли планируется открытие большого количества зон.

В правовом отношении научно-технологическое развитие штата регулируется в рамках следующих законодательных актов (программ):

Промышленная политика 2009 года

В данной программе промышленного развития штата заявлено три основных цели:

- 1) Привлечение инвестиций в штат;
- 2) Создание рабочих мест;

3) Обеспечение высоких стандартов качества продукции, произведенной в штате.

Среди прочих направлений развития правительство выделило сферу ИТ как приоритетную, впрочем, меры по развитию отрасли в рамках данной программы ограничиваются небольшим налоговыми послаблениями, упрощением процедуры регистрации предприятий и поощрением создания ИТ парков и особых экономических зон.

Обеспечение отрасли кадрами возлагается на частные университеты, акцент в образовании предлагается сделать на изучении английского языка.

Более детальную политику по развитию сектора было предложено разработать Департаменту по науке и технологии штата.

Политика в области биотехнологий (BT Policy) 2007–2012

В рамках программы по развитию биотехнологий создана институциональная инфраструктура поддержки сектора. Это Миссия по биотехнологиям штата Гуджарат (Gujarat State Biotechnology Mission) под руководством премьер-министра штата. Данная организация занимается планированием, развитием инфраструктуры сектора, развитием кадров, предпринимательства, информационным обеспечением всех участников сектора.

Кроме того, институциональная инфраструктура включает биотехнологические кластеры, биотех зоны, биотех парки.

Для развития кластеров⁷⁸ правительство предоставляет финансовую поддержку каждому кластеру размером от 50 млн рупий сроком на пять лет. Финансовое обеспечение расходуется по следующей схеме: 25% – на программы по обучению персонала, 20–25% на расходные материалы. Субсидируются исследовательские работы в университетах и институтах, работы по дизайну продукции, улучшению качества, брендинг и маркетинг продук-

⁷⁸ Согласно BT Policy 2007 кластером считается объединение не менее пяти предприятий.

ции, тестирование, программы по повышению квалификации для рабочих и менеджеров

Особое внимание в программе уделено развитию исследований и инноваций в области биотехнологий через создание культуры биотехнологических исследований, обеспечение сотрудничества на национальном и международном уровне с целью реализации результатов исследований в продукции, процессах и технологиях.

В программе указана необходимость усиления связи учебных и научных учреждений с промышленностью, обеспечение совместных и контрактных исследований. Правительство реализует специальные схемы для стимулирования исследований в частном секторе через субсидирование университетов и институтов, осуществляющих научно-исследовательскую работу для частных компаний.

Правительство обеспечивает 50% расходов научно-исследовательских институтов (но не более 5 тыс. рупий за проект) по модернизации оборудования, улучшению качества, созданию центров по тестированию, агентств по сертификации, аккредитационных организаций, центров по инкубации.

Для осуществления политики в области биотехнологий были не только разработаны программы и схемы, но также выработаны стратегические карты развития сектора (roadmaps). К выработке программы привлекались специалисты и эксперты из разных сфер. В результате, кроме официального документа «BT Policy», меры по развитию данного сектора определяются также в дополнительных актах и законах, касающихся развития предпринимательства, образования, финансирования в этой области.

Отрасль обеспечивается специалистами из 14 университетов и более чем 10 исследовательских институтов, предоставляющих обучающие программы по биотехнологиям и сопутствующим наукам. Кроме того, 20 институтов штата предоставляют курсы для студентов, 5 вузов предоставляют аспирантские программы, 6 – докторские программы. Всего в штате выпускается около 5000

специалистов по биотехнологиям (включая Ph.D, выпускников ВУ-Зов, магистров, бакалавров и пр.).

Финансирование проектов осуществляется через Венчурный фонд биотехнологий Гуджарата (Gujarat Biotech Venture Fund, GBVF) с начальным посевным фондом 50 миллионов рупий, который будет доведен до 500 миллионов рупий. GBVF определяет стартапы, существующие компании в сфере биотехнологий, у которых есть потенциал стать лидерами сектора, либо компании, финансировать которые, согласны транснациональные компании. Области инвестирования охватывают биофармацевтику, сельскохозяйственные биотехнологии, контрактные исследования, биоинформатику, промышленные биотехнологии, океанические и экологические биотехнологии.

В рамках поддержки и развития предпринимательства в сфере биотехнологий был создан Фонд приобретения технологий, обеспечивающий приобретение и передачу технологий, доступных на региональном, национальном и международном уровнях для малого и среднего бизнеса. Фондом субсидируется также научно-исследовательские работы, привлечение экспертов и экспертных организаций.

Кроме финансирования через фонды в бюджете штата также предусмотрена статья расходов на поддержку сектора биотехнологий.

Таблица 3.

Бюджетные расходы на биотехнологии (в тыс. рупий)

Годовой бюджет	Объем бюджета	Получено по факту бюджетных средств	Всего израсходовано
2004/2005	44000	44000	38182
2005/2006	96700	96700	62643
2006/2007	107000	107000	55044
2007/2008	100000	85000	46674
2008/2009	110000	110000	53828

2009/2010	110000	53736	48691
2010/2011	341500	111500	75152
2011/2012	261500		
Всего	1170700	607936	380214

Источник: [Департамент науки и технологий Гуджарата 2012].

Результативность отрасли биотехнологий довольно высока. Гуджарат обеспечивает 40% рынка всех фармацевтических препаратов страны. В штате на 2008 год функционировало 116 биотехнологических компании и 66 поддерживающих организации (научно-исследовательских, центров НИОКР, центров повышения квалификации и т.п.). Рынок биотехнологий охватывает такие сектора как здравоохранение, биотехнологии для сельского хозяйства, промышленные биотехнологии, биотехнологии для защиты окружающей среды и др.

На 2011 год ежегодный оборот сектора биотехнологий составлял 150–175 миллионов долларов США. В штате создано 3 биотехнологических особых экономических зоны, одна из которых (Савли, Ваходара) является крупнейшей в стране с общей площадью 1700 акров [Фармацевтика и биотехнологии Гуджарата 2012].

Политика в области ИТ (IT Policy) 2006–2011

В 2006 году правительство Гуджарата выпустило программный документ «Политика в области ИТ» [Политика в области информационных технологий Гуджарата 2012]. В программе описаны достижения Индии в целом в отрасли ИТ и указывается на необходимость реализовать потенциал штата в этой сфере (низкая стоимость рабочей силы, недвижимости, бесперебойная подача электроэнергии и обеспечение правительством штата благоприятного инвестиционного климата), тем самым увеличив поток инвестиций в штат и уровень занятости населения.

Для реализации этих целей правительство определило следующие мероприятия:

- 1) Развитие городской инфраструктуры;
- 2) Усиление образовательной инфраструктуры штата для обеспечения отрасли квалифицированными кадрами через введение тренингов и курсов повышения квалификации для выпускников учебных заведений.

Одним из прогрессивных решений в рамках этой политики было решение о развитии аутсорсинга управления знаниями (КРО)⁷⁹, в то время как в Индии в основном преобладал ИТ-аутсорсинг и аутсорсинг бизнес процессов. Для этого предусматривается следующее:

- 1) Создать ИТ-парки в четырех крупнейших центрах Гуджарата (Ахмадабад/Гандинагар, Вадодара, Раджкот, Сурат);
- 2) Открыть ОЭЗ;
- 3) Обеспечить компании, работающие в этих образованиях налоговыми каникулами, упрощенным трудовым законодательством, низкими тарифами на использование коммуникаций и электроэнергии и др.

Для решения проблемы квалифицированной рабочей силы (особенно для КРО), правительством совместно с промышленниками и образовательными институтами была предусмотрена инициатива по развитию кадрового потенциала отрасли. В рамках данной инициативы совместными усилиями ее участников студенты в возрасте от 18 до 25 лет могут пройти курс, обеспечивающий подготовку специалистов для реальной работы в сфере КРО. Обучение проводится в удаленном режиме с использованием новейших коммуникационных технологий на базе Института космоса и геоинформатики (Bhaskaracharya Institute for Space Application and Geoinformatics, BISAG).

⁷⁹ Knowledge Process Outsourcing (КРО) – управление процессами, которые требуют глубокого изучения или серьезной аналитической обработки данных, формирования и управления базами знаний, которые в последующем могут использоваться, в том числе и для поддержки принятия решений.

Для обеспечения финансирования развития отрасли в 2000 году правительством был создан специальный Фонд ИТ Гуджарата (в рамках уже существующего венчурного фонда – Gujarat Venture Finance Limited, Ahmedabad). Фонд должен предоставлять венчурный капитал для развития услуг в сфере ИТ, разработки ПО и других программных продуктов. Объем фонда – 24 млн рупий (примерно 4,3 миллиона долларов). Инвестиционная стратегия рассчитана на предприятия среднего бизнеса на уровне запуска (стартапы). За 11 лет существования было инвестировано 10 компаний [Венчурная компания Гуджарата 2012].

Для мониторинга выполнения программы развития отрасли и институционального обеспечения ее выполнения была создана компания Gujarat Informatics Limited (GIL), а при правительстве был сформирован Комитет – High Power Committee.

О результатах реализуемой политики судить довольно сложно в виду слабой статистической освещенности показателей роста сектора ИТ со стороны правительства штата.

Так, в отчетах о малом и среднем бизнесе штата отрасль ИТ не фигурирует вообще. В отчетах по экспортной активности ОЭЗ ИТ парки штата занимают одни из последних позиций как по объему импорта оборудования, так и экспорта продуктов/услуг [Экспорт ОЭЗ 2012].

Рост сектора за период с 2006 по 2011 гг. по различным экспертным оценкам составил 10%, что аналитиками оценивается как несоответствующий потенциалу штата.

Однозначных ответов на вопрос, почему сектор демонстрирует такую вялую динамику, нет ни у аналитиков местного правительства, ни у специалистов NASSCOM⁸⁰. Целесообразно будет указать на совокупность факторов, в той или иной мере препятствующих развитию отрасли ИТ и инновационной сферы в целом.

⁸⁰ NASSCOM (National Association of Software and Services Companies) – Национальная ассоциация компаний разработчиков программного обеспечения и предоставляющих услуги в этой области.

1) Штат довольно поздно включился в развитие данной отрасли (ИТ), оказавшись в среде с высокой конкуренцией со стороны «Кремниевой долины» Бангалора, Пуны и т.п.

2) Неготовность вузов предоставить квалифицированные кадры для отрасли.

Если взглянуть на распределение выпускников вузов по направлениям (фундаментальные и прикладные науки, гуманитарные науки и коммерция), очевидно, что доля выпускников прикладных и фундаментальных наук мала, особенно, по сравнению со штатами-лидерами в области ИТ.

Таблица 4.

Выпускники фундаментальных и прикладных направлений науки, гуманитарных наук и коммерции среди ведущих десяти штатов Индии

Ранг	Прикладные и фундаментальные науки	Гуманитарные науки	Коммерция
1	Андхра-Прадеш (14.0) ⁸¹	Уттар-Прадеш (18.9)	Махараштра (22.0)
2	Тамилнаду (11.9)	Махараштра (12.3)	Гуджарат (13.8)
3	Махараштра (11.1)	Западная Бенгалия (7.9)	Андхра-Прадеш (12.2)
4	Уттар-Прадеш (10.2)	Бихар (6.8)	Западная Бенгалия (9.8)
5	Карнатак (7.5)	Андхра-Прадеш (5.0)	Карнатак (6.4)
6	Керала (6.9)	Раджастхан (4.9)	Уттар-Прадеш (6.3)
7	Гуджарат (6.6)	Орисса (4.8)	Тамилнаду (6.0)
8	Западная Бенгалия (6.4)	Ассам (4.5)	Керала (4.6)
9	Бихар (5.2)	Карнатак (4.4)	Дели (3.6)
10	Ассам (3.4)	Тамилнаду (3.7)	Мадхья-Прадеш (2.6)

Источник: [Национальный научный обзор 2004].

⁸¹ В скобках указана доля выпускников в каждом конкретном штате по отношению к выпускникам всей Индии в этих областях.

1) Низкая производительность сектора, генерирующего технологии (НИИ, университеты, научные лаборатории и организации, и др.).

По показателю цитирования Гуджарат на 18-м месте среди всех штатов Индии, по продуктивности научно-технологического сектора штат оценивается как среднеразвитый, но важно отметить и то, что с 1996 по 2010 гг. этот показатель практически не менялся.

Таблица 5.

Количество научных публикаций штата Гуджарат (1996–2010 гг.)

Публикации (количество)				Публикации (% от общего числа публикаций Индии)			
1996-00	2001-05	2006-10	1996-10	1996-00	2001-05	2006-10	1996-10
3642	4843	9554	18039	3,30	3,20	3,45	3,35

Источник: [Отчет по науке и технологиям Индии 2011–2012].

2) Наличие в стране других, более привлекательных для инвесторов отраслей (добыча нефти, угля, нефтепереработка и тому подобное), в которых получение прибыли возможно в более короткие сроки и уровень прибыли значительно выше.

Таблица 6.

**Агрегированный отчет по проектам
в рамках государственно-частного партнерства в Гуджарате (2010 год)**

Отрасль	Количество проектов	Объем инвестиций (млн рупий)
Порты	30	275420
Энергетика	5	3700
Дороги	19	21000
Городской транспорт	1	5000
ИТ	1	620

Источник: [Атану Чакраборти 2012].

3) Отсутствие системной политики по созданию инновационной экосистемы, охватывающей все этапы инновационных процессов и общая слабая проработанность политики в области инноваций.

В частности, в программах не прописываются механизмы взаимодействия промышленности, академии и государства, инфраструктурно не обеспечена связь между этими основными участниками инновационных процессов. Правительственные программы и инициативы по развитию этого направления стали приниматься в последние год-два. Как, например, программа по взаимодействию промышленных и научных организаций, реализуемая на базе Технологического университета Гуджарата, начиная с 2011 года [Экономические времена, 10.01.2011].

С одной стороны, штат объективно не готов к развитию высокотехнологичных отраслей в виду неподготовленности кадров, неразвитости поддерживающей инфраструктуры и так далее, с другой стороны, частный сектор и инвесторы предпочитают вкладывать деньги в более выгодные проекты с быстрым оборотом средств и высокой прибыльностью.

Тем не менее, Гуджарат внес существенный вклад в инновационное развитие Индии. Но не за счет политики правительства штата, а благодаря инициативе, проявленной в академических кругах.

В 1988 году группа добровольцев-студентов и сотрудников во главе с профессором Индийского института менеджмента в Ахмадабаде Анилом Гуптой начали реализовывать идею о том, что «бедные люди бедны материально, но не интеллектуально» [Гупта 2012]. Они отправились по деревням и городам Гуджарата в поисках инновационных изобретений простых людей, изобретений, которые получили название «низовые инновации» (grassroots innovations). За несколько лет работы было собрано порядка 10000 изобретений, идей и разработок. Все они были обработаны, систематизированы и выложены в интернет на специально созданном портале Honey Bee Network. Благодаря этому многие разработки были запущены в производство, а изобретатели получили доход от своей работы.

С ростом количества проектов возникла необходимость в более серьезной институциональной поддержке. В 1993 году в Ахмадабаде была создана другая добровольческая организация – Общество исследования и инициатив для устойчивых технологий и институтов (Society for Research and Initiatives for Sustainable Technologies and Institutions, SRISTI) для обеспечения финансовой и институциональной поддержки сети. Первые гранты SRISTI начало получать от международных агентств, привлекая и мобилизуя финансы со всего мира [Общество исследования 2012].

SRISTI постепенно расширило сферу своей деятельности. На сегодняшний день SRISTI работает по следующим направлениям:

1) Скаутинг, документирование и распространение идей и технологий;

2) Проверка возможностей добавления стоимости и при наличии таковых, помощь в ее создании. В рамках SRISTI была создана лаборатория, которая проверяла продукт на предмет новизны и жизнеспособности и превращала его в товар. В основном лаборатория работает с травами и продуктами их трав. Лаборатория спонсируется частным фондом из Мумбаи;

3) Защита и аналитика. SRISTI стало той организацией, которая впервые подняла вопрос о защите интеллектуальных прав низовых инноваций. Изначально SRISTI привлекало для консультаций ведущих адвокатов по защите интеллектуальной собственности, ученых, политиков. Именно аналитическая группа SRISTI работала совместно с правительством Индии и ведущими научными организациями, такими как Совет по научным и промышленным исследованиям (CSIR), Департамент по науке и технологиям правительства Индии по выработке законов и политики в области низовых инноваций (их защиты, трансфера и тд);

4) Распространение знаний и информирование о низовых инновациях. SRISTI активно участвует в международных конференциях и саммитах по вопросам низовых инноваций, были установлены связи и сотрудничество в области низовых инноваций с Бразилией, Китаем, Южной Африкой, Угандой, Европой (Англией и Францией в частности), Коста Рикой [Общество исследования... 2012];

5) Ведение программы «Академия развития технологических инноваций, изобретений и традиционного знания» (Academy for Augmenting Sustainable Technological Inventions, Innovations, and Traditional Knowledge, AASTIIK). Программа начала реализовываться в 2005 году с целью создания реального и виртуально сообщества профессионалов и экспертов в области изобретений, инноваций и традиционного знания. Фактически это платформа для взаимовыгодного и эффективного взаимодействия простых изобретателей с учеными, экспертами, студентами, которые могут помочь им в процессе инкубации идеи, в ее формализации и превращении в продукт.

6) Образовательная инициатива. Программа работает по трем направлениям – работа с детьми по вовлечению их в образование, привлечение студентов для работы с низовыми инновациями (проведение исследований, документирование инноваций и так далее) и вовлечение женщин в инновационные процессы.

Особенно интересна инициатива по написанию диссертаций. По договоренности с некоторыми образовательными учреждениями по три студента от каждого из них пишут диссертацию по важным темам, связанными с низовыми инновациями (например, органическое фермерство, повышение надоев и т.п.). Цель программы – научить студентов работать в реальной среде с актуальными проблемами. За последние четыре года было написано более 100 диссертаций.

Цель, объединяющая Honey Bee Network и SRISTI – превращение местных инноваций и традиционного знания в живой продукт и распространение его через коммерческие и некоммерческие каналы, создание связей между формальной и неформальной наукой и технологиями.

Обе организации добились хороших результатов, хотя по большей части вне сферы доходности. Honey Bee Network выросла в престижную организацию, концентрирующую большой пул знаний. Кроме того, благодаря ей стало понятно, что и без начальной регистрации прав интеллектуальной собственности возможно получение дохода людьми, генерирующими знания. Будучи органи-

зациями, действующими на добровольных началах, Honey Bee и SRISTI могут работать только в рамках национального режима интеллектуального права. И именно благодаря этим организациям вопрос защиты интеллектуальной собственности неформального сектора был поднят для обсуждения в правительственных кругах.

Активная и успешная деятельность Honey Bee Network сподвигла правительство Гуджарата формализовать ее через создание Сети по развитию низовых инноваций (Grassroots Innovation Augmentation Network, GIAN) на базе Индийского института менеджмента в Ахмадабаде в 1997 году [Сеть низовых инноваций 2012]. GIAN была зарегистрирована как траст и общество, все пожертвования в траст освобождаются от налогов согласно разделу 80G Закона о подоходном налоге [Там же]. Спонсорами GIAN стали SRISTI, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Мировой банк, Национальный банк аграрного и сельскохозяйственного развития и другие организации и фонды. Идея GIAN заключалась в поддержке аграрных инноваторов через установление связи с формальными системами маркетинга, технического и финансового обеспечения. Фонд также помогает в разработке бизнес-планов для инноваторов и поддерживает предпринимателей.

Управляющий комитет GIAN состоит из выдающихся академиков, политиков и социальных деятелей. В комитете участвуют представители правительства Гуджарата, Индийского института менеджмента (Ахмадабад), коммерческих организаций, таких как Gujarat Venture Fund Limited и социальных организаций, таких как SEWA⁸², SRISTI и *Гопалдхам* (Gram Swaraj Shikshan Kendra)⁸³.

GIAN была признана научно-исследовательским институтом Департаментом научных и промышленных исследований правительства Индии.

В целом GIAN работает по трем основным направлениям:

⁸² SEWA, Self Employed Women's Association – Ассоциация женщин-предпринимателей, занятых в собственном малом бизнесе.

⁸³ Организация по экономическому развитию деревень и неформального сектора.

1) Инкубация технологий. В рамках GIAN была создана студия дизайна GRIDS (Grassroots Innovations Design Studio) при Национальном институте дизайна в Ахмадабаде с целью обеспечения низовых инноваций дизайном мирового уровня. Работы ведутся при поддержке правительства Гуджарата;

2) Защита прав интеллектуальной собственности. GIAN активно участвует и помогает инноваторам в получении патентов на изобретения как в Индии, так и за рубежом;

3) коммерциализация технологий. GIAN обеспечивает выход инноваций на рынок либо через венчурное развитие, либо через трансфер технологий:

- инноватор может сам создать предприятия для продажи продукции в коммерческом масштабе;

- инноватор может создать компанию совместно с опытным предпринимателем;

- инноватор передает технологию, которая коммерциализуется третьей стороной.

Следует отметить, что трансфер технологий может осуществляться по разным схемам (участие в доле прибыли, участие в уставном капитале и т.п.).

Всего за десять лет было осуществлено 18 технологических трансферов по четырем инновациям на уровне округа, штата, страны и мира.

GIAN на сегодняшний день выросла в большую сеть, охватив север Индии (GIAN North включает штаты Панджаб, Харьяна, Раджастан, Уттаркханд, Дели и Чандигарх), запад (GIAN West включает штаты Гуджарат, Махараштра и Гоа), а также отделение GIAN в Тумкуре, Мадурэе и Шринагаре (юг Индии), есть отделение в штате Ассам (восток Индии).

Масштабы работы GIAN можно оценить по статистике одного из отделений Сети.

Таблица 7.

Результаты деятельности GIAN-WEST (2000 по 2010 гг.)

Виды результатов	Количество поддержанных инноваций
Поддержано проектов до настоящего времени	123
Расширена финансовая поддержка	71
Предоставлена технологическая поддержка	83
Патенты, заявленные в Индии	39
Патенты, полученные в Индии	20
Патенты, заявленные в США	7
Патенты, полученные в США	7
Расширенная поддержка по разработке прототипа	76
Венчурное финансирование	22
Технологические трансферы	19
Поддержано создание предприятий	34

Источник: [Сеть низовых инноваций 2012].

Следующим звеном в создающейся инновационной экосистеме стал Национальный фонд инноваций (НИФ), созданный правительством Индии в 2000 году.

В заявлении Фонда о его миссии и целях говорится следующее: «Пришло время высвободить творческий потенциал наших ученых и инноваторов на низовом уровне. Только тогда мы сможем сделать Индию по-настоящему самодостаточной страной, лидером в области устойчивых технологий. Этот фонд призван создать национальную базу инноваций, мобилизовать защиту интеллектуальных прав, создать инкубаторы для превращения знаний в живые деловые возможности и помочь распространить это по всей стране» [Национальный инновационный фонд 2012].

Цели и задачи Фонда – это не коммерциализация инноваций и получение прибыли. Во главу угла ставится налаживание связей формального и неформального сектора, или, если говорить точ-

нее, формализация знания, скрытого в «зеленых низовых инновациях» (green grassroots innovation). Единственное упоминание о получении прибыли в миссии НИФ: «широкое социальное значение и возможное коммерческое и некоммерческое использование инноваций» [Там же]. Таким образом, цель фонда – формирование особой системы, канализирующей низовые инновации и связывающей их с формальным сектором.

НИФ стал той организацией, которая объединила усилия и действия всех участников институциональной цепочки по развитию низовых инноваций через общую базу данных (которая включает на сегодняшний день более 160000 идей, инноваций и практик из 545 округов страны) [Там же].

Через сотрудничество с НИИ фонд содействует развитию этих инноваций и превращению их в технологии или товары с добавленной стоимостью.

Фонд оформил заявки на 550 патентов, из них 33 патента уже было выдано в Индии и 4 – в США [Там же].

Фонд микровенчурных инноваций вместе с НИФ обеспечил рискованым капиталом 178 проектов на различных этапах инкубации.

НИФ преуспел в коммерциализации продуктов на всех континентах мира, из них 64 проекта превратились в лицензированные технологии.

Создатели НИФ уверены в успешности бизнес-моделей, основанных на низовых инновациях, поскольку они исходят от людей, имеющих практический опыт в проблеме, а значит способных предоставить решение простое, нужное, экономичное и устойчивое.

Именно этим объясняется активное инвестирование в низовые инновации. В рамках Фонда был создан Департамент бизнес развития, чтобы обеспечить переход от инновационной деятельности к предпринимательской.

В зависимости от масштаба инновации, уровня разработанности идеи, интереса потенциального предпринимателя, Департамент предлагает следующие возможности для инноваторов, желающих заняться бизнесом: Технологическое лицензирование для

предпринимательской деятельности. Технология (продукт, готовый для вывода на рынок через масштабное производство и маркетинг), разработанная инноватором может быть передана предпринимателю (эксклюзивно или не эксклюзивно для определенной территории – от округа до всей Индии).

1) Привлечение предпринимателя на ранней стадии. Предприниматель привлекается на стадии существования идеи и прототипа для превращения его в коммерческий продукт;

2) Лицензирование идеи. Технологическая идея лицензируется, предприниматель берет на себя все расходы и риски по дальнейшей разработке и коммерциализации продукта.

3) Инноватор становится предпринимателем. Для этих целей Фонд предоставляет кураторскую и финансовую поддержку инноватору по развитию массового производства продукта и его маркетинга.

4) Во всех перечисленных схемах Фонд может привлекать поддержку Фонда микровенчурных инноваций (Micro Venture Innovation Fund, MVIF).

5) Приобретение прав на технологии через Фонд приобретения технологий. НИФ может приобрести низовую технологию, уплатив инноватору определенную сумму, а затем через свои коммерческие или некоммерческие каналы продвинуть ее и распространить (превратив, к примеру, в открытую технологию – то есть бесплатно доступную всем для обеспечения общественного блага).

И это только основные схемы работы, которые могут меняться, дополняться в зависимости от возникающих задач.

На сайте НИФ представлена довольно подробная информация по проектам с указанием в какой стадии каждый из них находится.

Картина не будет полной без рассмотрения деятельности Фонда микровенчурных инноваций (MVIF, Micro Venture Innovation Fund).

Низовые инновации имеют свою специфику – они не имеют финансовых гарантий и обеспечения. Они разрабатываются в основном для заполнения технологических пробелов между тем, что есть и тем, что необходимо. Большинство инноваторов не имеют

возможности масштабировать свою продукцию или провести должный маркетинг. Займы также в общем не доступны для инноваторов, поскольку требуют обеспечения и гарантий.

Венчурные компании же не заинтересованы в таких инноваторах, поскольку степень риска очень высока, особенно без подробной документации.

Осознав все эти факты, в октябре 2003 НИФ при поддержке SIDBI (Банк Индии по развитию малых предприятий) создал Фонд микровенчуров и инноваций размером 40 млн рупий (примерно 1 миллион долларов США).

Уникальность MVIF и НИФ в том, что это первые в мире организации, предоставляющие финансовую помощь низовым инноваторам по одной подписи на простом рамочном соглашении без каких-либо гарантий и поручителей. Эти фонды финансируют в исключительно рисковые инновации, для которых рынка либо еще не существует, либо он сильно ограничен. Одним из основных критериев отбора проектов на финансирование – их социальная ценность и социальное благо.

Финансирование возможно как напрямую, так и через региональные инкубаторы типа GIAN и ее отделений.

В целом процесс кредитования проходит следующим образом. Команда Департамента бизнес развития НИФ проводит начальное рыночное исследование, составляет инвестиционный план и предложение, все это представляется на рассмотрение Управляющего комитета Фонда (УКФ). УКФ оценивает и дает рекомендации по размеру кредита. Капитал выдается с определенным периодом моратория на выплаты. От инноватора нужна лишь подпись. УКФ также дает команде Департамента бизнес-развития рекомендации по мониторингу проекта, стратегии коммерциализации и определяет среднесрочные корректировки при необходимости.

Всего за время работы было поддержано 179 проекта на сумму 34 млн 300 тыс. с выплаченными суммами 29 млн 600 тыс. рупий. [Национальный инновационный фонд 2012].

Таким образом, по инициативе «снизу» была фактически создана самостоятельная работоспособная система для полного цикла обслуживания низовых инноваций: поиск идей (скаутинг), инкубирование, обеспечение добавленной стоимости, патентование, привлечение венчурного финансирования, помощь в развитии предпринимательства (техно-предпринимательства).

Ее реализация основана на взаимодействии все тех же составляющих инновационной системы (власть, бизнес и научно-образовательный комплекс), но изменены акценты: в основе взаимодействия – социально-экономическое развитие, а не извлечение прибыли, движущая сила развития – стремление ученых, академических кругов. И что немаловажно, созданная модель масштабируемая в рамках всей страны.

Гуджарат – действительно «двигатель роста» Индии, и прежде всего роста низовых инноваций.

Пример инновационного развития Гуджарата, его специфика показали, что при выработке и осуществлении программ и мер по развитию высокотехнологических и инновационных отраслей необходимо исходить из существующих актуальных потребностей региона, а не из общих тенденций по стране (как это произошло с области ИТ). Необходимо определение своей региональной инновационной политики.

Это позволит значительно более эффективно использовать ресурсы и решать насущные проблемы региона за счет применения и развития инноваций в тех сферах, где они больше всего нужны.

Библиография

Анил Гупта 2012 – Anil Gupta, *India's hidden hotbeds of invention* // TED official web-site http://www.ted.com/talks/lang/en/anil_gupta_india_s_hidden_hotbeds_of_invention.html, 5.06.2012.

Атану Чакраборти 2012 – Atanu Chakraborty, *Some Issues in Enhancing Deal-Flow in PPP* // Collaboratory for Research on Global Projects of Stanford University <http://crgp.stanford.edu/events/presentations/India/Gujarat%20PPP.pdf>, 5.06.2012.

Венчурная компания Гуджарата 2012 – *Startup Funds of Gujarat* // Official web-site of Gujarat Venture Limited <http://www.gvfl.com/startupfunds.html>, 5.06.2012.

Департамент по науке и технологиям Гуджарата 2012 – *Budget for biotechnology of Gujarat State Biotechnology Mission* // Web-site of Gujarat State Biotechnology Mission <http://btm.gujarat.gov.in/btm/budget.htm>, 5.06.2012.

Комиссариат высшего образования 2012 – *List Of Universities, Institutions Of National Importance, Research Institutes* // Department of higher education of Gujarat <http://gujarat-education.gov.in/higher/universities/index.htm>, 5.06.2012.

Конституция Индии 2012 – *Constitution of India, Part XI* // Official web-site of Government of India http://www.india.gov.in/govt/constitutions_india.php?id=2, 5.06.2012.

Национальный научный обзор 2004 – *India Science report of Indian National Science Academy* // Official web-site of Indian National Science Academy www.insaindia.org/India%20Science%20report-Main.pdf, .06.2012.

Национальный инновационный фонд Индии 2012 – *MVIF assistance to the projects sanctioned since 2003* // Official web-site of National Innovation Fund of India http://www.nif.org.in/mvif_bd, 5.06.2012.

Отчет по науке и технологиям Индии 2011/2012 – *India Science&Technology Report 2011/2012* // Official web-site of National Institute of Science, Technology and Development Studies http://www.nistads.res.in/index.php?option=com_content&task=view&id=234&Itemid=123, 5.06.2012.

ОЭЗ Гуджарата 2012 – *Vibrant Gujarat 2012, SEZ* // Vibrant Gujarat web-site <http://www.vibrantgujarat.com/special-economic-zones.htm>, 5.06.2012.

Перепись населения Гуджарата 2011 – *Gujarat Population Census data 2011* // India Population Census <http://www.census2011.co.in/census/state/gujarat.html>, 5.06.2012.

Промышленность Гуджарата 2011 – *Industries in Gujarat 2011* // Industries Commissionerte of Government of Gujarat web-site, http://ic.gujarat.gov.in/?page_id=117, 5.06.2012.

Политика в области инфомрационных технологий 2012 – *IT Policy of Gujarat* // Official Gujarat State Portal <http://www.gujaratindia.com/business/it-policy2006-2011.htm>, 5.06.2012.

Социально-экономический обзор 2010/2011 – *Socio-Economic Review 2010 – 2011* // Official Gujarat State Portal <http://www.gujaratindia.com/state-profile/socio-eco-review.htm>, 5.06.2012.

Статистика Гуджарата 2009/10 – *Key Statistics of Gujarat State 2009-10* // Directorate of Economics and Statistics of Government of Gujarat <http://gujecostat.gujarat.gov.in/default.asp>, 5.06.2012.

Экспорт ОЭЗ 2012 – *Exports from SEZs approved in Gujarat* // Special Economic Zones of India http://www.kasez.com/zonal_reports/short_exim_report.pdf, 31.07.2012.

Экономика Гуджарата 2012 – *Performance of Gujarat economy: an analysis of growth and instability* // Munich Personal RePEc Archive http://mpra.ub.uni-muenchen.de/35712/1/MPRA_paper_35712.pdf, 5.06.2012.

Фармацевтика и биотехнологии Гуджарата 2012 – *Vibrant Gujarat 2012, Pharma and BT* // Vibrant Gujarat web-site <http://www.vibrantgujarat.com/pharmaceutical-biotechnology.htm>, 5.06.2012.

Сеть низовых инноваций...2012 – *Gujarat Grassroot Innovations Augmentation Network* // Official web-site of GIAN WEST <http://west.gian.org>, 5.06.2012.

Общество исследования...2012 – *Society for Research and Initiatives for Sustainable Technologies and Institutions* // SRISTI official web-site <http://sristi.org>, 5.06.2012.

The Economic Times 10.01.2011 – *Vibrant Gujarat 2011: Assocham to sign 5 MoUs* // The Economic Times http://articles.economictimes.indiatimes.com/2011-01-10/news/28432245_1_skill-development-mous-vibrant-gujarat, 5.06.2012.

ИНДИЯ: СОСЕДИ, ПАРТНЕРЫ, СОПЕРНИКИ

Ф.Н. Юрлов*

ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Кардинальное изменение международной обстановки после окончания «холодной войны» не могло не повлиять на перемены и в индийской внешней политике. Распад Советского Союза и последующие за этим фундаментальные перемены в соотношении сил на мировой арене потребовали от Индии новых подходов к оценке ее безопасности. Она весьма гибко приспосабливается к изменениям в мире, исходя из своих национальных интересов.

В условиях начавшегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса особое значение приобрели отношения между Индией, Китаем и Америкой.

Сейчас развитые страны Запада, в первую очередь США, все больше обращают свои взоры на Восток, в основном в сторону Индии и Китая, которые могут существенно помочь глобальной экономике восстановить утраченные позиции. Тем более, что роль этих стран растет. Об этом, например, свидетельствует заявление Китая и Индии в июне 2012 г. об их готовности внести значительный вклад в Международный валютный фонд с целью преодоления кризиса в зоне евро (Китай – 43 млрд долл., Индия – 10 млрд долл.) [Шарма, Девис 2012].

Можно сказать, что продолжавшаяся последние годы дискуссия о переменах в соотношении экономических сил в мире – между Западом и Востоком – по существу завершилась признанием того, что экономическая власть перемещается на Восток. Прежний мировой порядок, в котором доминировали США и Европа, уступает новому порядку, в котором начинают преобладать незападные страны. Все больше ученых (и меньше политиков) приходят к

* Институт востоковедения РАН

мысли, что преимущество США и Запада уходит в прошлое. И западным странам все труднее отстаивать прежнюю систему международных финансовых и экономических отношений [Айкенберри 2011].

Несомненным фактом является то, что быстро растущие страны – Индия, Китай, а Бразилия и другие развивающиеся страны представляют собой иной, нежели Запад, набор цивилизационно-культурных, экономических и политических ценностей. Некоторые из них до сих пор смотрят на мир через историческую призму своего антиимпериалистического и антиколониального прошлого. Они иначе относятся к проблемам западного общества, которое охвачено кризисом, начавшимся в США и распространившимся на другие страны. Сейчас поставлена под сомнение американская модель либерального капитализма, в том числе уверенность в справедливости рыночной экономики. Особенно с учетом масштабных социальных проблем, стоящих перед Индией, Китаем, а также другими азиатскими, латиноамериканскими и африканскими странами. Они все более определенно ставят вопрос о пересмотре в пользу развивающихся стран финансово-экономической системы, которая отражает лидерство США и Запада.

Так, на состоявшемся в Дели в марте 2012 г. саммите БРИКС главы Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки обвинили богатые страны в том, что их политика дестабилизировала мировую экономику и вызвала финансовый кризис. На саммите говорилось и о том, что монетарная политика Запада дает огромные преимущества развитым странам и создает препятствия для развивающихся государств. Члены БРИКС потребовали пересмотра в их пользу доли голосов в Международном валютном фонде, поскольку роль стран БРИКС в мировой экономике растет. Они заявили о необходимости создания банка развития с целью облегчить доступ бедным государствам к источникам финансирования [The Hindu, 29.03.2012; 10.04.2012].

По оценке МВФ, в 2011 г. Китай и Индия заняли 2-е и 3-е место по объему ВВП после США (по паритету покупательной способности – ППП). Соответственно: США – 15094 млрд долл., Китай –

11300 млрд долл., Индия – 4458 млрд долларов, Япония – 4400 млрд долларов, Германия – 3099 млрд долл., и т.д. Мировая экономика выросла по сравнению с предыдущим годом на 3,9% и составила в 2011 г. 78897 млрд долл. Экономики Китая, Индии и США за тот же год увеличились соответственно на 9,2%, 7,2% и 1,7%, в Японии экономика сократилась до минус 0,7%, а в Германии выросла на 3,1%. В десятку крупнейших экономик, помимо указанных пяти, в 2011 г. вошли также Россия (рост 4,3%), Бразилия (2,7%), Великобритания (0,7%), Франция (1,7%), Италия (0,4%) [Перспективы развития мировой экономики 2012].

В 2012 г. мировая экономика вырастет по сравнению с предыдущим годом на 3,5%. В развитых странах рост составит около 1,5%, из них в США 2,1%, в Японии 2%, в Европейском союзе – 0%. В то же время рост экономик развивающихся стран прогнозируется на уровне 5,5%, из них в Китае – 8,2%, в Индии – 7,2% [Там же; Редди 2012].

Уже через пять лет ситуация в мировой экономике может существенно измениться в пользу развивающихся стран, в первую очередь, Китая и Индии. По прогнозам МВФ, в 2017 г. экономика Китая составит 20336,1 млрд долл. (по ППП), США – 19704,6 млрд долл., Индии – 7574,5 млрд долл., Японии – 5324,6 млрд долл. [Перспективы развития мировой экономики 2012].

В целом можно сказать, что в мире постепенно складывается новая экономическая система, в которой все большее место занимают крупные растущие страны, такие как Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика, Турция и другие.

Означает ли это, что весь сложившийся после Второй мировой войны международный порядок будет кардинально пересмотрен? Нельзя не учитывать, что Запад во главе с США еще обладает большой силой и влиянием, чтобы воспрепятствовать радикальным изменениям на этом направлении. Кроме того, рост новых экономик сам по себе связан с уже сложившимся мировым порядком. Эти экономики пока еще не представляют собой прочного единства, которое позволило бы им более решительно продвигать свои идеи. До сих пор остается неясной внешнеполитическая ори-

ентация растущих стран, в том числе Индии, которые, похоже, еще не определились, какое место они должны занимать в этом быстро меняющемся мире.

Вместе с тем очевидно и то, что в условиях нынешних глобальных перемен и затяжного кризиса, расстановка сил на мировой арене меняется и может быть подвержена глубоким изменениям уже в обозримом будущем.

Главный приоритет Индии – внутренние преобразования

На внешнюю политику Индии не может не влиять внутреннее состояние страны – ее экономики, социальных сфер, демографии, экологии и т.п. Огромные людские ресурсы Индии сами по себе представляют важный фактор международной жизни. Тем более, что Индия – молодая страна: люди в возрасте до 35 лет составляют более 50% всего населения. Однако реализация на деле этого «дивиденда» весьма непростое дело. Во-первых, необходимо обеспечить работой более 18 млн человек, ежегодно появляющихся на рынке труда. Во-вторых, для того чтобы превратить этот «дивиденд» в преимущество перед стареющими странами (Китай, Япония, Южная Корея, большинство стран ЕС), нужно дать этим индийцам образование, а это очень непросто в стране, где более четверти населения неграмотны.

И еще один сложный вопрос, который является тормозом развития Индии. Это колоссальная бедность. 455 млн человек находятся за пределами абсолютной нищеты. Их доход составляет менее 1,25 доллара в день. И это при том, что в руках 48 индийских олигархов сосредоточены активы общей стоимостью 195 млрд долл. [The Hindustan Times, 09.03.2012]. По данным Всемирного банка, в 2008 г., накануне кризиса, число людей, живущих менее чем на 1,25 доллара в день (в ценах 2005 г.) составило во всем мире 1385 млн человек. По сравнению с 2005 г. число бедных в абсолютных цифрах выросло на 111 млн. Однако с учетом роста населения во всех странах доля бедных значительно сократилась. Большая заслуга в этом принадлежит Китаю. С 1981 г. по 2008 г. он вывел из бедности 660 млн человек. В настоящее время

в Китае насчитывается около 150 млн бедняков [The Economist, 03.03.2012; Айар 2008; Датт, Равальон 2012].

В таких условиях экономический рост и глобальная интеграция сравнительно небольшой элитной группы вряд ли могут создать достаточную занятость, чтобы обеспечить в полной мере работой 1,2 млрд человек. «Опыт говорит об обратной тенденции,— пишет индийский ученый Мехта, — об увеличении числа бедных и усилении отчуждения бедных от ориентированной на экономический рост глобальной экономики» [Мехта 1995].

Более того, западные страны заинтересованы, особенно в условиях кризиса, в создании рабочих мест именно у себя, а не в развивающихся странах. Так, в ходе визита в Индию в 2010 г. президент США Барак Обама поставил своей задачей продвижение американских товаров на индийский рынок для создания дополнительных рабочих мест в Америке. Подписанные в ходе визита соглашения должны были обеспечить 53,7 тыс. рабочих мест в США [Информационный бюллетень 2010].

И это в то время, когда в Индии катастрофически не хватает рабочих мест. Безработица растет, занятость — на очень низком уровне. Самая значительная программа по гарантированной занятости на селе предусматривает предоставление одного рабочего места на одно хозяйство всего на 100 рабочих дней в год с оплатой в 80 рупий в день (около 1,5 доллара) (The Mahatma Gandhi National Rural Employment Guarantee Act). В 2011–2012 ф.г. этой программой было охвачено около 50 млн человек.

Не случайно, что планы правительства Индии по внедрению в розничную торговую сеть страны крупных западных торговых корпораций встретили жесткое сопротивление населения, так как это могло бы привести к потерям десятков миллионов рабочих мест в мелкой торговле и обслуживании, что усилило бы социальную напряженность.

Известно, что Индия добилась немалых успехов в развитии информационных технологий. В 2011 г. объем продаж программного обеспечения составил более 70 млрд долларов. Индия планирует и дальше наращивать эти возможности. Действительно, вплоть до

последнего времени она была одним из самых быстро растущих глобальных рынков в информационной сфере, в том числе в электронике. Этому способствует то, что Индия является 3-ей страной в мире после США и Китая по наличию научных и технических кадров. Она ставит перед собой масштабную задачу обеспечить компьютерами 100 тыс. школ, провести цифровое телевидение в 70 млн хозяйств и т.п. [The Economist, 02–8.07.2011].

Однако эти масштабные планы наталкиваются на серьезные внутренние ограничения, связанные с бедностью и неграмотностью значительной части населения и отсутствием соответствующей инфраструктуры. Не случайно, что по развитию информационных и коммуникационных технологий Индия опустилась с 42-го места в мире в 2010 г. на 48-е в 2011 г. В то же время Китай поднялся с 51-го места на 36-е. Одна из главных причин торможения и даже отката в развитии этих технологий состоит в том, что Индия занимает всего лишь 117-ое место в мире по их индивидуальному использованию [The Hindu, 08.04.2012].

Не зря многие индийцы считают, что главной задачей страны в обозримом будущем является улучшение жизни огромного числа населения. Это и есть самый важный приоритет индийской внутренней и внешней политики. На этом пути Индия добилась определенных успехов. Вместе с тем ей предстоит еще много сделать, прежде чем она достигнет этой цели. Для этого может потребоваться еще несколько десятилетий экономического роста в 9–10% в год.

Из этого вытекают практические задачи. Индия прежде всего нуждается в мирной периферии вокруг нее и в азиатском регионе. Индия нуждается в ресурсах для своего развития, которых ей не хватает. Это нефть, качественный уголь, удобрения, цветные металлы, высокие технологии. Отсюда необходимость сотрудничества не только с развитыми, но и с другими странами, что уже предпринимается в отношении Африки, ЮВА и Западной Азии. Центральная Азия также может быть важной для Индии с точки зрения получения ресурсов.

По мнению ряда индийских политиков и дипломатов, Индия должна уделять основное внимание положению в стране. Так, профессиональный дипломат в трех поколениях, советник премьер-министра по национальной безопасности Шившанкар Менон считает, что прежде всего она должна решать важнейшие внутренние проблемы. Что касается внешней политики, то он полагает, что Индия является своеобразной державой-мостом между другими странами (swing state). Она будет вносить свой вклад в рамках ее возможностей в разрешение тех глобальных проблем, которые особенно важны для ее существования, например, свобода плавания на морях, прежде всего, в Индийском океане [Менон 2011].

Новая внешнеполитическая ориентация Индии

В своей внешней политике Индия, по существу придерживается прагматической линии с учетом конкретной международной обстановки. Как отмечает индийский политолог и член Индийского консультативного совета по национальной безопасности Раджа Мохан, такой подход имеет исторические корни. В великом индийском эпосе «Махабхарата», пишет он в книге «Невероятные союзники. Ядерная Индия, Соединенные Штаты и глобальный порядок», говорится о битве двух родов и их сторонников – пандавов и кауравов. После битвы один из героев «Махабхараты» Бхishма сказал: «Не существует вечного, постоянного понятия о друзьях и врагах. Дружба и вражда связаны с интересами и выгодой. Дружба может с течением времени обернуться враждой. А враг также может стать другом. Друзья и враги создаются силой обстоятельств». И тут же Раджа Мохан заявляет: «Нет свидетельств, которые заставили бы усомниться, что этот урок был забыт индийским государством» [Мохан 2006: 283]. Нам остается только судить, насколько эта оценка применима в нынешнем мире. Но очевидно следующее: сегодня нельзя принимать за данность то, что было вчера (в историческом плане), и на этом строить свою политику.

Индийская внешняя политика всегда характеризовалась прагматизмом, реалистичной оценкой происходящих событий в мире,

глобальным охватом основных экономических и политических проблем, стоящих перед мировым сообществом. Складывающаяся новая структура власти и влияния в мире в XXI в. вынуждает развивающиеся страны, в том числе Индию, приспосабливаться к новым условиям, новому соотношению сил. Если раньше они имели возможность использовать в своих интересах соперничество сверхдержав за контроль в мировых делах, то в новой обстановке эти страны оказались перед необходимостью коренного пересмотра многих своих внешнеполитических приоритетов.

Индийцы реагировали на то, что в конце XX – начале XXI в. происходило активное наращивание усилий Запада во главе с США по подчинению своему контролю (политическому, экономическому и военно-стратегическому) тех регионов, которые входили в зону жизненных интересов СССР, то есть Восточной Европы, Закавказья, Центральной Азии.

В своей внешней политике Индия учитывает расширение НАТО на Восток (в страны Прибалтики, Чехию, Венгрию, Польшу), готовность этих стран размещать у себя натовские войска и вооружения, подготовку к вступлению в НАТО Болгарии, Румынии, а также Украины и Грузии. Не остается незамеченной линия Запада во главе с США на ослабление России, ее политическую и экономическую изоляцию.

С конца XX в. Индия прошла нелегкий путь адаптации к изменившимся условиям в мире, поиска своего места, соответствующего потенциалу миллиардной страны. Она приняла изменившийся мир со всеми его сложностями и активно использует появившиеся новые возможности для укрепления своих экономических и политических позиций.

Радикальные перемены в отношениях между Индией и США

После распада СССР в Индии началась переоценка ее отношений с США. Процесс сближения обеих стран растянулся на целое десятилетие. Первые заметные подвижки в индийско-американских отношениях произошли во время визита президента США

Билла Клинтона в Индию в марте 2000 г., который открыл новую страницу в отношениях между обеими странами.

Линия на взаимодействие Индии с США была энергично продолжена правительством Национального демократического альянса во главе с А.Б. Ваджапи и администрацией Джорджа Буша-младшего. Еще во время первой предвыборной президентской кампании в 2001 г. Дж. Буш говорил об Индии как о «важной, но несправедливо забытой» стране, что в течение многих лет Америка была основным торговым партнером Индии, но ей не хватало более тесного взаимодействия с Индией в политической сфере.

Индия с ее быстро растущей экономикой представляет собой огромный рынок для США, в том числе и в области гражданской ядерной энергетики. В июле 2005 г. премьер-министр Индии Манмохан Сингх и президент США Джордж Буш подписали в Вашингтоне соглашение о сотрудничестве в этой сфере. Этим закладывался фундамент для партнерства между обеими странами и в других областях.

Очередным важным шагом на пути развития стратегического сотрудничества между Индией и США стал визит премьер-министра Индии М. Сингха в эту страну в 2009 г. В ходе визита обе стороны заявили, что начинают новую фазу в их глобальном стратегическом партнерстве, что общность идеалов и дополняющая друг друга мощь Индии и США составляют основу для противостояния вызовам XXI в. Индийско-американское партнерство является неотъемлемой частью усилий по сохранению мира и безопасности. США заявили, что они рассчитывают на то, что стабильная и процветающая Индия будет играть все возрастающую роль в мировых делах. Отношения между Индией и Америкой ускоренно развивались. С 2002 г. по 2010 г. торговый оборот между обеими странами вырос с 30 млрд до 66 млрд долл. Увеличился объем взаимных инвестиций [Фейгенбаум 2010].

Встав на путь динамичного развития отношений с Америкой, индийцы настойчиво подчеркивали равноправный характер этих отношений. Чувство патриотизма со времени борьбы за нацио-

нальное освобождение никогда не оставляло их. В этой связи характерен следующий эпизод.

В июле 2012 г. президент США Барак Обама в интервью индийскому информационному агентству Press Trust of India затронул ряд аспектов торгово-экономических отношений между Америкой и Индией. Он в целом высоко отозвался о характере этих отношений и о состоянии индийской экономики. Вместе с тем Обама отметил, что американское деловое сообщество, «одно из великих защитников американо-индийского партнерства», выражает озабоченность ухудшением инвестиционного климата в Индии. «Оно говорит нам, – сказал он, – что до сих пор еще очень трудно инвестировать в Индию. Во многих секторах, таких как розничная торговля, Индия ограничивает или запрещает иностранные инвестиции, которые необходимы для создания рабочих мест в обеих странах, и для того, чтобы Индия продолжала расти». Обама также заявил: «Поскольку Индия проводит трудные, но необходимые реформы, она будет оставаться партнером США» [The Hindu, 15.07.2012].

Реагируя на заявление Обамы, министр по кооперативным делам правительства Индии В. Мойли сказал, что президент США «не был правильно информирован о состоянии дел, тем более, что экономический фундамент Индии является крепким». Такое представление об ухудшающемся инвестиционном климате в Индии базируется не на экономических параметрах, а на представлениях некоторых лиц, предпринимателей и инвесторов. Мойли подчеркнул, что в Индии нет кризиса, «в то время как США и другие страны оказались перед его лицом не однажды, а дважды – в 2008 и 2010 гг.». Мойли также отметил, что за последнее десятилетие в Индии был зарегистрирован рост от 8% до 9,5%. «И если бы не экономический кризис в США и Европе, страна, безусловно, преодолела бы отметку в 10,5%» [The Hindu. 16.07.2012].

В связи с этим же интервью Обамы министр торговли и промышленности правительства Индии А. Шарма заявил, что вопросы формирования политики и принятия решений являются суверенным правом Индии. Она представляет собой одну из самых при-

влекательных стран для иностранных инвесторов. В 2011 г. Индия получила инвестиции на сумму более 50 млрд долларов – на 34–35% больше, чем в предыдущие годы. Решения об инвестировании принимаются правительством после широких консультаций и в определенное время, что должно отвечать высшим национальным интересам [The Hindu, 16.07.2012].

Один из лидеров основной оппозиционной партии Бхаратия джаната парти Яшвант Синха заявил в связи с интервью Обамы: «Если г-н Обама хочет осуществить прямые финансовые инвестиции в розничный сектор, а Индия не хочет, то этого не будет только потому, что он требует этого». Вице-президент этой же партии Мухтар Аббас Накви сказал на эту же тему следующее: «Эта страна (США) выдает нам сертификат о состоянии нашей экономики и инвестирования, в то время как сама сталкивается с экономическими проблемами. Это выглядит смешно. Мы сами должны обеспечить наши национальные интересы».

Ряд других крупных политических партий также выступили с критикой заявления президента США. В частности, отмечалось, что внедрение в розничную торговлю Индии таких американских торговых гигантов, как Walmart, может нанести ущерб 40 млн человек, занятых в этом секторе [Там же].

Индийско-американские отношения и проблемы безопасности

После «холодной войны» большинство развивающихся стран сосредоточивали свои главные усилия на внутренних социально-экономических вопросах. Это в полной мере относилось к Индии и другим странам, которые, по разным причинам, нуждались в десятилетиях мирного развития, чтобы решить свои масштабные проблемы. Однако в мировой политике на смену прежнему противостоянию капитализма и социализма советского типа пришли новые линии конфронтации, острые и кровавые конфликты и войны, которые стали фактом реальной действительности.

Агрессия НАТО во главе с США в Югославии в 1999 г. выявила, что развивающиеся государства, не могли безразлично относиться

к тому, что происходило в мире, даже в отдаленных от них регионах. Индия осудила использование США и их союзниками силы против суверенного государства как противоречащее Хартии ООН и международным правовым нормам. По мнению тогдашнего премьер-министра А.Б. Ваджпаи, натовские бомбежки Югославии подтвердили правильность ядерного выбора Индии в 1998 г., когда она взорвала ядерные устройства [The Times of India, 29.03.1999].

Проблема ядерной безопасности была тем более важна, что в 1999 г. Сенат США отказался ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. И в том же году американская администрация заявила о намерении создать национальную противоракетную оборону (НПРО) вместо Договора 1972 г. по противоракетной обороне (ПРО). Такая позиция США вызвала возражения России, поскольку это вело к принципиальному изменению баланса сил.

Индия, в свою очередь, считала, что все соглашения по контролю над вооружениями должны выполняться в полной мере для укрепления стабильности в мире. Действия, связанные с возможностью нарушения договора по ПРО, «воспринимаются нами как непоследовательные в контексте существующих соглашений», заявил министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх накануне визита в Москву в 2000 г. Они «могут ограничить перспективы дальнейшего ядерного разоружения, ослабить режим нераспространения и подтолкнуть ядерные державы к пересмотру их планов по модернизации стратегических вооружений» (цит. по [Рамачандран 2000]).

Однако уже в 2001 г. после выхода США из договора по ПРО индийцы изменили свою позицию по этому вопросу. Правительство Индии поддержало эту инициативу США как отход от норм «холодной войны» «на основе сотрудничества, а не конфронтации». Индия заявила, что «существует стратегическая и технологическая неизбежность в переходе от мира, который является заложником доктрины взаимно гарантированного уничтожения, к миру, основанному на сотрудничестве, к оборонному переходному

му периоду, в котором будет происходить дальнейшее сокращение оружия и снятие с боевого дежурства ядерных ракет» [The Hindu, 12.05.2001]. Последнее положение вошло в определенное противоречие с прежними заявлениями Индии о том, что в мире не происходит кардинального сокращения ядерных вооружений, что и подтолкнуло ее к проведению ядерных испытаний в 1998 г. Вместе с тем в самой Индии ряд политических партий, в их числе Индийский национальный конгресс, выступили тогда против планов США по созданию ПРО, считая, что они могут негативно повлиять на перспективы ядерного разоружения [The Deccan Herald, 18.05.2001].

В начале XXI в. существенно возросла активность США и других западных держав в Индии, Китае и других азиатских странах. При этом во всех сценариях развития мировой политики Америка отводила Китаю ведущее место, учитывая его динамично растущий экономический потенциал и быстро развивающийся рынок. Об этом, в частности, свидетельствовало принятое Конгрессом США в 2000 г. решение о предоставлении КНР режима наибольшего благоприятствования.

Индия и политика США в отношении Китая

Несмотря на активное развитие отношений между Индией и Америкой, в них оставались сложные проблемы, связанные с политикой США в отношении КНР, а также с Пакистана.

Обеспокоенность Индии по вопросу об отношениях между Америкой и Китаем была вызвана тем, что усиление роли КНР в Азии и мире могло бы привести к тому, что Вашингтон создал бы с ним «кондоминиум» (G-2). В результате Индия осталась бы в стороне от решения даже таких вопросов, которые непосредственно затрагивают ее территориальную целостность. Речь шла о претензиях Китая на индийские территории, в том числе штат Аруначал-Прадеш. В этой связи индийцы задавались таким вопросом: действительно США хотят, чтобы Индия играла роль «балансирующей» силы в Азии, или она является для Америки лишь условным, малозначимым приоритетом. В более конкретном плане этот во-

прос звучал таким образом: будут ли США готовы помочь Индии в случае усложнения ситуации на индийско-китайской границе? При этом следовало учитывать, что с точки зрения безопасности Индия рассматривает Китай как первостепенный приоритет, в то время как Китай не относит Индию к числу таких направлений в вопросах его безопасности [Там же].

Более широкий подход к индийско-американским отношениям состоит в том, насколько общие интересы обеих стран могут взаимно дополнять друг друга в выработке стратегической линии в мировом масштабе. Похоже, что у индийцев, как и у американцев, пока еще нет убедительного ответа на этот вопрос.

Характерно, что в одном из своих выступлении в парламенте премьер-министр Манмохан Сингх подчеркнул, что Индия учитывает сложности в развитии все более взаимозависимого и многополярного мира. В то время как она признает тот факт, что США являются преобладающей силой в мире, и хорошие отношения Индии с ними отвечают ее национальным интересам, это ни в коей мере не отражается на ее оценке общей ситуации. Существует много сфер сотрудничества с США, но в то же время есть немало областей, в которых у Индии имеются различия с Америкой, и она не боится говорить ей об этом, в том числе и публично. Индия не позволит ни одной другой стране, включая США, оказывать влияние на ее политику, говорил премьер-министр Индии. Во время визита в США в 2005 г. он заявил, что интервенция США в Ираке была ошибкой, и подтвердил это президенту Бушу во время его визита в Индию в марте 2006 г., сказав, что Индия не является сторонником смены режима в Ираке [Обсуждение в Парламенте 2006].

Манмохан Сингх также подчеркнул, что Индия не согласится с вмешательством каких-либо стран в развитие ее военной ядерной программы. Тем более она не допустит того, чтобы это стало условием для будущего ядерного сотрудничества между Индией и международным сообществом. Индия не была согласна и на мораторий на производство расщепляющихся материалов. Реагируя на законопроект США по вопросу о ядерном сотрудничестве с Ин-

дей, который предусматривал, что США будут иметь право прекратить это сотрудничество в случае, если Индия взорвет ядерное устройство, индийский премьер-министр сказал, что такое условие неприемлемо, хотя Индия в одностороннем порядке объявила о моратории на ядерные испытания. «Обладание ядерным оружием и его развитие является неотъемлемой частью нашей национальной безопасности», – подчеркнул он [The Hindu, 01.10.2006].

Часть политического класса в Индии считала, что индийско-американское соглашение в ядерной сфере служило цели противопоставить Индию Китаю. Но официальный Вашингтон отвергал эту идею. США заявляли, что случай с Индией является «уникальным», поскольку она охраняла свою ядерную технологию и не распространяла ее в других странах. Более того, соглашение с Индией укрепляло связи США с этой демократической азиатской державой. При этом американские официальные лица говорили, что Китай является «важным другом» США. Помощник госсекретаря США по политическим вопросам Бэрнс (главный переговорщик с Индией по ядерному соглашению) отметил, что у Америки и Китая есть ряд вопросов, которые «разделяют их. Но в целом направление верное». А теперь «впервые с 1947 г. мы имеем отличные отношения с Индией» [The Deccan Chronicle, 19.12.2006]. Между тем Китай негативно отнесся к индийско-американскому ядерному соглашению, а Пакистан осудил это соглашение [Ган, Дас 2000].

Политика Америки в отношении Пакистана вызывала возражения у многих индийских аналитиков, особенно в связи с тем, что часть влиятельных американских политических и общественных деятелей настаивала на том, чтобы Индия шла на уступки Пакистану. В том числе и по кашмирскому вопросу, в надежде, что в этом случае Пакистан передислоцирует войска с его восточной границы и сосредоточит их на борьбе с талибаном в Афганистане, который является одной из ключевых для Индии стран в ее ближайшей периферии. Индия придает большое значение тому, что происходит в этой стране [Там же]. Она стремится развивать от-

ношения с США на этом направлении. Однако пока прорыва в этой связи не наблюдается [Менон 2011].

Проблемы в отношениях между Индией и Китаем

Большую роль во внешней политике Индии играют ее отношения с Китаем, который наращивает мощь и влияние. По мнению Шившанкара Менона, подъем Китая происходит на фоне утраты Западом воли и экономической уверенности. За последние 30 лет произошел феноменальный рост экономики Китая – почти в 10 раз. Уже сейчас он превратился из получателя прямых иностранных инвестиций в мощного инвестора. Все это порождает беспокойство в Индии – превратится ли быстро растущий Китай в гегемона в Азии, или станет одним из крупных государств в мировой экономике? Будет ли он перестраивать мировые структуры под себя, как это сделали США после Второй мировой войны? Или будет полагаться на существующую систему безопасности и другие структуры, которые до сих пор успешно служили его росту? На эти вопросы нет однозначных ответов – ни в Индии, ни в других странах [Там же].

Индия заинтересована в инклюзивном мировом порядке, в котором Китай был бы одним из крупных, но не доминирующих государств. Именно к этому она и стремится. Важные элементы сотрудничества с Китаем есть, например, в торговле, которая превысила 70 млрд долларов, а также в международных организациях и группировках, таких как БРИКС. Однако есть спорные вопросы. Главный из них – пограничная проблема. Но существуют и другие.

В ближайшей индийской периферии складывается непростая ситуация. С одной стороны, Индия стремится развивать сотрудничество с соседними странами. С другой, Китай активно укрепляет свои отношения с Шри-Ланкой, Бангладеш, Мьянмой и, традиционно, – с Пакистаном. Эти страны нередко разыгрывают как «китайскую», так и «индийскую карту». Индия возражает против того, чтобы какая-либо внешняя держава выступала в качестве балансирующей силы в Южной Азии, будь то в Кашмире или в зоне Индийского океана. Индийцы считают Индийский океан определяю-

щим элементом в политике страны, и более того, в исторической судьбе Индии.

Некоторые индийские эксперты полагают, что в восточной части Индийского океана Индия должна более динамично укреплять связи с Мьянмой, Индонезией, Сингапуром, а также с Вьетнамом, Южной Кореей и Австралией, что может потенциально составить своеобразное «бриллиантовое ожерелье» дружественных Индии стран. Однако при этом публично подчеркивается, что это не должно быть прикрытием для создания антикитайского альянса [The Hindu, 15.10.2011].

В последнее время, помимо пограничной проблемы, возник еще один возможный раздражитель в отношениях между Индией и Китаем. В октябре 2011 г. Индия и Вьетнам подписали соглашение о разведке на нефть и газ в Южно-Китайском море возле Парасельских островов и архипелага Спартли. Китай заявил, что этот проект является «серьезной провокацией», поскольку он считает Южно-Китайское море своей суверенной частью. Представитель МИД КНР предложил Индии воздержаться от разведки на нефть в этом регионе, чтобы обеспечить в нем мир и стабильность (У Китая здесь есть территориальные разногласия с такими странами, как Вьетнам, Филиппины и другими). На это министр иностранных дел Индии заявил, что Южно-Китайское море принадлежит всему миру. Торговые отношения должны быть свободными от вмешательства каких-либо стран [The Hindu, 15.09.2011; 06.04.2012].

В будущем может возникнуть новая проблема в индийско-китайских отношениях. Она связана с рекой Брахмапутрой. Дело в том, что Китай планирует работу по использованию вод этой реки на его территории, где она называется Цангпо. Индийцы проявляют озабоченность тем, что Китай уже в ближайшем будущем может произвести забор воды из Брахмапутры в ее верхнем течении. Речь идет о планируемом строительстве в восточном Тибете высотной плотины, а также ряда дамб на этой же реке, что может серьезно отразиться на водных ресурсах северо-восточной Индии. Эта проблема обсуждалась премьер-министрами Индии и Китая на полях 20-ки в Мексике в июне 2012 г. [Прачи 2011].

Улучшение отношений между Индией и Китаем во многом будет зависеть от того, будут ли обе державы и дальше развивать двусторонние связи, сотрудничать на международной арене и не допускать, чтобы одна сторона затрагивала коренные интересы другой. Это не простая задача. Она требует более глубоких взаимоотношений между Индией и Китаем и лучшего понимания действий и мотивов каждой из сторон.

Новая динамика в индийско-китайских отношениях

Развитие событий в последние годы свидетельствует о том, что в отношениях между Индией и Китаем наблюдается новая динамика, в том числе более широкое сотрудничество по двусторонним торгово-экономическим и глобальным вопросам. И заметно меньшее – по региональным проблемам. При этом Китай сегодня исходит из того, что общая экономическая и военная мощь Индии уступает китайской в три-четыре раза. Китай не рассматривает Индию как равную себе по экономическому развитию страну. В то же время оба азиатских гиганта оценивают себя как крупные развивающиеся страны или как растущие державы.

Некоторые китайские эксперты полагают, что глобальные амбиции Индии «вполне понятны», но не реалистичны. Индия еще не готова принять на себя ведущую глобальную роль. Так, в развитии ракетных технологий она отстает от Китая на 10 лет [Шаффер, Шаффер 2012]. Разрыв в развитии обеих стран продолжает расти, в том числе по доходу на душу населения. Хотя несколько десятилетий назад эти показатели были примерно равны. И сегодня желание Индии «поставить обе страны на одну доску» можно сравнить со стремлением ученика, получающего хорошие отметки, соперничать с круглым отличником, пишут американские исследователи Тересита и Ховард Шаффер [Там же].

Реальное соотношение экономических возможностей отражается, в частности, в том, что Китай является крупнейшим торговым партнером Индии, в то время как она занимает в торговле Китая лишь 10-е место. К тому же дефицит Индии в торговле с Китаем составляет 27 млрд долл. (2011 г.) [Кришнан 2012а].

В отличие от глобальных проблем, диалог Индии с Китаем по двусторонним и региональным вопросам сталкивается с немалыми затруднениями. Возникшая в 1960-е годы пограничная проблема, по мнению китайцев, не получила тогда своего решения из-за «чрезвычайной амбициозности» индийцев. Ее разрешение на основе фактов и представлений 50-летней давности вряд ли возможно. Нужны новые подходы с учетом нынешних условий, в том числе соотношения сил в регионе. Китай также не готов обсуждать с Индией проблемы его отношений с Пакистаном, в том числе в ядерной сфере.

Китай с подозрением относится к возможному усилению роли Индии в Юго-Восточной Азии, к ее политике «Смотри на Восток». Он фактически не допускает сколько-нибудь заметной роли Индии в Южно-Китайском море.

Непростые отношения между Индией и Китаем отражаются и на характере переговоров представителей обеих стран. Китайцы характеризуют их как «жесткие» с индийской стороны, хотя признают искусство индийских дипломатов и их знание Китая. В переговорах, которые идут на английском языке, индийцы имеют преимущество перед китайскими коллегами.

В многосторонних организациях и группировках, таких как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) Индия и Китай находят более широкое поле взаимодействия по глобальным и региональным вопросам. Так, на саммите ШОС в Пекине в июне 2012 г. Индия, которая имеет статус наблюдателя в этой группировке, выразила поддержку ряда инициатив членов этой группировки. Она поддержала их предложения, направленные на то, чтобы играть более активную роль в Афганистане, и выразила заинтересованность в тесной координации усилий с этой группировкой в борьбе с терроризмом. На саммите Индия объявила о своей готовности внести 2 млрд долл. в реконструкцию Афганистана. Министр иностранных дел Индии заявил, что его страна была бы рада играть более широкую и конструктивную роль в ШОС в качестве ее полноценного члена, когда эта организация решит вопрос о своем расширении. По его мнению, более широкая и пред-

ставительная ШОС сможет «эффективнее справляться с общими вызовами безопасности и развитию в нашем регионе» [Кришнан 2012б].

С другой стороны, Китай не проявляет заинтересованности в том, чтобы Индия стала полноправным членом ШОС. По вопросу о возможном включении Индии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН в случае его реорганизации, Китай также занимает сдержанную позицию, ограничиваясь общими заявлениями, что это могло бы быть полезным.

Со своей стороны, Индия, сотрудничая с Китаем, Россией и Бразилией в БРИКС, время от времени выступает с инициативами в рамках лишь «тройки» из этой организации – Индии, Бразилии и недавно принятой в БРИКС Южной Африки (которые принято считать демократическими), что вносит определенный дисбаланс в отношения всех стран БРИКС.

Китай выражает явное опасение в связи с сотрудничеством между Дели и Вашингтоном, полагая, что США поддерживают Индию в ее «нереалистических амбициях». КНР весьма негативно относится к заявлениям США о том, что они хотят помочь Индии стать «великой державой в XXI в.».

В свою очередь, Америка исходит из того, что Индия будет одной из держав, которая сформирует мир в нынешнем столетии, и что ее вклад в азиатскую безопасность будет весьма существенным. Американско-индийский диалог по проблемам Юго-Восточной Азии в последние два года стал заметной частью отношений двух стран в этом регионе.

Однако Китай далеко не положительно воспринимает глобальную роль Индии, а тем более ее активное участие в региональных делах Юго-Восточной Азии.

После того как Индия стала активно развивать отношения с США, она особенно внимательно следит за динамикой отношений между Америкой и Китаем. Хотя американское руководство и объявило о том, что США и Индия являются естественными партнерами, объединенными на основе демократических ценностей,

Америка, тем не менее, не собирается отказываться от сотрудничества с Китаем. В этой связи представляет интерес заявление президента США Барака Обамы об американо-китайских отношениях в январе 2012 г. Он высказался о Китае следующим образом: «Вот что мы пытаемся ясно сказать китайцам. Вы, ребята, уже выросли. Вы самая населенная страна на Земле, вы крупнейшая или вторая экономика в мире, в зависимости от того, как это измерять, и скоро, почти неизбежно, будете крупнейшей экономикой. Я думаю, – продолжил Обама, – что китайское правительство уважает нас, уважает то, что мы пытаемся делать, признает, что мы будем в течение долгого времени игроками в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Я думаю, что оно также признает, что мы никоим образом не мешаем им продолжать их исключительный экономический рост». Он также сказал, что было бы неверно говорить, что Америка проводит политику сдерживания Китая. «Там, где у нас есть серьезные разногласия, мы способны разрешать их, без того, чтобы они закручивались в дурную спираль» [Press Trust of India, 20.01.2012].

Двойственное отношение Америки к Индии и Китаю

В марте 2012 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон подтвердила и развила идеи Обамы о сотрудничестве с КНР. Она сказала, что в течение нескольких десятилетий Китай стал крупнейшей экономикой в мире. Сотни миллионов китайцев были подняты из нищеты и присоединились к глобальной экономике. Это имеет большое значение не только для Китая, но и всего мира. Преобразовался не только сам Китай, но и американо-китайские отношения. Сегодня связи, объединяющие обе страны, огромны и многообразны. Их экономики тесно взаимосвязаны. Так же, как и безопасность. У обеих стран общие угрозы, такие как ядерное распространение, пиратство, изменение климата. США и КНР нуждаются друг в друге, чтобы решить эти проблемы. США и Китай стали глубоко и необратимо взаимозависимыми.

США с Китаем создают проект, продолжала Клинтон, который является беспрецедентным в истории государств. Они строят мо-

дель устойчивого и взаимоприемлемого сотрудничества и соперничества между странами. Нет существенных противоречий между поддержкой США растущего Китая и продвижением американских интересов. Процветающий Китай является благом для Америки, а процветающая Америка – благом для Китая. Мощь, богатство, влияние Китая быстро выдвинули его на передний план международных отношений. То, что Китай говорит и делает, отражается на всем мире. Меняя себя, Китай влияет на мир вокруг него [Клинтон 2012].

Клинтон отметила, что отношения США с Китаем развиваются на фоне крепнущих связей с союзниками Америки – Японией, Южной Кореей, Тайландом и Филиппинами. Расширяются связи Америки с другими растущими державами, включая Индию, Индонезию, Вьетнам и Сингапур. США укрепили неофициальные отношения с Тайванем и восстанавливает связи с Мьянмой (Бирмой).

Характерно, что госсекретарь США только мельком упомянула Индию, в общем ряду с другими государствами. Не нашлось у нее ни одного слова для России, которая является к тому же тихоокеанской державой. Впрочем, это не удивительно. В апреле 2012 г. кандидат в президенты США от Республиканской партии Митт Ромни назвал Россию «главным геополитическим врагом США». Не исключено, что это было связано с предвыборной борьбой в Америке.

США привержены партнерству с Китаем, продолжала Клинтон. Америка и другие страны ожидают, что Китай более явно заявит о своем лидерстве. Китай и США даже вместе не могут решить все проблемы мира. Но без Китая и США какие-либо глобальные проблемы не могут быть решены. США хотят, чтобы Китай принял на себя полную ответственность в качестве крупного глобального игрока, чтобы укрепить международную систему, во имя успеха Китая и США.

Это заявление Клинтон об углублении отношений между США и Китаем приобретает особый смысл, если учесть, что всего год назад, в мае 2011 г. она сказала, что китайские лидеры «пытаются остановить историю, что является миссией дураков». На это один

из китайских лидеров заметил, что американцы «наивные простаки». У них есть проблемы с пониманием Китая, с тем, что он «является древней цивилизацией и частью восточной культуры» [The Economist, 21.04.2011].

Во время поездки в Китай в начале мая 2012 г. Клинтон повторила свою мысль о том, что США и Китай стали полностью взаимозависимыми, что процветающий Китай является благом для Америки, а процветающая Америка – благом для Китая [The New York Times, 03.05.2012].

После этого она направилась с визитом в Индию. Там Клинтон заявила о важности для обеих стран расширять взаимную торговлю; углублять сотрудничество в сфере безопасности, включая борьбу с терроризмом; ответить на имеющиеся вызовы и использовать возможности в Южной и Центральной Азии, включая Афганистан, для построения там мирного и процветающего будущего; предотвратить создание Ираном ядерного оружия; разработать совместный подход в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона. Она поддержала индийскую политику «Смотри на Восток».

Клинтон отметила совпадение того, что Индия подписала в октябре 2011 г. декларацию о стратегическом партнерстве с Афганистаном, а США – в начале мая 2012 г. подобное же соглашение с этой страной. США ясно заявили, сказала она, что намереваются продолжать «активное присутствие в Афганистане» и после вывода войск в 2014 г. То, что военная миссия НАТО во главе с США закончится в этом году, является «технически правильным», но США и НАТО продолжат исполнять свои обязательства по поддержке безопасности и развитию Афганистана [Там же]. (Это было подтверждено на встрече лидеров стран НАТО в Чикаго 18–20 мая 2012 г.)

В свою очередь, министр иностранных дел Индии С.М. Кришна подчеркнул важность отношений между обеими странами, как для их будущего, так и для развития всего мира в XXI в. Он отметил совпадение взглядов Индии и США по ряду глобальных и региональных вопросов.

Американский фактор оказывает далеко не однозначное влияние на некоторые важные аспекты внешней политики Индии.

Например, по вопросу о положении в Афганистане и ядерной программе Ирана. В этой связи Индия заявила, что для успеха в Афганистане, а также для региональной безопасности и стабильности решающее значение имеет ликвидация в Пакистане укрытий террористов. Афганистан должен стать суверенным, независимым, единым и экономически жизнеспособным государством, которое может победить терроризм и противостоять вмешательству извне.

Что касается мирного решения иранской ядерной проблемы, Индия подчеркивает, что Иран является ключевой страной в поставках нефти в Индию, а также то, что Индия имеет жизненные интересы в странах Персидского залива, где работают около 6 млн индийцев. Индийский экспорт в эти страны составляет более 100 млрд долл., 60% индийского импорта нефти приходится на эти же страны. Значительная доля денежных переводов от индийской диаспоры также приходит из стран Персидского залива (их общий объем из всех стран мира составляет более 50 млрд долл. в год). Отсюда глубокая заинтересованность Индии в мирном решении вопросов, связанных с ядерной программой Ирана [Outlookindia.com, 08.05.2012].

Значение индийско-иранских отношений было подтверждено участием премьер-министра Индии Манмохана Сингха в XVI Конференции глав государств и правительств Движения неприсоединения (ДН), которая состоялась в Тегеране в конце августа 2012 г. М. Сингх поздравил президента Ирана Махмуда Ахмадинижада с тем, что он возглавил ДН на последующие три года и заверил в полном сотрудничестве Индии с Ираном в этом движении.

Премьер-министр Индии избрал трибуну Конференции ДН для того, чтобы заявить позицию Индии по ряду крупных международных проблем. Он сказал, что ДН, представляющее огромное большинство человечества, было мощной силой, выступающей за глобальный мир, безопасность и развитие. Общие цели движения по сохранению «нашего стратегического пространства, обеспечению нашего социального и экономического развития, и стремление к более справедливому и равноправному миру остаются сего-

дня такими же важными и насущными, как и в прошлом» [Заявление премьер-министра 2012].

М. Сингх подчеркнул, что сегодняшние структуры глобального управления по-прежнему зависят от соотношения сил в мире, оставшегося от прошлого. Не удивительно, что они доказали свою неадекватность в решении проблем, связанных с нынешними экономическими и политическими кризисами. Особенно ярко это проявляется в сфере международного мира и безопасности и в восстановлении справедливых экономических и финансовых механизмов.

Премьер-министр отметил, что Индия, как крупнейшая демократия в мире, поддерживает стремление народов к созданию демократических обществ в странах Западной Азии и Северной Африки. Но эти преобразования не должны опираться на иностранные интервенции, которые усиливают страдания простых граждан. Предметом особой озабоченности является ухудшающаяся ситуация в Сирии. Индия призывает все стороны в этом государстве разрешить кризис мирными средствами через всесторонний политический процесс, отвечающий законным устремлениям граждан этой страны. М. Сингх также подчеркнул, что ДН всегда заявляло о поддержке народа Палестины. И сегодня участники движения должны вновь взять на себя обязательство поддержать скорейшее решение палестинского вопроса с тем, чтобы долго страдающий народ Палестины мог мирно и достойно жить в своем государстве.

М. Сингх сказал, что Движение неприсоединения должно возглавить строительство представительных, заслуживающих доверия и эффективных глобальных структур управления. Он выразил надежду, что ДН сможет предпринять совместные действия по реформе таких институтов, как Совет Безопасности ООН, Всемирный банк и Международный валютный фонд. Нынешние проблемы, подчеркнул М. Сингх, не могут быть эффективно разрешены без более широкого участия развивающихся стран в глобальной торговле, финансах и инвестициях. Развивающиеся страны могут стать двигателями глобального роста. Они должны поддерживать друг друга в таком решении нынешних проблем, которое наилучшим образом отвечает их интересам [Там же].

Индия и Россия – успехи и проблемы сотрудничества

Россия и Индия придерживаются сходных или близких взглядов по ряду важных вопросов современности. Это неоднократно подтверждалось во время регулярных встреч на высшем уровне руководителей двух стран. Оба государства заявляют о своей приверженности целям установления более демократического мирового порядка, основанного на многополярном мире, который должен учитывать изменения, произошедшие в мировой политике с начала 1990-х годов. Они подчеркивают, что партнерство между Россией и Индией служит их долгосрочным национальным интересам и вносит вклад в международный мир и безопасность.

В начале XXI в. Россия активизировала свои связи с Индией. Подписанная в 2000 г. Декларация о стратегическом партнерстве между обеими странами предусматривала развитие отношений на длительную перспективу в политической, экономической, культурной и военной областях. Наиболее приоритетными сферами сотрудничества стали высокие технологии, телекоммуникации, космос, энергетика, в том числе строительство в Индии АЭС, а также военно-техническое сотрудничество.

Для России, как и для Индии небезразлично, в каком направлении развиваются события в Центральной Азии. Обе страны считают, что безопасность и стабильность в этом регионе отвечают их приоритетным интересам. Они признают, что развитие государств Центральной Азии по пути демократии требует уважения к свободе их выбора модели развития и реформ [Совместное заявление 2007]. В этом же контексте можно рассматривать и ситуацию в Ираке. Россия и Индия были обеспокоены ухудшением положения в этой стране. Они выступают за мирное решение иракской проблемы, придерживаются принципиальных позиций по урегулированию ситуации в Ираке строго в рамках ООН с учетом законных интересов иракского народа, при уважении суверенитета и территориальной целостности этой страны [Совместная декларация 2003].

На встречах руководителей России и Индии обсуждаются такие крупные проблемы, как демократизация международных отно-

шений в качестве ключевого условия для построения многополярного мира, основанного на равенстве государств, уважении их суверенитета и территориальной целостности. Главным инструментом для решения этих задач признается ООН [The Hindu, 15.02.2007]⁸⁴.

Индия неоднократно подтверждала, что отношения между ней и Россией испытаны временем и характеризуются доверием и взаимопониманием, что в основе этого лежит близость интересов и взаимной выгоды. Однако в быстро меняющемся мире, в условиях жесткой политической и экономической конкуренции эти отношения нельзя воспринимать как данность. Требуется постоянная, упорная, творческая работа по развитию российско-индийских связей. Созданный в прошлом фундамент взаимодействия в разных сферах, включавших политику, экономику, научно-техническое и оборонное сотрудничество, культуру, размывается под воздействием внутренних и внешних факторов. Поэтому нужны новые подходы в российско-индийском сотрудничестве, которые учитывали бы реалии начала XXI в.

Нынешний глобальный кризис показал, что в мире происходят фундаментальные перемены, которые могут оказать влияние на будущее развитие человечества. Кризис обнажил острую пробле-

⁸⁴ По вопросу о сотрудничестве между Россией, Индией и Китаем см.: Титаренко М.Л. Россия. Безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. «Памятники исторической мысли». М., 2003, с. 101–108; Белокреницкий В.Я. Стратегический треугольник Россия–Китай–Индия: реальность конфигурации // Китай в мировой политике. РОС-СПЭН. М., 2001, с. 352–397; Уянаев С.В. Россия–Индия–Китай: не блок, а система партнерства в интересах развития и мира // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2005, с. 190–204; Широков Г.К., Лунев С.И. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. Московский общественный научный фонд. М., 1998; Яковлев А. Россия, Китай и Индия в условиях биполярного мира. Институт Дальнего Востока РАН. М., 1996.

му неравенства между странами и в странах. Оно достигло невиданных ранее размеров, когда небольшие группы богатых людей присваивают огромную долю национального дохода, в то время как огромная бедная часть населения несет на себе основную тяжесть кризиса. Пропагандируемая много лет теория «просачивания» богатства сверху донизу оказалась неработоспособной.

Кризис подверг испытанию неолиберальную модель капитализма, которая исповедует принципы всеохватывающего рынка, доминирующей частной собственности и необходимость ослабления государства. Эта модель продемонстрировала свою неэффективность. Глубокая рецессия в западных странах, а также резкое снижение социальной мобильности подорвали репутацию свободного рынка, как источника процветания.

Во время кризиса на Востоке и Западе настойчиво звучит вопрос о необходимости выработки новой модели развития, принимаемая во внимание и опыт развивающихся стран. В том числе, смешанной экономики, которая могла бы обеспечить как развитие, так и социальную защищенность населения, с учетом масштабных социальных проблем, стоящих перед многими странами – Индией, Китаем, другими азиатскими, латиноамериканскими и африканскими государствами. Все более определенно ставится вопрос о пересмотре в пользу развивающихся стран финансово-экономической системы, которая сейчас обслуживает интересы преимущественно западных стран.

В ходе кризиса отчетливо обозначились проблемы развивающихся стран, в том числе Индии, такие как бедность огромной массы населения, неразвитость инфраструктуры, слабость среднего класса, коррумпированность власти, плохая управляемость экономическими и социальными процессами.

И, тем не менее, такие страны, как Китай и Индия, играют все большую роль в мировой экономике, растет их влияние в глобальной политике. Это ведет к крупным переменам на международной арене уже в обозримом будущем.

Библиография

- Айяр 2008 – Aiyar Shankar. The Other Indian Story // *India Today*, 08.09.2008
- Айкенберри 2011 – Ikenberry John. The Future of the Liberal World Order. Internationalism After America // *Foreign Affairs*, May/June, 2011
- Гаан, Дас 2000 – Gaan Narottam, Das Sudhansubala. Indo-US Relations Towards a Rapprochement: From Post Cold War to Post September 11 // *India Quarterly. A Journal of International Studies*. Indian Council of World Affairs. New Deli. July–December, 2000, Nos 3 and 4
- Датт, Равальйон 2012 – Datt Gaurav, Ravallion Martin. Shining for the Poor Too? // *EPW*, 13.02.2010
- Заявление премьер-министра 2012 –Statement by Prime Minister Manmohan Singh at the XV1 Summit of the Non-Aligned Movement // *The Hindu*, 30.08.2012
- Информационный бюллетень 2010 – The White House. FACT SHEET: The National Export Initiative: U.S.– India Transactions. 06.11.2010 // <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/11/06/>
- Клинтон 2012 – Clinton Hillary Rodham. Secretary of State. Remarks at the U.S.Institute of Peace China Conference. Washington D.C., March 7, 2012 // <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/185402.htm>
- Кришнан 2012a – Krishnan Anant. With view to the future, India, China plot way forward to ties // *The Hindu*, 07.06.2012.
- Кришнан 2012b – Krishnan Anant. India backs SCO role in Afganistan // *The Hindu*, 07.06.2012.
- Менон 2011 – Menon, Shivshankar. India and the Global Scene // *World Affairs*, July–September 2011
- Мехта 1995 – Mehta, Jaya. Union Budget “Pro-Poor” Exercise // *Mainstream*, 25.03.1995
- Мохан 2006 – Mohan C. Raja. *Impossible Allies. Nuclear India, United States and the global order*. New Delhi: India Research Press, 2006
- Обсуждение в Парламенте 2006 – Excerpts from Prime Minister's Reply to Discussion in Rajya Sabha on Civil Nuclear Energy Cooperation with the United States on 17.08.2006
- Перспективы развития мировой экономики 2012 – IMF, World Economic Outlook, 2012, April // <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/index.htm>

Прачи 2011 –Prachi, Bhuchar. China Wages Water War // *India Today*, 29.08.2011; *The Hindu*, 25.06.2012.

Рамачандран 2000 – Ramachandran R. Towards a New Arms Race // *Front-line*, 22.07 – 04.08. 2000.

Редди 2012 – Reddy Sudeep IMF Says Doubt Weighs On Economy. Fond Forecasts 3.5% Global Growth in 2012 and Warns EU and U.S. of the Perils of Policy Inertia; Steep Falls for Italy, Spain // *The Wall Street Journal*, 17.07.2012; *The Financial Times*, 13.06.2012.

Совместная декларация 2003 – Joint Declaration by the Russian Federation and the Republic of India. 03.12.2004; *The Indian Express*, 03.02.2003; *Индийский вестник*, 2003, № 3

Совместное заявление 2007 – Joint Statement on the outcome of the Official Visit of H.E. Mr. Vladimir V. Putin, President of the Russian Federation to the Republic of India 25-26.01.2007

Фейгенбаум 2010 – Feigenbaum Evan A. India's Rise, America's Interest. The Fate of the U.S.–Indian Partnership // *Foreign Affairs*, March/April 2010.

Шарма, Девис 2012 – Sharma Amol and Bob Davis. China, India Grapple with Growth Challenges // *The Wall Street Journal*, 09.07.2012.

Шаффер, Шаффер 2012 – Schaffer Teresita and Howard. Still seriously unmatched // *The Hindu*, 07.06.2012.

The Hindu

The Times of India

The Deccan Herald

The Deccan Chronicle

Press Trust of India

The Economist

The New York Times

Outlookindia.com

РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР ПОСТРОЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА

Главная тема конференции чрезвычайно многогранна, как и сама Индия с ее многовековыми традициями и устоями и одновременно с устремленностью в будущее и нацеленностью на освоение всего того нового, что рождает современная наука и технологии.

Из этой многообразной тематики основное внимание представленной статье будет сосредоточено на значимости российско-индийского стратегического партнерства в формировании многополярного мироустройства. Фактически речь пойдет о двух вопросах – многополярное мироустройство и роль и место в нем стратегического партнерства России и Индии.

С завершением «холодной войны» система международных отношений подошла к объективной необходимости формирования принципиально иного миропорядка. Базисные принципы его построения очевидны. Неоспоримым является тот факт, что необходимо сохранить ключевую роль ООН как уникальной организации для поддержания международного мира и безопасности и построения равноправного и справедливого мироустройства, оставив в прошлом багаж «холодной войны» и блокового противостояния.

Говоря о новой системе мироустройства, В.В. Путин в своей статье «Россия и меняющийся мир» подчеркнул, что «к числу важнейших постулатов относятся неделимый характер безопасности для всех государств, недопустимость гипертрофированного применения силы и безусловное соблюдение основополагающих принципов международного права. Пренебрежение всем этим ведет к дестабилизации международных отношений» [Путин 2012].

* МИД РФ

Отдельного рассмотрения заслуживает архитектура формирующегося мироустройства. Логика современных геополитических реалий подсказывает, что нарождающийся миропорядок будет многополярным. На место двух соперничавших военно-политических блоков в конечном счете придет система, построенная вокруг нескольких центров влияния, в роли которых, помимо России, объективно выступают США, Евросоюз, Китай, Индия, Бразилия, АСЕАН и т.д.

Осознание необходимости оставить в прошлом стереотипы блокового мышления побуждает по-новому взглянуть на современные геополитические реалии и те государства, которые стояли у истоков Движения неприсоединения. В феврале 2012 г. в Нью-Дели был обнародован доклад «Nonalignment 2.0», или «Неприсоединение 2.0». Документ подготовлен группой известных индийских политологов в тесном взаимодействии с Советом национальной безопасности Индии. По существу, вопрос ставится таким образом: если блоковая политика отходит в прошлое, требуется переосмыслить саму концепцию, лежавшую в основе внешнеполитического курса Нью-Дели. Как явствует из названия доклада, индийские коллеги не намерены отказываться от фундаментальных подходов Неприсоединения, а исходят из необходимости адаптации этой концепции к современным условиям.

Очевидно, переход к новому миропорядку займет определенное время, возможно – весьма продолжительное. Авторам доклада «Неприсоединение 2.0» временной горизонт видится до конца XXI века. В контексте такого подхода нынешний этап, будучи переходным, неизбежно сочетает в себе элементы нарождающегося многополярного мира и атавизмы прошлого в виде рецидивов силовой политики периода блокового противостояния. Пример тому – организация НАТО, которая продолжает расширять зону своих интересов и оперативной деятельности.

Показательно, что индийские коллеги, размышляя о судьбе НАТО, считают, что «относительный упадок американской системы альянсов уже налицо» [Nonalignment 2.0 2012: п. 126]. Из этого заключения в докладе делается вывод о том, что Вашингтон заинте-

ресован выстраивать новые партнерские отношения с такими странами, как Индия, Индонезия, Бразилия и т.д. В целом, XXI век авторам доклада представляется как эпоха коалиций, во многом обусловленных соображениями целесообразности и изменяющихся обстоятельств, и потому, коалиций переменчивых [Nonalignment 2.0 2012: пп. 17, 18].

Подход индийских коллег весьма показателен, хотя и не бесспорен. Не вызывает сомнений правомерность того, что в докладе во главу угла поставлены национальные интересы и национальная безопасность.

Очевидно, в многополярном мире государства не откажутся от национальных интересов, а значит сохранится и поле для конфликта интересов. Что должно измениться – это механизмы сопряжения интересов и взаимодействия государств на международной арене.

Характерные особенности таких механизмов предопределяются конфигурацией будущего миропорядка. В мире, поделенном на противостоящие блоки, условия **realpolitik** диктовались соотношением военно-стратегических потенциалов. В полицентричном мире особое значение приобретает способность многосторонних форматов во главе с ООН обеспечивать баланс интересов на основе приоритета международного права.

Наряду с военно-стратегической мощью все большее значение приобретает экономический и технологический потенциал. Отрыв «золотого миллиарда» от остального мира, нараставший и казавшийся непреодолимым во второй половине XX в., стал восприниматься почти как аксиома.

Между тем в каждом из регионов мира выделились ведущие игроки – Китай, Индия, Бразилия, ЮАР и другие государства, которым удастся поддерживать устойчиво высокие темпы экономического роста. Если разрыв между развитыми и развивающимися странами сохранялся, отрыв между регионами, наоборот, постепенно сокращается. При этом динамично развивающиеся экономики берут на себя роль локомотивов региональной интеграции.

Статистические данные о сокращении этого разрыва можно подчерпнуть, к примеру, на официальном интернет-сайте Всемирного банка. Так, за десятилетие с 2000 г. по 2010 г. валовой доход на душу населения в среднем по всему миру возрос до 9 тыс. долл. США в год. Россия превзошла этот показатель еще до глобального финансового кризиса – в 2008 г. (2010 г. – 10481 долл., 2011 г. – 13089 долл.), Бразилия – в 2010 г. (2010 г. – 10993 долл., 2011 г. – 12594 долл.). У Южной Африки доход на душу в 2010 г. составил 80% среднемирового показателя, у Китая – 48% и у Индии – 15% [рассчитано по: Всемирный банк 2012].

Весьма красноречива динамика изменения этого показателя по странам и регионам. В период 2000–2010 гг. в России наблюдался рост почти в 6 раз (5,9), Китае – 4,7, Индии – 3, Бразилии – 3, Южной Африке – 2,4. Данные за 2011 г.: в России – 7,4, Китае – 5,7, Индии – 3,3, Бразилии – 3,4, Южной Африке – 2,7 [рассчитано по: Всемирный банк 2012].

Среднемировой рост в первом десятилетии XXI в. составил 1,7, при этом в развитых странах показатель находился примерно на данном уровне или чуть ниже: в Евросоюзе – 1,8, в ОЭСР – 1,5, в Северной Америке – 1,4, тогда как в развивающихся странах АТР – 4,1, Латинской Америки – 2,2, Северной Африки и Ближнего Востока – 2,2 [рассчитано по: Всемирный банк 2012].

Вместе с этим центр тяжести мировой политики все больше перемещается в регионы. С одной стороны, наблюдается нарастание дифференциации между странами-соседями и внутри социума отдельно взятых государств. Отражением этого процесса становятся конфликты, которые охватывают как отдельные страны, так и целые регионы. С другой стороны, одновременно отмечается укрепление региональных структур и организаций по всему миру, которые берут на себя задачи по налаживанию многостороннего сотрудничества, а в случае необходимости – и по урегулированию конфликтных ситуаций.

В этом контексте по-новому предстает роль региональных лидеров. Региональные организации, как, например, Евросоюз или АСЕАН, и государства, до недавнего времени считавшиеся регио-

нальными державами, все энергичнее выходят на авансцену мировой политики. Сообразно такой объективной логике сложилась «Группа двадцати» с участием, в частности, Индии, Бразилии, Аргентины, Индонезии, Мексики, Саудовской Аравии, Турции, ЮАР и Республики Кореи – динамично развивающихся стран Азии, Латинской Америки и Африки.

«Возрастающую роль упомянутых континентов в формирующейся демократичной системе управления глобальной экономикой и финансами отражает деятельность «Группы двадцати», – пишет В.В. Путин в своей статье. – Считаю, что это объединение вскоре превратится в стратегически важный инструмент не только кризисного реагирования, но и долгосрочного реформирования мировой финансово-экономической архитектуры» [Путин 2012].

Конфигурация сил на мировой арене будет иметь многомерный характер. Как представляется, система нового мироустройства будет включать в себя:

- 1) механизмы взаимодействия между центрами влияния;
- 2) механизмы регионального сотрудничества;
- 3) механизмы сопряжения между региональными объединениями;
- 4) механизмы взаимодействия между отдельно взятыми центрами влияния и региональными организациями.

В настоящее время процессы формирования структур полицентричного миропорядка имеют вид, по образному выражению С.И. Лунева, «свободной геометрии» международного пространства. При этом можно проследить, как многосторонние форматы взаимно дополняют и переплетаются друг с другом – пример тому дают ШОС, БРИКС, РИК, БЕЙСИК (BASIC) и ИБСА⁸⁵.

Один из главных критериев, по которому многосторонние форматы должны отличаться от военных и политических блоков, –

⁸⁵ БРИКС включает Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР; РИК – Россию, Индию и Китай; BASIC – Бразилию, ЮАР, Индию и Китай; ИБСА – Индию, Бразилию и ЮАР.

это их инклюзивность и открытость для сотрудничества и взаимодействия между широким кругом государств.

Вклад России и Индии в дело становления нового мироустройства можно оценивать по разным критериям. С точки зрения российско-индийских двусторонних отношений и взаимодействия на мировой арене – это, прежде всего, стратегическое партнерство наших стран, которое было провозглашено в 2000 г., но стало формироваться много раньше на традициях, положенных в основу двустороннего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г.

В статье В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» отношения с Индией выделены в число приоритетов внешней политики нашей страны. От укрепления российско-индийского стратегического партнерства, говорится в ней, «выиграют не только наши страны, но и вся формирующаяся система полицентричности в мире» [Путин 2012].

Концепция стратегического партнерства исходит из общности долгосрочных национальных интересов государств, на основе которой выстраиваются механизмы нашего взаимодействия с Индией на мировой арене, в сфере торгово-экономического, военнотехнического, научно-технического и культурного сотрудничества.

В сфере международных отношений российско-индийское стратегическое партнерство имеет четко выраженную проекцию в плоскости формирования полицентричного мироустройства. Это наглядно видно как по архитектуре упомянутых выше механизмов построения многополярного мира – от взаимодействия между ведущими центрами влияния и многосторонними форматами глобального управления до сотрудничества на региональном уровне, так и по широкому спектру вопросов взаимодействия – от двусторонних и многосторонних совместных проектов до актуальных международных и региональных проблем.

Пример российско-индийского стратегического партнерства оказался убедителен настолько, что сам термин утвердился в международных отношениях и обрел самостоятельную жизнь. Для России в качестве стратегических партнеров выступают страны ОДКБ и СНГ, Индия, Китай, США, Евросоюз, Бразилия, ЮАР, Вьет-

нам, а также целый ряд государств, с которыми у нас традиционно существовали дружественные отношения. У Индии отношения стратегического партнерства, помимо России, складываются также с Китаем, США, Евросоюзом, Бразилией, ЮАР, Афганистаном и т.д.

Концепция стратегического партнерства предполагает, таким образом, многовекторную внешнюю политику, идет ли речь о России, Индии или других государствах, выдвигающихся в число центров многополярного мира. По существу, многовекторность международных связей – это неотъемлемая черта и условие формирование того, что принято называть многополюсным мироустройством. При этом Индия была и остается одним из приоритетов российской внешней политики. В 2010 г. на российско-индийском саммите было констатировано, что наши отношения вышли на уровень особо привилегированного стратегического партнерства.

В целом, стратегическое партнерство России и Индии самим фактом своего существования и укрепления способствовало становлению новой модели полицентричных связей между наиболее крупными и влиятельными государствами мира.

Россия была инициатором налаживания сотрудничества в формате РИК, участниками которого стали Россия, Индия и Китай как стратегические партнеры друг для друга. Очередная встреча глав внешнеполитических ведомств стран РИК состоялась в Москве 13 апреля 2012 г.

Тематика взаимодействия охватывает вопросы мировой и региональной политики, а также практического взаимодействия России, Индии и Китая в области торгово-экономических связей, здравоохранения, сельского хозяйства, науки и академических связей, а также ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Показательно, что повестка дня последней встречи РИК включала обсуждение ключевых вопросов мировой политики – речь шла о ситуации в Афганистане, на Ближнем Востоке, в частности в Сирии и вокруг нее, а также на Корейском полуострове.

Одним из своих приоритетов страны РИК считают задачу формирования новой архитектуры безопасности и сотрудничества в

АТР. В 2010 г. Россия и Китай выступили инициаторами этой идеи, которую активно поддержала Индия, что нашло отражение в Совместном заявлении, принятом по итогам российско-индийского саммита 21 декабря 2010 г. Важность задачи формирования в АТР открытой, прозрачной архитектуры безопасности и сотрудничества особо отмечена в Совместном коммюнике 11-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики, состоявшейся 13 апреля 2012 г. При этом министры подчеркнули, что такая система отношений должна строиться на учете законных интересов каждого из государств в этом регионе, на общепринятых нормах и принципах международного права, на признании неделимости безопасности, на взаимном уважении и доверии.

Из формата РИК органично возник сначала форум БРИК, а затем БРИКС. «Эта уникальная структура, созданная в 2006 году, – подчеркивается в статье В.В. Путина, – нагляднее всего символизирует переход от однополярности к более справедливому мироустройству» [Путин 2012].

Группа БРИКС объединяет государства с населением, составляющим 45% человечества, и с экономическим потенциалом, превосходящим 25% глобального ВВП (по ППС).⁸⁶

Четвертый саммит БРИКС (Нью-Дели, 29 марта 2012 г.) сосредоточил внимание на проблемах глобального управления и устойчивого развития. Страны «пятерки» тесно и весьма успешно взаимодействуют по этим вопросам, что способствовало, в частности, началу реформы международных финансовых институтов в лице МВФ и Всемирного банка.

Принятые по инициативе этой группы стран в 2008 и 2010 гг. решения о реформе МВФ означали наиболее фундаментальный пересмотр системы управления Фондом за всю его историю – такую оценку дает сама эта организация [Пресс-релиз МВФ 2011].

⁸⁶ ВВП по ППС – валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности.

После завершения реформы в 2013 г. Бразилия, Россия, Индия и Китай войдут в число 10 крупнейших акционеров Фонда.

Страны БРИКС эффективно координируют свои позиции и усилия в «Группе двадцати», которая взяла на себя ведущую роль в преодолении глобального финансово-экономического кризиса. Россия и Индия придерживаются близких подходов на Восточно-азиатских саммитах, являются активными участниками АРФ – регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности. Индия участвует в деятельности Шанхайской организации сотрудничества на правах наблюдателя, и Россия поддерживает ее намерение получить статус полноправного члена этой организации.

Наши партнерские отношения, таким образом, объективно проецируются на многосторонние форматы взаимодействия с участием России и Индии, способствуют формированию опорных элементов новой конфигурации отношений на международной арене и оказывают вполне реальное позитивное влияние на реформирование глобальной системы управления.

В целом, российско-индийское стратегическое партнерство за весьма короткий исторический срок (начиная с 2000 г.) показало себя на международной арене как модель построения равноправных и взаимовыгодных отношений и как весомый фактор, способствующий построению многополярного миропорядка.

Библиография

Путин 2012 – Путин В.В. Россия и меняющийся мир // *Московские новости*, 27.02.2012 // <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>, 12.05.2012 (дата посещения сайта).

Nonalignment 2.0 2012 – Nonalignment 2.0 // <http://www.cprindia.org/workingpapers/3844-nonalignment-20-foreign-and-strategic-policy-india-twenty-first-century>, 12.05.2012 (дата посещения сайта).

Совместное заявление: Десятилетие стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индией и перспективы его развития (21 декабря 2010 г.) // http://kremlin.ru/ref_notes/825, 12.05.2012 (дата посещения сайта).

Совместное коммюнике 11-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики (13 апреля 2012 г.) // <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/c32577ca00174586442579e2003144fe!Open!Document>, 12.05.2012 (дата посещения сайта).

Пресс-релиз МВФ 2011 – Пресс-релиз МВФ от 3 марта 2011 г. №11/64(R) // <http://www.imf.org/external/russian/np/sec/pr/2011/pr1164r.pdf>, 12.05.2012 (дата посещения сайта).

Всемирный банк 2012 – The World Bank, Data: GDP per Capita // data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/countries?display=default, 12.09.2012 (дата посещения сайта). – База данных Всемирного банка регулярно корректируется с учетом обновленной информации по странам.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ: ОТ ПРОГНОЗОВ 1980-Х ДО РЕАЛИЙ 2000-Х ГОДОВ

К 19 июня 1985 г. в Отделе Индии и Южной Азии (с 1987 г. – Центр индийских исследований) был представлен Прогноз внешнеполитического развития Индии в 1985–1990 гг. Чем была вызвана необходимость разработки прогноза именно в этот период и в отношении именно этой страны?

К середине 1980-х годов подготовка прогнозов и проведение ситуационных анализов в принципе стали одним из приоритетных направлений в отечественной политологии, в деятельности экономистов, политологов, социологов, культурологов и пр. Новые тенденции в развитии прогностических исследований были связаны с серьезными внутривнутриполитическими изменениями в СССР, с началом перестройки, которая стала во многом определять и внешнеполитический курс страны. Приход к руководству в Москве политика нового поколения – М.С. Горбачева, начало разрядки напряженности в отношениях с США в значительной степени определяли политику СССР по многим направлениям внешнеполитической стратегии страны. В то же время, внешняя политика СССР характеризовалась стремлением сохранить и приумножить внешнеполитические достижения предшествующего периода, вкладывая в них новый смысл и новое содержание, с учетом изменений, которые происходили в странах, с которыми у СССР уже сложились определенные отношения.

События первой половины 1980-х годов в стране и мире совпали с началом нового периода и в деятельности Института востоковедения, который возглавлялся тогда Е.М. Примаковым. Именно по инициативе нового директора и при участии пришедших с ним сотрудников (сектор прогнозирования возглавил опытный специалист по системному анализу и прогнозированию В.И. Любченко)

* Институт востоковедения РАН

началась серия ситуационных анализов, которые постепенно вывели нас на уровень прогнозирования.

Совершенно очевидно, что любые попытки выработки внешне-политической стратегии СССР/России в отношении конкретного государства требует оценки положения в стране-партнере, четкого понимания происходящих в ней процессов. В данном случае речь шла об Индии – нашем традиционном союзнике и партнере, с которым у СССР сложились тесные дружеские, даже сердечные отношения в военно-политической, торгово-экономической, культурной и пр. областях. Одним из наиболее ярких примеров, по существу определивших будущие внешнеполитические позиции Индии и наших с ней отношений в сложный момент становления ее государственности, может служить позиция, которую заняла Москва в оценке конфликта между Индией и Пакистаном – ее главным геополитическим противником. Советский Союз с самого начала сделал свой «исторический выбор» в Южной Азии в пользу Индии и в течение последующего периода неизменно придерживался и придерживается этой политической линии, стараясь внести посильный вклад в поиски путей урегулирования конфликта в индо-пакистанских отношениях, общей обстановки в Южной Азии. СССР оказал Индии существенную помощь в 1971 г. во время войны с Пакистаном. Реалистический подход отличал позицию СССР и в период индийско-китайского конфликта 1962 г., когда Москва активно призывала обе стороны к его прекращению, не поддерживая при этом своего «классового» союзника – Китай.

Стратегическое партнерство между Россией и Индией определяло политику СССР/России в Южной Азии. В начале 1980-х годов Индия возглавлялась дочерью первого премьер-министра страны Джавахарлала Неру – Индирай Ганди, выдающимся политиком, с которым у руководства СССР сложились отношения взаимопонимания и сотрудничества. Именно в эпоху Индиры Ганди, когда Индия сталкивалась с серьезными внешне- и внутривнутриполитическими вызовами, Советский Союз демонстрировал понимание и поддержку.

В 1984 г. в Индии произошла трагедия: премьер-министр была убита в своей резиденции охранником-сикхом. Это событие вызвало всплеск терроризма и жестокости в отношении сикхского населения страны, и потребовались решительные меры для прекращения разгула мести и насилия. В этот момент к руководству страной пришел сын И. Ганди и внук Джавахарлала Неру, политик новой волны, нового поколения, новой формации – Раджив Ганди. Сохранялась надежда на то, что новый премьер-министр – представитель династии Неру–Ганди, не откажется от традиционной политики дружбы и сотрудничества с СССР. В то же время, Раджив Ганди демонстрировал стремление к модернизации страны, и эта политика могла осуществляться в сотрудничестве с США, что, в свою очередь, могло бы повлечь за собой перемены и во внешнеполитической ориентации страны. Такое развитие событий вряд ли отвечало национальным интересам СССР. Скорее всего, именно поэтому возникла потребность во всестороннем анализе внутриполитического и экономического положения в Индии и его вероятного воздействия на внешнеполитические позиции страны. Именно в этот период и была поставлена задача подготовить Прогноз внешнеполитического развития Индии в 1985–1990 гг.

Прогноз на пятилетие можно считать краткосрочным. Как и всякий прогноз, он базируется на формулировании основных долгосрочных и краткосрочных, объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов, которые могут оказывать воздействие на формирование внешней политики любой страны. Значительная часть долгосрочных факторов сохраняет свою актуальность и сегодня; за прошедшие почти три десятилетия некоторые из них видоизменились, а иные просто потеряли свое значение.

По-видимому, нет смысла, да и возможности, повторять все сказанное в анализируемом тексте прогноза, следует выделить лишь некоторые его разделы.

Совершенно очевидно, что факторы геополитического и геостратегического порядка вряд ли могли претерпеть особые изменения. Как и 27 лет тому назад, геостратегическое положение Индии обуславливает ее заинтересованность в разрешении спорных не-

решенных проблем в отношениях с соседними государствами, в том числе, погранично-территориальных, распределения водных ресурсов, трансграничного терроризма и пр., мире и стабильности в сопредельных с ней регионах Юго-Западной, Восточной и Юго-Восточной Азии, снижении уровня иностранного военного присутствия в зоне Индийского океана. Что касается факторов демографического характера, то Индия по-прежнему остается на втором месте в мире после Китая по численности населения, однако это соотношение сегодня определяется числами с дополнительными нулями. В той или иной степени сохранил свое значение и тезис о том, что столкновения между индуусской и мусульманской общинами продолжают оказывать дестабилизирующее воздействие на политическую жизнь Индии и ее отношения со странами мусульманского мира, роль которых в мировой политике возрастает. Для середины 1980-х годов актуальными оставались требования влиятельных сепаратистских группировок сикхов Панджаба о создании независимого государства Халистан.

Что касается факторов экономического порядка, то оправдалось, в частности, одно из предположений, высказанных в прогнозе: это продолжение курса, осуществлявшегося Р. Ганди и направленного на решение социально-экономических проблем технико-экономическими методами, путем опоры на крупный частный сектор: это сотрудничество с ТНК (прежде всего, американскими), стремление получить наиболее современную западную технологию и широкую экономическую помощь США и контролируемых ими международных финансовых организаций. Высказывалось предположение, что одновременно могло быть усилено и политическое давление США на руководство Индии.

В прогнозе 1985 г. было высказано предположение, что несмотря на рекордную победу ИНК(И) на парламентских выборах 1984 г. на волне трагической гибели лидера партии Индиры Ганди и завоевание им абсолютного большинства в нижней палате центрального парламента, оппозиционные партии сохраняют существенное массовое влияние, располагая в общей сложности примерно половиной голосов избирателей в масштабе всей страны.

Политическая картина в Индии уже в период прогноза характеризовалась наличием серьезной оппозиции ИНК(И) как справа, так и слева. В таких условиях можно было ожидать, что давление мелкой буржуазии и рост социальной напряженности потребуют от Р. Ганди компромиссных решений в области экономики, корректировки первоначального курса, что может сопровождаться усилением авторитарных тенденций в политике. Последующие события показали, что эти предположения в определенной степени оправдались. Усиление роли региональных партий сегодня является одной из самых серьезных тенденций в политической жизни Индии.

В прогнозе был выделен ряд внешних факторов, оказывавших влияние на формирование внешнеполитического курса Индии. Так, в качестве угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитета страны рассматривалась ситуация вокруг и внутри Афганистана. Отмечалось сохранение потенциальной опасности нового обострения конфликта в Южной Азии, причем одной из возможных причин этого обострения рассматривалась информация о разработке в Пакистане ядерного оружия. Следует заметить, что ядерные разработки в военной области в Индии вообще не упоминались. Наконец, отмечалось формирование СААРК как противовеса, противодействия «малых» стран региона «экспансии» со стороны Индии.

Прогноз составлялся в середине 1980-х годов, когда М.С. Горбачев только разрабатывал план перестройки и разрядки международной напряженности, поэтому не случайно, что в качестве одного из наиболее существенных факторов, воздействовавших на формирование внешней политики Индии, отмечалось «резкое усиление глобальной конфронтации и перенесение ее на региональный уровень» со всеми вытекающими для этого процесса последствиями. Неоднократно упоминалось американо-китайское сотрудничество в военной области и совместное использование Вашингтоном и Пекином Пакистана в качестве опорной базы в Юго-Западной Азии.

В прогнозе содержалось следующее утверждение: «Внешнеполитический курс, базирующийся на концепции неприсоединения, обеспечивает Индии статус независимого государства, создает условия для усиления ее влияния среди развивающихся стран, давая ей возможность маневрировать в отношениях с великими державами, одновременно сохраняя и укрепляя советско-индийские отношения, развивая и расширяя сотрудничество с США и нормализуя отношения с Китаем».

В целом эта формулировка не вступает в противоречие с теми основополагающими принципами, которыми руководствуется правящая элита Индии при разработке внешнеполитической стратегии страны.

Посмотрим, каким же образом, по крайней мере, некоторые из сформулированных в прогнозе внешнеполитических задач Индии на вторую половину 1980-х годов были реализованы или не реализованы пришедшим к власти новым поколением индийских руководителей? Что произошло в Индии, регионе и мире к моменту окончания периода прогноза? Как эти сформулированные принципы и задачи выглядят сегодня, по прошествии почти трех десятилетий?

Можно констатировать, что на период прогноза оправдалось предположение об активной внешнеполитической деятельности премьер-министра Р. Ганди, который совершил ряд зарубежных поездок и достиг важных договоренностей с руководителями крупных стран мира, включая США, СССР, ведущие страны Европы, Японию. В 1988 г. состоялся визит нового премьер-министра в Китай, что сыграло существенную роль в процессе нормализации отношений между двумя азиатскими гигантами. В 1989 г. Раджив Ганди посетил Пакистан, где состоялись его переговоры с Беназир Бхутто. Посетил он и ряд стран Африки. Оправдалось предположение о том, что в прогнозируемый период будут развиваться и советско-индийские отношения: состоялся обмен визитами руководителей двух стран; в ноябре 1986 г. была подписана Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. По инициативе Индии 28 января 1985 г. в Де-

ли состоялась встреча руководителей шести стран: Индии, Танзании, Мексики, Аргентины, Швеции, Греции, обратившихся с призывом к ядерным державам, прежде всего СССР и США, прекратить испытания, производство и размещение систем ядерного оружия и средств его доставки. Приглашение в Индию руководителей стран, представлявших континенты Европы, Африки и Латинской Америки, можно было бы считать предвестником формирования такого объединения, как БРИКС.

Анализируя сегодня события почти тридцатилетней давности и видение их из Москвы, можно констатировать, что в течение всего пяти лет прогнозируемого периода в регионе и мире произошли или «созрели» события, которые по понятным объективным или субъективным причинам не укладывались в рамки прогноза. Вот хотя бы некоторые из них.

Прежде всего, это уже упоминавшиеся серьезные перемены во внутри и внешнеполитических позициях СССР к середине 1980-х годов, начало процесса разрядки в отношениях с США и ухода с мировой сцены биполярной системы. Геостратегическая ситуация в регионе Центральной Азии и в международных отношениях на глобальном уровне коренным образом изменилась, в том числе, в результате вывода советских войск из Афганистана в 1989 г., а затем и после распада СССР, что не могло не отразиться на общей обстановке в мире и на советско-индийских отношениях. Нельзя не напомнить также и о серьезных позитивных сдвигах в отношениях СССР и Индии с Китаем, в том числе уже упоминавшийся визит Раджива Ганди в Пекин в 1988 г. как переломный момент в процессе разрядки напряженности в индийско-китайских отношениях.

Что касается внутривнутриполитических событий в Индии, то наряду со стабилизацией обстановки в Панджабе, к началу 1990-х гг. серьезно обострилась ситуация в Джамму и Кашмире, где активизировались требования ряда политических партий и групп, выступавших за самоопределение путем проведения плебисцита под международным контролем, резко усилились террористические действия боевиков, которые проходили специальную подготовку в лагерях, расположенных на территории Пакистана. Это неизбежно

повлекло за собой принятие специальных мер со стороны правительства в Дели, вплоть до ввода воинского контингента на территорию штата. В результате серьезно осложнилась внутривнутриполитическая ситуация в Джамму и Кашмире, произошло резкое обострение индийско-пакистанских отношений; усилилось вмешательство во внутренние дела индийского штата Джамму и Кашмир с территории Пакистана, активизировались действия боевиков, жертвами которых становилось мирное население. Действия Индии в Кашмире осуждались странами Запада, в ряде международных организаций, прежде всего ООН.

В начале 1980-х годов серьезно осложнилась обстановка на Шри Ланке в связи с обострением этнического конфликта. В 1987 г. было подписано индийско-ланкийское соглашение, согласно условиям которого Индия ввела свои войска на остров. Конфликт удалось несколько притушить, однако ланкийские сепаратистские и террористические организации не могли простить Индии и лично Радживу Ганди вмешательства в события на острове, что привело к его жестокому убийству в мае 1991 г. Таким образом, в течение семи лет в Индии, стремившейся утвердить свою репутацию крупнейшей демократии в мире, произошло два жестоких политических убийства лидеров страны. Такого рода события вряд ли можно было прогнозировать.

Наконец, трудно было заранее предвидеть распад СССР и образование России и новых независимых государств, в том числе государств Центральной Азии. Это событие по существу изменило всю мировую систему, непосредственно затронуло интересы как глобальных, так и региональных держав.

Высказанное в прогнозе предположение об усилении глобальной конфронтации и перенесении ее на региональный уровень осуществилось лишь частично: распад одной из противоборствующих великих держав, а с ним и всей биполярной мировой системы, неизбежно привел к постепенному снижению уровня глобальной конфронтации. В то же время, ситуация в ряде регионов систематически обострялась и обостряется, что неизбежно отражается на ситуации на глобальном уровне.

В подготовленном в иных исторических условиях прогнозе основная ставка во внешней политике Индии определялась как приверженность движению неприсоединения и всему тому, что с этим связано. В условиях же окончания «холодной войны», фактической ликвидации Варшавского договора и трансформации понятия двух противостоящих военных блоков изменилась и роль движения неприсоединения, которое само по себе должно было переориентировать свои задачи на решение экономических и социальных проблем, борьбу с бедностью, противодействие терроризму и религиозному экстремизму.

Естественно, что в прогнозе большое внимание было уделено ситуации внутри и вокруг Афганистана. Предполагалось, что Индия и впредь будет способствовать поискам разрешения проблемы на региональной основе, реалистически оценивая сложившееся положение, а именно, возможность вывода из Афганистана ограниченного контингента советских войск. При этом оговаривалось, что войска могут быть выведены «лишь при условии прекращения внешнего вмешательства во внутренние дела страны и гарантирование невозобновления подобного вмешательства». Далее отмечалось, что при условии сохранения напряженности вокруг Афганистана в прогнозируемый период уровень американского, а также китайского присутствия в регионе не только не снизится, а сохранится на прежнем уровне или даже будет возрастать. В прогнозе было высказано предположение, что в случае развития к концу прогнозируемого периода тенденции к снижению напряженности вокруг Афганистана (вследствие прекращения иностранного вмешательства, стабилизации внутривнутриполитического положения, укрепления позиций правительства Б. Кармаля), США и Китай могли бы лишиться одного из поводов для дальнейшей эскалации военной помощи Пакистану, что несколько снизило бы его значение в стратегии этих двух стран в южноазиатском регионе, сохранив его важную роль в глобальной антисоветской стратегии Вашингтона. Наконец, предполагалось, что это могло бы уменьшить напряженность в индо-пакистанских отношениях, способствовать нормализации отно-

шений Индии с Пакистаном, Китаем и США, при сохранении прежнего высокого уровня отношений Индии с СССР и ДРА.

Советские войска были выведены из Афганистана в 1989 г. (через четыре года после составления прогноза!) без получения каких-либо гарантий с чьей-либо стороны. Ни о какой стабилизации положения или укрепления позиций Бабрака Кармаля не было и речи: не удалось предотвратить последовавшее за уходом советских войск кровопролитие, серию переворотов и политических убийств, гибель руководителя страны Наджибуллы, фактического установления власти реакционной группировки талибов.

И никакие, даже самые опытные и квалифицированные прогнозисты не смогли бы предвидеть того, что произошло 11 сентября 2001 г. После трагических событий этого дня резко обострилась ситуация вокруг Афганистана, так как именно на эту страну была возложена главная ответственность за террористические акты, совершенные в Нью-Йорке и Вашингтоне, так как предполагалось, что именно здесь, на контролируемой талибами территории нашел убежище идеолог и организатор этих преступлений Усама бен Ладен. И именно Индия стала одним из государств, выразивших готовность участвовать в «антитеррористическом интернационале» и оказывать содействие США и Великобритании в осуществлении ими карательных акций в отношении талибов. Правда, ее реальное участие в урегулировании ситуации вокруг Афганистана сегодня, как и почти тридцать лет тому назад, представляется ограниченным, в том числе, в связи с отсутствием реальных рычагов воздействия, а также сохранением напряженности в индо-пакистанских отношениях, стремлением Индии ради упрочения своего влияния на международной арене достаточно гибко реагировать на позиции стран Запада и неприсоединившихся государств в «афганском вопросе».

В течение первой же недели после террористического акта 11 сентября, во время которого погибло, как минимум, 250 индийцев, Индия заявила о готовности оказать поддержку США и Великобритании в осуществлении ими карательных акций в отношении талибов, включая предоставление возможности дозаправки для

самолетов антитеррористической коалиции на военных базах Индии. Индийское руководство передало Соединенным Штатам разведывательные данные о деятельности руководства Талибан и террористических групп, действующих на территории Афганистана, полученные из записей переговоров кашмирских боевиков с их агентами в Афганистане с использованием спутниковой связи. Наконец, Индия передала видеокассеты с записью занятий в тренировочных лагерях, расположенных в «пакистанской» части Кашмира, где в качестве мишеней для стрельбы использовались фотографии президента США Б. Клинтона. Индия была готова предоставить США и свои военные базы для постоянного базирования, однако необходимость в этом отпала в связи с активной поддержкой действий антитеррористической коалиции со стороны президента Пакистана генерала П. Мушаррафа.

Около тридцати лет тому назад, в период подготовки прогноза, создавалось впечатление, что установление в Афганистане режима проамериканской, пропакистанской, прокитайской ориентации могло бы иметь крайне негативные последствия для внешнеполитических позиций Индии, привело бы к эскалации иностранного (американского и китайского) военного присутствия в регионе, значительно укрепило бы позиции Пакистана, изменив, таким образом, существующий военно-стратегический баланс в Южной Азии. Отмечалась «маловероятность» такого развития событий. Хотя Индия в долгосрочной перспективе по-прежнему не заинтересована в иностранном военном присутствии в регионе Афганистана, однако сегодня индийские аналитики с серьезной обеспокоенностью ожидают вывода войск США и НАТО с территории Афганистана в 2014 г., справедливо опасаясь, что это может привести к возврату страны к мрачной эпохе господства талибов.

Раздел о возможной политике США в регионе был написан, конечно, в соответствии с законами «холодной войны»: «Политика США в Южной Азии преследует цели ограничения влияния СССР, ослабления Индии как влиятельной политической силы, противостоящей милитаристской политике Вашингтона; укрепления позиций своего главного военно-политического союзника в регионе –

Пакистана. США будут оказывать военную помощь и политическую поддержку режиму Исламабада; развивать отношения с «малыми» странами региона, в том числе и в военной области, используя внутривластическую нестабильность в этих странах». Можно предположить, что и сегодня США вряд ли заинтересованы в усилении позиций России с Южной Азией, да и американо-пакистанские отношения переживают не лучшие времена. Однако место Индии в стратегии США в регионе не только не снизилось, но, напротив, вышло на совершенно новый качественный уровень. Сотрудничество между Дели и Вашингтоном активно развивается по самому широкому кругу проблем.

Характеристика политики Китая базировалась на признании его заинтересованности в снижении уровня советско-индийских отношений и ослабления влияния Индии как своего главного геополитического соперника, усилении позиции Пакистана. Предполагалось, что Пекин будет продолжать военно-политическое сотрудничество с режимом Исламабада, развивать взаимодействие с «малыми» странами Южной Азии в военной области (размещение подводных лодок в портах Бангладеш, оказание военной помощи Шри Ланке). Можно констатировать, что Китай в меньшей степени отступил от этого своего курса и через почти три десятилетия. В то же время, развиваются индийско-китайские отношения, в том числе, между Россией, Индией и Китаем в трехстороннем формате РИК, в многостороннем – БРИКС и ШОС.

Нормализация же отношений Индии со странами Южной Азии, как указывалось в прогнозе, снижение напряженности на ее границах могут создать такие внешние условия, при которых объективно снизится заинтересованность Дели в дальнейшем укреплении советско-индийского сотрудничества, в советской военной помощи и политической поддержке, что отвечает долгосрочным целям политики США и КНР в регионе. Однако, почти через тридцать лет после составления прогноза, можно констатировать, что, несмотря на все изменения в мире и регионе, заинтересованность и России, и Индии в тесном сотрудничестве в политической и военно-стратегической областях отнюдь не снизилась, а, как мини-

мум, сохранилась. Может быть, это обстоятельство и не соответствовало долгосрочным планам американской и китайской политики в регионе. Как отмечалось в прогнозе, «Китай и США, не снижая, а, возможно, даже расширяя свои отношения с Пакистаном и «малыми странами», будут на дипломатическом уровне подчеркивать свое признание доминирующих позиций Индии в регионе, свою заинтересованность в нормализации с ней отношений, поддержку процессов нормализации взаимосвязей Индии с соседями». Это предположение можно считать оправдавшимся; изменилось лишь то, что отношения Индии с Россией, Китаем и США развиваются сегодня в большей степени в самостоятельном формате, на двустороннем уровне, хотя, несомненно, и испытывают на себе влияние каждого из партнеров. Что же касается ограничения вмешательства Китая и США в проблемы Южной Азии, то в 2005 г. в СААРК был создан институт наблюдателей, в состав которых были приняты, наряду с другими странами, именно США и Китай (а не Россия!).

Единственный раздел прогноза, который сохранил практически полную актуальность и сегодня – это анализ индо-пакистанских отношений. Как и прежде, они характеризуются сохранением напряженности, вызываемой глубокими расхождениями по проблемам глобальных и региональных международных отношений и наличием спорных двусторонних проблем, главная из которых – кашмирская. Отношения осложнились в связи с усилением действия факторов этно – национального и религиозного порядка (утверждения Индии о поддержке Пакистаном сил, дестабилизирующих внутривнутриполитическую обстановку в Индии, открыто выступающих против ее единства и территориальной целостности, призывающих к дальнейшим террористическим актам в отношении индийских лидеров). Как и прежде, проблема отношений с Пакистаном – один из действенных факторов внутривнутриполитической борьбы в Индии, так как «угроза», нависшая над страной, используется правящей партией как для мобилизации своих собственных рядов, так и в качестве аргумента против деятельности оппозиционных партий, пытающихся «расколоть» страну в условиях опасно-

сти ее суверенитету, территориальной целостности и национальному единству.

В тексте прогноза было высказано предположение, что напряженность в регионе может резко усилиться в случае испытания Пакистаном ядерного оружия, однако это представлялось сомнительным на период прогноза, так как «пакистанская ядерная программа встречает серьезную оппозицию в США, а сами пакистанские правящие круги, располагая, по-видимому, материальными возможностями для проведения подобного испытания, могут предпочесть сохранять свой статус «околоядерной державы», имея в виду принадлежность движению неприсоединения, а также опасаясь резкого обострения отношений с Индией».

Можно констатировать, что это положение прогноза не оправдалось: ядерные события в Южной Азии стали развиваться по несколько иному сценарию: выполняя предвыборные обязательства, правительство А.Б. Ваджпаи санкционировало проведение ядерных взрывов в мае 1998 г. Вслед за Индией ядерные испытания провел и Пакистан, так что предположения о выгоде сохранения для обеих стран околоядерного статуса не оправдались.

К сожалению, полностью оправдалось предположение, что в прогнозируемый период кашмирская проблема не будет разрешена. Пакистанская сторона, для которой кашмирская проблема имеет особое внутривнутриполитическое значение, вряд ли пойдет на достижение соглашения по Кашмиру, т.е. признание статус-кво (вопрос об освобождении Пакистаном оккупированной части Кашмира не стоит в повестке дня, во всяком случае, в прогнозируемый период), без существенных уступок со стороны Индии в каких-либо других вопросах или сильного давления со стороны Китая и США (например, вследствие их отказа от дальнейшей поддержки Исламабада, что маловероятно в прогнозируемый период). Как Индии, так и Пакистану выгодно сохранение кашмирского спора в «приглушенном» состоянии, однако Пакистан время от времени и впредь будет поднимать (и продолжает поднимать!) этот вопрос на международных форумах.

Попытки обеих сторон разрешить эту проблему силой представляется маловероятным, так же как и формальное признание статус кво в Кашмире (этот вариант возможен лишь в случае полной и необратимой нормализации индо-пакистанских отношений во всех остальных сферах в условиях стабилизации обстановки как в Индии, так и в Пакистане, сближения их внешнеполитических концепций, что не представляется вероятным на период прогноза). Это предположение остается в силе.

Дальнейшее обострение индо-пакистанских отношений, вплоть до вооруженного конфликта, на период прогноза виделось маловероятным, хотя полностью исключить подобный поворот событий вряд ли целесообразно. И действительно, этот прогноз оправдался только частично: об этом свидетельствовал каргильский конфликт лета 1999 г. как «проба сил» для только что завоевавших ядерный статус держав.

Анализ перспектив развития индо-американских отношений базировался на утверждении, что Индия «не представляет собой решающего звена в глобальной стратегии США», поэтому американская администрация вряд ли прекратит или ограничит развитие сотрудничества с Пакистаном, являющимся важным стратегическим фактором для Вашингтона. На практике Вашингтон продолжает военно-политическое сотрудничество с Пакистаном, хотя и в ограниченных масштабах, придавая ему более самостоятельное и менее зависимое от состояния отношений с Индией значение. Что же касается Индии, то ее место и роль во внешнеполитических приоритетах США явно повысились.

США и Китай, как и несколько десятилетий тому назад, «заинтересованы в поддержании такого уровня вовлеченности в проблемы региона, который дает им возможность держать под контролем не только развитие конфликтной ситуации между Индией и Пакистаном, но и процесс ее урегулирования». Две великие державы вряд ли заинтересованы в усилении напряженности в Южной Азии, правда, не только потому, что нормализация отношений Индии с соседями (главным образом с Пакистаном, а также с самим Китаем) снизит значение такого фактора, как совпадение

геостратегических интересов Индии и СССР/России, а вследствие причин более широкого характера, связанных с сохранением напряженности внутри и вокруг Афганистана, обострением американо-иранских отношений, общими сдвигами в геополитической ситуации в Центральной Азии, изменившейся ролью Китая в мире.

В подготовленном около тридцати лет тому назад прогнозе активно использовалось понятие «равноудаленности» (или «равноприближенности») в отношениях Индии с великими державами, причем рассматривались по крайней мере два варианта развития событий в этой связи: повышение уровня отношений с Китаем и США при сохранении или даже некотором повышении их уровня с СССР, или повышение уровня отношений с США и Китаем при ослаблении связей с СССР. Был сделан следующий вывод: «Поскольку Индия расценивает ситуацию, сложившуюся в Юго-Западной Азии и Индийском океане и поставки оружия Пакистану как угрозу ее территориальной целостности и суверенитету; учитывая сохранение напряженности в индо-пакистанских отношениях, нерешенность в долгосрочном плане спорных проблем с Китаем, можно предположить, что в этих условиях совпадение геостратегических интересов Индии и СССР, по крайней мере, до конца 1980-х годов, делает первый вариант более вероятным». Сама по себе такая постановка вопроса утратила свой смысл: вряд ли сегодня может идти речь о том, чтобы сравнивать и измерять на чаше весов отношения Индии с США, Китаем и Россией, которые в новых условиях вряд ли целесообразно рассматривать с позиции «баланса сил», свойственной периоду «холодной войны». С каждой из этих великих держав Индия в настоящее время развивает самостоятельные связи, базирующиеся на исторических ценностях и четком осознании национальных политических и экономических интересов страны.

Общее направление развития индийско-китайских отношений, а именно – «процесс нормализации при сохранении глубоких разногласий по проблемам региональных, двусторонних и глобальных отношений» в прогнозируемый период и после него в целом продолжается. Было справедливо отмечено, что способствовать

процессу нормализации отношений будет новая тактическая линия Пекина в оценке региональных проблем Южной Азии – переход от поддержки конфронтации в отношениях Индии со странами региона к заявлениям о поддержке нормализации отношений между ними. Китай, с одной стороны, и индийские торгово-промышленные круги – с другой, заинтересованы в развитии торгово-экономических и научно-технических связей между двумя странами, тем более что «экономическая модернизация», осуществляемая в Китае, вызывает большой интерес в Индии. В связи с этим следует заметить, что в последнее время экономические интересы сторон явно одержали верх над геополитическими соображениями: товарооборот между Индией и Китаем активно развивается, и к 2015 г. планируется его увеличить до 100 млрд долл. (К этому же моменту планируется увеличить товарооборот между Индией и Россией до 20 млрд!)

Оправдались предположения, что погранично-территориальная проблема в прогнозируемый период не будет разрешена. Находится «под сукном» она и сегодня. Индия не пойдет на принятие предложения Китая о так называемой «комплексной сделке» (сохранение статус-кво в Аксай Чине взамен на признание Китаем линии Макмагона в качестве международной границы), которая ущемляет национальные интересы Индии и сохраняет за агрессором результаты агрессии. Вряд ли можно предположить, что Китай согласится освободить хотя бы часть оккупированной территории и лишиться, таким образом, мощного рычага давления на Индию.

Предположение, что Индия, отдавая себе отчет в том, что пограничная проблема является лишь формальным препятствием на пути нормализации отношений, в конечном счете, пойдет на фактическое сохранение статус кво, т.е. не будучи готовой добиваться возврата территории вооруженным путем, будет продолжать переговоры, не форсируя разрешение погранично-территориального вопроса на невыгодных для себя условиях, в целом можно считать оправдавшимся, хотя формально это не закреплено ни в одном из документов.

В прогнозе была высказана точка зрения, что тибетская проблема вряд ли будет стоять на пути нормализации отношений. Это предположение не оправдалось: сегодня можно констатировать, что будущее Далай ламы и тибетских беженцев, возможно, создает даже большую напряженность во взаимодействии между Индией и Китаем, чем территориальная.

Нашло свое подтверждение в реальной политике и утверждение о том, что «в прогнозируемый период Индия будет стремиться к реальному улучшению отношений с США с целью утверждения независимости своего внешнеполитического курса, демонстрация отсутствия «крена» в сторону СССР, в особенности перед не присоединившимися странами, получения доступа к американской технологии для осуществления дальнейшей экономической и научно-технической модернизации». Правда, для США уже вряд ли есть необходимость «использовать заинтересованность индийского руководства в улучшении индо-американских отношений для отрыва Индии от СССР, а также для ослабления давления Индии на Пакистан, чтобы таким образом упрочить нынешний режим и антисоветские позиции Пакистана, в особенности в связи с ситуацией вокруг Афганистана». США и без этого пошли на предоставление Индии современной американской технологии, в том числе и двойного назначения; увеличиваются американские инвестиции в индийскую экономику и расширяются торговые и военные связи.

В тексте прогноза было высказано предположение, что «изменение отношения Вашингтона к Индии возможно в случае коренных перемен в отношениях Запада и Востока», а также «развития событий в Юго-Западной Азии в нежелательном для США направлении, что представляется маловероятным на период прогноза». То, что три десятилетия тому назад казалось «маловероятным», трудно предсказуемым, сегодня превратилось в реальность, определяющую развитие бурных событий на Ближнем и Среднем Востоке. Именно резкое обострение обстановки в исламском мире и усиление антиамериканских настроений – сегодня играют решающую роль в развитии ситуации в арабском мире.

Перспективы связей с СССР в тексте прогноза были сформулированы следующим образом. «Советско-индийские отношения, базирующиеся на Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г., будут и в прогнозируемый период оставаться важной составной частью внешнеполитического курса как СССР, так и Индии. Сохранится общность или близость позиций по проблемам обеспечения мира, ликвидации опасности возникновения войны, возврата к разрядке и необходимости распространения ее на все регионы мира, обуздания гонки вооружений, в особенности ракетно-ядерных, соблюдения принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами, осуществления практических шагов в целях ликвидации существующих и предотвращения возникновения новых конфликтов». Можно констатировать, что это предположение в основных чертах оправдалось.

Возвращение к тексту внешнеполитического прогноза, составленного около тридцати лет тому назад, неизбежно ставит вопрос о том, насколько реально и целесообразно подготавливать такого рода научные разработки. На этот вопрос, как представляется, может быть дан положительный ответ. Конечно, подготовка прогноза требует широких знаний в области как внутреннего положения в стране, ее экономической и социальной политики, так и учета широкого круга страновых, региональных и глобальных факторов. Правда, как показывает опыт, возможно возникновение непредвиденных обстоятельств, неожиданных событий, которые могут коренным образом изменить ситуацию в стране и мире. К таким факторам, например, можно было бы отнести распад Советского Союза или события 11 сентября 2001 г. в США.

И, тем не менее, основные тенденции развития стран и регионов могут быть подвергнуты анализу, что дает возможность заглянуть в будущее. Опыт подготовки внешнеполитического прогноза Индии на 1985–1990 гг. показал, что даже несмотря на неожиданные события и глобальные катаклизмы, многие предположения о действиях Индии на международной арене в основном оправдались. Так, не потеряло своей актуальности и определение важнейшей внешнеполитической задачи как укрепление неформаль-

ного лидерства в движении неприсоединения и позиций в качестве великой азиатской державы. Региональная политика Индии, как отмечалось в прогнозе, будет и впредь определяться отношением к Южной Азии как сфере своих исключительных интересов и будет направлена на дальнейшее утверждение доминирующих политических, экономических и военно-стратегических позиций в южноазиатском регионе, на разрешение спорных проблем двусторонних отношений на выгодных для себя условиях; не допускать вмешательства «третьих» сторон – как других стран Южной Азии, так и великих держав, в разрешение спорных проблем двусторонних отношений, и вынесения их на рассмотрение международных форумов. Вряд ли эти подходы Индии претерпели серьезные изменения. Хотя Индия сегодня согласилась с приданием США и Китаю статуса наблюдателей в СААРК, она по-прежнему не заинтересована во вмешательстве Вашингтона и Пекина в региональные проблемы Южной Азии. Более того, упоминавшаяся «настороженность» Дели в отношении «попыток СССР развивать отношения со странами региона» неожиданно получила свое продолжение: намерение российского президента посетить Пакистан в начале октября 2012 г. было с глубокой озабоченностью встречено в Дели. Визит был отменен, и каждая из трех заинтересованных сторон приводит свою версию случившегося. По крайней мере, в Дели утверждают, что отложить поездку президента В.В. Путина попросил премьер-министр Индии Манмохан Сингх.

ИНДИЙСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЕ ИНДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СТРАНАХ СНГ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Узбекская индология, берущая начало еще со времен Абурейхана Беруни (973–1048), в настоящее время переживает период особого подъема, что в значительной мере обусловлено становлением принципиально нового этапа в истории узбекско-индийских отношений, вызванного, с одной стороны, невиданным экономическим бумом Индии, вошедшей в число стран БРИКС, и успехами молодой независимой Республики Узбекистан во всех областях общественной жизни, – с другой.

Но при этом, несмотря на интенсивные исторические связи и сношения с Индией и особенно в эпоху Великих Моголов (Бабуридов), которые получили основательное освещение в работах узбекских индологов-историков второй половины XX в. И. Низамутдинова и П. Расульзаде, приходится констатировать, что индологическая традиция в нашей стране буквально угасала, и это положение сохранялось вплоть до конца XIX – начала XX в., когда Средняя Азия была присоединена к Российской империи. Это событие, превратившее данный регион в своеобразный плацдарм соперничества с Великобританией, по существу послужило толчком к началу изучения Индии в военно-стратегических целях, диктуемых геополитическими интересами России в Центральной и Южной Азии⁸⁷. Именно поэтому первыми очагами научных изысканий в этой области здесь явились военные структуры, из чьих рядов вышли такие известные исследователи, как И.П. Ягелло и

* Государственный Институт востоковедения, Узбекистан

⁸⁷ См., например, работы [Ягелло 1905 (2)]; [Ягелло 1905 (1)], [Грулев 1909]. В этот период, как известно, «на всей обширной территории Средней Азии (Туркестанский край, Хива и Бухара) не было ни одного светского высшего учебного заведения, следовательно, о развитии востоковедения как науки в условиях колониального режима не могло быть и речи» [Лунин 1981: 3].

А. Выгорницкий, внесшие большой вклад в создание учебных пособий и словарей по языку урду⁸⁸.

Хотя отдельные попытки, имеющие целью придать этим начинаниям в той или иной степени академическую окраску, в частности, путем введения как в учебный, так и научный обиход преподавание санскрита и урду, и предпринимались в начале XX в., однако подлинно систематический характер индологические штудии в Узбекистане стали приобретать лишь в послевоенный период, когда в связи с провозглашением независимости Индии и Пакистана в 1947 г. при Восточном факультете ТашГУ была организована кафедра североиндийской (впоследствии – индийской) филологии⁸⁹. При этом следует указать, что из-за отсутствия непосредственных связей с Индией⁹⁰, узбекская индология долгое время испытывала определенные трудности, и одной из главных следует считать проблему трудоустройства выпускников. Поэтому «некоторое время на факультете существовала двойная специализация студентов. К примеру, кафедра индийской филологии, готовя специалистов по языкам и литературе Индии, в то же время подготавливала... студентов и как возможных преподавателей английского языка» [Лунин 1981: 22]. Это положение стало постепенно меняться в конце 50-х годов, когда на государственном уровне

⁸⁸ Так, наряду со специальными работами, носившими явно информационно-разведывательный характер, например, были созданы такие прекрасные учебники, как [Ягелло 1902]; [Выгорницкий 1899]; [Выгорницкий 1898].

⁸⁹ «Её основателями и первыми руководителями были В.С. Москалев и И.Д. Серебряков. Создание этой кафедры положило начало развитию индологии во всей Средней Азии» [Лунин 1981: 20].

⁹⁰ Как известно, до независимости такие связи осуществлялись опосредованно, то есть через Москву и соответствующие инстанции прежнего режима, что иногда доходило до абсурда, ибо до определенного периода у нас даже не было специального авиарейса Ташкент – Дели, и поездки узбекистанцев в Индию тоже осуществлялись через Москву, на что, вполне естественно, тратились огромные ресурсы – как финансовые, так и энергетические.

было принято решение об учреждении в Узбекистане и ряде других регионов Средней Азии специализированных школ с преподаванием языков хинди и урду и, соответственно, о подготовке необходимых учебников и учебных пособий, в результате чего значительно повысился спрос на специалистов-индологов. Так, например, лишь в одном Ташкенте было открыто 4 школы – три с языком хинди и одна с урду, причем выпускники ТашГУ стали работать в качестве преподавателей и в соседней Киргизии, где в городе Ош была открыта школа с языком хинди. Особого упоминания заслуживает тот факт, что именно в это период в Узбекистане на базе ряда ведущих издательств стала складываться собственная школа переводчиков с индийских языков, которая пополнялась за счет выпускников индийского отделения ТашГУ⁹¹.

Примечательно, что к переводческой работе стали активно привлекаться лучшие силы кафедры и других индологических центров страны⁹², в том числе старшие преподаватели Р.М. Мухамеджанов и А.П. Буянова, кандидаты наук Н. Мухамедов, З. Ашурбаев, Т. Халмурзаев, носитель языка, выходец из Индии Мадан Мохан Хардат, а также молодые выпускники кафедры Г. Рихситуллаев, А. Ибрагимов, А. Файзуллаев и другие⁹³. Усилия местных ин-

⁹¹ А в 80-е годы, после учреждения в Ташкенте филиалов издательств «Радуга» и «Прогресс», эта работа, получившая заметную поддержку со стороны государства, стала переходить на рельсы перевода и на другие индийские языки, т.е. кроме хинди и урду вскоре был задействован и бенгали, в итоге чего на этих языках зазвучали самые популярные произведения узбекской беллетристики 20 века

⁹² К тому времени фактически вторым и не менее важным центром индологии в Узбекистане стал научно-исследовательский институт востоковедения АН им. А. Беруни, где индология процветала на поприще истории и литературы, что позволило подготовить в кратчайший срок целый ряд кандидатов и докторов наук.

⁹³ Ярким примером их творческих достижений переводчиков-индологов может послужить сборник «Хиндистон ёзувчиларнинг хикоялари» («Рассказы индийских писателей»), изданный в 1958 г. в Государственном издательстве художественной литературы с предисловием А.П. Буяновой, в котором представлены переводы лучших образцов индийской новелли-

дологов в этом перспективном направлении в значительной степени подкреплялись сотрудничеством с московскими специалистами, что способствовало тому, что переводческая практика в области индологии постепенно перерастала в устойчивую традицию, приобретая высокую продуктивность, особенно в процессе перехода от небольших произведений к крупным повестям и романам.

Начало 60-х годов, в свою очередь, ознаменовалось, с одной стороны, открытием в Ташкенте филиала индийской авиакомпании, а затем в 1962 году в рамках осуществления программы культурного обмена с Индией в распоряжение кафедры индийской филологии Восточного факультета ТашГУ прибыли профессора Делийского университета Бхоланатх Тивари и Камар Раис, которые стали читать лекции и вести практические занятия по индийским языкам и литературе. В соответствии с этой программой, с 1961 года в Индии стали регулярно проходить годичную языковую стажировку студенты-индологи Узбекистана. Примерно в тот же период начались поездки в Индию аспирантов и преподавателей (в частности, в числе первых были старший преподаватель кафедры А.П. Буянова, доц. С.А. Черникова, доц. Т.Х. Халмурзаев, доц.Р.А. Аулова, доц. Р.Х. Гулямова, проф. А.Н. Шаматов, доц. Т.А. Ходжае-

стики, Среди них наиболее известные произведения Прем Чанда, Мульк Радж Ананда, Кришан Чандара, Ходжи Ахмад Аббаса, Яшпала, Рази Саджад Захир, Дхумкету и, Мухаммал Башира, Кумара Кашвала и Деша Читракара. Большая часть сборника была переведена лично или же при участии таких крупнейших знатоков хинди и урду Р. Мухамеджанова, Н. Мухамедова, З. Ашурбаева и М.М. Хардата, представлявших старшее поколение узбекской индологии. Другим блистательным примером следует назвать прекрасный перевод с панджаби известного романа Нанак Сингха «Золотая пуля», мастерски выполненный Р. Мухамеджановым и вышедший в «Издательстве литературы и искусства им. Гафура Гуляма» в 1975 г. Важно указать, что эта книга и по сей день остается единственным и непревзойденным образцом перевода на узбекский язык с панджаби, учитывая тот общеизвестный факт, что, если не считать отдельных рассказов на языке бенгали, переведенных первым узбекским бенгалистом З.С. Камиловым, до сих пор на узбекский язык переводились и переводятся в основном произведения на хинди и урду.

ва), которые находились там либо в качестве научных исследователей для сбора полевого материала, либо переводчиков на различных промышленных и строительных объектах, либо преподавателей русского языка, или же использовались по линии общества культурных связей.

Несомненно, что все эти нововведения имели непреходящее значение для роста индологических штудий, в чем немалая заслуга по праву принадлежит приглашенным индийским профессорам и, в первую очередь, покойному профессору Камару Раису, который и в дальнейшем стал периодически приглашаться в ТашГУ, а незадолго до своей кончины, в начале XXI в., успешно работал директором индийского культурного центра в Ташкенте. Его почти 40-летняя неустанная деятельность явилась хорошей профессиональной и научно-педагогической школой не только для студентов, но и многих преподавателей кафедры. Под его руководством, а впоследствии и в содружестве с ним составлялись учебные пособия и учебники по хинди и урду, писались статьи и монографии, переводились на урду образцы узбекской поэзии, а в качестве своего рода апофеоза на этом пути был осуществлен перевод шедевров поэтического искусства урду на узбекский язык.

На протяжении длительного и сложного процессе воспитания высококвалифицированных кадров для узбекской индологии особенно ощутимым оказалось содействие российских научных центров и, в частности, Института Народов Азии (ныне Институт востоковедения) РАН, Института стран Азии и Африки при МГУ и МГИМО, как правило, протекавшее по линии целевой аспирантуры, куда направлялись наиболее одаренные выпускники – молодые преподаватели и сотрудники⁹⁴.

⁹⁴ В связи с этим необходимо особо отметить славные имена таких видных российских востоковедов, как В.М. Бескровный, А.С. Бархударов, Г.А. Зограф, В.П. Липеровский, А.М. Дьяков, М.С. Андронов, И.Д. Серебряков, О.Д. Жмотова, Н.И. Солнцева, В.П. Чернышев, Е.П. Чельшев, Т.Я. Елизаренкова, В.М. Солнцев и Л.Б. Никольский, которые постоянно оказывали всевозможную помощь молодым узбекским ученым, впоследствии составившим костяк узбекских индологических центров. В ре-

Следует особо отметить, что узбекские индологи самоотверженно отдавали свои силы и во имя выполнения интернационального долга, обучая основам индологии студентов из других государств и, тем самым, наращивая свой педагогический опыт и научный потенциал. Поэтому среди их учеников были не только посланцы таких стран СНГ, как Россия, Украина, Грузия, Азербайджан, Литва, Казахстан, Киргизия, Туркмения и Таджикистан, но и представители стран дальнего зарубежья – Вьетнама, Монголии, Германии, Польши, Болгарии и Кубы.

При этом следует констатировать, что в ходе почти полувекового развития узбекской индологии (1947–1990 гг.), наряду с учреждениями, ставшими традиционными центрами, а именно, такими, как научно-исследовательский Институт Востоковедения АН им. А.Беруни⁹⁵ и кафедра индийской филологии ТашГУ (ныне кафедра языков Южной Азии Ташкентского государственного института востоковедения), специализированные исследовательские группы с индологической направленностью создавались и в других учреждениях, например, в Институте философии и права АН⁹⁶ и Государственной консерватории, где стали работать выпускники кафедры. Кроме того, активная работа осуществлялась как в си-

зультате, еще в 60–70 годы через целевую аспирантуру была подготовлена целая когорта кандидатов наук по индийской филологии, таких, как Р.Х. Каюмова, С.А. Черникова, Р. Елизарова, А.Н. Шаматов, Р.Х. Гулямова, Н.Р. Исмаилова, Т.Х. Халмурзаев, Х.Б. Бегизова и Ш.И. Джалилова, которые в свою очередь внесли свою посильную лепту в совершенствование и развитие научно-теоретической базы узбекской индологии. Многие из них и поныне трудятся на ниве благородного дела подготовки квалифицированных кадров.

⁹⁵ Это учреждение приобрело известность как важный центр, давший стране целый ряд знаменитых индологов – докторов и кандидатов наук, специализировавшихся по истории и литературе Южной Азии – С.А. Азимджанову, У.М. Арипова, И.Х. Хашимова, А.А. Кутину, Ю. Пономарева, Н. Мухамедова, З. Ашурбаева, С.И. Тансыкбаеву, С. Ермакову, Л. Еремян, Д. Бекаеву, многих других.

⁹⁶ Из его стен вышли известные ученые-философы Ф.Г. Тешабаев, С. Юлдашев, В.А. Аулов, Г. Иванов, и С. Тешабаева.

стеме среднего образования, где она в основном велась по линии составления учебников, словарей других пособий методического характера⁹⁷, а также и в других культурно-просветительных учреждениях⁹⁸.

Возвращаясь к истории научно-исследовательской деятельности узбекских индологов, необходимо указать, что под воздействием ученых Москвы и Ленинграда примерно с конца 60-х годов здесь наметился существенный поворот от разрозненных поисков к проведению крупных, основополагающих исследований на международном уровне, результаты которых стали все чаще публиковаться на страницах не только узбекских и российских, но и зарубежных изданий как в виде крупных работ монографического характера, так и отдельных научных статей и обзоров⁹⁹. Вместе с тем, эта работа постепенно стала оформляться в рамках целых научных направлений, которые, вбирая в свои ряды все новых исследователей, становились определяющими для узбекской индологии вообще.

⁹⁷ В частности, в школах №24 и 92 были подготовлены и изданы фундаментальные учебники и учебные пособия по хинди и урду, в чем особенно велика заслуга таких преподавателей, как С.А. Шешко и Д. Рузметова, тесно сотрудничавших с опытными преподавателями кафедры индийской филологии Р.М. Мухамеджановым, Р.А. Ауловой, А.И. Косоновским и А.П. Буяновой.

⁹⁸ Речь идет об издательстве «Узбекистан», где трудились такие талантливые переводчики, как Т. Ибрагимов и Н. Мухамедов, и Государственном комитете по радиовещанию, где в течение 40 лет плодотворно работала индийская редакция, регулярно выпускавшая в эфир интересные передачи на языках урду и хинди, постоянно получавшие отклик из Индии и других стран.

⁹⁹ Речь идет об издательстве «Узбекистан», где трудились такие талантливые переводчики, как Т. Ибрагимов и Н. Мухамедов, и Государственном комитете по радиовещанию, где в течение 40 лет плодотворно работала индийская редакция, регулярно выпускавшая в эфир интересные передачи на языках урду и хинди, постоянно получавшие отклик из Индии и других стран.

Так, к концу XX в. в этом отношении оказалось возможным выделить целый ряд направлений, в которых нашли свое отражение наиболее характерные черты современной узбекской индологической школы:

В частности, по общему признанию, ведущим среди магистральных направлений является лингвистическое, которое представляет собой разветвленную систему, состоящую из четырех групп, сконцентрированных на широкой проблематике языков хинди и урду:

1) Социолингвистическое (Т. Халмурзаев, Х.Б. Бегизова и А.Н. Шаматов).

2) Лексикологическое и лексикографическое (А.Н. Шаматов, А.П. Ибрагимов, Т.Х. Халмурзаев, Х.Б. Бегизова, Ш.И. Джалилова, Б.Р. Рахматов и др.)

3) Изучение грамматического строя в монолингвистическом и структурно-сопоставительном и типологическом планах, сформировавшееся в работах Р. Мухамеджанова, А.И. Косоновского, С.А. Черниковой и З.С. Камилова, и продолжающееся усилиями М.Х. Абдурахмановой, С.С. Нурматова, И.В. Дегтяревой, К. Эргашевой и др.

4) Историко-лингвистическое, которое складывается под влиянием ученых России, Индии, Пакистана, Великобритании и США (А.Н. Шаматов, М.Х. Абдурахманова, К. Эргашева).

Среди них можно выделить некоторые дочерние ответвления, связанные со специализацией по бенгали и панджаби, а также по дравидийским и некоторым индоарийским, материалы которых ранее не привлекались к изучению в Узбекистане – речь идет о сингальском и синдхи.

Вторым крупным направлением является изучение средневековой современной истории Индии и других стран Южной Азии (основы его были заложены в работах С.А. Азимджановой, И. Хашимова, Т.Г. Гиясова, У.А. Рустамова, М.М. Кутиной, А.М. Касымова, И.Г. Низамутдинова, Ю. Пономарева, С.И. Тансыкбаевой, Р.М. Мукиджановой, П. Расульзаде и ныне успешно развиваются

Б. Абидовым, М. Ташмухамедовым, Ш. Мусаевым, М.А. Абдураззаковой и А. Джуманазаровым).

Третье важнейшее направление, занимающееся проблемами литературоведения, было основано еще в 50-е годы проф. И.Д. Серебряковым и получило развитие в работах У.М. Арипова, О.С. Полиновой, Н. Мухамедова, З. Ашурбаева, Л. Еремян, Н.Р. Исмаиловой, Р.Х. Гулямовой, С. Ермаковой, Д. Бекаевой, Х. Бабаджановой, Л. Усмановой. В настоящее время эти проблемы разрабатывается в трудах Т.А. Ходжаевой, У.У. Мухибовой и М. Муртазаходжаевой.

Четвертым по значимости следует считать научно-методическое направление, начало которому было положено в трудах Р.А. Ауловой, Р.М. Мухамеджанова, А.П. Буяновой, Л.А. Шешко и Д. Рузметовой (в настоящее время его представляют Б.Р. Рахматов, М.К. Садыкова, А. Юнусова и др.).

Далее следует направление, занимающееся вопросами философии Индии (М.Б. Баратов, Ф.Г. Тешабаев, С. Юлдашев, С. Тешабаева, В.А. Аулов, Г. Иванов, Л.С. Юлдашева).

К числу находящихся на стадии формирования, но уже достигших определенных результатов, направлений можно отнести также экономическое (И.Р. Мавланов и А. Сахибаев) и искусствоведческое (А. Мадраимов и его многочисленные ученики).

Самым молодым направлением можно назвать бабуроведение, зачатки которого были намечены в трудах С.А.Азимджановой, Б.Ахмедова и И.Хашимова. В конце XX в. оно получило интенсивное развитие в работах ныне покойного А.П.Ибрагимова, а в настоящее время приобретает определенную направленность в изысканиях молодых исследователей Б.Юлдашева и М.А. Шоракмедовой.

Обобщая итоги научной деятельности узбекских индологов в целом, следует подчеркнуть, что в течение второй половины XX в., наряду с изучением и преподаванием языков хинди и урду, как важнейших официальных и региональных языков Южной Азии, неоднократно предпринимались усилия по вовлечению в орбиту

индологии и других крупных языков данного ареала и, в частности, таких, как бенгали, панджаби и тамили, а в последнее время сингальского, синдхи и кашмири.

Особое место в этом отношении, безусловно, принадлежит бенгалистике, которая стала частью многогранной творческой деятельности покойного З.С. Камилова: творчески сочетая учебную подготовку индологов с успешной научно-исследовательской работой, он в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию по сопоставительному изучению деепричастия в хинди и бенгали. В русле учебной и научной работы им было создано свыше 10 научных трудов, изданных в России, Узбекистане и Индии¹⁰⁰.

Что касается работы в области других языков Южной Азии, то следует указать, что она носит в основном спорадический характер ввиду нестабильности как научных, так и культурных связей с соответствующими регионами, а также из-за полного отсутствия в Узбекистане как носителей этих языков, так и дипломированных специалистов. Так, говоря о панджабистике, можно отметить, что еще в 70-х годах в этом плане наблюдались интенсивными сношения с Панджабом, что дало возможность приступить к изучению языка и литературы этого штата, однако последующие шаги в этом направлении уже не имели прежнего эффекта, а его преподавание свелось к факультативным курсам.

Касаясь интереса узбекских индологов к проблемам дравидологии и, в частности, к тамильскому языку, следует отметить, что эти тенденции в настоящее время ознаменовались определенными сдвигами, что во многом объясняется значительной помощью со стороны представителей тамильского бизнеса, работавших в столице Узбекистана в первые годы независимости. По их инициативе тамили был введен в программу обучения на кафедре в качестве факультативного предмета, и это важное начинание спустя

¹⁰⁰ К сожалению, безвременная кончина помешала З.С. Камилову превратить в жизнь дальнейшее развитие бенгалистики в Узбекистане. По-прежнему о его деятельности и началах узбекской бенгалистики см. [Бенгали 2011].

некоторое время принесло свои весьма благодатные плоды – по ходатайству инициаторов этого мероприятия правительство штата Тамилнаду прислало в дар кафедре солидную библиотеку по тамилстике общим объемом в 500 томов, куда вошли не только образцы современной художественной литературы, а также большое число учебников и словарей, но и целый ряд шедевров тамильской классики¹⁰¹.

Касаясь истоков того неизмеримого вклада, который вносили и вносят индийские внешнеполитические учреждения в развитие узбекской индологии, следует подчеркнуть, что успехи последней неизменно вызывали большой интерес у индийской научной общественности, что особенно усилилось в ходе осуществления программы культурного обмена, когда после успешной работы вперые приглашенных профессоров Делийского университета Б. Тивари и К. Раиса в Узбекистане проходили стажировку, аспирантскую подготовку и практику ныне известные историки-политологи Сурендра Кумар, Дебендранатх Каушик, Мансура Хайдер, Шамсуддин и Рамакант Двivedи, а во второй половине 20 века в индологических центрах Узбекистана в разное время находились с чтением лекций видные ученые профессора Дж. Саркар, Х.А. Фаруки, К.О. Хашими, Сурьякумари и Мухаммад Амин.

Вместе с тем примерно в конце 70-х – начале 80-х годов в результате успешной деятельности кафедры индийской филологии ТашГУ удалось привлечь внимание Посольства Индии в Москве. В этот период кафедру индийской филологии ТашГУ неоднократно

¹⁰¹ В этой связи примечательно, что буквально недавно из командировки в Индию, осуществленную с помощью Посольства Индии, возвратилась аспирантка кафедры К. Эргашева, которой удалось собрать значительный теоретический и фактический материал и установить непосредственные контакты с кафедрой тамильского языка Университета им. Дж. Неру. Именно на неё узбекская индология возлагает особые надежды, как на вполне квалифицированного специалиста в этой области, особенно после блестящей защиты магистерской диссертации, в которой К. Эргашева сумела провести глубокое сопоставительное исследование падежной системы хинди и тамильского языков.

посещали секретарь по культурным вопросам Посольства Индии в Москве г-н Бисвас и сам посол Индии Т.Н. Кауль, а в 1985 году в распоряжение кафедры от имени индийского правительства и, по видимому, по рекомендации Посольства, была направлена большая библиотека на языке хинди в количестве 5 тысяч томов, что буквально явилось поворотным пунктом в истории узбекской индологии. Важно указать, что именно благодаря этому поистине дружескому и бескорыстному акту неизмеримо расширилась материальная база индологической работы в нашей стране. Это, в свою очередь, незамедлительно сказалось на резком повышении научно-теоретического и методологического уровня как научных исследований, так и учебного процесса и, вполне естественно, вызвало большой энтузиазм у студенческой молодежи, увлекающейся изучением языков, литературы, истории и культуры Индии. Существенная роль в этом отношении также принадлежала узбекско-индийскому обществу дружбы, где активно сотрудничали народная поэтесса Узбекистана Зульфия, директор института востоковедения АН им.А.Беруни проф. С.А. Азимджанова и видный индолог, кандидат философских наук и впоследствии крупный государственный деятель и дипломат Ф.Г. Тешабаев¹⁰², за что все они были удостоены высокого звания лауреата Международной Премии им. Дж. Неру. В числе наиболее деятельных сотрудников общества также был известный индолог С.М. Миркасымов, который в 1993 году стал первым послом Узбекистана в Индии.

С обретением Узбекистаном независимости в 1991 году, в индологической науке, как и во многих областях общественной жизни в нашей стране, произошли радикальные изменения, связанные с преобразованием многих государственных институтов и последующим укреплением политического суверенитета, что прежде всего нашло отражение в установлении дипломатических от-

¹⁰² Покойный д-р Ф.Г. Тешабаев в 80-е годы прошлого столетия был генконсулом СССР в Бомбее, а в 90-е годы – послом Республики Узбекистан сначала в США, а затем в Великобритании.

ношений с Индией и Пакистаном, повлекшим за собой открытие сначала консульств, а затем посольств этих стран.

За этим последовал ряд позитивных нововведений в области среднего и высшего образования, где в первую очередь произошло перенесение центра тяжести на подготовку специалистов среднего звена путем внедрения в систему народного образования так называемых академических лицеев, среди которых важную роль призваны сыграть лица с преподаванием восточных языков, и в том числе хинди и урду. Далеко идущие изменения также коснулись и высшей школы, в которой был осуществлен переход на двухступенчатую структуру подготовки кадров путем ввода институтов бакалавриата и магистратуры.

Были и некоторые неблагоприятными для судеб узбекской индологии изменения. В частности, в Институте востоковедения АН им. А. Беруни, в результате структурной реорганизации, было закрыто отделение литературы стран зарубежного Востока, а совсем недавно был упразднен Институт философии и права АН, что привело к замедлению и даже к прекращению научной деятельности многих специалистов-индологов. Аналогичные явления имели место и в системе средней школы. Так, например, на наш взгляд, неожиданно резкое повышение социального статуса английского языка в жизни узбекского общества как следствие мировой глобализации вызвало цепную реакцию в виде неприятия некоторой частью родителей учащихся ряда, по их мнению, «малопрестижных» восточных языков, в том числе и индийских. И это, в конечном счете, неизбежно явилось одной из причин постепенного сокращения удельного веса этих языков в школьной программе и даже к постепенному закрытию отдельных спецшкол с хинди и урду. Эти явления, на наш взгляд, следует рассматривать как негативные факторы на пути развития индологических студий в нашей стране.

Тем не менее, в целом, разделяя оптимистический взгляд на общую ситуацию, представляется более реалистичным надеяться не только на стойкость и выдержку как ученых-индологов, так и

многочисленных любителей индийской культуры Узбекистана, но и, конечно, на эффективную помощь наших индийских друзей.

Исходя из изложенного выше, представляется целесообразным обобщить и сформулировать наши наблюдения и выводы по рассматриваемой проблеме.

Во-первых, важно отметить, что, начиная с последнего десятилетия прошлого века, внешнеполитические акции Индии по установлению и развитию отношений с молодыми государствами СНГ, помимо укрепления межгосударственных связей и стабилизации международной обстановки, в общих чертах заметно способствовали принципиальному обновлению и дальнейшему развертыванию индологических исследований в этих странах.

Это особенно наглядно на примере Узбекистана, где, как уже было показано выше, еще до независимости интенсивно функционировала собственная индологическая школа, опиравшаяся на довольно прочные научно-теоретические и методологические традиции, сложившиеся под непосредственным воздействием российских ученых, что, в первую очередь, ускорило выход узбекских индологов на международную арену, налаживание новых научных связей с ближним и дальним зарубежьем, а также формирование и совершенствование современной учебно-методической базы на государственном языке. Во-вторых, это дало толчок к появлению новых научных направлений (например, дравидологии и сингаловедения), а также к восстановлению ранее утраченных – таких, как бенгалистика и панджабистика.

При постоянной и действенной поддержке внешнеполитических и культурных учреждений Индии в Узбекистане, как в системе высшего образования, так и Академии Наук, были созданы принципиально новые по своему характеру научно-исследовательские центры индологического профиля (кафедра индологии при Университете мировой экономики и дипломатии, индологический центр им. Махатмы Ганди в ТашГИВ и индологический кабинет при научно-исследовательском институте востоковедения АН им.А. Беруни), заключены и постоянно действуют соглашения о

научном сотрудничестве с рядом университетов и научных центров Индии.

Указанные структуры в Узбекистане уделяют большое внимание как старым, так и новым учреждениям индологического профиля, проводя при сотрудничестве с ними различные мероприятия, способствующие расширению культурной и научной информации о достижениях Индии в различных областях знания, совместно отмечают важнейшие исторические даты, связанные с историей, культурой, литературой и искусством как узбекского, так и индийского народов, при этом демонстрируя непреходящую значимость двух древнейших цивилизаций для развития мировой науки и техники. В этом отношении важным событием явилось открытие в Узбекском университете информационных технологий специального Центра по использованию достижений этой отрасли, созданного при финансовой помощи индийской стороны. Не менее значительным представляется организация регулярной стажировки узбекских граждан в Индии на курсах новейших технологий и английского языка на конкурсной основе, согласно которой ежегодно свыше 150 стажеров проходят бесплатное обучение в современных специализированных центрах Дели и других мегаполисов страны. Что касается студенческой молодежи, то для нее организована постоянная учеба по различным специальностям на уровнях бакалавриата, магистратуры и аспирантуры в крупнейших университетах Индии, проводимая по линии ICCR (Индийского совета по культурным связям). В русле этих мероприятий особенно неопределима спонсорская поддержка, оказываемая индийскими внешнеполитическими структурами при издании наиболее значительных образцов индологической продукции¹⁰³.

¹⁰³ В этом плане следует особо подчеркнуть, что Посольство Индии и Индийский культурный центр им. Л.Б. Шастри нашли возможность оказать финансовую поддержку таким крупным публикациям 2008 года, как «Учебник языка хинди для вузов», который явился первым фундаментальным учебным пособием по хинди на узбекском языке в истории узбекской индологии, и сборника рассказов индийских писателей «Chiroq yonar tun bo`yi» («Лампа горела всю ночь»), изданного в латинской графиче-

В результате в Узбекистане возникли благоприятные условия для дальнейшего подъема индологии и повышения профессионального и научно-теоретического уровня специалистов-индологов. Заметным стимулом к этому также явилось участие узбекских ученых в крупных востоковедческих и индологических форумах при финансовой поддержке индийского посольства и культурного центра им.Л.Б.Шастри. Весомую лепту в этом отношении вносили и вносят и Российский центр индийских исследований, Посольство Индии в России и индийский культурный центр им. Махатмы Ганди, которые организовали сначала Международный семинар индологов в 2005 г., а затем в 2007 г. – Международную конференцию преподавателей хинди стран СНГ.

Отмечая неоценимую значимость деятельности внешнеполитических организаций Индии в этом исключительно позитивном процессе, целесообразно и в дальнейшем рассчитывать на значительное усиление активности этих учреждений, направленной на всемерное поощрение и поддержку как индологических центров, так и отдельных индологов Узбекистана на благо неуклонного развития и процветания индологических традиций в международных масштабах.

Таким образом, в заключение следует выразить нашу искреннюю и глубокую признательность индийским друзьям – как дипломатам, так и ученым и представителям интеллигенции вообще за неуклонную и постоянную помощь, которая оказывала и оказывает благотворное воздействие на развертывание индологических исследований в Узбекистане, являясь не только важным стимулом и эффективным фактором популяризации индийской культуры, но во многом и повышения интереса узбекской общественности к достижениям древней и современной индийской цивилизации.

Кроме того, представляется уместным выразить пожелание, чтобы в данной области были предприняты более энергичные ша-

ке. Эта книга является своеобразным обобщением той огромной работы, которая была проделана узбекскими переводчиками-индологами за последние полвека.

ги по распространению именно научных знаний о современной Индии, ее успехах и достижениях, а также о тех проблемах и трудностях, с которыми приходится сталкиваться этой уникальной стране на трудном, но благородном поприще прогресса и процветания¹⁰⁴.

Библиография

Бегизова 1979 – О конкуренции английских заимствований с санскритской и новосанскритской лексикой хинди // *Восточное языкознание*. М.: ИВЛ.

Бенгали 2011 – Shamatov A.N. (ed.) *Bengali Studies in Uzbekistan*. Tashkent: Tashkent State Institute of Oriental Studies Press.

Выгорницкий 1898 – Выгорницкий А. *Пособие для изучения языка индустани (урду) и военный словарь русско-индустани*, Ташкент.

Выгорницкий 1889 – Выгорницкий А. *Грамматика индустани или урду, индустанский собеседник и русско-индустани-английский словарь в русской транскрипции* – СПб: Военно-ученый комитет Главного штаба.

Грулев 1909 – Грулев М.В. *Соперничество России и Англии в Средней Азии*, СПб.

¹⁰⁴ Здесь важно также обратить внимание представителей внешнеполитических организаций Индии на то, что за последнее десятилетие наряду с большими достижениями, к сожалению, имели место, на наш взгляд, и некоторые недочеты в деятельности Индийского культурного центра им. Л.Б.Шастри в Ташкенте. В частности, речь идет о прекращении регулярного предоставления индийской стороной узбекским индологам новейших образцов текущей периодической печати (газет и журналов) на индийских языках (со ссылкой на якобы наличие Интернета!) и о неоправданном невозобновлении функционирования специальных курсов, пропагандировавших на английском языке различные знания об Индии, где ежегодно читались лекции как представителями Посольства и Культурного Центра, так и ведущими узбекскими индологами. В действительности же, как известно, ресурсы Интернета не позволяют его пользователям рассчитывать на полный доступ ко многим страницам газет и журналов, где подробно освещаются последние события, связанные с развитием индийских языков и литератур, не говоря уже о новостях культуры, экономики и быта как в стране в целом, так и в её регионах.

Лунин 1981 – Лунин Б.В. *Восточный факультет (краткий очерк истории Востфака ТашГУ)*. Ташкент: «Укитувчи».

Халмурзаев 1971 – Халмурзаев Т.Х. – *Роль хинди в создании новой общественно-политической терминологии урду // Ученые записки МГИМО*. Вып. 7

Халмурзаев 1979 – Халмурзаев Т.Х. *Статус урду в независимой Индии и тенденции его развития*. Ташкент: Фан.

Халмурзаев 1982 – Халмурзаев Т.Х. *Урду и хинди в колониальной Индии // Народы Азии и Африки*, № 2

Черникова 1969 – Черникова С.А. *Употребление форм настоящего, прошедшего и будущего времени в современном языке урду*. М.: Прогресс (на яз. урду).

Шаматов 1974 – Шаматов А.Н. *Классический дакхини (южный хиндустани 17 в.)*, М.: ИВЛ

Ягелло 1902 – Ягелло И.П. *Практическая грамматика языка индустани (урду)* – Ташкент.

Ягелло 1905 (1) – Ягелло И. *Может ли Россия напасть на Индию* – «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским Военным Округом», Ташкент, 1905, вып. 70, № 9.

Ягелло 1905 (2) – Ягелло И. *Текущие события. Индия* – «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским Военным Округом», Ташкент, 1905, вып. 62, 68-85.

ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОБОСТРЕНИЯ ИРАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИИ

В двусторонних отношениях Индии и Ирана ощутимую значимость сохраняют культурно-цивилизационные связи, которые две древнейшие цивилизации поддерживали на протяжении тысячелетий. Однако во второй половине XX века внешнеполитический курс этих стран существенно отличался, что выражалось в серии спадов и подъемов в политических взаимоотношениях. Начиная с 1970-х годов обозначилась тенденция к укреплению сотрудничества, имеющая под собой экономическую мотивацию. В 1990-е годы на фоне меняющегося геополитического ландшафта, привнесшего новые точки соприкосновения, был дан новый толчок к развитию отношений.

В первой части данной работы анализируются факторы взаимного соприкосновения и расхождения интересов Индии и Ирана в постколониальный период.

Во второй части работы исследуется внешняя политика США как фактор в двусторонних отношениях. Также делается прогноз изменения энергетической безопасности Индии в случае возможного обострения конфликта вокруг Ирана. Раздельно рассматриваются экономические последствия для Индии развития кризиса как при мирном урегулировании, так и при развитии военного конфликта.

Политические взаимоотношения Индии и Ирана во второй половине XX в.

В выступлениях индийских политиков по Ирану часто можно услышать об «историческом партнерстве» двух государств, со ссылкой на взаимодействие цивилизаций Персии и долины Инда на протяжении тысячелетий. Исторически важны для отношений

* Институт востоковедения РАН

двух стран культурно-цивилизационные связи, берущие начало в общем индоарийском прошлом. Целый ряд достижения индийской науки и культуры пришел на Запад через Иран, который также многое заимствовал из индийского опыта. С другой стороны, множество примеров взаимовлияния персидской и индийской культур дал период господства мусульманских династий в Индии. Особо стоит отметить солидный пласт персоязычной литературы, созданной в Индии, т.к. фарси длительное время был официальным языком, и только в 1835 г. его сменяет в этом качестве английский. При рассмотрении XX века, особенно второй его половины, тезис о партнерстве выглядит небесспорным, т.к. со времени получения Индией независимости в 1947 г. ее внешнеполитический курс существенно отличался от иранского. В первые десятилетия после II Мировой Войны и до Исламской Революции 1979 года в шахском Иране при Р. Пехлеви установился проамериканский курс во внешней политике. Индия же в период премьерства Дж. Неру являлась лидером движения неприсоединения, налаживала контакты с Советским Союзом [Нааз 2001].

Надо упомянуть и другие факторы, определявшие отношения Индии и Ирана. Так, Индия с обеспокоенностью восприняла вступление Пакистана в региональные организации, в частности, СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии) и СЕНТО, и его попытки интернационализировать Кашмирский вопрос [Нааз 1999: 247–248]. И, естественно, присоединение Ирана к Организации Центрального договора, СЕНТО, не способствовало его сближению с Индией. На протяжении 1960–70-х гг. политику Ирана по отношению к Индии можно описать как череду спадов и подъемов. Так, в конфликте 1962 г. Иран открыто поддержал Индию, обвинив Китай в агрессии. В то же время в двух индо-пакистанских инцидентах 1965 и 1971 годов. Иран выказывал поддержку своему восточному соседу.

В 1970-е годы начинается значительное расширение торгово-экономических контактов между Индией и Ираном. В этот период среди руководства шахского Ирана, перед которым стояли задачи индустриализации страны, сформировалось мнение об Индии как

о перспективном экономическом партнере, в первую очередь, в сфере технологического обмена [Вайнбаум 1978: 598]. Несмотря на то, что Иран оставался членом СЕНТО, наращивал военную мощь и продолжал поддержку Пакистана, объем двусторонней торговли между Индией и Ираном возрастал). Во многом этому способствовал значительный скачок мировых цен на нефть в 1973–74 гг.

После Исламской Революции 1979 г. некоторое время контакты Индии и нового правительства Хомейни оставались на минимальном уровне, несмотря на то, что Индия была одной из первых стран, признавших революционное правительство.

Во-первых, новая республика почти все десятилетие оставалась втянута в кровопролитную войну с Ираком. При этом Индия находилась в затруднительном положении, так как ее энергетические интересы были связаны с обеими воюющими странами [Дутт 1999: 357]. На момент начала войны, Иран и Ирак вместе обеспечивали 70% индийского импорта нефти. Снижение поставок было компенсировано другими странами Персидского залива [Хонса 1980], однако кратковременных затруднений при переориентации импорта избежать было невозможно. Кроме того, длительная война способствовала подъему мировых цен на нефть. Можно полагать, что ирано-иракская война явилась катализатором для выработки того направления на диверсификацию поставок углеводородов, которое присутствует в энергетической политике Индии по сей день.

Во-вторых, по мере исламизации Ирана, становилась и менее приемлемой для Индии его позиция по Кашмирскому вопросу. Руководством Индии с опасением воспринималось стремление Ирана к экспорту Исламской Революции, грозящее дестабилизировать режимы в странах Персидского залива [Калабрезе 2002: 62]. Однако недовольство Дели смягчал тот факт, что геополитическое значение Ирана в Персидском заливе и Центральной Азии заметно возрастало, в то время как деловые круги в обеих странах имели общие интересы и стремились к установлению партнерских отношений [Паша 2000: 227–228]. Таким образом, невзирая на серь-

езные политические расхождения, экономическое взаимодействие двух стран все же продолжалось, хотя и на более скромном уровне. В частности, продолжалось сотрудничество в сфере атомной энергетики. После того как ФРГ приостановила работы на АЭС в Бушере в 1980 г., Иран обратился к Индии за помощью в завершении проекта.

В начале 1990-х обе страны приступили к переоценке своей внешней политики на изменившейся мировой арене; в их двусторонних отношениях произошли существенные сдвиги. На сближение Ирана и Индии повлиял ряд факторов, перечислим основные из них: попытка США изолировать Иран от внешнего мира; появление новых государств в Центральной Азии после распада СССР; снижение активности исламского фундаментализма в Иране после смерти аятоллы Хомейни в 1989 году. Инициатива по оживлению двусторонних отношений принадлежала Индии, и веховым событием явился визит премьер-министра Нарасимхи Рао в Иран в 1993 г., первый подобный визит после исламской революции. Следующим толчком к развитию отношений стал визит в Иран премьер-министра Республики Индия А.Б. Ваджапи 10–13 апреля 2001 г. Затем последовал официальный визит президента Исламской Республики Иран С.М. Хатами в Дели 26 января 2003 г., поднявший поднял эти отношения на еще более высокий уровень.

Основные направления сотрудничества, по которым между странами существует совпадение позиций, следует отнести:

1. Стремление к региональной стабильности, попытки урегулирования «афганской проблемы» и борьба с терроризмом. Серьезную обеспокоенность как Ирана, так и Индии вызвал подъем активности суннитского движения Талибан, произошедший с начала 1990-х годов при поддержке Пакистана. Обе страны поддержали Северный Альянс, по сути единственную реальную оппозицию движению Талибан [Фэйр 2008]. После падения теократического режима, Иран и, Индия становятся основными региональными партнерами Афганистана и поставщиками гуманитарной помощи. В рамках программы поддержки Афганистана, на средства правительства Индии было сооружено шоссе Зарандж–Деларам длиной

217 км, открывшее путь от границы с Ираном вглубь страны, до Кабула. Данный инфраструктурный проект стоимостью около 150 млн долл. был осуществлен индийскими инженерами и пережил серию атак со стороны талибов, в ходе которых погибли шесть индийцев [The Hindu, 23.01.2009]. На завершающем этапе находится проект строительства 900 км железной дороги по территории Ирана и Афганистана от порта Чабахар, также выполняемый Индией [Hindustan Times, 01.11.2011].

2. После распада СССР, доступ Индии к рынкам Средней Азии оказался затруднен, т.к. наземная транспортировка осложнялась конфликтными отношениями с Пакистаном и нестабильной обстановкой в Афганистане. Таким образом, благодаря географической близости, Иран приобретает значение важного транспортного коридора в среднеазиатский регион. В свою очередь, предоставление транзита стимулирует развитие иранской транспортной инфраструктуры, за счет привлечения индийских инвестиций. В этом направлении уже предприняты значительные усилия. Так, в 1995 г. было подписано соглашение между Индией, Ираном и Туркменией о создании транспортного коридора с использованием иранской системы железных дорог и порта Бандар Хомейни [Калабрезе 2002: 63]. Огромное внимание уделяется развитию транспортного коридора «Север–Юг», относительно которого было достигнуто трехстороннее соглашение с Москвой в 2000 г. Создание транспортного пути в обход Пакистана позволит Индии получить свободный доступ к рынкам за пределами южноазиатского региона.

3. Еще одной точкой соприкосновения двух стран является их позиция по поводу торгово-экономических санкций, введенных США против Ирана еще в начале 1980-х, и против Индии в конце 1990-х годов. Эти санкции явились следствием исламской революции в Иране и индийских ядерных взрывов в мае 1998 г. Дальнейшее сближение Индии и Ирана на этой почве привело к тому, что во влиятельных международных объединениях, таких как Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и Организация исламского сотрудничества (ОИС), Иран сдерживает антииндийскую дипломатию Пакистана и других стран, недовольных позицией Индии в

кашмирском вопросе. Индии необходимо противостоять влиянию Пакистана в исламском мире, найти в нем новых партнеров, и в то же время усилить политическое влияние в Центральной Азии. Вычеркнуть Ирана из этих расчетов невозможно. Совпадают точки зрения Ирана и Индии и по вопросу разрешения кризисной ситуации вокруг самого Ирана, а именно его ядерной программы. Об этом будет подробнее сказано ниже.

4. Двадцать пять миллионов шиитов, населяющих Индию, вторая в мире по численности община после иранской, всегда являлась важным фактором в отношениях этих стран. Отметим, что наиболее значительный прогресс в индо-иранских отношениях был достигнут именно в период коалиционного правительства Бхарати Джаната Парти 1998–2004 гг. [Фэйр 2010], основу электората которого составляли религиозные и национальные меньшинства.

Роль США в двусторонних отношениях Индии и Ирана

Некоторое охлаждение политических связей между Индией и Ираном обозначилось в начале нынешнего века. Данный процесс во многом был вызван укреплением индо-американского сотрудничества.

В сфере экономики и торговли отношения Индии и США в пост-биполярный период развивались по восходящей линии. С середины 1990-х годов Вашингтон открыто признал Индию крупнейшей экономической державой, а американские эксперты постоянно давали крайне благоприятные для Индии прогнозы экономического развития. Однако во взаимной политике двух стран существовали расхождения, связанные, в основном, с ракетной и ядерной программой Дели, и с отказом Индии подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. Вашингтон резко осудил проведение ядерных испытаний в Индии в 1998 г. В соответствии с законом США о предотвращении распространения ядерного оружия (вступившим в силу в 1994 г.), против Индии сразу были введены экономические санкции.

С приходом к власти администрации Дж. Буша-младшего, Соединенные Штаты перестали рассматривать Индию через призму режима нераспространения. Наоборот, был выработан подход к этой азиатской стране как к естественному и стратегическому партнеру [Пант 2007]. США открыто заявили о своем намерении содействовать Индии в ее превращении в ведущую мировую державу XXI в. Визит президента Билла Клинтона в Индию в 1999 г. и «Очередные шаги к стратегическому партнерству» ("Next Steps in Strategic Partnership"), провозглашенные индийским премьером Аталом Бихари Ваджапайи во время его визита в Соединенные Штаты в 2001 г., явились основой для урегулирования разногласий между амбициями Индии в сфере атомной энергетики и планом ядерного нераспространения США. Действия президента Буша и занимавшей в то время пост советника по национальной безопасности Кондолизы Райс содействовали тому, что бывшие разногласия были отложены ради построения нового стратегического партнерства между Вашингтоном и Дели [Райс 2000]. В последующие годы существенно расширилось военное сотрудничество, включающее поставки американского вооружения и совместные военные учения, в частности чрезвычайно масштабные военноморские учения «Малабар» были возобновлены в 2002 г. после четырехлетнего перерыва.

Однако дальнейшие перспективы развития индийско-американских отношений далеко не безоблачны. В мире идет рост (пусть пока латентный) конфликтного потенциала, связанный с весьма существенными расхождениями между государствами по ряду вопросов геополитики и геоэкономики. Индийское правительство периодически публично осуждает конкретные действия США. Когда завершился период некоторой растерянности Дели, вызванной крахом биполярной системы международных отношений, Индия начала противодействовать экономической глобализации в тех ее проявлениях, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран. Хотя она безусловно заинтересована в дальнейшем укреплении экономических и технологических связей с США. Особые опасения в Индии вызывает перспек-

тива установления монополярного мира. В частности, с этим обстоятельством был связан курс Индии на нормализацию отношений с Китаем. Хорошей иллюстрацией данного тезиса является тот факт, что США долгое время оставались ведущим торговым партнером Индии, однако в последние несколько лет уступили первенство Китаю.

Знаковым событием в индо-американских отношениях явилось совместное подписание соглашения по атомной энергетике в 2006 г. Так называемое «Соглашение 123» фактически переписало правила мирового ядерного режима, т.к. де-факто Индия получила статус ядерной державы.

После подписания ядерной сделки с Индией, США уделять еще большее внимание к ее связям с Ираном. По мнению Вашингтона, «Соглашение 123», стимулируя развитие индийской атомной промышленности, должно снизить зависимость от поставок углеводородов из Ирана. По мере того, как возрастают опасения Америки по поводу иранской ядерной программы, увеличивается и давление на Индию в вопросе строительства газопровода из Ирана. Если раньше дружественные отношения между Индией и Ираном являлись для Соединенных Штатов внешним раздражителем, которому можно было не придавать особого значения, то развитие энергетического диалога между Индией и Ираном стало для Америки уже серьезной угрозой. Энергетическое партнерство с Индией способно оживить иранскую энергетику, а также открывает возможность для экспорта через Иран нефти и газа из Каспийского региона. Такое развитие событий может подорвать политику изоляции Ирана.

Администрация Буша недвусмысленно указала на то что, если Индия проголосует в МАГАТЭ против предложения США передать иранский вопрос в Совет Безопасности ООН, то Конгресс скорее всего не одобрит ядерное соглашение с Индией. В итоге, Индия в феврале 2006 г., совместно с 26 другими государствами, поддержала американскую инициативу.

Итоги голосования Индии в МАГАТЭ явились болезненной неожиданностью для Ирана, который очень рассчитывал на под-

держку Индии и Китая. Они также показали, насколько существенным остается фактор США в двусторонних отношениях.

Энергетический аспект индо-иранского партнерства и внешнеполитическая напряженность вокруг Ирана

Необходимо подчеркнуть, что двухсторонние связи между Индией и Ираном в последнее десятилетие развивались на прочной экономической основе, и это нивелировало отмеченные выше политические разногласия. Растущие энергетические потребности Индии и огромное углеводородное богатство Ирана делают эти две страны естественными партнерами. Поставки нефти и газа из Ирана, обладающего вторыми и четвертыми по величине мировыми запасами соответственно, учитывая его географическую близость к Индии, заметно интенсифицировались в последнее время, и имеют широкие горизонты дальнейшего расширения. Товарооборот между Индией и Ираном вырос с 2,8 млрд долл. в 2002–03 до 13,7 млрд долл. в 2010–11 финансовом году. В структуре товарооборота безусловно доминирует импорт иранской нефти, достигающий 11 по некоторым данным 12 млрд долл. В январе 2012 г., несмотря на экономические санкции, Индия импортировала рекордные 550 тыс. баррелей иранской сырой нефти в день, что на 37,5% выше уровня декабря 2011 [Tehran Times, 12.02.2012]. В этом же году Иран стал вторым крупнейшим после Саудовской Аравии экспортером нефти в Индию. Индия экспортирует в Иран нефтепродукты, рис, чугун, сталь, алюминий, продукцию машиностроения, медикаменты и другие товары на сумму в почти 3 млрд долл. [Банк Данных 2012]. Так, например, около 40% нефтепродуктов, потребляемых в Иране, импортируются из Индии [Болтон 2009].

Более того, недавно в Тегеране провела переговоры делегация представителей 70 индийских компаний и председателя Торгово-промышленной палаты Ирана Мухаммада Мехди Расеха. Индийские бизнесмены одобрили план увеличения товарооборота между странами до \$25 млрд в течение следующих четырех лет [Tehran Times, 11.03.2012].

Высокоперспективным для Индии является сотрудничество с Ираном в газовой сфере. Начиная с середины 1990-х годов Индия вела переговоры с Ираном о строительстве газового трубопровода через территорию Пакистана. В 1999 г. между правительствами Индии и Ирана было подписано предварительное соглашение о строительстве, а к 2007 г. согласована цена поставляемого газа. Планировалось, что трубопровод длиной почти 2800 км соединит газовое месторождение Южный Парс с конечным пунктом в Дели. Однако в 2009 г. Индия отказалась от участия в проекте из соображений безопасности поставок, а также из-за отсутствия договоренностей относительно будущей индексации цен. Кроме того, после подписания в 2006 г. «Соглашения 123», Вашингтон выразил явное неудовольствие стремлением Индии к участию в проекте строительства газопровода из Ирана. В 2010 г. индийское правительство выразило заинтересованность продолжить трехсторонние переговоры с Ираном и Пакистаном. С другой стороны, существует альтернативный маршрут, активно обсуждаемый в настоящее время, – это газопровод по дну Аравийского моря. Данный проект был впервые выдвинут на уровне глав министерств в 2010 г., и является весьма перспективным, т.к. снимает вопросы безопасности, связанные с участием Пакистана.

В последние годы Индия начала активно инвестировать в иранскую газовую инфраструктуру. Так, в 2009 г. консорциум индийских компаний (при участии государственной «Oil and Natural Gas Corporation», ONGC) согласовал инвестиции в 5 млрд долл. в разработку оффшорного месторождения Фарзад-Б, запасы газа в котором оцениваются в 275 млрд м³. Причем, данное вложение явилось первым зарубежным активом, в котором Индия получила лицензию оператора.

В начале 2010 г. консорциум ONGC-Hinduja получил 40% долю в разработке «блока 12», крупнейшего участка месторождения Южный Парс, а также 20% в строительстве терминала сжиженного природного газа (СПГ) в окрестностях порта Томбак на юге Ирана. Стоимость проектов составляет 12,5 и 4,5 млрд долл. соответственно. Соглашение предусматривает, что по окончании строи-

тельства, индийская сторона получит право закупать ежегодно 6–8 млн тонн СПГ, произведенного в рамках данных проектов. Однако сложность заключается в том, что для строительства терминалов по сжижению требуются уникальные американские компоненты, технологией производства которых не обладают ни Индия, ни даже Китай [Дадвал 2010]. Поэтому в ближайшей перспективе создание полноценной инфраструктуры для импорта СПГ из Ирана не может быть реализовано, пока не будут, по крайней мере, частично, сняты торгово-экономические санкции.

Исходя из вышесказанного, Индия с большим беспокойством наблюдает за развитием международной ситуации вокруг Ирана, т.к. эскалация конфликта всерьез угрожает энергетической безопасности страны. Обострение ситуации происходит в двух направлениях. Во-первых, новый раунд экономических санкций направлен на подавление экспорта углеводородов из Ирана, который приносит до 80% доходов в бюджет. Евросоюз уже поддержал США, решив с 1 июля 2012 г. прекратить импорт иранской нефти. А на прочих покупателях иранского сырья, в т.ч. Индию, оказывается серьезное давление с целью снижения объема поставок. Во-вторых, в последние месяцы все чаще поднимается вопрос о возможности военного решения иранской ядерной проблемы. Пальма первенства в этой риторике принадлежит Израилю, регулярно заявляющему о готовности нанести военный удар по ядерным объектам Исламской Республики Иран. Не стоит забывать о вероятной поддержке Израиля со стороны США в случае начала военных действий. В свою очередь Тегеран объявил о готовности к ответным военным действиям, а также о намерении заблокировать Ормузский пролив в случае их начала.

Два данных аспекта, экономический и военный, должны рассматриваться отдельно, ввиду принципиально разных последствий для энергетической безопасности Индии. На данный момент, хотя военная операция против Исламской Республики еще не началась, но спрос на иранскую нефть под давлением введенных санкций уже падает, теоретически Индия способна использовать складывающуюся ситуацию с выгодой для себя. Напомним,

что Иран уже в первой декаде 2012 г. сократил поставки в ЕС, а с 1 июля и вовсе потерял около 1/5 своего рынка. В июле 2012 г. производство иранской нефти сократилось до 2,9 млн барр. в день против 3 миллионов баррелей в день в июне и 3,2 млн барр. в день в мае. По добыче нефти Иран впервые с конца 80-х годов уступил своему соседу и ближайшему конкуренту, Ираку. Экспорт нефти в июле упал до 1 млн барр. в день против 1,7 млн барр. в день в июне [Отчет 2012].

Учитывая эту печальную статистику, руководство Ирана вынуждено искать альтернативы. Большие надежды возлагаются на увеличение экспорта в Индию и Китай, которые являются крупнейшими потребителями с быстро растущим спросом. Безусловно, ограничения на международные операции с банками Ирана, создают определенные сложности, однако Индия накопила существенный опыт обхождения этих санкций. Так, до 2010 г. Индия оплачивала иранскую нефть через Азиатский Клиринговый Союз (ACU), позволявший проводить бартерные сделки и операции во внутренних платежных единицах. В декабре 2010 г. под давлением казначейства США правительство Индии было вынуждено отказаться от использования ACU. В период с февраля по апрель 2011 г. использовался сложный механизм оплаты через Европейский Иранский Торговый банк (EIH), располагающийся в Гамбурге. Теоретически, данный метод не нарушал резолюций ООН, т.к. использование платежных сертификатов контролировалось Центральным Банком Индии. Однако это не устраивало американскую администрацию. В дальнейшем для транзакций использовался турецкий Halkbank, но после введения односторонних санкций администрацией Обамы 31 декабря 2011 г., и эта организация не выдержала внешнего давления [Прашад 2012]. Наконец, в феврале 2012 г. было подписано соглашение, согласно которому 45% импорта нефти будет оплачиваться в рупиях, несмотря на то, что это одна из нестабильных валют; а оставшаяся часть – инвестициями в инфраструктурные проекты и золотом. Необходимо подчеркнуть, что транзакции в рупиях (их объем ожидается на уровне 4 млрд долл. в год) [Лакшманан 2012] неизбежно сти-

мулируют импорт из Индии в Иран, необходимый для возврата валюты.

Китай также использует подобный механизм выплат в национальной валюте. Использование рупии и юаня в нефтегазовых сделках не только стимулирует торговый обмен, но имеет и политическое измерение, снижая значение доллара в международных расчетах.

Вышеуказанные причины сохранения напряженности вне военного конфликта играют на руку Индии и Китаю, т.к. дают им пространство для коммерческого маневра с целью получения скидок на иранскую нефть, одновременно предоставляя возможность укрепления торгово-экономических контактов с Ираном.

Рассмотрим вариант развития ситуации в случае начала военных действий, которые могут носить кратко- или долгосрочный характер. Индии придется в срочном порядке искать другие источники для ежедневно импортируемых из Ирана 450 тыс. барр. нефти. Учитывая относительно небольшие объемы стратегических нефтяных резервов Индии (37 млн барр.), в среднесрочной перспективе военный удар по Ирану способен нанести ощутимый урон энергетической безопасности страны. Несколько смягчает ситуацию тот факт, что Индия является нетто-экспортером нефтепродуктов, и имеет, таким образом, дополнительные варианты обеспечения внутреннего потребления в кризисной ситуации. Также дефицит нефти способны покрыть другие страны Персидского залива. Например, Саудовская Аравия выразила готовность увеличить в необходимом объеме собственный экспорт, пока не будет решен вопрос о иранском ядерном досье. Однако надо заметить, что замещение нефти из Ирана потребует перенастройки индийских НПЗ на другую по составу смесь.

Гораздо худшим сценарием станет блокада, даже кратковременная, Ормузского пролива, через который проходит вся ближневосточная нефть на пути в Индию. Более 70% импортной нефти приходится на страны Персидского залива: Саудовскую Аравию, Иран, Ирак, Кувейт, ОАЭ и Катар. Кроме того, через Ормузский пролив транспортируется СПГ из Катара, ключевого поставщика

газа в Индию, обеспечивающего 3/4 всех поставок. Поэтому даже двухнедельная блокада (а именно такой срок назывался американским военным ведомством как необходимый и достаточный для разблокирования пролива) способна внести хаос в экономическую систему Индии, завязанную в значительной мере на импорт углеводородов из стран Персидского залива.

Если по Ирану будет нанесен удар, ВМС страны, вероятнее всего, начнут атаковать проходящие танкеры. Учитывая, что ширина каждого из двух транспортных коридоров составляет 2,5 км, а ширина самого пролива в самом узком месте 54 км, несколько потопленных супертанкеров могут блокировать навигацию крупных судов на неопределенный срок.

До недавнего времени, Ормузский пролив был единственным путем транспортировки нефти из стран Персидского залива. Осознавая весомость стратегического козыря в руках Ирана, другие страны Арабского залива естественным образом стремятся обезопасить и диверсифицировать маршруты своих поставок. Так, недавно было завершено строительство нефтепровода Хабшан-Фуджайра [Коммерсантъ-Online, 03.05.2012], соединяющего месторождения Абу-Даби (ОАЭ) с берегом Оманского залива. В июле 2012 г. состоялась первая поставка 0,5 млн барр. нефти из ОАЭ в Пакистан из Фуджайры. Вместе с сооружением данного нефтепровода в Фуджайре было предусмотрено строительство стратегического нефтехранилища, для того чтобы приток нефти на мировые рынки продолжался даже в случае перекрытия Ормузского пролива. Учитывая пропускную способность линии Хабшан-Фуджайра (1,4 млн барр. в день) и долю Индии в импорте нефти из ОАЭ, новый нефтепровод сможет обеспечить лишь 5% индийского импорта.

Кроме нефтепровода Petroline (саудовский трубопровод с востока на запад) Саудовская Аравия рассматривает возможность создания альтернативных путей транспортировки и исследует порты своих южных соседей на Аравийском полуострове, Омана и Йемена. Возобновление работы нефтепровода IPSA (Ирак-Саудовская Аравия), который по иронии судьбы был построен Саддамом Хусейном во избежание угрозы блокировки Ормузского

пролива со стороны Ирана, – вопрос, который саудиты активно обсуждают с иракским правительством в Багдаде. Наконец, если Сирия и Ливан станут зависимыми от США, то можно будет также возобновить работу закрытого Трансарабского нефтепровода Tarline и создать другие альтернативные маршруты через Аравийский полуостров к побережью Средиземного моря [Наземройя 2012].

Однако существует мнение, что прокладка трубопроводов в обход Ормузского пролива ничего не меняет по сути. Большая часть нефтяных месторождений, принадлежащих странам Персидского залива, находится на шельфе или в прибрежной зоне, то есть, в непосредственной близости от Ирана, следовательно, в пределах его досягаемости. Как в случае с трубопроводом Хабшан-Фуджайра, иранцы легко могут перекрыть подачу нефти с месторождений. Тегеран способен нанести ракетный или воздушный удар, а также направить в эти районы сухопутные войска, авиацию или морские десантные силы. Таким образом, Ирану не обязательно блокировать Ормузский пролив, ведь главная его угроза состоит в возможном перекрытии потоков энергоресурсов в регионе [Там же].

Нельзя забывать о международном экономическом резонансе, который последует за военными действиями в самом ресурсонасыщенном регионе. Скачок мировых цен на нефть станет серьезнейшим экзогенным ударом по экономике Индии. Эксперты расходятся в оценках, предполагая, что мировые цены достигнут 200–300 долл. за баррель или даже допускают повторение сценария 1973 г. и многократное подорожание черного золота. Примечательно, что из-за отсрочки нападения на Иран и определенного смягчения международной обстановки вокруг него, нефть уже начала отыгрывать назад в цене [Корреспондент.net, 17.09.2012].

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что текущая позиция Индии по иранскому вопросу является экономически мотивированной и стратегически верной.

Индии необходимо настаивать на мирном урегулировании вопроса при соблюдении Ираном обязательств в рамках Договора о

нераспространении ядерного оружия. Что касается внешнего давления, т.е. угрозы экономических санкций в случае продолжения закупок иранской нефти, то поддержка такого решения неминуемо приведет к потере Индией своего стратегического поставщика – ее место быстро займет Китай.

Ряд аналитиков полагают, что Индия стоит сегодня перед жестким выбором: сотрудничество с США в освоении мирного атома или закупки углеводородов в Иране. Однако такая постановка вопроса исключает промежуточные варианты, следование которым характерно для индийской политики, дипломатии и культуры в целом. По всей видимости, индийские лидеры продолжают гибкое маневрирование в сложившихся условиях, используя опыт 1960-х годов, когда Индия одновременно была крупнейшим получателем экономической помощи в Азии и от США, и от СССР. Политика маневрирования прослеживается уже сейчас: индийская сторона неоднократно подчеркивала важность Ирана для собственной энергетической безопасности, и невозможность безболезненного снижения импорта иранской нефти. Об этом, в частности, заявил М. Сингх на переговорах с госсекретарем Х.Р. Клинтон во время ее визита в Индию в начале мая 2012 г. [The Times of India, 08.05.2012]. Однако неделей позднее индийское Министерство нефти и природного газа анонсировало 11% сокращение поставок нефти из Ирана, объясняя эту меру сугубо техническими и коммерческими причинами [Daily News and Analysis, 15.05.2012].

Библиография

India decides to cut crude oil import from Iran by over 11% // *Daily News and Analysis, India*, 15.05.2012.

India hands over strategic highway to Afghanistan // *The Hindu*, 23.01.2009.

India increases Iran oil Imports // *Tehran Times*, 12.02.2012.

India's Track 3: Afghan-Iran rail link // *Hindustan Times*, 01.11.2011.

Iran, India set \$25 billion trade target for 2015 // *Tehran Times*, 11.03.2012.

Manmohan Singh explains to Hillary Clinton India's need to engage Iran for its energy security // *The Times of India*, 08.05.2012.

Банк Данных 2012 – Export Import Data Bank // *Department of Commerce, Ministry of Commerce and Industry, Government of India*, 2012.

Болтон 2009 – Bolton J. Sanctions won't work against Iran // *The Wall Street Journal*, 31.08.2009.

Вайнбаум 1978 – Weinbaum M. G., Gautam S. Pakistan Enters the Middle East // *ORBIS*, Vol.22, № 3. 1978

Дадвал 2010 – Dadwal S. R., Alam Rizvi M. M. US Sanctions on Iran and their Impact on India // *Institute for Defence Studies and Analyses*, New Delhi, 21.06.2010.

Дутт 1999 – Dutt V. P. India's Foreign Policy in the Changing World. New Delhi: *Vikas Publishing House*, 1999.

Калабрезе 2002 – Calabrese J. Indo-Iranian Relations in Transition // *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, Vol. 25, №5. 2002.

Лакшманан 2012 – *Lakshmanan Indira A. R., Narayanan P.* India and China Skirt Iran Sanctions With 'Junk for Oil // *Bloomberg*, 30.03.2012.

Нааз 1999 – Naaz F. Indo-Israel Relations: An Evolutionary Perspective // *Strategic Analysis*. 1999. Vol. 23, №2.

Нааз 2001 – Naaz F. Indo-Iranian Relations 1947–2000. New Delhi: *Institute of Defense Studies and Analyses*, 2001.

Наземроайя 2012 – Nazemroaya M. D. The Geo-Politics of the Strait of Hormuz: Could the U.S. Navy be defeated by Iran in the Persian Gulf? // *Centre for Research on Globalization*, 08.01.2012.

Нефть дешевет из-за нежелания Израиля атаковать Иран // *Корреспондент.net*, 17.08.2012, // <http://korrespondent.net/business/rynki/1384770-neft-desheveet-iz-za-nezhelaniya-izrailya-atakovat-iran>

Нефть пошла в обход Ирана // *Коммерсантъ-Online*, 03.05.2012.

Отчет 2012 – Oil Market Report. *International Energy Agency*, 2012.

Пант 2007 – Pant Harsh V. A Fine Balance: India Walks a Tightrope between Iran and the United States // *ORBIS*, Vol. 51, №3, 2007.

Паша 2000 – Pasha A. K. India, Iran and the GCC States: Common Political and Strategic Concerns – in: India, Iran and the GCC States: Political Strategy and Foreign Policy. New Delhi: *Manas Publications*, 2000.

Прашад 2012 – Prashad V. India's dilemma: How to pay for Iranian oil // *Asia Times Online*, 15.02.2012.

Райс 2000 – Rice C. Promoting the National Interest // *Foreign Affairs*, Vol. 79, №1, 2000.

Фэйр 2008 – Fair C. Christine. Pakistan's relations with Central Asia: is past prologue? // *Journal of Strategic Studies*, Vol. 31, №2, 2008.

Фэйр 2010 – Fair C. Christine. Indo-Iranian Relations. What Prospects for Transformation? // Ganguly S. (ed.) *India's Foreign Policy Retrospect and Prospect*, New-Delhi: Oxford University Press, 2010.

Хонса 1980 – Honsa C. Iran-Iraq war leaves India scrambling for oil and trade // *Christian Science Monitor*, 28.10.1980.

КУРС ИНДИИ «СМОТРИ НА ВОСТОК»: ИТОГИ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Что означал в минувшие два десятилетия и, по-видимому, будет означать в перспективе курс «Смотри на Восток» (Look East Policy, LEP) для Индии? Какие сдвиги произошли во внешней политике страны с момента принятия этого смелого, инновационного курса индийским премьером Нарасимхой Рао в 1991 г. при самом активном участии министра финансов того времени, всемирно известного экономиста Манмохана Сингха? Как эволюционировал курс от фазы к фазе и от перемен в мире и регионе? Двадцатилетний опыт позволяет подвести некоторые краткие итоги минувшего времени, а возможно чуть заглянуть вперед.

Основной особенностью первых шагов LEP во внешних взаимодействиях и прежде всего с Ассоциацией экономического сотрудничества стран ЮВА (АСЕАН) была экономическая составляющая. Почему были избраны именно Юго-Восточная Азия (ЮВА) и экономические связи с данной группировкой? Этому благоприятствовали географическая близость, давние исторические и культурные связи, наличие части популяции индийского происхождения, выгодная стратегическая локация, зримые достижения АСЕАН в экономике, относительная стабильность ситуации в регионе и т.п.

По мнению многих индийских и западных политиков и ученых, широкая институтолизация взаимоотношений на начальном этапе позволила добиться значительных успехов между сторонами, сопоставимых вероятно с индийско-американским вектором. В этот же период был дан старт программе развития отсталых Северо-восточных штатов, реализация которой тесно связана с реализацией LEP, прежде всего за счет углубления разнообразных, в том числе прямых отношений с Мьянмой и Таиландом. Частично выполнены проекты развития коммуникаций между ними. Были инициированы структуры многостороннего сотрудничества в

* Институт востоковедения РАН

1997 г. – БИМСТЭК (совместно с Таиландом) и в 2000 г. Меконг-Ганга, которые должны были сыграть роль дополнительных своеобразных мостов на стыке двух регионов – ЮА и ЮВА. Все это позволило выйти на новый уровень во второй фазе курса с более широким спектром направлений взаимосвязей.

В статье «Перестройка индийской внешней политики: конец маргинализации сообщества международных отношений» известный индийский политолог Си Раджа Мохан подчеркнул: «Нет сомнения в том, что за последние десятилетия индийская дипломатия продемонстрировала значительное стратегическое воображение и во внешней политике есть немало достижений. Курс «Look East» занимает одно из первых мест в этом ряду» [Мохан 2010: 158].

Вместе с тем, наряду с успехами первой фазы курса, выявились некоторые проблемы, которые неизбежны при таком огромном замахе. Хорошо известно из информации местной печати, что некоторые представители асеановской деловой элиты нередко привлекали внимание к трудностям ведения переговоров с Индией по соглашениям о зонах свободной торговли, засилью бюрократии и протекционизму, узкой номенклатуре предлагаемых товаров, к стремлению исключить из них целый ряд товаров (текстиль, сельскохозяйственную продукцию и т.п.) и недостаточному уровню торговли в целом. Эти же проблемы признавались и индийскими экспертами.

Вторая фаза LEP – новые акценты и механизмы

Вполне закономерно, что индийское правительство предпринимало немало мер, чтобы интенсифицировать экономическое направление, скорректировать промахи во взаимосвязях с АСЕАН в данной сфере, найти новые механизмы сотрудничества. В 2004 г. был предпринят шаг по подключению частных структур к реализации LEP. Конфедерация индийской промышленности (CII) открыла в Сингапуре свое представительство по вопросам сотрудничества по многим направлениям курса, начиная от торговли и инвестиций и кончая туризмом, логистикой и медициной [Центр внешней по-

литики 2011: 90], что способствовало расширению связей и решению конкретных мер.

Со своей стороны АСЕАН приветствовала стремление индийского руководства к развитию торговли, прежде всего с наименее продвинутыми членами организации – Лаосом, Камбоджей, Мьянмой, Вьетнамом и рассматривала эти и другие усилия Индии (в сфере образования, предоставления помощи в связи с природными катаклизмами и т.п.) как дополнительный элемент для укрепления их позиций в новой незнакомой среде.

Была снята критика по поводу продажи оружия военной хунте Мьянмы после ее подключения к совместной борьбе против повстанцев и криминальных элементов в приграничье и подписания в 2010 г. в Дели между сторонами давно назревшего соглашения о взаимопомощи в акциях против терроризма и повстанческого движения. Через многостороннюю структуру БИМСТЭК и двустороннее соглашение о намерениях с Таиландом Индия расширила с 2006–2007 гг. круг совместных мер по предотвращению доставки мелкого оружия через границы стран субрегиона (Поддер 2007: 680).

В 2007 г. Индия и АСЕАН основали специализированный фонд для организации совместного наблюдения за изменениями климата и проблемами окружающей среды в целом. В его рамках была развернута конкретная деятельность в этой сфере и созданы механизмы по борьбе с природными катаклизмами на уровне встреч чиновников министерств обороны (ADMM).

Помимо неизменного интереса к индийским информационным технологиям, асеановцы с охотой воспринимали предложения Индии в сфере образования, в частности о возведении кампусов в Сингапуре, Джакарте, Куала Лумпуре, воссоздании древнего университета в Наланде, а также разнообразные проекты в области культуры. Это способствовало снятию упреков тех, кто считал курс движением преимущественно товаров, услуг, инвестиций, оставляя в стороне обмен частными визитами людей, туризм, проекты по взаимопроникновению культур и т.п.

Вступившую в силу в 2010 г. Зону свободной торговли, по существу ставшей пиком в их отношениях, стороны решили реализо-

вать в два этапа – к 2013 г. с Брунеем, Малайзией, Сингапуром и Таиландом, как наиболее продвинутыми, и к 2018 г. с остальными членами Ассоциации. Для ускорения этого процесса предстоит поэтапно отменить к 2013 г. и 2016 г. импортные пошлины на более чем 3700 тарифных линий, составляющих 75–80% объема торговли Индии с АСЕАН (372 наименования сельскохозяйственных товаров, 666 – химической продукции, 591 – машино-технических и 409 – текстильных товаров).

Было предпринято расширение договорно-правовой базы торгово-экономических отношений Индии с отдельными странами-участницами АСЕАН. На очередном саммите Индия–АСЕАН, состоявшемся в августе 2011 г., проведены переговоры и подписано соглашение об облегчении режима предоставления взаимных торговых услуг и либерализации инвестиционных правил. Активно ведутся переговоры по другим секторам – науке и технологиям, развитию человеческих ресурсов, медицине, культуре [Центр внешней политики 2011: 27].

К концу второй фазы торговля Индии и АСЕАН возросла до 60 млрд долл. в 2011 г. и свыше 70 млрд долл. в 2012 г., но все еще отставала от показателей других иностранных партнеров группировки. В 2008 г. Индия занимала лишь 7-е место в торговле с АСЕАН, которая в свою очередь являлась 4-м по значимости ее контрагентом. Продвижению взаимодействий между сторонами способствовали также подписанные прежде соглашения о ЗСТ или всеобъемлющем экономическом сотрудничестве (СЕСА) с отдельными членами Ассоциации – Малайзией, Сингапуром, Таиландом, Вьетнамом. С 2011 г. началось обсуждение соглашения о ЗСТ между Индией и Индонезией. Только с Малайзией по условиям ЗСТ ожидается подъем торговли к 2015 г. до 15 млрд долл. [Центр внешней политики 2011: 26].

Одновременно, с рубежа веков был сделан акцент на политико-стратегических аспектах курса. С одной стороны, он давал возможность закрепления индийских политико-стратегических позиций на поле ЮВА. А с другой, – это означало значительный сдвиг в видении и понимании руководителями Дели окружающего ми-

ра, региона на стыке двух океанов и АТР, где Индия намеревалась играть более активную роль в связи с амбициозными устремлениями выйти на уровень мировой державы.

Индия заложила определенную базу политико-стратегических отношений со странами АСЕАН еще на первой фазе «Look East Policy», а подписав соглашение по борьбе с терроризмом в 2003 г., дала старт второй фазе курса, в которой вопросы безопасности – традиционной и нетрадиционной – приобрели должную, более глубокую проекцию.

Нельзя не заметить также значительное расширение пространства ее активности от южного пояса АТР (Австралазии) до Северо-Восточной Азии. Это знаменовало углубление политико-стратегических связей Индии не только с членами АСЕАН, но и с Австралией, Южной Кореей и Японией, а также желание играть более заметную роль даже в Океании, где в последние годы заметно активизировался Пекин [Пале 2012]. Эти направления явно не дополучали в прошлом внимания экспертов в России, но не за рубежом.

В отношении Дели с каждым из указанных ведущих государств АТР есть свои нюансы и свои проблемы, несмотря на общность как геополитических и экономических интересов, так и геостратегических вызовов по многим вопросам, связанным с экономическим и особенно военным подъемом Китая, распространением ОМУ и наркотиков, разгулом пиратства у берегов Африканского Рога или в районе Малаккского пролива, браконьерством, незаконной перевозкой людей, безопасностью важнейших коммуникаций (SLOC`s) и т.д. Но главным, безусловно, были поиски Индии поддержки со стороны этих стран курса «Смотри на Восток».

Видимо, было бы целесообразно осветить следующий комплекс аспектов: 1. Особенности взаимосвязей Индии с отдельными государствами; 2. Воздействие китайского фактора на процессы в регионе и взаимосвязи указанных стран с Индией; 3. Новые моменты в ситуации в регионе в силу принятия доктрины США – «Тихоокеанский век Америки» и других факторов.

Индия и Австралия: проблемы и перспективы

Прежде чем характеризовать специфику современных связей двух государств, необходимо кратко указать на целый ряд их экономических и геополитических преимуществ. Так, Индия показала устойчивый экономический рост и в ближайшие годы может войти в число 5-ти крупнейших экономик мира. По расчетам западных и индийских демографов, страна может к 2050 году стать первой среди наиболее населенных государств земного шара. Индия – это крупнейшая демократия мира с древнейшими цивилизациями, традициями и культурой, широко распространившимися по планете.

Австралия – государство-континент. Занимая важное стратегическое положение на стыке двух океанов и к югу от ЮВА, где пролегают стратегически важные коммуникации через уязвимый и перегруженный Малаккский пролив, а также Ломбок и Сунда, страна вместе с Новой Зеландией и архипелагами Океании занимает почти $\frac{1}{4}$ часть Мирового океана и обладает возможностью довольно плотного контроля обширного региона. Австралия была активным участником АНЗЮС и проводником политики США в АТР, особенно в Южных морях. Ситуация разительно менялась с принятием в 80-х годах минувшего века концепции «поворот к Азии», а прекращение существования биполярности и противостояния СССР – США ускорили ее реализацию по многим причинам и, прежде всего из-за вызовов бурного экономического и военного роста и Индии и особенно Китая, который явно пытается заменить Австралию в Южных морях в экономическом и стратегическом плане.

Чтобы нивелировать эти «опасные» сдвиги, хотя бы в отношении Индии, правительство Австралийского Союза планировало формирование «треугольника стабильности» в Индийском океане в составе Южная Африка – Индия – Австралия и до ядерных испытаний в Южной Азии в 1998 г. намеревалось развивать военное сотрудничество с Дели.

В целом, связи Индии и Австралии были отягощены в прошлом рядом проблем, приводившим иногда к их спаду. Это осуждение Канберрой отмеченных выше ядерных испытаний 1998 г. и под-

держка позиции США, требовавших поначалу от Индии подписания Договора об их запрещении. Из сего следовало сдерживание развития взаимодействий, особенно в обороне; отказ от продажи урановой руды (в Австралии имеются до 40% мировых запасов); спекуляции о негативном воздействии испытаний на перспективы получения Индией постоянного места в СБ ООН и членства в Азиатско-тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) и т.п.

Австралийские военные не постеснялись просить у правительства дополнительное ассигнование на военные расходы в связи с усилением Индии, появлением у нее ядерного оружия и т.п. [Уорлд Фокус 2010: 451]. Удивительно и то, что в главном документе по обороне Австралии – «Белой книге» вплоть до 2009 г. не было места проблемам безопасности западного побережья континента и индоокеанской зоны, поскольку страна была завязана преимущественно на ЮВА, Южные моря и АТР в целом, но, тем не менее, для торговых связей со странами Восточной Африки и Персидского залива использовала воды Индийского океана [Редди 2010: 134].

Быстрое развитие американо-индийских торгово-экономических и стратегических отношений, особенно в ядерной сфере, признание за Дели статуса ядерного государства де-факто, огромный экономический и людской потенциал, роль ключевого игрока в Индийском океане, позже на стыке двух океанов и в АТР, где происходят значимые политико-стратегические сдвиги, деятельность двух государств бок о бок в АРСИО, АРФ, ВАС и другие факторы заставили австралийских политиков достать с полки Министерства иностранных дел долго лежавшую папку по Индии. И машина завертелась: подписывались меморандумы, соглашения, проводились маневры, обменивались визитами разных уровней и т.д. Австралия даже стала наблюдателем в СААРК в 2010 г. Если говорить конкретно об ускорении взаимоотношений на новом витке более подробно, то они сводятся к следующим сферам.

Экономика. Взаимные интересы оказались выгодными. Уже к 2006–2007 гг. Индия стала 4-м крупнейшим экспортером Австралии – к рубежу веков индийский рынок австралийского экспорта рос быстрее, чем любые из 30 рынков других государств, занима-

ющих наивысшие позиции в списке торговых партнеров континента, который к тому же является 8-м иностранным инвестором Индии на сумму свыше 1 млрд долл. [Боннор 2008: 166].

Экспорт Австралии в Индию состоит в основном из естественных ресурсов и разнообразных минералов (меди, золота и др.), которые способствуют удовлетворению потребностей индийской энергетики и экономическому росту. Это, прежде всего, 50% необходимой шерсти и значительного объема поставок угля для энергетики, обеспечивающего потребности 50% индийской сталелитейной промышленности. Обладая значительным потенциалом натурального газа, Австралия поставляет его согласно подписанному в 2007 г. с Государственной нефтяной корпорацией штата Гуджарат соглашению.

В августе 2009 г. стал работать долгосрочный контракт на поставку в течение 20 лет сжиженного газа между индийской компанией Петронет (Petronet) и австралийской Эксон-Мобил (Exxon-Mobil) с нового месторождения в Западной Австралии на сумму в 20 млрд долл. А открытые в 2009–2010 гг. крупные месторождения нефти и газа в Квинсленде, Южной и Западной Австралии могут способствовать не только обеспечению энергетической безопасности Индии, но и предоставить рабочие места для значительного отряда индийских инженеров и рабочих, давно славящихся своими управленческими и технологическими знаниями и опытом [Панда 2010: 215,217].

Обмен услугами в образовании, который развивался по восходящей на протяжении ряда лет (примерно на 35% ежегодно), к сожалению, был омрачен с 2009–2010 гг. напряженностью, вызванной многочисленными неоправданными нападениями в Сиднее, Мельбурне и других городах на индийских студентов, обучающихся в австралийских университетах и профессиональных школах.

Между тем эта услуга чрезвычайно значима не только в экономическом плане для Австралии¹⁰⁵, но и как страна, занявшая вто-

¹⁰⁵ Австралия зарабатывает около 15 млрд долл. ежегодно на обучении иностранных студентов.

рое место по относительно дешевому и качественному обучению (после США) и по численности индийских студентов (в 1999 г. их было 5 тыс., а в 2009 г. – уже свыше 100 тыс. студентов).

Индия и Австралия – это растущие рынки туризма, что тоже немаловажно для обоих государств, где есть масса привлекательных природных и исторических достопримечательностей, которые стоит посмотреть и индийскому среднему классу и австралийцам. Чтобы найти новые ниши и новые направления в торгово-экономической сфере обе стороны используют двусторонние и многосторонние форматы связей (Группа–20, ВАС, АРСИО, АРФ и др.) и ныне рассматривают возможности заключения соглашения о ЗСТ или похожей структуры, поскольку Индия обладает значительным опытом работы в таких форматах со многими государствами АСЕАН и СА.

Политико-стратегическая область. Здесь у Австралии и Индии есть немало точек совпадения взглядов на меняющийся мир и противоречий. Австралия поддерживает желание Индии войти в состав СБ ООН и АТЭС, ее курс «Смотри на Восток» и т.д. Индия является сторонницей открытого и инклюзивного регионализма, достаточно гибкого, чтобы охватить многообразие стран АТР. Вот почему она поддержала идеи австралийского премьера К. Радда по созданию Тихоокеанского сообщества (АТС), способного ответить будущим вызовам в безопасности, экономике и политике.

Что касается конкретных форм оборонного сотрудничества, то и здесь шаг за шагом выстраиваются достаточно тесные и широкие отношения после принятия Индии в качестве ядерного государства де-факто, о чем выше говорилось. Начало было положено в 2001 г. подписанием первого документа об установлении индийско-австралийского стратегического диалога, который предусматривал встречи на министерском уровне, совместные двусторонние и многосторонние маневры в Бенгальском заливе и индоокеанской зоне, визиты австралийских кораблей в порты Индии, их участие в инициированном Дели Морском симпозиуме Индийского океана с 2008 г. (IONS). В 2007 г. было подписано соглашение об обмене оборонной информацией.

Крепнущие военные связи Австралии и Индии, а также в формате Индии и Японии и США – Австралия – Япония – Индия в том или ином виде вызывают определенную озабоченность в Китае, который, с одной стороны, ощущает себя исключенным, а с другой, – реагирует более агрессивными акциями. Хотя опасения перед подъемом Пекина, его ускоренной модернизацией ВС и ВМС не могут не учитываться, для Австралии отношения с ним это немаловажный фактор зависимости от китайских значительных инвестиций в горнодобывающую индустрию и от растущей торговли.

Одним из аспектов политико-стратегических связей являются меры, направленные против терроризма: это протокол 2003 г., создание в 2009 г. совместной Рабочей группы по борьбе с террористами и их финансированием, отмыванием денег, обмену секретной информацией, правовому обеспечению и т.д.

Весьма сложными и щекотливыми в переговорах и принятии решений стали продажа Индии партии урана и вопросы нераспространения и разоружения. Отношение к продаже урана строилось, исходя из смены правительств, которые происходили весьма часто. Если Джон Говард заявлял в августе 2007 г. о позитивном решении его правительства при условии строгого соблюдения 6-ти правил, то вскоре сменивший его в декабре того же года К. Радд считал подобную акцию вредной и способной ускорить гонку вооружений. Дискуссии в правительстве продолжились: так, министр труда С. Крин выдвинул 4 условия, главным из которых было подписание Договора о нераспространении.

Крутые повороты в решении урановой проблемы повторялись неоднократно. Лишь признание США за Индией статуса ядерного государства де-факто повлекло, наконец, позитивное решение вопроса. Индия, по мнению А. Какодхара, бывшего председателя комиссии МАГАТЭ, могла бы испытывать трудности в связи с недостатком топлива для своих АЭС, хотя она пока полагается на торий [Индиен Экспресс: 2010].

Как убеждены руководители Индии и Австралии, следует без сомнения развивать и расширять диалог и конкретную кооперацию по таким актуальным вопросам, как подъем Китая, экономика

и торговля, морская безопасность, создание новых форм архитектуры регионализма, достижение лучшего понимания проблем разоружения и его механизмов и др.

Точки взаимодействия Индии с Южной Кореей

Отношения с Южной Кореей, которая достаточно успешно идет к статусу регионального центра влияния и развития¹⁰⁶, явно прежде недооценивались в Дели, хотя южнокорейские военно-морские возможности сопоставимы с Францией и Великобританией. Обе стороны инициировали проведение морских маневров каждые два года, начиная с 2000 г. и далее. Это способствовало ознакомлению с условиями и упрочению присутствия индийского флота в ЮКМ и ВКМ.

Обе стороны в равной мере обеспокоены распространением ядерного оружия и ракетной технологии КНДР и Пакистаном в соответствующих регионах. Индия выражала желание стать членом 6-ти сторонних переговоров по ситуации на Корейском полуострове в связи с ядерной программой КНДР.

В экономике знаковой вехой стала разработка соглашения о Всеобъемлющем экономическом партнерстве (СЕРА) в 2006 г., которое вступило в силу в 2010 г. и открыло дорогу потокам широкого спектра товаров в обе стороны. Объем товарооборота увеличился с 1,402 млрд долл в 1996 г. до 11,997 млрд долл в 2010 г. Южная Корея стала одним из 10-ти крупнейших инвесторов Индии, где активно работают такие известные в мире корейские компании, как LG, Samsung, Hyundai, Daewoo. Сеул проявляет огромный интерес к рынкам ядерной энергетики Индии¹⁰⁷, к информационным и космическим технологиям.

Курс «Смотри на Восток», в рамках которого активно развиваются индийско-корейские торгово-экономические и научно-технологиче-

¹⁰⁶ Республика Корея ныне является четвертой экономикой Азии

¹⁰⁷ В перспективе ЮК, являющаяся одной ведущих стран с мощной индустрией возведения атомных электростанций в мире, намерена освоить возможности Индии в этой сфере на сумму до 160 млрд долл.

ческие взаимосвязи, был дополнен и расширен выдвинутой корейским президентом Ли Мен Баком в марте 2009 г. встречной «Новой азиатской инициативой» [Уорлд Фокус 2010: 489].

В начале октября 2004 г. в ходе визита южнокорейского президента Ро (лишь второго за предыдущие 7 лет) было решено поднять их уровень до регулярного обмена представителями разных министерств с целью обсуждения вопросов политико-стратегических отношений и установить долгосрочное «партнерство для мира и процветания» сторон. Характер такого диалога предусматривал взаимодействия по проблемам безопасности морского судоходства, береговой охраны и т.п. Год спустя были подписаны соглашения о взаимопонимании по сотрудничеству в пресечении криминала и правовой поддержке, а также в оборонной промышленности и логистике.

Конкретным продолжением развития двусторонних отношений в сфере обороны стали совместные антипиратские акции сторон в Индийском океане и Аденском заливе в 2006 г., а в последующие годы обмен военными делегациями, визиты кораблей с миссиями доброй воли, например 2-х фрегатов ЮК с 625 моряками и офицерами на борту в порт ВМБ Кочин в октябре 2008 г. и др. В 2010 г. было подписано соглашение о стратегическом партнерстве, которое предполагало дальнейшее расширение военно-стратегических связей, включая обмен информацией и военной технологией, обучение кадров, проведение совместных маневров и т.п. В целом укрепление отношений по различным направлениям означало не только стремление к обеспечению стабильности в АТР, но и взаимную поддержку курсов Сеула и Дели. Это было чрезвычайно важно для продвижения Индии на Восток и вступления в АТЭС [Чакраборти 2009: 462].

Мотивы и особенности сближения Индии с Японией

Отправной точкой бурного развития в постбиполярный период (после определенной стагнации) взаимосвязей и, в первую очередь стратегических отношений между Индией и Японией стали

обмены визитами на высшем уровне¹⁰⁸ с начала нового тысячелетия. Среди них заслуживают внимания: 1. Поездка японского премьер-министра Мори в Индию в 2000 г. и подписание соглашения «Глобальное партнерство в XXI в.», которое вернуло стороны на рельсы взаимоотношений после шумной антииндийской кампании и жесткой критики со стороны Токио испытаний ядерного оружия в Похране в 1998 г.; 2. Встреча премьер-министра Индии А.Б. Ваджпайи с японским коллегой в 2001 г., когда было решено продолжить связи «military-to-military» и обсуждение других сопутствующих стратегических вопросов. 3. Визит Коидзуми в Дели в 2005 г. и разработка плана из 8-ми пунктов, нацеленного на установление стратегического партнерства. 4. Обмен визитами между М. Сингхом и С. Абэ в 2006–2007 гг., которые стали наиболее значимыми по сравнению с предыдущими, для которых было характерно множество громких заявлений и риторика, но мало конкретных мер [Рехман 2009: 134–135; Пол 2008: 108–109].

Почему Япония обратила серьезное внимание на Индию с начала нового века? Во-первых, изменились место и роль Индии в мире и регионе. Во-вторых, Индия стала третьей экономикой Азии. В-третьих, в условиях, когда в Японии ускорялся процесс «нормализации», ей были важны центральная локация Индии в Индийском океане, по которому проходят до 90% нефти и где Токио стал активно поддерживать акции Вашингтона в борьбе с международным терроризмом. В-четвертых, для Японии с ее конституционными ограничениями, значимы акции индийского крепнущего флота в охране коммуникаций и в борьбе с пиратами в районе Малаккского пролива и шире. Наконец, для Токио была немаловажна общность позиций с Индией по распространению ОМУ, реформированию СБ ООН и реакции на бурный подъем Китая.

В этих условиях потребовался иной, более высокий виток и конкретный характер отношений – в ходе визитов С. Абэ и М. Сингха были инициированы семь пунктов в Меморандумах о

¹⁰⁸В 1990-е годы между сторонами состоялась лишь одна встреча на уровне премьер-министра.

взаимопонимании, которые быстро наполнились реальным содержанием и не только в стратегической сфере.

Последовавшие Соглашение об экономическом партнерстве и Всеобъемлющее соглашение об экономическом сотрудничестве (ЕРА и СЕСА) охватывали широкий круг сфер сотрудничества – от инвестирования в индийскую инфраструктуру (транспортногрузовые мегапроекты Дели – Мумбай и Дели – Кольката, помощь Мицубиси в строительстве метро в столице Индии и т.п.) до энергетической безопасности, автомобильной промышленности, науки, информационных технологий, космоса, а в последние годы и ядерной энергетики [Пиллаи 2010: 35–36].

В 2007 г. США, Япония и Австралия пытались ангажировать Индию на участие в создаваемой ими стратегической коалиции, от чего в Дели отказались по разным причинам. Вместе с тем в 2008 г. было подписано соглашение по безопасности между Токио и Дели, второе по важности такого рода для Японии, согласно которому интенсивно велись обмены военных специалистов и офицеров разных уровней, стратегической информацией, проводились совместные морские учения и т.п. В эти же годы в Дели шли дискуссии о создании системы ПРО совместно с Японией (при поддержке США), но потом планы отпали, хотя были продолжены научные изыскания в данной области. В ходе визита министра обороны Индии А.К. Энтони в апреле 2012 г. в Токио были согласованы задачи маневров ВВС и ВМС, которые должны стать не просто очередными учениями, а отработкой операционной составляющей различающихся систем вооружения Японии и Индии. Это свидетельствовало о самой тесной кооперации на уровне отдельных родов войск, авиации и флотов.

К сожалению, экономический элемент сотрудничества оказался самым слабым и долгое время не успевал за развитием стратегических связей. К примеру, в 2006 г. объем взаимной торговли был в 30 раз, а в 2010 г. в 20 раз ниже китайско-японской. Японские деловые круги надеялись снизить за счет Индии зависимость от китайских рынков, вели сложные переговоры, которые завершились подписанием в 2011 г. соглашения о ЗСТ и с которым свя-

зываются большие надежды на подъем взаимного товарооборота. В 2001 г он составлял лишь 4,1 млрд долл., в 2008 г. – 13 млрд долл. и, как ожидают, к 2020 г. – может достичь 20 млрд долл. Однако представители японских деловых кругов, продвигающихся на индийские рынки, отмечали слабую развитость инфраструктуры, сложные законодательство и систему налогообложения, неэффективность правил и схем доставки товаров на местах. Была проведена серия двусторонних переговоров по смягчению условий торговли с Индией и преодолению ею заборов на данном пути, что конечно требует времени.

В большой степени Индия заинтересована в привлечении японских инвестиций, которые заметно возросли с 18,4 млрд иен в 2001 г. до 178,2 млрд иен в 2007 г., т.е. почти в 10 раз. Их сумма в 2009 г. составила 5,2 млрд долл, что больше, скажем, китайских инвестиций в 3,6 млрд долл. за тот же год [Уилкинс 2011: 141].

В целом, можно констатировать, что индийско-японские отношения, которые прежде представляли собой определенный феномен с явным уклоном в сторону их стратегической составляющей и запаздыванием развития экономических связей, выравниваются, взаимовыгодны для сторон и выходят на такой политико-стратегический уровень интенсивных и тесных взаимодействий, которые весьма востребованы в меняющихся условиях в регионе. При этом, Япония, зависимая от японо-американского договора и желая нивелировать это состояние, преследует диверсификацию своих связей в целом за счет крупных и набирающих вес держав, каковой является ныне Индия. А в Дели получили значимую поддержку со стороны Токио восточному вектору индийского курса в АТР и заявке на вступление в АТЭС, чего столь долго ожидали.

Движение на Восток: интересы и вызовы

Определенный успех второй фазы не только на пространстве АСЕАН, которое стало трамплином для дальнейших шагов на Восток, но и в отношениях с ведущими региональными странами открыл перед Индией дверь в АТР. Еще в середине 40-х годов минувшего века первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру

верно предугадал, что в будущем не Атлантика, а Тихий океан станет нервным центром (центром развития) в мире.

Нынешнее продвижение получило название «Look East and Far». Вполне закономерно возникает вопрос, а почему Индия так устремлена в АТР? Намереваясь реализовать более широкие цели и усилить связи и влияние на пространстве от Австралии и Океании до Восточной Азии, Дели преследует политико-стратегические и пока в меньшей степени экономические интересы. Индия заинтересована в свободе судоходства в западной части Тихого океана (50% индийских товаров доставляется в США через эти воды), в участии индийских компаний в разработке совместно или самостоятельно нефти и газа в ЮКМ и возле Сахалина, в проходе к Арктике, где расположена индийская научно-исследовательская база на одном из островов Норвегии, в активизации ее роли в ВАС, в расширении стратегического проекции ВМФ как стабилизирующей силы в Малаккском проливе, ЮКМ и далее.

С конца 90-х годов Индию не принимают в Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) из-за неоднократно объявляемого моратория. Но она сумела стать членом или наблюдателем ключевых региональных структур – ШОС, ВАС, а также многосторонних форматов второго ряда – Западно-тихоокеанского морского симпозиума (WPNS), Регионального соглашения по борьбе с пиратами и вооруженным разбоем против кораблей в Азии (ReCAAP, инициатор Япония), Региональной инициативы по морской безопасности (RMSI, выдвинута США), Совета сотрудничества по безопасности АТР (CSCAP) и др.

Существуют ли ограничители в продвижении Индии в АТР? Да, безусловно. К их числу относятся серьезные внутренние социально-экономические проблемы и проблемы в отношениях с соседними государствами, а также не всегда благоприятные для Индии тренды в Индийском океане [Лебедева 2012: 168].

Знаковой вехой в дальнейшем прорыве Индии в АТР стало ее участие в учредительной встрече Восточно-азиатского саммита (ВАС) в конце 2005 г. и в последующей его деятельности. Первоначальная концепция ВАС состояла в том, чтобы поднять структуру

АСЕАН+3 (Китай+Япония+Южная Корея) на более высокий уровень, когда три столицы восточноазиатских государств смогли бы на равных действовать и принимать у себя лидеров стран будущей ВАС.

Было принято решение членами АСЕАН в апреле 2005 г., чтобы все участники отвечали трем критериям: 1. Имели тесные отношения с АСЕАН; 2. Были полными партнерами по диалогу с АСЕАН; 3. Были подписантами Договора о дружбе и сотрудничестве 1976 г. Индия полностью отвечала этим требованиям.

В ходе формирования новой интеграционной структуры еще раз выявились и соперничество Китая и Японии за лидерство в регионе, и их стремление заполучить в ней решающее слово по основным вопросам состава, организации и принципам деятельности. В июле того же года после сложных переговоров министров иностранных дел АСЕАН и взаимных выпадов и противоречий между Китаем и Японией была все же достигнута договоренность о приглашении периферийных по отношению к группировке и ВА государств – Индии, Австралии и Новой Зеландии.

Для Индии это был важный рывок в ее движении на Восток и явственная поддержка ее курса большинством участников формирующейся структуры, которая сама стала новым существенным «кирпичом» всего восточноазиатского регионализма.

Содержание деятельности ВАС, который ныне называют АСЕАН+6, менялось в истекший с 2005 г. период от чисто встреч на высшем уровне лидеров стран-участниц до появления первых институциональных форм – рабочих секций как для претворения конкретных мер, так и для разработки среднесрочных и долгосрочных стратегий и задач в рамках Группы по исследованию ВА (EASG) после изучения экспертами условий создания инвестиционного поля, Делового совета, информационной сети, возможностей для ЗСТ ВА и т.п. С принятием в структуру РФ и США в 2010 г. не за горами ее новая идентификация – АСЕАН+8 [Комори 2007: 171–172; Стрельцов 2012: 73].

В дальнейшем Индия широко использовала участие в ВАС для укрепления доверия и разнообразных связей с АСЕАН, озвучива-

ния своих позиций и принципов создания будущего Восточно-Азиатского сообщества и механизма интеграционных процессов в ВА (открытого регионализма, полицентризма и др.).

Индия не может упустить шансы и преимущества расширяющегося формата ВАС и активно сотрудничает, например, с Рабочей группой ВАС по энергетике и др. На 4-й встрече ВАС в 2009 г. индийский премьер М. Сингх объявил о выделении 1 млн долл. в течение 10 лет на развитие изучения экономик стран АСЕАН и ВАС [Уорлд Фокус 2010: 436, 440]. Участие Индии в ВАС значимый, но все же промежуточный этап в ее широкой тихоокеанской политике и, в частности в достижении членства в самом крупном интеграционном формате сотрудничества 21 экономик АТР, каким является АТЭС.

Китайский фактор и формула «соперничество или сотрудничество» в отношениях Дели и Пекина

В век растущей взаимозависимости между странами по самым разным направлениям Индия и Китай не могут не быть участниками данного процесса. По подсчетам бельгийского ученого из Брюссельского университета Дж. Холслэга, число визитов между соседями на уровне министров увеличилось с 2 в 90-х годах прошлого века до 4 на начало 2000-х годов; двусторонних соглашений с 5 в конце 90-х годов до 81 в 2006 г.; диалогов по так называемым Трэк-I и Трэк-II за тот же период с 2 до 12 [Холслэг 2009: 812].

По всей видимости, такой рост взаимосвязей произошел после исторического визита Р. Ганди в 1988 г. в Китай, итоги которого вселили надежду на их улучшение и вызвали появление концепции «Чиндия», как наиболее яркого воплощения идей взаимозависимости и партнерства. Автор концепции Р. Джайрам не единственный политик высшего ранга и политолог, кто заметил возможность объединения усилий двух азиатских гигантов в построении мирового порядка. Эту же или схожую возможность интересно интерпретировали и некоторые ученые Китая, Индии, Бельгии и др. [Камал 2005; Уан, 2006: 51–74; Холслэг 2009: 41–56].

Между тем нельзя было не констатировать комплекс крупных проблем в их отношениях, которые искажены из-за взаимного застенчивого чувства недоверия друг к другу, что затрудняет их продвижение к более взвешенному сотрудничеству. Первоначально они выявились в основном по трем каналам – пограничные вопросы, отношения Китая с Пакистаном, столкновения в поисках зон влияния, что вынуждало соседей неизменно и внимательно учитывать в своих курсах действия друг друга. Так, Индия не ощущает себя защищенной от прямого китайского давления на границе в Гималаях (иногда до нескольких сот нарушений в год), где обе стороны ведут интенсивное строительство дорог и опорных пунктов, укрепляют гарнизоны, возводятся авиабазы и т.п. Параллельно шли и идут трудные, без видимого успеха переговоры по демилитаризации приграничных районов.

Торговля Дели с Пекином, хотя в целом расширяется, но страдает заметной несбалансированностью (до 20 млрд долл. в 2010 г.). Даже в Индии ее комментируют, как сотрудничество неравных партнеров, как менее важную для Пекина – ему более выгодны и необходимы торговые связи с США, Японией и ЕС.

В дальнейшем выявились не менее острые трения в энергетической сфере и тесно связанной с ней проблемой обеспечения свободы морских коммуникаций. Яркие примеры соперничества в энергетике – поиски и разработки в ЮКМ (совместно с Вьетнамом), где на многие донные и шельфовые участки претендует Китай, который считает своими до 80% его морского пространства. По мнению ряда чиновников и даже Министра нефти и газа Индии, в каком бы регионе мира индийские фирмы не пытались отыскать новые источники нефти, всюду они натыкались на китайские компании. Пекин сумел опередить Дели в Казахстане в 2005 г., в Венесуэле в 2006 г., в Мьянме в 2006–2007 гг., частично в Шри Ланке в 2007 г. (участок в Маннаре) и др.

Китай не торопится поддержать стремление Индии получить место постоянного члена СБ ООН: на сегодняшний момент Пекину на руку, что он остается единственным представителем в СБ ООН от Азии. На протяжении второй половины 2005 г. его эмиссары разъ-

езжали по столицам членов АСЕАН с агитациями против подключения Индии к первому учредительному саммиту ВАС в декабре того же года. Однако усилия Пекина оказались безуспешными.

Со своей стороны, Индия не может не принимать в расчет, что Китай укоренился в Индийском океане с помощью стратегии «нить жемчуга» [Курана 2007: 1–32; Лебедева 2011: 5–11]. Пекин продолжает пытаться использовать многосторонние структуры сотрудничества с тем, чтобы расширить влияние и в западной части Тихого океана и в индоокеанской зоне. Еще в январе 2000 г. на специальной сессии Совета министров членов АРСИО обсуждался вопрос о предоставлении Китаю статуса партнера по диалогу в этой общерегиональной группировке. Свою просьбу Пекин мотивировал желанием участвовать в многогранном сотрудничестве в регионе, обладающим огромными экономическими, ресурсными, людскими и торговыми потенциалами. На деле за этим обращением скрывались не только эти мотивы, но и широкие стратегические цели в условиях ломки биполярности в МО, ухода советского флота из индоокеанской зоны, новых трендов, связанных с глобализацией и регионализацией. Существенно, что устремление Китая в Индийский океан гораздо настойчивее и планомернее, чем, скажем, в Атлантику или Тихий океан, где его неокрепший и развивающийся флот может встретить отпор ВМС более сильных соперников [Сингх 2005: 25].

В 2007 г. сумел заполучить место наблюдателя в СААРК при поддержке Пакистана и Непала. Китай оказался на «заднем дворе» Индии, сколотив «арку буферных государств» в составе Пакистана, Мьянмы, Непала, Бангладеш и др. У Пекина сложились давние связи с этими государствами. Китай по-прежнему активно поддерживает широкие военно-стратегические отношения с Пакистаном, включая реализацию ядерной программы и программы по созданию баллистических ракет средней и малой дальности, серии сухопутных коммуникационных проектов и открытие крупного, стратегического многофункционального порта в Гвадаре, построенного большей частью на деньги Пекина и с помощью китай-

ских инженеров. Ныне идут переговоры о возможности конверсии его в военную базу.

С 2002 г. между Бангладеш и Китаем действует Соглашение об оборонном сотрудничестве, как и между Китаем и Мьянмой с конца 1990-х годов о продаже оружия, обмене секретной информацией и т.д. Не следует забывать о создании серии опорных пунктов Китая на побережье Мьянмы в Бенгальском заливе, с помощью которых Пекин надеется нейтрализовать усилия Индии по строительству подобной сети здесь же и стремление укрепиться в ЮКМ путем появления индийских кораблей в 2000, 2003–2005, 2007–2008 гг., проведения многосторонних маневров МИЛАН, КОБРА и др.

В Центральной Азии индийская ВВБ в Айни, предоставленная Таджикистаном, оказалась за спиной Китая, который так и не сумел заполучить подобный доступ ни к одному из опорных пунктов в ЦА.

Когда ситуация обострилась из-за территориальных претензий Пекина в ЮКМ. произошло прямое столкновение в 2011 г. индийского военного корабля в водах Вьетнама с отрядом судов Китая, как и в 2009 г. у берегов Африканского Рога, где китайский фрегат вынудил индийскую подводную лодку к всплытию. Надо признать, что официальные круги Индии отреагировали сдержанно и не стали поднимать шум по этому случаю. В 2012 г. индийские власти приняли решение оказывать свою поддержку асеановцам в их противостоянии Пекину в ЮКМ.

Между тем у обеих стран был и есть значительный потенциал для развития сотрудничества [Лебедева 2012: 157], подписаны целый ряд многообещающих документов. Даже в условиях жесткой реакции многих государств на испытания Индией ядерного оружия в 1998 г., власти Пекина отнеслись к ним довольно спокойно (по-видимому, из-за одновременных испытаний в Пакистане) и возобновили военные связи с Индией 1–2 года спустя после кризиса. С 2003 г. были восстановлены обмены военными кораблями, проводились совместные сухопутные и морские маневры, меры по борьбе с терроризмом. В 2006 г. разработана программа обмена визитами офицеров разных уровней, наблюдателей за ходом

учений и т.п. [Холслэг 2009: 817]. Большие надежды связываются с документом 2008 г. «Индия и Китай – общее видение перспектив XXI века», в котором закреплена необходимость военных связей и создания мер доверия.

Ныне действуют программы по культурному обмену 2005 г., по спорту, альпинизму и т.п. Между сторонами есть понимание необходимости сотрудничества по разным каналам, и они сотрудничают и по таким вопросам, как изменения климата, религиозный экстремизм, права человека, борьба с пиратами. В декабре 2009 г. на саммите по окружающей среде в Копенгагене политические обозреватели отмечали, что Индия и Китай тесно взаимодействовали при выработке своих позиций в ходе переговоров [Уорлд Фокус 2010: 439].

В целом, отношения Индии и Китая скорее ныне определяются формулой «сотрудничество – соперничество», в которой каждый политик или эксперт находит свою меру того или иного. Так, реакция на концепцию «Чиндия» Р. Джайрама была неоднозначна. Эксперты из разных стран увидели в ней и новые точки позитивного соприкосновения соседей, и феномен успеха двух различных систем в подъеме экономики двух азиатских гигантов, и возможность сообща определять контуры мирового порядка в перспективе [Центр внешней политики 2011: 183]. В Индии не все разделяют точку зрения Р. Джайрама по поводу его тезиса о «Чиндии».

Есть сторонники того, что в перспективе Индия сможет догнать Китай, ведутся расчеты, строятся прогнозы. Адмирал Р. Менон и проф. Р. Кумар (директор Индийского совета по изучению международных экономических отношений) привлекли крупных специалистов из разных госучреждений и исследовательских институтов на основе сетевой оценки¹⁰⁹, пришли к иному выводу. Они полагают, что пока великие соседи принадлежат к разным лигам в ми-

¹⁰⁹ В ответ на выступления местного населения в Судане в 2009 г. против непопулярных действий китайских компаний Пекин был впервые вынужден выслать небольшой отряд ВС для их усмирения.

ровой иерархии. Индия при всех ее огромных достижениях и преимуществах отстает от Китая по некоторым параметрам. Они не могут выступать на мировой сцене на равных – таков их вывод [Менон, Кумар 2010: 134].

Реакция в пекинской прессе и обществе по разным вопросам взаимосвязей с Дели почти всегда была весьма бурной и острой (например, на приграничные стычки в Гималаях, на столкновения военных кораблей в 2011 г. в водах Вьетнама, подписание с ним в 2011 г. нового соглашения о поисковых участках в ЮКМ и др.). Интересны и точки зрения, высказываемые китайскими учеными по поводу курса Индии «Смотри на Восток». Часть из них оценивает ее как провальную и не хочет видеть очевидных успехов, достигнутых Индией в процессе ее реализации [Центр внешней политики 2011: 15, 19].

С одной стороны, такое отношение объяснимо нежеланием соперничать с Индией на том же поле – ЮВА, стремлением принизить востребованность членами АСЕАН достижений Индии.

А с другой, – подобные попытки замалчивания курса связаны с расчетами и возможными опасениями Пекина, вызываемыми крепнущими разносторонними взаимодействиями Индии с США и более конкретно – растущими возможностями Индии в АТР в целом и индийских ВМС, в частности в ЮВА, в Малаккском проливе, в ЮКМ, их выходом в западную часть Тихого океана и шире.

Ныне, когда возобновились переговоры по пограничным проблемам в декабре 2011 г., которые до этого шли без видимого успеха, регулярно проходят визиты на высшем уровне руководителей обеих стран и встречи на многосторонних форумах, можно ожидать некоторые подвижки со стороны Пекина, внимательно наблюдающего за сближением Индии с США и, безусловно, просчитывающего его негативные последствия для себя и возможности найти механизмы их нейтрализации. При этом не следует исключать появления обновленных подходов к китайско-индийским отношениям со стороны нового руководства Китая, только входящего во власть.

Меняющийся политико-стратегический профиль АТР и роль Индии

Заметные сдвиги, вызванные ускорением региональных интеграционных трендов, принятием США в 2011г. доктрины «Тихоокеанский век Америки», нацеленной на реставрацию американского лидерства, меняют ряд стратегических и политико-экономических параметров в АТР и принципы союзничества:

1. Расширяется поле военно-политической активности Вашингтона от западных берегов США до индостанского субконтинента, т.е. включается огромная восточная часть Индийского океана.

2. Предпринимаются разнообразные меры по укреплению военного присутствия и системы баз.

3. Силовая проекция Пентагона сдвигается из Атлантики в АТР и с севера, откуда исходила советская угроза времен «холодной войны», к югу – в район активизма Китая – ЮК и ВК моря, тайваньский пролив и т.д. Соотношение ВМС США в Атлантике и АТР достигнет 40 к 60.

4. Обновляются подходы к союзническим принципам и необходимости их расширения, попытки сколачивания антикитайского альянса и поисков новых объединений, в том числе и на море в условиях снижения числа кораблей ВМФ США в соответствии с принятой в 2007 г. морской доктрины «Глобального морского партнерства», разработанной адмиралом М. Малленом.

5. Планируются меры по укреплению режимов нераспространения ОМУ в регионе (имеются в виду Корейский полуостров, ядерный терроризм и др.), по борьбе с пиратством и т.п.

6. Стремление США придать дополнительный импульс укреплению экономической интеграции и такой структуры, как Транстихоокеанское партнерство (ТТП), куда не будет допущен Китай и где Вашингтон сможет ощущать себя лидером [Клинтон 2011].

Наряду с укреплением лидирующих позиций в АТР, администрация Б. Обамы нацелила новую доктрину на сдерживание Китая путем установления контроля за потоками доставки нефти в

индоокеанской зоне и западной части Тихого океана, ограничения выхода его ВМС в Мировой океан и т.п.

Особые задачи могут быть возложены на Индию, как важного стратегического партнера. Еще в середине «нулевых годов» в Пентагоне был подготовлен документ «Индийско-американские военные взаимоотношения: ожидания и восприятия» на основе интервью нескольких десятков высокопоставленных политиков и генералов обеих сторон. В его выводах фокусировалось внимание на будущей значительной экономической и военной угрозе со стороны Китая безопасности и США, и Индии. Делались заявления о том, что к 2020 г. США потребуются друг, способный оказать всестороннюю помощь против китайского подъема [Джайрам 2005: 6]. Очевидно, что никто иной в Азии, как Индия, не мог бы стать таким другом.

В официальных кругах США отчетливо понимают преимущества Индии – выгодное геостратегическое положение в центре Индийского океана между Малаккским и Ормузским проливами стратегического значения; наличие ядерного оружия; опыт в борьбе с терроризмом и пиратством; крепнущий флот (пятый в мире); военные базы и опорные пункты на Восточном и Западном побережье Индостана; политико-дипломатическое искусство наладить эффективные и полезные отношения в целом, в формате «Смотри на Восток» и особенно с Вьетнамом с его стратегически важными портами и базами. Индия установила хорошие военно-стратегические и иные связи с отдаленной Монголией. По всей видимости, Индия будет укреплять связи с индийской диаспорой в Океании – на Фиджи и других архипелагах, где заметно активизировался по многим направлениям Пекин [Пале 2012; Лебедева 2012: 160].

Вашингтон, очевидно, будет использовать в своих интересах те противоречия и сложности, которые существуют между Дели и Пекином – выше о них говорилось, можно лишь добавить большую игру вокруг участия Индии в ВАС, АСЭМ, вероятно в АТЭС, элементы соперничества в Антарктиде, а также за доступ к возможным базам на Сейшелах или Мальдивах в Индийском океане,

даже о некую долю ревности по поводу стремления Индии выйти на уровень глобальной державы.

Индия неизменно проводила независимую и много векторную внешнюю политику. Курс «Look East Policy» значительно укрепил и расширяет позиции Дели в Азии от ЮВА до СА и Южных морей. Это не умаляет стремление Индии к проявлению еще большего интереса к углублению отношений с США в ядерной сфере, к новейшей американской технологии в целом, к расширению экономических связей и торговли, продаже ей крупных партий самого современного оружия и т.п. [Юрлов 2011: 7; Лебедева 2012: 161–162].

И США, и их союзники не могут не замечать того, что Индия по-прежнему тяготеет к «неприсоединению» в своей стратегической политике (например, ее отказ от участия в альянсе с Австралией, Японией и США еще в 2007 г.), хотя, по сути, Дели активно сотрудничает с этими государствами в военной сфере, проводит многочисленные маневры, обмен военной информацией, строит «мост демократий» и т.п..

Но Индия, безусловно, находится в поисках более современной интерпретации и применения стратегии «неприсоединения». В начале 2012 г. в Индии появился доклад «неприсоединение 2.0», разработанный несколькими представителями «think tanks» из так называемого «Южного квартала» Дели, где сосредоточены ведущие исследовательские центры. Цель доклада поставить вопрос о необходимости адаптации принципов неприсоединения к меняющимся условиям в мире с учетом национальных интересов страны.

Индийские руководители окажутся перед непростым решением и должны будут тщательно просчитать все внутренние и внешние ограничители, стоящими перед ними, все «за» и «против» прежде определить масштабы и уровни участия в тех или иных инновациях американской стратегии в индийско-тихоокеанском супер-регионе, реализация которой может встретить немало проблем экономического, военно-стратегического порядка, а также испытать на прочность имеющиеся и сколачиваемые союзы. США будут вынуждены также держать в поле своего зрения ситуацию на Ближнем Востоке, в странах, переживших «арабскую весну»,

Ираке и Афганистане после вывода союзных ВС и т.д. На все это тоже потребуются значительные усилия и средства со стороны Вашингтона. Насколько плотно и в каких точках совпадут интересы сторон, возникнут ли какие-то расхождения и противоречия в механизмах реализации ставящихся целей? Сейчас рано и трудно предугадывать.

Некоторые выводы

Видимо, можно предположить, что в быстро меняющихся условиях в регионе Индия будет склоняться скорее к «Рах Americana». Есть уже некоторые признаки такого процесса – участие в новом японо-американском союзе, но без договорных обязательств; в первом тройственном совещании по вопросам безопасности в конце 2011 г. в Вашингтоне; совместные крупные индийско-американские маневры в Бенгальском заливе – в середине апреля 2012 г. Крепнут взаимодействия в рамках «четверки демократий» (США, Япония, Австралия, Индия), интерес к которой заметно усиливается.

Широко муссируется идея о неформальном соглашении или «концерте держав», куда войдут наряду с США, Японией, РФ и азиатские гиганты – Индия и Китай. Целью возможных встреч за круглым столом ведущих держав АТР будут консультации относительно решения тех многоаспектных проблем, которые могут возникнуть на данном поле в условиях отсутствия в зримом будущем архитектуры безопасности.

Судьба доктрины «Тихоокеанский век Америки» и конкретных мер Вашингтона по реставрации своего лидерства в АТР достаточно неопределенна по многим причинам, о которых выше упоминалось (+затянувшаяся рецессия в США и ЕС, снижение затрат на военный бюджет, заметное ослабление американской роли в мире в целом и т.д.). По крайней мере, основной партнер и соперник США, судя по мнению экспертов и китайской прессе, пока довольно скептически оценивает шансы американской доктрины в АТР.

Вот почему, как представляется, индийские руководители будут независимо ни от кого продолжать искать пути дальнейшей ди-

версификации политико-стратегических и экономических связей и укрепления уже завоеванных позиций в регионе. По определению авторов доклада ЦРУ, место «swing state» (цит. по [Рехман 2009: 128]) или государства «маятника», которое появилось в середине нулевых годов применительно к Индии, может быть использовано ею в отношениях между США и Китаем, между Россией и Китаем, между АСЕАН и Китаем и т.п., чтобы разыграть свою карту с наибольшей выгодой для национальных интересов страны.

Роль Австралии, Японии и Южной Кореи может стать ключевой, поскольку эти ведущие государства, заключив партнерские соглашения в сфере безопасности, поддерживают позиции и курс Дели на участие в ВАС, в СБ ООН, возможно скоро в АТЭС (отсутствие третьей экономики Азии в данной структуре – это необъяснимый парадокс, по оценкам многих аналитиков) и на активное продвижение в АТР в целом. Можно ожидать возобновления переговоров о создании треугольника Индия–Вьетнам–США, двусторонние взаимодействия с которыми строятся Дели на уровне стратегического партнерства.

Что касается непростых, хрупких, осложненных трениями по разным направлениям отношений между Индией и Китаем, то нельзя не отметить, что в своей политике Индия пока чуть отстает от Китая, ей не хватает китайской напористости и системности. Неслучайно, некоторые зарубежные аналитики оценивают меры по завоеванию Индией зон влияния и ниш сотрудничества в рамках LEP в ЮВА, в Африке и других регионах, как действия в «тени Китая».

Вряд ли можно согласиться с такой постановкой на все 100%. К сожалению, эти эксперты не видят целый ряд указанных преимуществ политического курса Индии, который осуществляется ее руководителями сдержаннее, мудрее, дальновиднее. Индийская политика не встречает такого числа вспышек недовольства на местах в отличие, скажем, от иногда неоправданной агрессивности Пекина, которая нарастает и будет нарастать в условиях попыток вытеснения его из некоторых стран Северной Африки и Ближнего

Востока в ходе и после «арабской весны» (в Ливане, Йемене, Тунисе и др.), а также в связи с ситуацией в Сирии, потерей им не-

которых экономических позиций и доступов к разработкам энергетических ресурсов и т.п.

Это объясняет в определенной мере причины удвоенных устремлений Китая к поискам новых разнообразных зацепок в индоокеанской зоне (дополнительные опорные пункты и отныне даже военные базы на восточном берегу Африки и Сейшелах), и попытки установить контроль над некоторыми островными государствами (пример – запутанные корни переворота на Мальдивах в феврале 2012 г.) этой зоны и далекой Океании и т.п.), и серьезные территориальные претензии в ЮК и ВК морях последних лет и месяцев [Мосяков 2012; Андрианов 2012: 57, 64–65].

Безусловно, в Дели учитывают новые подвижки и в мире и в расширившемся АТР, ощущают необходимость формулирования третьей фазы курса «Смотри на Восток». Какие изменения может ожидать Индия в ее отношениях с партнерами и соседями? Грядут ли какие-либо проблемы в дальнейшем продвижении Индии на Восток? Каковы могут быть параметры следующего этапа LEP, в частности, и в азиатско-тихоокеанской политике в целом в новых геостратегических условиях формирующегося региона «Indo-Pacific»? Ныне давать ответы преждевременно. Время покажет – процессы лишь набирают обороты.

Библиография

- Андрианов 2012 – Андрианов В.Л. *Укрепление позиций Китая в АТР: потенциал и пределы* // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и политика. №3, 2012.
- Боннор 2008 – Bonnor J. *Australia – India: An Important Partnership* // South Asian Survey. Vol. 15. №1, 2008.
- Джайрам 2005 – Jairam Ramesh. *Making Sense of Chindia. Reflections on China and India* // India Research Press. N.-D, 2005.
- Индиен Экспресс 2010 – Indian Express. January 8, 2010.
- Камал 2005 – Kamal Nath. *India's China Economic Ties Poised to Grow*// Statement at the World Economic Forum. Davos. January 25, 2005.
- Клинтон 2011 – Clinton H.R. *America's Pacific Century*//Foreign Policy. November 14, 2011.

Комори 2009 – Komori Y. *Asia`s Institutional Creation and Evolution*//Asian Perspective. Vol. 33. №3, 2009.

Кхурана 2008 – Khurana G.S. *China`s String of Pearls in the Indian Ocean and the Security Implications*// Strategic Analysis. June. Vol. 32. №1, 2008.

Лебедева 2011 – Лебедева Н.Б. *Большой Индийский океан и китайская стратегия «нить жемчуга»*// Азия и Африка сегодня. №9, 2011.

Лебедева 2012 – *Продвижение Индии в АТР: проблемы и перспективы*// Вестник Московского Университета. Выпуск 25. Международные отношения и политика. №3, 2012.

Менон, Кумар 2010 – Menon R., Kumar R. *The Long View from Delhi. To Define the Indian Strategy for Foreign Policy*//Academic Foundation. New Delhi, 2010.

Мосяков 2012 – Мосяков Д.В. Серия статей в «Новом Восточном Обозрении» (интернет-журнал), февраль – август, <http://www.ru.journal-neo/node/15674> (дата обращения 12.08.2012).

Мохан 2010 – Mohan C.R. *The Re-making of Indian Foreign Policy: Ending the Marginalization of International Relations Community*//International Studies. Vol. 46. №1–2, 2010.

Пале 2012 – Пале С.Е. Новое Восточное Обозрение (интернет-журнал, там же). 4 апреля, 5 июня 2012.

Панда 2010 – Panda R., Baruah P. *India-Australia Strategic Partnership. A Case of Holistic Approach*// India Quarterly. Vol. 66. №2, 2010.

Пилаи 2010 – Pillai P. *Crossing the Rubicon:Indo-Japan Nuclear Cooperation*// Mainstream, September 3–9, 2010.

Пол 2008 – Paul J.M. *India and Japan Reluctant Idealism to Practical Realism*// South Asian Survey. Vol. 15. №1, 2008.

Редди 2010 – Reddy G. *Australia`s Grand Defence Strategy. Implications for India and the Indian Ocean Region*// World Affairs. Summer. Vol. 14. №2, 2010.

Рехман 2009 – Rahman I. *Keeping the Dragon at Bay: India`s Counter – Containment of China in Asia*//Asian Security. Vol. 5. №2, 2009.

Сингх 2005 – Singh S. *China`s Indian ocean Policy – India`s Security Options*//Journal of Indian Ocean Studies. Vol. 13. №1. April 2005.

Стрельцов 2012 – Стрельцов Д.В. *Япония между восточноазиатским и транстихоокеанским регионализмом*// Вестник Московского Университета Выпуск 25, Международные отношения и политика. №3, 2012.

Уанг 2006 – Wang Jiqiong. *Sino-Indian Relations in the era of Globalization*// Asia Studies Quarterly. №3. June 2006.

Уилкинс 2010 – Wilkins T.S. *Japan`s alliance diversification: a comparative analysis of the Indian and Australian strategic partnerships*// International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 11. №1, 2010.

Уорлд Фокус 2010 – World Focus, vol. XXXI, №10, October 2010.

Холслэг 2009 – Holslag J. *The Persistent Military Security.Dilemma between China and India*// Journal of Strategic Studies. Vol. 32. №6, 2009.

Холслэг 2009а – Holslag J. *Progress, Perceptions and Peace in Sino-Indian Relationship*// East Asia. Vol. 26. №1, 2009.

Чакраборти Т. 2009 – Chakraborty T. *India`s Look East Policy: Time for Stock-Taking*// World Focus. Annual Number. November–December. N.-D. 2009.

Центр внешней политики 2011 – Foreign Policy Research Center Journal, special issue №8, 2011.

Юрлов 2011 – Юрлов Ф.Н. *Индия на пути к статусу глобальной державы*// Азия и Африка сегодня. №8, 2011.

РОЛЬ СЕВЕРО-ВОСТОКА ИНДИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНДИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ БЕНГАЛЬСКОГО ЗАЛИВА

На современном этапе Северо-Восток (штаты Ассам, Аруначал-Прадеш, Манипур, Мизорам, Мегхалая, Нагаленд и Трипура) является одной из самых бедных территорий Индии. В последние 15 лет только в штате Мизорам средний доход на душу населения был немного выше, чем в общем по стране, причем разрыв в уровне доходов продолжает только увеличиваться. Так, если в 1993–1994 годах в штатах Аруначал-Прадеш и Нагаленд средний доход был от 10% до 20% выше, чем в общем по стране, то по состоянию на 2009 год он стал на 15–20% ниже, чем среднестрановой показатель. В Ассаме и Манипуре этот показатель на 35% ниже, в сравнении с 25% в 1993–1994 гг.

Согласно статистике, приводимой Правительством Индии и Министерством по развитию Северо-Восточного региона, в середине 2000-х годов наблюдается и снижение объемов приграничной торговли в Северо-Восточных штатах (СВИ), несмотря на то, что правительствами Индии, Мьянмы и Бангладеш предпринимались меры, направленные на ее стимулирование. Открываются новые пункты приграничной торговли, организуются специальные рынки [Программа развития Северо-Востока, 2007].

Решение проблемы поддержания в надлежащем состоянии транспортной инфраструктуры уже внутри самого Северо-Восточного региона, дорог между штатами, крупными городами и т. д. также является ключевым для развития и международного взаимодействия, и оживления экономической активности в штатах Северо-Востока.

Серьезной проблемой, осложняющей развитие экономики в регионе, является коррупция. Связь между коррумпированными чиновниками, сотрудниками пограничной службы и представите-

* Институт востоковедения РАН

лями вооруженных группировок создает ситуацию, когда выгодным является сохранение значительных объемов контрабандной торговли и криминального бизнеса.

Благодаря своему географическому положению СВИ является ее естественным «выходом» в Юго-Восточную Азию. Это единственное место, где Республика имеет непосредственную сухопутную границу с государством-членом АСЕАН – Мьянмой. 98% границ Северо-Восточного региона Индии – это границы не с другими индийскими территориями, а с иностранными государствами – Бангладеш, Мьянмой, Китаем, Бутаном и Непалом. Развитие Северо-Востока как «ворот» Индии в АСЕАН было названо в качестве одного из приоритетов в реализации внешнеполитического курса «Look East», главной целью которого является развитие связей Индии с ее восточными соседями и, в первую очередь, с государствами Юго-Восточной Азии.

Кроме этого, страны Бенгальского залива, с которыми непосредственно граничат Северо-Восточные штаты, являются местом, где, по меткому замечанию американского бирманиста Тан Мьин У., «Индия встречается с Китаем» [Тан Мьин 2011: 3], где пересекаются интересы двух «азиатских гигантов».

Чтобы превратить Северо-Восток в «мост», соединяющий Индию и страны АСЕАН через страны Бенгальского залива, необходимо расширять взаимодействие между ними и северо-восточными штатами, в том числе развивать транспортную инфраструктуру и приграничную торговлю.

В новом тысячелетии индийские официальные лица разных уровней все чаще стали подчеркивать, что одним из важнейших направлений реализации политики «Look East» должно стать развитие Северо-Востока страны. Вот что заявил индийский государственный министр торговли Джайрам Рамеш (Jairam Ramesh) в интервью, которое он дал корреспонденту экономического приложения газеты «The Hindu» «Business Line» в июле 2007 г. после встречи с министром торговли Таиланда, на которой обсуждались перспективы развития сотрудничества между странами:

Индийская политика «Look East» должна быть направлена в первую очередь на развитие Северо-Востока. Сегодня треть объема индийской международной торговли – это торговля со странами Юго-Восточной Азии, которая на данный момент является крупнейшим торговым партнером Индии, но это не оказывает влияния на Северо-Восток страны. Политика «Look East» бессмысленна, если она не влияет на развитие этого региона». Министр также подчеркнул, что СВИ должен стать центром ее взаимодействия со странами АСЕАН [The Hindu Business Line, 13.07.2007].

Северо-Восточные штаты соединены с остальной территорией Индии узким сухопутным коридором, идущим вдоль территории Бангладеш с одной стороны, и Непала – с другой. Ширина этого коридора всего от 21 до 40 км. Это является серьезным препятствием для развития региона, который отстает от всей остальной страны в сфере инфраструктуры и промышленного потенциала. С принятием правительством Индии в июле 2008 г. Программы развития Северо-восточного региона до 2020 г. («North Eastern Region Vision 2020») стали предприниматься серьезные усилия для ускорения социально-экономического развития северо-восточных штатов и включения их в орбиту реализации Восточной политики страны [Куппусвами, 2010].

Несмотря на принимаемые в настоящее время, в упомянутой программе признается, что в последние 15 лет курс «Look East» не был успешным в том, что касается развития СВИ. Большая часть товаров из АСЕАН поставляется по морским путям в обход региона, так как наземные пути небезопасны из-за низкого уровня развития дорожной инфраструктуры и активности вооруженных повстанческих группировок в тех районах, через которые они проходят [Там же].

Не стоит также забывать и о стратегическом значении этой территории. Именно здесь проходит граница между Индией и КНР, и именно здесь находится спорная территория, из-за которой в 1962 г. начался военный конфликт между двумя странами (КНР претендует на часть территории индийского штата Аруначал-Прадеш). Пограничный конфликт на данный момент не находится

в стадии обострения, но и не урегулирован полностью. Переговоры ведутся уже долгое время, однако периодически обе стороны предпринимают действия, способные повысить уровень напряженности в этом районе.

Большой резонанс, например, имела недавняя акция китайского правительства, которое стало изображать на картах в новых паспортах территорию КНР, включив в нее в том числе и те области индийского штата Аруначал-Прадеш, на которые Китай претендует в ходе пограничного конфликта. В ответ на это индийские чиновники отказываются ставить визы и печати, отмечающие переход границы, в такие паспорта. Тем самым индийская сторона в очередной раз подчеркивает свое категорическое несогласие с позицией КНР по данному вопросу. [The Time, 27.11.2012] Индийские власти отвечают на подобные действия и более серьезными шагами, такими, как демонстративная проверка боеготовности войск, развернутых по границе и заявления о намерении увеличения численности частей, находящихся в этом регионе. [Times of India, The Economic Times, 02.12.2012]

В свете вышесказанного, дальнейшее и успешное развитие этого региона, укрепление его связи с остальной территорией Индии является также и вопросом обеспечения государственной безопасности.

В силу своего географического положения, СВИ играет важную роль в процессе развития отношений между Индией и странами Бенгальского залива. В данном контексте также необходимо упомянуть о КНР, которая заинтересована в наращивании своего влияния в Бенгальском заливе. Активное участие в политических и экономических процессах в субрегионе даст Китаю возможность не только подключиться к разработке и использованию богатых газовых месторождений Мьянмы, но и получить доступ к выходу в Индийский океан через мьянманские и бангладешские порты, соглашения о совместном развитии которых уже заключены между правительством КНР и соответствующими странами. Очевидно, что подобная активность Китая в районе, который Индия традиционно считает своей зоной влияния, не могло не вызвать настороженности

с ее стороны. Конкуренция с КНР за влияние в Бангладеш и Мьянме¹¹⁰ также требует от Индии более решительных действий по улучшению положения региона (СВИ), через который напрямую может осуществляться сотрудничество с этими странами.

Для решения проблемы развития Северо-Восточных штатов необходима активизация сотрудничества между Индией с одной стороны, и Бангладеш и Мьянмой – с другой.

Одним из главных препятствий на пути расширения экономического взаимодействия между странами является слабо развитая транспортная инфраструктура, поэтому это направление сотрудничества является одним из приоритетных. Согласно информации, предоставленной Правительством Индии по запросу Парламента (Лок Сабха), на данный момент в сфере транспортной инфраструктуры между Индией и Мьянмой на двусторонней основе реализуются следующие проекты: реконструкция дороги Tamu-Kalewa-Kalemyoa (около 160 км), соединяющей Мьянму и индийский штат Манипур; реконструкция дороги Rhi-Tiddim Road (около 60 км); Каладанский мультимодальный транспортный транзитный проект (Kaladan Multi-Modal Transit Transport Project), который включает в себя строительство дорог и обеспечение речных водных путей из мьянманского порта Ситве в штат Мизорам. Обе страны, вместе с Таиландом, участвуют в реализации трехстороннего проекта (Trilateral Highway Project) по строительству автомобильной дороги, соединяющую Морех (штат Манипур, Индия) и Mae Sot (Таиланд), участок, который строят Индия и Мьянма имеет протяженность примерно 1360 км [Индия–Мьянма, 2012].

Рамочное соглашение по Каладанскому транспортному проекту было подписано в 2008 г. Завершение реализации проекта намечено на 2013 г., оценочная стоимость проекта 120 млн долл. США [Там же]. Индийский министр торговли и промышленности Ананд Шарма (Anand Sharma), председательствуя на четвертой встрече

¹¹⁰ Детальное рассмотрение этого вопроса не является целью данной статьи. Подробнее об этом: Лебедева Н.Б. Треугольник «Индия – Мьянма – Китай» (Проблемы и компромиссы взаимодействия)// Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010, № 15.

совместной индийско-мьянманской комиссии по торговле в сентябре 2011 г., заявил, что завершение Каладанского проекта позволит полностью изменить торговые связи между СВИ и остальным миром, создав новый транзитный коридор для поставок товаров в северо-восточные штаты [Manipur Mail, 28.09.2011]. Этот коридор может служить альтернативой транзита через территорию Бангладеш, переговоры о котором ведутся между индийским и бангладешским правительством уже давно, но пока что не привели к положительным результатам.

Решение проблемы транзита индийских товаров через бангладешскую территорию и по рекам позволило бы значительно увеличить объемы торговли между двумя странами, а также снизить цены на товары, поступающие на рынки северо-восточных штатов Индии. Существует двустороннее соглашение по транзиту товаров через внутренние воды Бангладеш (Protocol on Inland Water Transit and Trade). Также, было в принципе согласовано предоставление права транзита индийских товаров через бангладешскую территорию. Использование транзитных возможностей Бангладеш, а также ее портов на побережье Бенгальского залива, позволило бы не только увеличить объемы двусторонней торговли с Индией, но и торговли с третьими странами, в первую очередь со странами ЮВА.

Однако, после того как в ходе визита в сентябре 2011 г. премьер-министра Индии М. Сингха в Дакку не было подписано соглашение о разделе вод реки Тиста, Бангладеш отказалась подписывать соглашение о транзите, а затем и продлевать срок действия соглашения по Речному транзиту и торговле (Inland Water Transit and Trade)[Дас, 2012].

Для стабилизации ситуации в СВИ и обеспечения безопасности торговых путей важно также эффективное сотрудничество между Индией и Мьянмой в противодействии вооруженным сепаратистским группировкам, действующим в приграничных районах обоих государств.

Обеспечение эффективного контроля границ, как между Индией и Мьянмой, так и между Индией и Бангладеш, необходимо и в целях борьбы с трансграничными преступными сетями, занимаю-

щимися торговлей оружием и наркотиками и обеспечивающими финансирование сепаратистов.

Многие из крупнейших повстанческих группировок Северо-Востока Индии, такие как Национальный Социалистический Совет Нагалима (National Socialist Council of Nagalim (NSCN-K)), Объединенный Национальный Фронт Освобождения Манипура (United National Liberation Front of Manipur (UNLF)), Национальный фронт Куки (Kuki National Front (KNF)) имеют лагеря на территории Мьянмы в штатах Качин, Шан и Чин. Еще в 1990 г. индийские группировки NSCN-K, Объединенный Фронт Освобождения Ассамы (United Liberation Front of Asom (ULFA)), UNLF, и мьянманская вооруженная группировка Качинская национальная армия, объединившись, создали Индийско-Бирманский Революционный Фронт (Indo-Burma Revolutionary Front) с целью координации подконтрольных им сетей по торговле наркотиками и оружием в районе индийско-мьянманской границы [Госвами, 2012].

Нужно отметить, что хотя между Индией и Бирмой долгое время не существовало письменного соглашения по вопросам сотрудничества в сфере обеспечения безопасности границ, две страны в 1995 г. организовали совместную операцию против повстанцев, а в 2007 г. мьянманские власти самостоятельно предприняли наступление на лагеря индийских повстанческих группировок, дислоцированных на их территории [Там же]. Большое значение имеет тот факт, что власти Мьянмы официально заявили, что они не позволят использовать свою территорию силами, действия которых направлены против Индии [Уайхом, 2009]. В конце 2010 г. представителями двух стран было подписано большое соглашение по сотрудничеству в правовой сфере. Это соглашение было в первую очередь направлено на урегулирование вопросов, возникающих в ходе борьбы с преступностью в приграничных зонах, и было призвано облегчить взаимодействие между соответствующими ведомствами двух стран.

К сожалению, эффективность всех предпринимаемых действий оставляет желать лучшего. Индийские повстанцы открыто пользуются помощью вооруженных группировок, действующих на севере

Мьянмы, в организации контрабанды стрелкового оружия. Маршруты этих поставок хорошо известны – по реке Наф через мьянманско-бангладешскую границу, а затем через порт Читтагонг (Бангладеш) на северо-восток Индии [Госвами, 2012]. Таким образом, можно утверждать, что существует острая необходимость в развитии взаимодействия между пограничными и другими службами Мьянмы и Индии в сфере обеспечения безопасности границ и установления законности в пограничных регионах.

Проблема эффективного контроля границ является одной из ключевых и в отношениях Индии и Бангладеш. Ситуация осложняется еще и тем, что в приграничных зонах существует более 150 анклавов, как бангладешских на территории Индии, так и наоборот. Результат проницаемости границы – огромные масштабы нелегальной миграции из Бангладеш в Индию и контрабанда товаров: от предметов первой необходимости, продуктов питания, скота до наркотиков.

Еще в 1981 г. правительство И. Ганди объявило о своем намерении построить на границе Бангладеш и Ассам каменную стену с колючей проволокой для прекращения нелегальной иммиграции жителей Бангладеш и контрабанды риса и джута. В 1983 г. вместо нее было решено поставить ограждение из колючей проволоки, сооружение которого началось в 1984 г. [Лунев, 1993: 67] и продолжается до сих пор не только между Бангладеш и Ассамом, но также и Западной Бенгалией. По состоянию на ноябрь 2011 г. было закончено сооружение ограждения на 221,5 км из 263 километров границы между Ассамом и Бангладеш [Правительство Индии, 2011].

Приток мигрантов из Бангладеш в Западную Бенгалию, Ассам и другие пограничные штаты ведет к увеличению численности мусульманского населения в них, с одной стороны, а так же к росту протестов местного населения, которое обеспокоено тем, что скоро может стать меньшинством на этой территории, – с другой. Местные жители в Ассаме еще с 1970-х годов создавали организации, целью которых является проведение общественных кампаний против нелегальной миграции; повстанческие группировки часто выдвигают лозунги борьбы с мигрантами [Кумар, 2010].

Вместе с тем, в последние десятилетия на территории Бангладеш все чаще находят убежище лидеры и активисты этнических террористических группировок Северо-Востока Индии, таких как ULFA, Исламские тигры освобождения Ассам (Muslim Liberation Tigers of Assam (MULTA)), Независимая освободительная армия Ассам (Independent Liberation Army of Assam (ILAA)), Объединенный народный освободительный фронт (People United Liberation Front (PULF)) [Датта, 2012: 9].

Миграция в таких масштабах является причиной целого комплекса проблем, связанных как с межгосударственными отношениями Индии и Бангладеш, так и с обеспечением внутренней безопасности Индии. Представители индийского правительства неоднократно выражали озабоченность этими проблемами. Так, например, государственный министр внутренних дел Шрипракаш Джайсвал, выступая в мае 2009 года в Ахмадабаде на конференции, посвященной проблемам безопасности, заявил, что «растущая нелегальная миграция из соседней Бангладеш является серьезной угрозой для внутренней безопасности Индии» [Thaindian News, 12.05.2009].

Учитывая это, двум странам необходимо развивать сотрудничество в сфере противодействия терроризму. В ходе официального визита премьер-министра Бангладеш Шейх Хасины в Индию в январе 2010 г. был подписан ряд соглашений по совместной борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью, а так же о взаимной помощи в ведении уголовных дел и передаче осужденных [Индия–Бангладеш, 2012]. После прихода к власти правительства Шейх Хасины бангладешские правоохранительные органы стали задерживать и передавать Индии сепаратистов, скрывающихся на территории страны, в том числе и нескольких видных руководителей повстанческих организаций [LifeNews, 12.01.2012].

Предпринимались усилия по развитию межведомственного взаимодействия между индийскими и бангладешскими пограничными службами. В июле 2011 г. руководителями двух пограничных служб был подписан Совместный план по пограничному регулированию (Coordinated Border Management Plan) [Индия –

Бангладеш, 2012]. Ведомства договорились об обмене информацией, а также организации совместного патрулирования границы. Это должно улучшить как координацию между ними, так и ситуацию в приграничной зоне. [Дас, 2011].

Необходимо подчеркнуть, что развитие экономического сотрудничества и торговли между Индией и странами Бенгальского залива через Северо-Восточные штаты не может быть эффективным без развития самих этих штатов, которое в значительной степени зависит не только от внешней, но и от внутренней политики Индии.

Для успешного развития СВИ, использования преимуществ географического положения региона и реализации целей «Look East Policy» с необходимо решение как внутренних проблем региона, так и проблем двусторонних отношений Индии со странами Бенгальского залива, а также активизация конструктивного сотрудничества между государствами.

Таким образом, задачи развития Северо-Восточных штатов как «связующего звена» между Индией и ЮВА являются одним из значимых факторов формирования внешнеполитического курса Индии в отношении стран Бенгальского залива.

Библиография

Госвами, 2012 – Goswami N. Enlisting Myanmar’s help in tackling North East Guerrillas // Institute for Defence Studies & Analyses, 2012.

http://www.idsa.in/idsastrategiccomments/EnlistingMyanmarhelpintacklingNorthEastGuerrillas_NGoswami_180209, 20.02.2012

Дас, 2011 – Das P. The India-Bangladesh Border: A New Beginning //Institute for Defence Studies & Analyses, http://www.idsa.in/idsacomments/TheIndiaBangladeshBorderANewBeginning_pdas_101011, 20.02.2012

Дас, 2012 – Das P. Check the Downslide in India-Bangladesh Relations//Institute for Defence Studies & Analyses http://www.idsa.in/idsacomments/ChecktheDownslideinIndiaBangladeshRelations_pdas_040112, 20.02.2012

Датта, 2010 – Dutta P. India-Bangladesh Relations. Issues, Problems and Recent Developments// *IPCS Special Report*, №97, 2010.

Индия – Бангладеш, 2012 – Government of India, Ministry of External Affairs: India-Bangladesh relations January 2012 // <http://meaindia.nic.in/mystart.php?id=50042439>, 26.02.2012

Индия – Мьянма, 2012 – Government of India, Ministry of External Affairs: India – Myanmar Relations // <http://www.mea.gov.in/mystart.php?id=220218630>, 21.02.2012

Куппусвами, 2010 – Kuppuswamy C.S. India's Look East Policy – A Review. // *South Asia Analysis Group*, Paper no. 3662

Кумар, 2010 – Kumar A. Illegal Bangladeshi Migration to India: Impact on Internal Security // *Strategic Analysis*, 35:1

Лунев, 1993 – Лунев С.И. *Дипломатия в Южной Азии*. – М.: Наука, 1993.

Правительство Индии, 2011 – Press Information Bureau, Government of India, Fencing along India-Bangladesh Border // <http://www.pib.nic.in/newsite/erelease.aspx?relid=77968>, 26.02.2012

Программа развития Северо-Востока, 2007 – North Eastern Region Vision 2020, Ministry of Development of North Eastern Region & North Eastern Council // <http://mdoner.gov.in/index2.asp?sid=242>

Тан Мьин У, 2011 – Thant Myint-U *Where China Meets India*. NY: Ferrar, Straus and Giroux

Уайхом, 2009 – Yhome K. India-Myanmar relations (1998–2008). A decade of redefining bilateral ties. P.15 // *Observer Research Foundation Occasional Paper* №10

The Hindu Business Line, 13.07.2007 // <http://www.thehindubusinessline.com/todays-paper/tp-opinion/article1663494.ece>

LifeNews, 12.01.2010 // <http://www.lifenews.ru/news/8709>

Manipur Mail, 28.09.2011 // <http://manipur-mail.com/multimodal-transit-transport-project-at-kaladan-to-transform-trade-in-ne/>

Thaindian News, 12.05.2009 // http://www.thaindian.com/newsportal/uncategorized/illegal-immigration-from-bangladesh-biggest-threat-jaiswal_100191607.html

The Time, 27.11.2012 // <http://world.time.com/2012/11/27/asias-passport-wars-chinese-map-triggers-diplomatic-firestorm/>

Times of India, The Economic Times, 02.12.2012 // <http://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/army-chief-reviews-security-situation-along-china-border/articleshow/17450957.cms>

ПАКИСТАН–ИНДИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЫЗОВЫ ПРОЦЕССУ НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

Введение

В 2011–2012 гг. наметилась тенденция к нормализации пакистано-индийских отношений, которые, однако, сталкиваются с противоречиями и вызовами как внешних, так и внутренних факторов. В основе стратегии Исламабада процесса урегулирования с Нью-Дели на современном этапе, по заявлению министра иностранных дел Пакистана Хины Раббани Хар, лежат принципы «регионального подхода, а также продвижение национальных интересов» [<http://www.mofa.gov.pk>, 01.03.2012]. «Пакистан проводит политику изменений по взаимодействию со своими соседями. Ни один регион не был успешным без нормализации отношений между крупными соседями», – говорилось в документах МИДа [<http://www.mofa.gov.pk>, 19.04.2012].

Следует принимать во внимание еще один важный тезис – правящая Пакистанская народная партия (ПНП) ставила целью доказать, что только избранное согласно Конституции 1973 г. гражданское правительство¹¹¹ способно успешно реализовывать принципы демократии как во внутренней политике, так и на международной арене. В то же время, чтобы избежать критики со стороны оппозиции, федеральные власти заручились «поддержкой народа» – решение о нормализации торговых отношений с Индией было принято единогласно федеральным кабинетом министров, в состав которого входили представители разных политических партий.

Не менее значимую роль играет военно-политический аспект. Во-первых, Исламабад стремился нейтрализовать любой военный конфликт на восточной границе с учетом того, что перебрасывались военные контингенты и велись постоянные военные операции против боевиков на северо-западе страны, в зоне пуштунских

* Институт востоковедения РАН

¹¹¹ Но не военно-гражданская администрация. (Прим. автора)

племен в пакистано-афганском пограничье. Во-вторых, Исламабад подтверждал, что военно-воздушные силы и армия полностью оснащены для начала боевых действий в регионе, однако считал, что это является контрпродуктивным для всего региона, «и мы должны уделять больше внимания сохранению мира, а не нагнетанию военной истерии». Военные акценты во внешней политике Пакистана на индийском направлении во многих случаях диктовались опытом генералитета, трех пакистано-индийских войн. По этому поводу пакистанская пресса писала, что «внешняя политика Пакистана поддерживается мощным военным Истеблишментом, а в руках президента Зардари мало реальной власти в стране» [Dawn, 04.06.2012].

Для Исламабада имеет большой смысл и репутационная составляющая. Ярлык государства-террориста, который Нью-Дели пытался навязать Исламабаду, отрицательно сказывался на международной арене, в частности в вопросе привлечения иностранного капитала. Так, в 2010 г. иностранные инвестиции в экономику Пакистана составили 588 млн долл, по сравнению с более чем 30 млрд долл. в экономику Индии [The Frontier Post, 09.08.2012].

Пакистано-индийские отношения в 2008–2010 гг.

Переговоры с Индией стартовали еще в январе 2005 г., но генерала-президента П.Мушаррафа не жаловали в Нью-Дели, диалог «топтался на месте». Вскоре после прихода к власти в марте 2008 г. гражданского правительства, Исламабад прилагал усилия к его развитию. На пакистано-индийской конференции в июне 2008 г. тогдашний министр иностранных дел Пакистана Шах Мухсуд Куреши отмечал, что «имело место значительное улучшение атмосферы между двумя странами. Наше правительство полностью привержено усилению этого процесса. Двусторонние споры остаются нерешенными, в том числе по вопросам ледников Сэр Крик, Сиачин, а также Джамму и Кашмира. В последнее время произошли некоторые негативные явления: взрыв посольства Индии в Кабуле 7 июля 2008 г. и нарушение режима прекращения огня на Линии контроля, но мы не должны терять достигнутое по-

сле четырех лет процесса диалога. Как ответственные ядерные державы Пакистан и Индия должны продолжать свое стремление к стратегической стабильности и сдержанности... Обе страны намерены либерализовать визовый режим для облегчения контактов между людьми. Значительно увеличился объем двусторонней торговли с 200 млн долл. США (до начала мирного процесса) до 1.98 млрд долл. в 2007–2008 гг., что свидетельствует о его результативности» [<http://www.mofa.gov.pk>, 26.08.2008].

Новым водоразделом в пакистано-индийских отношениях стал теракт 26–28 ноября 2008 г. в Мумбае, погибли 166 человек. Нью-Дели обвинил Исламабад в поддержке групп боевиков, совершивших нападение. В те дни в местных пакистанских СМИ появилась информация о том, что «ядерные» соседи были на грани четвертого военного конфликта. Правительство Индии приостановило дипломатические связи с Пакистаном [Dawn, 29.03.11].

Спустя несколько месяцев, Исламабад старался использовать любую возможность, чтобы подтвердить свою готовность сотрудничать с Нью-Дели. В 2009–2010 гг. состоялись отдельные визиты на уровне секретарей внешнеполитических ведомств двух стран; на международных форумах – неформальные встречи глав государств/правительств, в частности, в феврале 2009 г. в Санкт-Петербурге, в июле 2009 г. в кулуарах конференции министров Всемирной торговой организации в Нью-Дели [Dawn, 07.09.09], на экономическом форуме в Давосе в январе 2009 г. Выступая на тему о возобновляемых источниках энергии и других экологических инициативах, тогдашний премьер-министр Пакистана Юсуф Раза Гилани подчеркнул, что «климатические изменения в Южной Азии поставили перед странами региона вопрос о необходимости «объединении стратегий, направленных на смягчение их последствий и адаптации к новым условиям в регионе, о возможности сотрудничества между Пакистаном и Индией по этим проблемам» [<http://www.weforum.org>]. В дальнейшем последовали переговоры на уровне секретарей МИДа двух стран, отсутствие конструктивизма заменялось лишь намерениями.

В 2009–2010 гг. глава внешнеполитического ведомства Пакистана Шах Махмуд Куреши призывал к тому, что «Индия и Паки-

стан должны смотреть более широко, ставя целью развитие сотрудничества, а не конфронтацию». [Dawn, 29.11.09] Однако, премьер-министр Индии М. Сингх осторожно относился к инициативам Исламабада, понимая, что в отношениях Индии с Пакистаном сложилась напряженная ситуация [The Nation, 17.06.09].

Оживление пакистано-индийских связей было закреплено первой неофициальной встречей президента Асифа Али Зардари и премьер-министра Индии Манмохана Сингха в Екатеринбурге, России, в рамках саммита Шанхайской организации сотрудничества [The Nation, 16.06.09]. Глава кабинета министров Индии выдвинул одно из условий Исламабаду для нормализации отношений – «предпринять жесткие и эффективные меры» по ликвидации в стране, прежде всего, антииндийских террористических групп». [The Nation, 17.06.09]. Пакистан ответил, что как «ответственная страна, он верит в конструктивный и позитивный диалог, направленный на комплексное решение проблем по обеспечению стабильности в регионе» [The Nation, 29.05.09].

Стороны согласились возобновить неофициальные переговоры по вопросам укрепления мер доверия, прекращения огня на Линии контроля в Кашмире, приграничной торговли вдоль дорог Шринагар-Музаффарабад и Пунч-Равалакот, возобновления автобусных маршрутов и т.д. [The Nation, 15.07.09; The Nation, 16.06.09]

Активизация в отношениях коснулась и малого бизнеса. В 2009 г. правительство Индии разрешило экспорт в Пакистан небольшой партии семян хлопчатника, имевшего устойчивые характеристики к сельскохозяйственным вредителям. Отдельные виды гибридных семян хлопка применялись в сельском хозяйстве Индии с 2002 г., что повышало их урожайность. Покупка гибридных семян для Пакистана, который занимал четвертое место в мире по выращиванию хлопка, способствовала дальнейшему повышению пакистанского экспорта хлопка и хлопчатобумажных изделий [The Nation, 08.09.09].

Впервые после трагедии в Мумбае официальные переговоры прошли в конце февраля 2010 г. в Нью-Дели на уровне государственных секретарей Министерств иностранных дел Пакистана и

Индии, в которых приняли участие Салман Башир и Нипурама Рао соответственно. Мировые СМИ характеризовали встречу как «новый отсчет во взаимоотношениях между странами». Но уже в июле 2010 г. переговоры прервались из-за резких разногласий по вопросу о Кашмире. Отношения вновь были заморожены [<http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-12873429>].

Нехватка углеводородного сырья, тормозящая развитие национальных экономик, перекрывала все политические претензии и вынудила в прошлом «непримиримых» Исламабад и Нью-Дели сесть за стол переговоров. 11 декабря 2010 г. было подписано Межправительственное соглашение о строительстве газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ), но в тот период из-за небезопасной ситуации в Афганистане и натянутости пакистано-индийских отношений, проект остался только на бумаге.

Развитие пакистано-индийского диалога в 2011 г.

Процесс нормализации отношений с Индией начался с дружеской неофициальной встречи 30 марта 2011 г. в Нью-Дели премьер-министра Пакистана Юсуфа Раза Гилани и премьер-министра Индии Манмохана Сингха для совместного просмотра матча полуфинала Кубка мира по крикету между пакистанской и индийской командами на индийском стадионе Мохали. [<http://www.mofa.gov.pk>, 30.03.2011]. Эта встреча в дальнейшем дала толчок дипломатической активности двух стран. [<http://www.mofa.gov.pk>, 03.01.2012]. Однако многие эксперты говорили о невозможности действенного прогресса в пакистано-индийских переговорах из-за недавнего испытания Пакистаном ракеты «Наср», способной нести тактический ядерный заряд, а также объявления Исламабадом планов по дополнительному размещению на границе с Индией около 20 единиц указанных ударных систем.

Тем не менее, стороны согласились на рассмотрение самого острого на тот момент вопроса – совместное расследование теракта в Мумбаи. В марте 2011 г. Исламабад и Нью-Дели подчеркнув особую опасность терроризма для мира, безопасности и нормали-

зации двусторонних отношений; договорились укреплять сотрудничество между Национальным агентством расследований Индии и Федеральным агентством расследований Пакистана по вопросам, представляющим взаимный интерес, и подтвердили намерение привлечь виновных к ответственности в соответствии с надлежащей правовой процедурой [The Nation, 26.05.12].

Несмотря на предупреждения скептиков, эти встречи в Тхимпху и в Мохали заложили основу для возобновления обмена визитами министров иностранных дел [<http://www.mofa.gov.pk>]. И только после этого Индия сочла возможным рассмотреть другие вопросы.

В частности, в повестку переговоров в марте 2011 г. были включены несколько сложных вопросов о создании недискриминационного режима торговли между двумя странами, в том числе сокращение или устранение тарифных и нетарифных барьеров; о пакистанских и индийских рыбаках, находившихся в тюрьмах двух стран. Вопрос был разрешен только в июне 2012 г. на встрече в Нью-Дели представителей Береговой охраны Индии и Морского агентства Пакистана. Обе стороны дали высокую оценку работе, проделанной Судебным комитетом по делам заключенных, и согласились, что их работа должна быть продолжена [The Nation, 26.05.12].

С одной стороны. Пакистан не намерен был отходить от своих позиций по ключевой проблеме индийского штата Джамму и Кашмир. С другой стороны, Исламабад в известной мере вынужден был искать возможность для более тесных торгово-экономических взаимоотношений с Индией на фоне ощутимого ухудшения отношений с США, особенно после операции американского спецназа по ликвидации Усамы бен Ладена 1–2 мая 2011 г.

Большой резонанс в политических и медиакругах Пакистана и Индии получил первый визит в Нью-Дели 26–28 июня 2011 г. нового главы внешнеполитического ведомства ИРП Хины Раббани Хар, состоявшийся сразу после ее назначения. Несомненно, сам факт пребывания Х. Хар можно было расценить как решительный шаг пакистанской дипломатии в направлении развития диалога с Нью-Дели; состоялись ее двусторонние встречи с премьер-министром

М. Сингхом, главой МИДа С.М. Кришной, лидерами партии Индийский национальный конгресс С. Ганди и оппозиции С. Свараджем. В последовавшем заявлении МИДа подчеркивалась необратимость поддержания непрерывного обеспечения благоприятных условий, поиска решений всех вопросов, а также важность постоянного взаимодействия с Индией» [<http://www.mofa.gov.pk>]. И действительно, позитивный диалог состоялся – были обсуждены запланированные вопросы борьбы с терроризмом, торгово-экономического сотрудничества, проект Виллар Барредж; ледников Сиачин, Сэр Крик, безопасности Джамму и Кашмир и дружественных обменов [<http://www.mofa.gov.pk>].

Новый подход молодого министра предусматривал общее движение вперед в двусторонних отношениях, «заморозив на время» Кашмирский вопрос. Выбранная тактика дала положительный результат.

Переговоры в 2010–2011 гг. привели к ряду позитивных сдвигов в двусторонних связях в сферах борьбы с терроризмом, контроля над наркотиками, гуманитарных аспектах, торгового-экономического сотрудничества, предпринимаемых мер укрепления доверия, статуса ледника Сиачин, а также коммерческих контактов и совместных проектов (в частности, навигационный проект «Wullar Barrage/Tulbul»).

Так, 12–13 сентября 2011 г. в Равалпинди (Пакистан) был подписан Меморандум о взаимопонимании по Сокращению потребления наркотиков и профилактике их незаконного оборота. В ходе восьмой встречи Генеральных директоров Бюро по контролю над наркотиками Индии и Антинаркотических сил по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Пакистана стороны выразили надежду, что Меморандум реально направлен на углубление взаимного сотрудничества на основе эффективных и устойчивых мер по контролю за растущей угрозой распространения наркотиков [*The Nation*, 26.05.12]. Тогда же было принято решение проводить переговоры о незаконном обороте наркотиков ежегодно; продолжить борьбу с фальшивомонетчиками, кибер-преступностью,

торговлей людьми и т.д. [The Nation, 26.05.12]. Позднее, в 2012 г. стороны подписали Меморандум о взаимопонимании по профилактике незаконного оборота наркотических средств [<http://www.mofa.gov.pk>, 08.09.2012].

Исламабад использовал также конференцию СААРК, которая состоялась в ноябре 2011 г., чтобы, во-первых, подчеркнуть серьезность своих намерений относительно развития взаимодействия обеих сторон, свою приверженность достижению мира и обсуждению всех нерешенных вопросов, во-вторых, доработать календарь встреч. Обе стороны договорились о созыве технической рабочей группы Пакистано-индийской совместной комиссии [<http://www.mofa.gov.pk>, 11.11.2011].

Тогда же верховный комиссар Индии выразил удовлетворение завершением первого раунда возобновления диалога, подчеркнув, что Нью-Дели стремится развивать процесс [<http://www.mofa.gov.pk>, 20.10.2011]. Глава внешнеполитического ведомства Пакистана охарактеризовала 2011 г. как позитивный для пакистано-индийских двусторонних отношений и выразила надежду, что эта тенденция будет продолжаться и в следующем году к взаимной выгоде двух стран [<http://www.mofa.gov.pk>, 03.01.2012]. В целом 2011 г. можно оценить как подготовительный к основной части диалога. Но первые его результаты отчетливо проявились во второй половине 2012 г.

Развитие пакистано-индийского диалога в 2012 г.

2012 г. стал прорывным в отношениях между Индией и Пакистаном. Развитие делового диалога стороны начали с намерения установить нормальные торговые отношения к взаимной выгоде [<http://www.mofa.gov.pk>, 01.03.2012]. В апреле 2012 г. в Нью-Дели на встрече министров торговли двух стран обсуждались вопросы прямых иностранных инвестиций из Пакистана, варианты облегчения визового ограничения на деловые поездки и возможность предоставления банкам обеих стран открыть филиалы и т.д. Частично они были воплощены в жизнь в том же году.

Статус наибольшего благоприятствования. Барьером развитию торговых связей было отсутствие режима наибольшего благоприятствования для индийских товаров на пакистанском рынке. В 1996 г. Индия предоставила Пакистану торговый статус «наиболее предпочтительной нации» [Dawn, 04.06.2012]. Вопрос оставался открытым для Исламабада. С 2011 г. министерства торговли обеих стран в течение более года вели переговоры об установлении заявленного режима для Индии. 29 февраля 2012 г. Исламабад принял решение в принципе о поэтапном отказе от отрицательного списка товаров между двумя странами до 31 декабря 2012 г. Это означало начало процесса либерализации торговли [Dawn, 01.03.2012].

В то же время Исламабад поспешил оговориться, что «...это решение никоим образом не должно рассматриваться как отход от принципиальной позиции по ключевым вопросам, прежде всего по Джамму и Кашмиру» [<http://www.mofa.gov.pk>, 01.03.2012]. Иными словами, в рамках прежнего доминантного политического противостояния, стороны пошли на сближение по торгово-экономическим вопросам. Исламабад объяснил это тем, что «...если мы хотим решить наши проблемы с соседями, мы должны заниматься ими. Нормализация торговых связей поможет нам продолжить продвижение коренных интересов», – заявлял пакистанский МИД [<http://www.mofa.gov.pk>, 01.03.2012].

В своем стремлении установить режим наибольшего благоприятствования с Индией, Пакистан в то же время сталкивался с вызовами внутреннего порядка. Существовавшие разногласия между двумя основными экономическими государственными учреждениями затрудняли работу. Министерство коммерции включило ограниченное число товаров в черный список и настаивало на полной его отмене в течение девяти месяцев. В то же время Министерство промышленности предлагало вариант поэтапного сокращения списка товаров, а процедуру отмены запрета на ввоз индийских товаров начать только спустя три года после его формирования, и окончательно либерализовать рынок в течение пяти лет. Министерство промышленности формировало список товаров

при консультациях с местными предпринимателями, которые не спешили сдавать свои позиции в пользу индийского импорта, который, как первоначально планировалось, должен был насчитывать свыше 2000 наименований.

Министерство промышленности полагало, что либерализация торговли будет иметь успех только при гарантированных поставках энергии пакистанским потребителям из Индии, так как местной промышленности необходимы были «равные условия и последовательность в политике, чтобы получить преимущества от торговли..., пропорциональные меры со стороны Индии по снижению нетарифных барьеров» [Dawn, 27.02.2012]. В феврале 2012 г. Пакистан первоначально разработал и позднее одобрил список товаров из 1945 наименований, разрешенных к ввозу в Пакистан из Индии [The Nation, 16.02.2012]. Министр торговли Зафар Махмуд, который являлся архитектором политики либерализации торговли с Индией, объявил о том, что кабинет министров принял окончательное решение 29 февраля 2012 г. [Dawn, 27.02.2012]. В марте 2012 г. Министерство коммерции в специальном распоряжении заявило, что Индия может импортировать из Пакистана все, за исключением 1209 товаров, включенных в так называемый «Список отрицательных товаров» после предоставления режима наибольшего благоприятствования Нью-Дели в 2012 г. [The Frontier Post, 09.08.2012; The Frontier Post, 06.09.2012].

Бизнес сообщества обеих стран по-разному реагировали на новые торговые условия. Ряд пакистанских предпринимателей полагал, что они потенциально могли столкнуться с потерями доходов не только из-за высоких тарифов на импорт, но и за счет нетарифных барьеров. Другая группа оптимистично считала, что Пакистан получит доступ на рынок, насчитывающий 1,2 миллиарда человек. Но в целом среди бизнесменов утвердилось мнение, что режим либерализации торговли может принести пользу при замене дорогостоящего импорта на более дешевые индийские товары – это повысит конкурентоспособность пакистанских товаров.

Режим наибольшего благоприятствования разрешал Индии экспортировать 6800 наименований товаров в Пакистан по срав-

нению с примерно 2000 пунктами ассортимента. Это позволяло поднять товарооборот с 2,7 млрд долл. (причем с преимуществом индийской стороны) до запланированных 6 млрд долл. в течение следующих трех лет [The Frontier Post, 01.08.2012]. Цифры спорные, так как неофициальная торговля проходит через третьи страны и оценивается в сумму до 10 млрд долл.

Рисовая война. Острым дискуссиям среди пакистанских предпринимателей подвергся вопрос об экспорте дешевого индийского риса на внутренний рынок Пакистана. Ассоциация экспортеров риса Пакистана обратилась в Министерство торговли с требованием включить все сорта индийского риса в черный список во избежание его вброса на пакистанский рынок. Импорт риса из Индии пакистанские производители рассматривали как ущемление позиций местных фермеров и торговцев. Это потенциально вело к огромным потерям для экспортеров, а также подрывало сельскохозяйственный потенциал производства Панджаба и Синда. Местные производители и дилеры поставили вопрос, во-первых, о необходимости финансовой компенсации, во-вторых, о защите внутреннего рынка риса, в-третьих, о стимулирующих мерах федерального правительства при вывозе пакистанского риса на традиционные рынки Афганистана, Центральной Азии и Ближнего Востока, куда в последние годы поставлялся рис – индийский басмати. Власти Исламабада с горечью констатировали, что страна потеряла свою долю (почти 170000 тонн) на рынке коричневого риса в Евросоюзе, фактически отдав его Индии из-за снижения ею цен на рис [http://www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/business/26-Feb-2012/indian-rice-imports-to-hit-pak-exports].

Пакистанские фермеры потребовали, что если правительство разрешило импорт индийского риса в Пакистан, то в таком случае должны быть разработаны мероприятия, направленные на защиту интересов местных фермеров, как например, выделение индийским правительством около 30 млрд долл. в виде субсидий для своих фермеров. Но требования не нашли отклика в федеральной администрации [http://www.nation.com.pk – /pakistan-news-

newspaper-daily-english-online/business/26-Feb-2012/indian-rice-imports-to-hit-pak-exports]. Тогда же, весной 2012 г. пакистанская сторона выразила признательность Индии за поддержку получения Исламабадом пакета помощи от Евросоюза в рамках Всемирной Торговой Организации (ВТО).

Потенциал сфер сотрудничества двух стран огромен: от информационных технологий для машиностроения, образования и здравоохранения. Но для пакистанских производителей проблема осложнялась тем, что себестоимость производства пакистанской продукции была выше из-за высоких тарифов на электроэнергию, а также из-за потери производственных часов вследствие спада нагрузки. В силу этих причин Пакистан не мог конкурировать на мировом рынке даже с Индией [The Nation, 01.09.2012].

Энергетика. Заявления пакистанских предпринимателей по этому поводу имели основания. Энергетический кризис в Пакистане, постоянное веерное отключение электроэнергии вело к стагнации многих отраслей местной промышленности. С тем чтобы не ослабить процесс режима либерализации Исламабадом Индия сделала несколько соответствующих предложений о предоставлении энергоносителей: 22 марта 2012 г. госсекретарь Пакистана по нефтяным и природным ресурсам Мухаммадом Чаудхри Эджаз провел переговоры со своим индийским коллегой Чатурведи в Нью-Дели о двусторонней торговле нефтепродуктами и о проекте трубопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ). Встреча состоялась в рамках проходившего в Нью-Дели 7-го саммита по газовому партнерству – 2012: «Эволюция азиатского рынка газа: Проблемы источников, Интеграция и Устойчивое развитие». Стороны обсудили вопросы транзитной пошлины на углеводороды в рамках проекта ТАПИ, импорта нефтепродуктов из Индии и снижения рисков, возможности создания совместных предприятий по разведке и обустройству нефтяных и газовых месторождений, использования нетрадиционных источников энергии и т.д. [Dawn, 22.03.2012]. Позднее, в преддверие визита главы МИДа Индии Кришны в августе 2012 г. индийский посол в США Н. Рао сделала заявление о том, что ее

страна рассматривает возможность экспорта 500 МВт электроэнергии в Пакистан, что крайне важно для его экономики.

Инвестиции. Практически одновременно с открытием энергетического диалога в начале сентября 2012 г. Индия отменила запрет на инвестиции из Пакистана. Этот шаг многие расценили как новый этап в их взаимосвязях. Правительство Индии приняло решение позволить гражданам Пакистана или лицам, зарегистрированным в Пакистане, направлять инвестиции в Индию. Пакистанским гражданам и компаниям разрешалось вкладывать средства во все отрасли, кроме оборонной, космической и атомной энергии. Все предложения должны быть доведены до сведения индийского правительства. Нью-Дели разрешил также пакистанским бизнесменам инвестировать в акции и конвертируемые долговые обязательства индийских компаний.

Исламабад приветствовал решение Нью-Дели о снятии запрета на пакистанские инвестиции, подчеркивая, что укрепление коммерческих связей – важный вклад частного сектора в мирный процесс.

Однако, реакция индийских бизнесменов была отрицательной в ответ на заявление в апреле 2012 г. индийского министра торговли Ананда Шармы о возможности прямых иностранных инвестиций из Пакистана. По их мнению, «разрешение Китаю или Пакистану покупать акции давало им возможность подорвать нашу экономику путем манипуляций с акциями. Этого нельзя допустить». Военные аналитики в Индии усмотрели в этом решении вероятную угрозу безопасности, а также бесконтрольного наплыва террористических элементов. Увеличение потока сотрудников разведки Пакистана и лидеров джихадистских группировок в Индию под видом бизнесменов для налаживания контактов с руководителями таких организаций, как индийские моджахеды, позволило бы пакистанской разведке, – считали военные, – получить ключ к чувствительным секторам экономики, таким как банковское дело, телекоммуникации, информационные технологии и т.д. Они могут использовать свое присутствие в экономике для сбора стратегической информации о наших экономических недостатках» [The Frontier Post, 09.08.2012].

По оценке пакистанской газеты The Nation, «Индия с ее более 20 миллионами акционеров занимала третье место по объему инвестиций в мире после США и Японии. В индийский рынок капитала вложили миллиарды долларов в 2010-11 финансовом году» [The Nation, 01.09.2012].

Открытие филиалов банков. В конце августа 2012 г. индийские СМИ сообщили, что Пакистан и Индия договорились о выпуске лицензии на осуществление банковских операций и открытие филиалов двух банков. В связи с этим глава Государственного банка Пакистана, Ясин Анвар проинформировал о том, что Государственный банк Индии и Банк Индии откроют филиалы в Пакистане, а Национальный Банк Пакистана и Объединенный банк – филиалы в Индии. Официальная процедура получения лицензий заняла несколько месяцев.

Таможенное сотрудничество. Сотрудничество в торгово-экономическом секторе подтолкнуло обе страны к развитию и других секторов двусторонних связей. 15 февраля 2012 г. Пакистан и Индия подписали два соглашения – О таможенном сотрудничестве и Протокол о взаимном признании и восстановлении торговых претензий, которые были направлены на разрешение вопросов, связанных с нетарифными барьерами между двумя странами. Например, Соглашение о таможенном сотрудничестве ставило целью избежать произвольной остановки товаров в портах двух стран.

Визит в Индию Судебной комиссии. В марте 2012 г. состоялся визит членов Судебной комиссии Пакистана в Индию, основной целью которой являлось расследование случая взрыва экспресса [The Nation, 26.05.2012]. Это стало возможным благодаря переговорам 25-26 марта 2012 г. между премьер-министрами Ю.Р. Гилани и М. Сингхом в кулуарах саммита по ядерной безопасности в Сеуле, где лидеры двух стран подтвердили свою приверженность диалогу в решении проблем между двумя странами. Встреча дала дополнительный импульс этому процессу, ориентированному на результат». [<http://www.mofa.gov.pk>] Глава кабинета министров Пакистана подчеркнул, что «благодаря решению об открытии ак-

кредитивов товарооборот вырос до 15 млрд рупий в результате шагов, предпринятых его правительством после прихода к власти в 2008 г.» [The Frontier Post, 20.02.2012].

Первый с 2005 г. визит в Индию президента А.А. Зардари, состоялся 8 апреля 2012 г. (в 2005 г. на переговорах в Нью-Дели Пакистан представлял экс-генерал-президент ИРП П.Мушарраф). Предлогом визита А.А. Зардари стало его желание посетить важную мусульманскую святыню в Аджмере для молитвы. Комплекс расположен в 350 км к юго-западу от индийской столицы. Храм посвящен суфийскому святому М. Чишти и является одним из самых почитаемых и популярных мест паломничества в Южной Азии, привлекая толпы последователей со всего мира. На обратном пути состоялась краткая встреча А.А. Зардари и М. Сингха. Хотя официально визит президента был заявлен как частный, но поскольку в поездке его сопровождали до 40 членов семьи, а также министр внутренних дел страны Р. Малик, это в корне меняло его статус.

Главе Пакистана было важно лично пригласить премьер-министра М. Сингха совершить первый официальный визит в Пакистан. В ответ индийский лидер заявил, что «разделяет желание нормализовать отношения между двумя странами», но обошел молчанием приглашение в Исламабад. МИД Пакистана расценивал апрельский визит А.А. Зардари как «процесс перезагрузки» в переговорах с Индией. Это дало право главе государства в мае 2012 г. указать на значительный прогресс по вопросам торговли и экономического сотрудничества с Индией [<http://www.mofa.gov.pk>, 15.05.2012].

Позднее, уже в сентябре 2012 г., на 67-ой сессии ГА ООН, президент Асиф Али Зардари в своем выступлении сказал: «мы подходим к нашим отношениям с Индией на основе взаимного доверия. Контакты между нашими руководителями расширяются. Я был воодушевлен моей беседой с премьер-министром Индии в прошлом месяце в Тегеране, с которым я встретился в пятый раз за четыре года». Однако поездка президента в Индию подверглась резкой критике в Исламабаде со стороны Пакистанской мусульманской лиги (Наваз Шарифа). Лидер оппозиции в Нацио-

нальном собрании Чаудри Нисар Али Хан заявлял, что визит планировался без учета мнения парламента и народа, что противоречило «чести и достоинству» страны. Партия не выступала против мирных переговоров с Индией, но настаивала, что они должны быть проведены в атмосфере взаимного уважения. По его мнению, «Индия вела переговоры на своих условиях, что противоречило обеспечению мира в регионе» [Dawn, 05.04.2012].

Визовое соглашение. Прием премьер-министром Индии М. Сингхом президента Пакистана А.А. Зардари, последовавшие устные договоренности внушали определенный оптимизм по поводу дальнейшего ровного развития пакистано-индийских отношений. Но уже спустя месяц, в мае 2012 г. в Исламабаде Пакистан и Индия были вынуждены отложить подписание долгожданного соглашения о либерализации визового режима по итогам двухдневных переговоров министров внутренних дел (МВД), поскольку на момент подписания пакистанское МВД не получило необходимого разрешения от федерального кабинета министров. Однако МИД Пакистана заявил, что обе стороны приветствовали завершение работы над «Визовым соглашением» и готовы подписать его в ближайшее время. Обвинения посыпались с обеих сторон. В ответ индийская сторона информировала о том, что пошла на переговоры и полностью готова подписать соглашение, о котором договорились Асиф Али Зардари и Манмохан Сингх еще в апреле 2012 г.

Вопрос заключался в подписи министра внутренних дел Индии Р. Чидамбарам. Он был приглашен в Пакистан, но в последнюю минуту не сел в самолет. Индийские СМИ, со ссылкой на источники в МВД, утверждали, что Исламабад настаивал, чтобы визовое соглашение было подписано Чидамбарамом и Маликом. Первоначально имя министра внутренних дел Индии Чидамбарам было в списке делегации. Но его отказ от визита сигнализировал о том, что Пакистану необходимо, прежде всего, принять меры против виновных в совершении 26 ноября терактов в Мумбае.

Реального прогресса в визовом вопросе стороны достигли 8 сентября 2012 г. в ходе визита главы индийского внешнеполитического ведомства Кришны в Исламабад, где были подписаны дого-

вор о либерализации визового режима, Дополнение к согласованию новых мер укрепления доверия в районах Линии контроля, торговли и путешествий. Был утвержден режим выдачи следующих восьми категорий виз: дипломатические, не дипломатические, 36-часовой транзитный визит, туристическая виза, общегражданская виза, виза для представителей СМИ, визы религиозным паломникам, бизнес-визы. По новым правилам бизнес-визы выдавались бизнесменам сроком на один год для многократного посещения пяти городов страны [Dawn, 08.09.2012]. Ограничения касались туристической визы, предоставление их было лимитировано пятью направлениями и сроком их валидности до шести месяцев. Но за путешествующими оставалось право выбора собственного транспортного средства при пересечении границы.

Одновременно льготный визовый режим позволял его применение лицам старше 65 лет, детям и паломникам. Пакистанским паломникам (до пятисот человек в год) разрешалось совершать поездки в Аджмер Шариф; в то время как членам индийской общины сикхов предоставлялось право приезжать в Пакистан для участия в религиозных праздниках.

В ходе визита С.М. Кришны в Исламабад стороны также подписали Меморандум о взаимопонимании в области культурных обменов, в частности между пакистанским Национальным советом искусств и Индийским Советом по культурным связям, по которому предусматривались обмены в области музыки, танца, театра и изобразительных искусств.

Совместные экономические зоны. Совместные экономические зоны на пакистано-индийской границе будут содействовать развитию торговли и повышению активности экономической деятельности. Этот проект был инициирован Пакистано-индийским бизнес-советом. Предполагалось, что Зоны будут представлять собой зоны мира в регионе и будут играть ключевую роль в социально-экономическом развитии населения, включая беднейшие слои. По подсчетам специалистов пакистанцы и индийцы, проживающие в европейских странах, способны направить до 40-50 млрд долл. в регион.

Специальные экономические зоны. Президент Асиф Али Зардари 11 сентября 2012 г. подписал законопроект о создании Специальных экономических зон, основная цель которого состояла в стимулировании местных и иностранных инвесторов на развитие промышленной инфраструктуры. Законопроект был инициирован в Сенате и направлен еще 8 марта 2012 г. в Национальную Ассамблею, где был одобрен 13 июля 2012 г. без каких-либо изменений. Обозреватели отмечали, что одной из основных причин экономической отсталости страны были частые пересмотры экономической и инвестиционной политики из-за смены правительств по политическим причинам. По их мнению закон обеспечивал преемственность экономической и инвестиционной политики, был направлен на сокращение затрат на ведение бизнеса и увеличение объема экспорта, создание рабочих мест и повышение доходности инвесторов. Все товары производственного назначения, машины и оборудование освобождались от уплаты таможенной пошлины при первичном ввозе в страну. Предприниматели освобождались от налога на прибыль на десять лет. В целом закон способствовал промышленному развитию в стране, так как защищал льготы для инвесторов. Это повышало доверие инвесторов и обеспечивало преемственность экономической политики.

Таким образом, в пакистано-индийских отношениях четко прослеживается политика взаимных противовесов и издержек. Если в каком-то вопросе одна сторона идет навстречу, то в другом – берет реванш. В основе каждого решения лежат жесткие финансовые расчеты, политические и экономические выгоды.

Кашмирский вопрос

В середине 2011 г. новый глава пакистанского МИДа Хина Раббани Хар приняла решение предпринять новый подход в отношении Индии. Прежние попытки возобновления диалога сразу же натыкались на обсуждение Кашмирского вопроса. Это заканчивалось столкновением позиций и последовавшим дипломатическим молчанием в течение нескольких месяцев. Выпускница факультета Управления бизнесом Массачусетского университета, США

[<http://www.mofa.gov.pk>] Хина Раббани применила нестандартную тактику – отложить обсуждения основного конфликта на время и инициировать процесс общего диалога. Как показала практика, подобный метод сработал.

«За последние шесть десятилетий между двумя странами остается напряженность из-за нерешенности проблемы Джамму и Кашмир... Я не сомневаюсь в том, что, если Пакистан и Индия смогли бы разрешить спор в соответствии с пожеланиями народов Кашмира, мы жили бы в гораздо более процветающей и мирной Южной Азии», – заявила Хина Раббани Хар в марте 2012 г. на международной конференции «Пакистан, Южная Азия и мусульманские общества» [<http://www.mofa.gov.pk>, 07.03.2012].

Исламабад тщательно готовился к новому раунду переговоров. Еще в середине июня 2011 г. государственный министр иностранных дел Пакистана С.Башир провел консультации с лидерами Кашмира, в результате которых вновь была подтверждена позиция – вопрос о Джамму и Кашмире является ключевым в пакистано-индийских отношениях.

Во время визита Хины Раббани Хар в Нью-Дели в июле 2011г. по вопросу о ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир не планировалось принятия какого-либо официального решения. Напротив, данный вопрос двусторонних отношений обострился после консультаций, которые провела Х. Хар с лидерами группировки «Фронт освобождения Джамму и Кашмира». Она заверила их в том, что Пакистан по-прежнему привержен политической и правовой позиции по Джамму и Кашмир и подтвердила неизменную поддержку Пакистана представителей народа Кашмира – Сайеду Али Шах Гилани и Мурвайзу Умер Фаруку в процессе дальнейшего диалога [<http://www.mofa.gov.pk>]. Официальный Нью-Дели считал их сепаратистами.

Тем не менее, к определенным позитивным сдвигам на этом направлении следует отнести достигнутые договоренности об упрощении режима ведения торговли и поездок в районе «Линии контроля» Джамму и Кашмир и увеличение числа торговых дней с двух до четырех. В политическом плане пакистанский и индийский

дипломаты договорились «продлить поиск мирного решения проблемы в целях последующего сокращения разногласий сторон по этому вопросу».

В вопросе Джамму и Кашмир Пакистан по-прежнему привержен справедливому и мирному разрешению проблемы в соответствии с чаяниями народа Кашмира. Это не наносит ущерба политической и правовой позиции Пакистана, который стремится к значимому и ориентированному на результат взаимодействию по данному вопросу. Была также выражена серьезная озабоченность по поводу нарушений прав человека кашмирского народа и важность соблюдения их основных прав и свобод [<http://www.mofa.gov.pk>].

Индия, со своей стороны, выдвигала требование о первоочередном официальном судебном наказании Пакистаном боевиков, которые использовали землю Кашмира для атак на индийскую территорию. Тогдашний министр иностранных дел Индии Матаи заявил, что «провал» Пакистана по пресечению деятельности радикальных групп, которые напали на Индию, является основным препятствием на пути мирных переговоров.

Между тем стороны постепенно готовили почву для дальнейшего широкого обсуждения Кашмирской проблемы и сформировали рабочие группы. Но при всей либеральной тональности в адрес Нью-Дели Исламабад жестко придерживался своих позиций. «Правительство не пойдет на компромисс по проблеме Кашмира, так как это является основой идеологии ПНП по этому вопросу», – заявлял тогдашний премьер-министр Ю.Р. Гилани [Dawn 06.11.2011].

Подобная позиция служила оправданием жестких заявлений Председателя парламентского комитета по Кашмиру Маулана Фазл-ур-Рахмана. На сессии Национальной ассамблеи (НА) 4 октября 2011 г. он критиковал Индию, которая, по его мнению, «...прибегла к беспрецедентным нарушениям прав человека, ограничивала свободу движения в оккупированном Кашмире, развязала террор и убила с 1947 г. около полумиллиона жителей Кашмира. Он считал, что кроме уничтожения их имущества, про-

водилось задержание граждан без предъявления каких-либо обвинений, представители индийских сил безопасности насильовали женщин... Это делалось с целью деморализации народа Кашмира. Были обнаружены тайные массовые захоронения, но это лишь верхушка айсберга. Главный министр оккупированной части Кашмира Омар Абдулла принес извинения за эти преступления. Те, кто не может защитить честь своей сестры – Кашмира – не имеют права называть себя лидерами. Поэтому Омар Абдулла должен подать в отставку, а не просто принести извинения» – прозвучало с трибуны НА [<http://www.na.gov.pk>, 04.10.2011].

Отсутствие в официальных переговорах пункта о Кашмире не исключало постоянное транслирование Исламабадом своей позиции. «Урегулирование Кашмирского вопроса в пакистано-индийских отношениях являлось залогом «стратегической стабильности в Южной Азии. Все, что противоречило этому, вызывало озабоченность...», говорилось в заявлении МИДа Пакистана [<http://www.mofa.gov.pk>, 08.09.2011]. Гражданской администрации вторил военный истеблишмент Пакистана. «До тех пор, пока существуют региональные конфликты и остается неразрешенной Кашмирская проблема, стабильность представляется недостижимой мечтой», – заявлял председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Халид Шамим Винн [<http://www.ispr.gov.pk>, 15.06.2012]

В июле 2012 г. рабочие группы на уровне государственных министров иностранных дел приступили к обсуждению мер укрепления доверия в Дхамму и Кашмире. Но уже в сентябре 2012 г. на 67-ой сессия ГА ООН президент А.А. Зардари сказал в своей речи, что принципиальная позиция Пакистана по территориальным спорам остается основой внешней политики: «Мы будем продолжать поддерживать право народа Дхамму и Кашмир мирно выбирать свою судьбу в соответствии с давней резолюцией Совета Безопасности ООН по этому вопросу. Кашмир остается символом неудачи... Мы считаем, что мы должны искать взаимовыгодные решения...» [<http://www.president.gov.pk>].

Вызовы урегулированию Кашмирской проблемы. Внутренние и внешние вызовы урегулированию появлялись синхронно с общим процессом пакистано-индийского диалога. Первый состоял в традиционной жесткой критике оппозиционных партий несостоятельности администрации А.А. Зардари отстаивать интересы страны в вопросе Джамму и Кашмира.

Второй – в продолжении террористических актов. В начале апреля 2011 г. в Шринагаре взрывом у мечети был убит маульви Шрукат Ахмед Шах, духовный лидер мусульман Кашмира. По свидетельству очевидцев, он придерживался умеренных позиций и выступал за независимость штата Джамму и Кашмир [The Nation, 09.04.2011].

Третий – внешние вызовы. В апреле 2011г. США предложили награду в сумме 5 млн долл. за информацию о местонахождении Ильяза Кашмири, лидера террористической организации Хакакат-ул-Джихад ал-Ислаи, обвиняемого в организации атак 9/11 в Нью-Йорке и 26/11 в 2008 г. в Мумбае, а также связях с Аль-Каидой. Индийские следователи полагали, что эта организация действовала совместно с Лашкар-и-Тойба. 2 марта 2006 г. Хакакат-ул-Джихад ал-Ислаи организовала нападение на консульство США в Карачи. [Dawn, 07.04.2011] В начале мая 2012 г. в Индии вновь была развернута кампания, которую поддержала госсекретарь США Х. Клинтон во время ее визита в Нью-Дели, о судебном рассмотрении дела пакистанца Хафиза Саида, лидера организации Джамаат-уд-Дава. Нью-Дели считал его одним из инициаторов атаки в Мумбае в 2008 г.

Тогдашний министр иностранных дел Индии Матаи заявил, что нежелание Пакистана пресечь деятельность радикальных групп, которые совершили нападение на Индию, является основным препятствием на пути мирных переговоров. Индия и США утверждали, что Х. Саид помогал планировать нападения на Мумбай в 2008 г. Индия обвинила тогда Пакистан в укрывательстве боевиков, действовавших «в сговоре с представителями правительственных кругов». Решение Вашингтона о награде в сумме 10 млн долларов за голову лидера Джамаат-уд-Дава Хафиза Саида лишь

доказывало поддержку Вашингтоном позиции Индии о высоком уровне угрозы со стороны пакистанских боевиков. Несмотря на внутренние и внешние вызовы решению Кашмирской проблемы, Исламабад продолжил отстаивать свои интересы на международной арене, в частности, в Комитете ООН по правам человека.

Линия контроля. Кашмирской проблемой по географии, степени напряженности и т.д. тесно связан вопрос о Линии контроля (ЛК), закрепленной еще Симлском соглашением в июле 1972 г. Стороны с удовлетворением подчеркнули, что «... режим прекращения огня поддерживался с 2003 г.» [<http://www.mofa.gov.pk>, 08.09.2012], и с 2011 г. прежде всего занялись регулированием житейских вопросов – совершенствованием действовавших правил торговли, организацией поездок по всей ЛК, условий для введения дополнительных разрешений для жителей районов Линии контроля и т.д.

Прорыв в этом вопросе стал очевиден после подписания пакета документов главами внешнеполитических ведомств Пакистана и Индии во время официального визита Кришны в Исламабад в сентябре 2012 г. В отношении ЛК стороны приняли решение по двум важным пунктам: 1. Разрешение поездок через ЛК с различными целями – туризм, паломничество, посещение родственников и т.д.; 2. Торговля, утверждение списка товаров (21 наименование), разрешенных к продаже в районах ЛК. В результате одобренных мероприятий увеличился взаимный поток жителей, пересекающих ЛК, оживился рынок и т.д.

Ледник Сиачин в пакистано-индийских отношениях

Проблема ледника Сиачин и позднее Сэр Крик вновь была поднята в пакистано-индийских отношениях. С одной стороны, дискуссии по вопросу отражали общий подъем пакистано-индийских отношений, с другой, – произошла человеческая трагедия. В апреле 2012 г. мощная снежная лавина накрыла пакистанский военный лагерь в Сиачине, похоронив 124 военнослужащих и 11 гражданских лиц. Этот погранпост является самым высокогорным в мире, расположен на высоте 20000 футов над уровнем моря. Его уничтожение

стихий на пакистано-индийской границе вновь поставило вопрос о целесообразности погранзаставы в целом.

Попытки урегулирования проблемы ледников неоднократно предпринимались и Нью-Дели, и Исламабадом. В 1988 г. на саммите СААРК премьер-министры Пакистана и Индии, Б. Бхутто и Р. Ганди проявили намерение установить более «тесные дружественные отношения», включая и перспективы решения ледника Сиачин. Вопрос был включен в повестку дня переговоров. В районе ледника и на Линии контроля в Кашмире стороны неоднократно обменивались артиллерийскими ударами. В целом индийская и пакистанская армии противостояли друг другу на «спорной территории» на протяжении более двух десятилетий. Сиачин был одной из самых напряженных зон в мире.

В июне 2008 г. Пакистан анонсировал пакет предложений о разъединении войск, их перераспределении и осуществлении контроля в этом районе. Тогда же премьер-министр Индии М. Сингх заявил, что «...решение этого вопроса может действительно превратить данный регион в «гору мира» [<http://www.mofa.gov.pk>, 26.08.2008]. Но инициативы не были реализованы.

После экологической катастрофы в апреле 2012 г. МИД Пакистана предложил новые прагматичные подходы к решению вопроса Сиачин, основанные на взаимных интересах. Обе стороны выразили желание о демилитаризации Сиачина, включая взаимную передислокацию войск. Это означало возвращение к статусу 1984 г. Оставалось решить вопрос о сроках вывода войск.

18 апреля 2012 г. начальник штаба сухопутных войск Пакистана генерал Ашфак Первез Кияни, посетив Скарду, небольшой военный пункт у подножия ледника, вновь призвал «положить конец конфронтации» и демилитаризации области ледника. Однако, по его словам это влекло к изменениям общей позиции по Сиачину.

Но как только вопрос о леднике прозвучал в СМИ Пакистана, ряд политических партий страны выдвинули обвинения против правящего кабинета министров и военного истеблишмента в государственной измене и отступлении от завоеванных позиций. МИД

Пакистана немедленно отреагировал: «Мы не планируем односторонний вывод войск из района Сиачина. Наши предложения, которые мы сделали, включают взаимную передислокацию войск» [<http://www.mofa.gov.pk>, 19.04.2012].

В преддверии всеобщей избирательной кампании в Пакистане (парламентские выборы планировались на начало 2013 г.) оппозиция критично воспринимала любое заявление официальных гражданских властей или военного истеблишмента о каких-либо «уступках» Нью-Дели.

Власти в Исламабаде полагали, что нынешняя инициатива по демилитаризации Сиачина может стать отправной точкой установления прочного мира между Индией и Пакистаном, предложили не разграничивать область в соответствии с Симлским соглашением, сделав ее зоной разъединения, а напротив, вывести войска с обеих сторон ледника без взаимного ущерба.

Однако Нью-Дели изменил свою позицию, и, согласно заявлению генерала вооруженных сил Индии К. Сингха 26 мая 2012 г., «Сиачин был индийской территорией, а предложение генерала А. Кияни объявить район невоенной областью не следует рассматривать серьезно» [The Nation, 26.05.2012].

Бывший министр обороны Пакистана, Чаудхари Ахмед Мухтар посчитал, что вооруженные силы Индии и Пакистана являются препятствием разрешению спора, проблема Сиачина – это вопрос удовлетворения их эго. Но в случае нападения, Пакистан предпримет адекватные меры. [Dawn, 03.06.2012] В июне 2012 г. состоялись новые переговоры, завершившиеся нулевым результатом. Глава оборонного ведомства Пакистана Сайед Навид Камар отметил, что страны надеются на разработку комплексной стратегии вывода войск из этого региона. В целом стороны подтвердили свою решимость пойти на серьезные, устойчивые и ориентированные на результат усилия, стремясь к мирному разрешению проблемы ледника Сиачин.

Та же участь постигла вопрос о леднике Сэр Крик. Стороны неоднократно подтверждали стремление найти мирное решение этой проблемы.

Вопрос о распределении вод реки Инд. Справедливое, с точки зрения Пакистана, распределение вод Инда – пересмотр многих подписанных ранее двусторонних соглашений. Еще в 2011 г. Х. Раббани Хар озвучила озабоченность по вопросам водных ресурсов [<http://www.mofa.gov.pk>]. Позднее, в апреле 2012 г. столицы договорились о создании Комиссии по вопросу вод Инда; приняли решение установить спутниковую систему телеметрии в Кашмире для наблюдения за забором воды в 100 различных точках и проведением анализа ее качества и количества. Эксперты Комиссии планировали совместно работать с Всемирным банком реконструкции и развития. Одновременно были достигнуты договоренности о реализации четырех–шести гидроэнергетических проектов Индии на пакистанских реках и т.д.

Консульское соглашение. Пакистан и Индия также подтвердили необходимость выполнения условий Соглашения о консульском доступе 2008 г. Соглашение включало немедленное уведомление об аресте граждан, консульском доступе ко всем лицам в течение трех месяцев после ареста, освобождение/передача заключенных в течение одного месяца после отбытия наказания и подтверждения их национального статуса. Консульское соглашение было важно для урегулирования вопроса о военнопленных, содержащихся в заключении обеих стран. Одновременно Исламабад и Нью-Дели в принципе дали согласие начать переговоры по Договору о взаимной правовой помощи в целях укрепления взаимного сотрудничества при рассмотрении уголовных дел.

Стратегический диалог Афганистана и Индии – вызов пакистано-индийским отношениям

Одним из внешних вызовов нормализации пакистано-индийских отношений стало подписание в 2011 г. Стратегического договора между Кабулом и Нью-Дели. Власти Исламабада расценили его как прямое ограничение своего влияния на Афганистан, особенно после 2014 г. Первым результатом, по их мнению, должно было стать неизбежное сокращение потоков пакистанских товаров на афганский рынок.

В конце первой декады XXI в. Индия была одним из крупнейших доноров Афганистана. К этому времени Нью-Дели уже вложил значительные финансовые средства в реконструкцию инфраструктурных объектов в Афганистане, направил около 2 млрд долл. на цели развития народного хозяйства и широкую гуманитарную помощь населению, начиная от строительства автомобильных дорог и заканчивая возведением здания афганского парламента. Индия также выиграла концессии на разработку месторождений железной руды на сумму в 11 млрд долл. Цель Индии в оказании поддержки Афганистану состояла в нейтрализации насилия со стороны радикальных исламистских элементов [The Nation, 17.06.2012].

Но была и обратная сторона медали. Министр обороны США Леон Панетта в июне 2012 г. призвал Нью-Дели играть более активную роль в Афганистане после вывода иностранных боевых подразделений из страны в 2014 г. Исламабад по-своему отреагировал на подобное предложение Вашингтона. «Нет сомнений, – писала пакистанская газета The Nation (используя текст заявления Движения Талибан), что Индия является важной страной в регионе. И владеет полной информацией о ситуации в Афганистане, поскольку стороны знают друг друга очень давно» [The Nation, 17.06.2012]. Индия поддержала Северный альянс во время гражданской войны в 1990-х годах. Но отношения с Афганистаном были заморожены после захвата власти талибами в 1996 г. до свержения их правительства американо-британскими войсками в 2001 г. В дальнейшем, в 2010 г. Нью-Дели удалось избежать прямого участия в стабилизации в Афганистане. Исключением была организация курсов обучения небольших групп афганских офицеров в военных учреждениях Индии.

Лидеры талибов также заявили в ответ на опасения Нью-Дели, что «не позволят Афганистану быть использованным в качестве базы против другого государства. Это заявление демонстрировало скрытое предупреждение Индии проявлять разумную активность в Кабуле. Индия полагала, что после 2014 г. и вывода основных боевых соединений коалиционных сил США/НАТО/МССБ из Афганистана, оппозиция со стороны Пакистана на афганском простран-

стве усилятся. Они основывались на возможности базирующихся в Пакистане боевиков выступить против Индии, если талибы вновь вернуться к власти.

Одним из препятствий на пути укрепления торговых связей и повышения уровня товарооборота между Индией и Афганистаном являются условия Пакистано-афганского транзитного торгового договора (ПАТТД). Они предусматривают односторонний коридор для грузоперевозок только афганских товаров через пакистанский пограничный переход Вагах в Индию. Нью-Дели был заинтересован первоначально в двустороннем торговом коридоре через Пакистан в Афганистан. В дальнейшем можно было бы разработать маршрут через северные районы Афганистана в столицы государств Центральной Азии.

В то же время Исламабад, по мнению местной прессы, «не мог позволить Нью-Дели использовать режим преимущества наибольшего благоприятствования или увеличения объемов торговли с Афганистаном или любой другой страной по пакистано-афганским сухопутным маршрутам до окончательного решения главного вопроса – Кашмира [The Frontier Post, 06.09.2012].

Ядерный вопрос в пакистано-индийских отношениях также получил дальнейшее развитие, но крайне ограничено. Во время визита в Нью-Дели в июле 2011 г. Хина Раббани Хар подтвердила, что «...обе стороны договорились провести отдельные встречи экспертов Группы по ядерным и обычным мерам укрепления доверия в Исламабаде в сентябре 2011 г. В соответствии с договоренностью, достигнутой в ходе шестого раунда пакистано-индийских экспертных переговоров по укреплению мер доверия в области атомной энергии, состоявшиеся в Исламабаде 27 декабря 2011 г., было решено продлить срок действия «Соглашения по сокращению рисков от несчастных случаев, связанных с ядерным оружием», еще на пять лет с 21 февраля 2012 г. Соглашение вступило в силу еще 21 февраля 2007 г.

Фактически стороны пролонгировали прежние договоренности, жестко придерживаясь своих позиций. Это было подтверждено основополагающими принципами пересмотренных условий

взаимодействия с США/НАТО/МССБ и в целом внешней политики в апреле 2012 г. В нем говорилось, что «Пакистан и его ядерные активы, включая меры защиты и обеспечения безопасности, не могут быть поставлены под сомнение». Американо-индийское соглашение об использовании ядерных технологий в гражданских целях значительно изменило стратегический баланс в регионе. Поэтому Пакистан должен добиваться от США и других стран аналогичных договоренностей. Стратегическое положение Пакистана по отношению к Индии по вопросу о ядерных объектах не должно быть нарушено, и этот принцип будет основным на переговорах. В апреле 2012 г. Комитет обороны федерального кабинета министров Пакистана заявил, что «не будет никакого компромисса по ядерной программе и поддержал имеющиеся планы правительства относительно международного гражданского ядерного сотрудничества» [<http://www.mofa.gov.pk>].

Вывод. Курс на нормализацию пакистано-индийских отношений – тенденция времени. Он отвечает общему контексту режима мирного сосуществования соседних государств, их репутационной составляющей, но одновременно является одним из обязательных условий международной донорской помощи Исламабаду в борьбе с терроризмом, доступа его на рынки Евросоюза и т.д.

Позитивные сдвиги в гуманитарных вопросах, торгово-экономические соглашения и т.д. – все это необходимая прелюдия к процессу нормализации пакистано-индийских отношений. Нейтрализация экстремистских группировок, в частности в районах вдоль границы, Джамму и Кашмире, вынесение удовлетворительного судебного решения для обвиняемого в мумбайском теракте и т.д., будут для Нью-Дели одними из решающих факторов при выработке дальнейшей стратегии в отношении Пакистана. Как представляется, переговорный процесс с Индией будет продолжен, но Исламабад останется привержен тактике наступлений и уступок, не изменяя своей генеральной линии.

ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Значение развития двусторонних экономических отношений в регионе определяется в первую очередь тем, что это не только генерирует рост внешнеэкономических связей между Индией и Пакистаном и подъем непосредственно их национальных экономик, но реально может способствовать решению одного из наиболее затяжных мировых конфликтов – Кашмирской проблемы, а также урегулированию других спорных вопросов, существующих уже не одно десятилетие между двумя странами – принадлежность ледника Сиачин, раздел вод р. Инд и его притоков и др.¹¹²

Естественно, что основой экономических связей между двумя странами является торговля. Статистическая информация обеих стран об объеме двустороннего товарооборота почти совпадает (этого, например, нельзя сказать о пакистано-афганской торговле, которую, в частности, пакистанские статистические органы определяют в 2,5 млрд долл., в то время как афганская сторона считает ее в 5 раз меньше, примерно в размере 500 млн долл.). Поэтому мы не будем отделять без особой необходимости данные, почерпнутые из пакистанских статистических публикаций, от индийских. Между тем, оценки уровня и качества двусторонних экономических отношений, перспектив их развития, сделанные экспертами Дели и Исламабада, зачастую кардинально разнятся.

* Институт востоковедения РАН

¹¹² В статье не ставится цель напрямую увязать двустороннее экономическое сотрудничество с политической ситуацией в регионе, но все же следует отметить следующее – в 1992 г. по решению тогдашнего генсека ООН Перес де Куэльяра была создана совместная российско-американская команда (куда входил автор этих строк) для изучения возможностей решения Кашмирской проблемы. Главным итогом её деятельности стал вывод о том, что именно реальное развитие экономических отношений между Индией и Пакистаном может стать базой для решения этой серьезной проблемы. А сейчас, как будет показано ниже, налицо общее улучшение отношений между двумя странами и, в первую очередь, расширение экономических связей.

Следует подчеркнуть, что Индия, как и Пакистан, придает все большее значение развитию двусторонних экономических связей. В 2011 г. многочисленная группа индийских бизнесменов под эгидой ФИККИ (Федерация торгово-промышленных палат Индии) и при содействии министерства торговли Индии завершила проект «Индийско-пакистанское экономическое сотрудничество», результаты которого были опубликованы в Дели в феврале 2012 г. [Статус 2012]. По информации ФИККИ официальная торговля, в соответствии с таможенной статистикой, между двумя странами составила в 2011 г. 2,7 млрд долл., в 2001 г. она была на уровне 144 млн долл., т.е. товарооборот вырос почти в 20 раз [там же: 3]¹¹³. Причем подъем этот отнюдь не номинальный, обусловленный ростом, например, мировых или национальных цен (когда подсчеты осуществляются на базе текущих цен), а реальный, когда происходил и происходит рост физических объемов торговли – увеличение экспорта и импорта конкретных видов товаров.

Но неформальная торговля или, как ее формулируют индийские предприниматели – контрабанда, составила в том же 2011 г. 10 млрд долл.[Business Recorder, 2.05.2012]¹¹⁴. То есть превысила объем официального товарооборота через государственную границу почти в 4 (!) раза. Естественно, что единственной целью в таком случае является стремление обойти таможенные барьеры, которые порой алогичны и не выдерживают никакой критики с точки зрения их установления в соответствии с экономическими реалиями. Контрабандная торговля осуществляется каботажом по Аравийскому морю, авиаперевозками через третьи страны, в первую очередь через Дубай, контейнерами по морю через Сингапур,

¹¹³ В первые годы после завоевания независимости в 1947 г. Индия была главным торговым партнером Пакистана и обеспечивала 32% его импорта, одновременно предоставляя свой рынок 56% пакистанских товаров [ДёСоуза 2005].

¹¹⁴ По мнению упоминавшейся выше ФИККИ, контрабандная торговля во второй половине 90-х годов XX в. составляла 20 млрд долл., а рынки Пешавара, Равалпинди, Лахора и Кветты были буквально наводнены индийскими товарами. [The Nation. 23.02.1998]

арабские страны, через Центральную Азию и даже гнаослах через Афганистан. Это, в конечном итоге, получается намного дешевле, нежели уплата непомерно высоких импортных и экспортных пошлин. [Business Recorder. 2.05.2012].

Разрыв между реальной и номинальной торговлей связан прежде всего с тем, что оба государства, несмотря на предоставление друг другу режима наибольшего благоприятствования в торговле, тем не менее, так и не могут пока договориться о существенном расширении списка разрешенных к торговле товаров. Индия готова поставлять в Пакистан свыше 6,5 тысяч наименований различных видов товаров, в то время как Пакистан пока что разрешает импорт оттуда лишь менее 2 тыс. товаров. В плане двустороннего товарооборота Пакистан намного консервативнее Индии, которая предоставила Пакистану в торговле статус наибольшего благоприятствования еще в 1996 г., а Пакистан сделал это лишь в ноябре 2011 г. [Dawn, 15.11.2011]. Более того, Исламабад выдает этот шаг едва ли не как серьезную уступку Индии, а негативный лист у Пакистана по количеству товаров обширней аналогичного индийского списка.

Справедливости ради следует отметить, что значение Пакистана для Индии как торгового партнера очень невелико – доля Пакистана в индийском импорте 1%, доля Пакистана в индийском экспорте и того меньше – 0,1% [Статус 2012: 9].

Что конкретно Пакистан закупает в Индии, а что Индия закупает в Пакистане по 5-ти основным группам товаров и в экспорте, и в импорте?

Пакистан закупает в Индии – сахар и кондитерские изделия, хлопок-сырец, химические реактивы, волокно ручного прядения, различные овощи и корнеплоды.

Индия закупает в Пакистане по 5-ти группам товаров – фрукты, в первую очередь цитрусовые, очищенные орехи, арбузы, минеральное топливо, минеральное масло, воск и парафин, различные соли, сульфаты, цемент, известь, химические реактивы, которых не хватает в Индии, хлопок-сырец в случае его нехватки и некоторые текстильные готовые изделия (нерегулярно) [там же: 10-11].

Оба государства весьма серьезно подходят к расширению торговых отношений не только на высшем уровне. Непосредственно сами торговцы стремятся повысить уровень своих практических знаний в этой сфере экономики. Свидетельством может служить организация Министерством торговли Пакистана совместно с Ассоциацией развития торговли и Торгово-промышленными палатами Исламабада, Карачи, Лахора, Кветты и Пешавара 10-ти семинаров по детальному изучению индийского рынка, наилучшему ведению торговли с Индией, развитию контактов с представителями индийских деловых кругов.

Аналогично индийская сторона внимательно анализирует перспективы пакистанского рынка. Как сообщил автору этих строк исполнительный директор ФИККИ Локнатх Ачарья, индийские бизнесмены в процессе подготовки упомянутого выше издания «Индийско-пакистанское экономическое сотрудничество» тщательно исследовали имевшиеся и потенциальные рынки сбыта в Пакистане индийских товаров, которые уже входят или могут войти в перспективе в разрешительный пакистанский товарный список.¹¹⁵ Более того, группа индийских бизнесменов рассчитала потенциальное снижение импортных расходов Пакистана в случае ввоза ряда товаров непосредственно из Индии, а не из других, географически более удаленных стран. На прямой импорт стали из Индии расходы Пакистана по этой статье ввоза сократились бы на 55% (!), машино-техническое оборудование – на 15%, средства транспорта – на 26%, фармацевтическая продукция – на 35%, велосипеды – на 20%, фрукты и овощи – на 40%, сахар – на 30% [там же: 47].

По мнению экономических экспертов как в Индии, так и в Пакистане, есть все основания полагать, что объем официальной (не-контрабандной) двусторонней торговли реально может возрасти в 2014 г. до 7 млрд долл. и одновременно поможет сократить не-

¹¹⁵ Из беседы автора настоящей статьи с исполнительным директором Федерации торгово-промышленных палат Индии Локнатх Ачарья 14 марта 2012 г. в офисе ФИККИ, Дели.

официальную (контрабандную) торговлю. Этому будут способствовать уже принятые законодательные меры по расширению торговых отношений, так и возможности дополнительного торгового пропускного пункта на индийско-пакистанской границе Аттари-Вагах [Business Recorder, 14.04. 2012].

Развитию двусторонних торговых и других отношений в небольшой степени препятствует сильнейший бюрократизм с обеих сторон. Достаточно привести небольшой пример: после предоставления Пакистаном Индии в 2011 г. статуса наибольшего благоприятствования между министерством торговли и министерством промышленности Пакистана развернулась дискуссия по поводу того, в какие сроки надо утвердить список разрешенных товаров. Министерство торговли считает, что это можно сделать максимум через 3-4 месяца, а Министерство промышленности полагает – через год. Министерство текстильной промышленности категорически утверждает – минимум через 5 лет, мотивируя такой срок неправомерными импортными пошлинами на пакистанский текстиль и необходимостью серьезно разобраться в этом вопросе. Таким образом, в рядах пакистанских чиновников нет согласия, бюрократическая система активно работает, ведомственные амбиции преобладают над здравым практическим смыслом, от чего страдает национальная экономика пакистанского государства. В этой связи убедительно прозвучало неформальное высказывание турецкого премьер-министра пакистанскому коллеге о том, что именно избыточность бюрократизированности пакистанской экономической системы является серьезным препятствием на пути роста иностранных инвестиций в экономику Пакистана) [Business Recorder, 31.05.2012].

Министерство торговли Пакистана находится в конфронтации не только с упомянутым Министерством промышленности, но периодически конфликтует и с Министерством внутренних дел. Причем такого рода столкновения происходят практически регулярно, и отнюдь не только в последние годы. Например, в конце 90-х годов прошлого столетия тогдашний министр торговли Пакистана Ишак Дар вступил в открытое противостояние с руководством пакистанского силового ведомства по вопросу о продолжении ис-

пользования не только железнодорожного транспорта, но и шоссейного торгового пути в Индию с целью увеличения товарооборота и диверсификации способов торговли между двумя странами. [The Nation, 23.02.1998]. Между тем, в период наибольшего противостояния двух южноазиатских государств, когда была почти реальная возможность ограниченного применения обеими странами ядерного оружия, бизнесмены и той, и другой сторон открыто и настоятельно заявляли о необходимости развития экономических отношений, отхода от политической конфронтации. Крупный пакистанский текстильный магнат Акбар Шейх в своих статьях в ведущих пакистанских газетах призывал власти в начале первого десятилетия XXI в. не воевать с Индией, а торговать. В частности, он подчеркивал, что «крайне необходимо решать имеющиеся между двумя крупнейшими нациями Южной Азии проблемы, включая Кашмирскую, исключительно мирным путем, строить отношения на доверии с тем, чтобы активно развивать двусторонние бизнес-связи» [Dawn, 27.01.2002].

В качестве факта бюрократизма уже в Индии можно указать на следующее: чтобы попасть, например, на прием к начальнику управления Министерства торговли, курирующему торговое сотрудничество с Пакистаном, научный работник Академии Наук России должен записаться не менее, чем за 2 недели и представить заранее перечень обсуждаемых вопросов. Лишь вмешательство руководства российского посольства позволило в оперативном порядке обсудить с индийскими официальными лицами современное состояние и перспективы развития индийско-пакистанских отношений, не дожидаясь двухнедельного рассмотрения заявки на посещение данного Министерства.

Развитию экономических отношений между Индией и Пакистаном существенно мешает коррумпированность чиновничьего аппарата и в той, и в другой стране. По рейтингу, подготовленному для 182 стран мира международной организацией «Transparency International», занимающейся определением степени коррумпированности различных государств, Индия занимает в этой таблице 95-е место, Пакистан находится на 134-м месте [Корруп-

ция 2011]. Со стороны пакистанских независимых журналистов есть немало свидетельств того, что многие вопросы, требующие согласования у того или иного чиновника в Пакистане, могут быть решены только при даче взятки [Dawn, 29.06.2011; The Nation, 29.10.2011; Business Recorder, 5.02.2012]. По мнению экспертов аудиторской фирмы КПМГ, которая осуществила анализ степени коррумпированности чиновничьего аппарата в Индии в 2011 г., именно коррупция мешает ускоренному развитию, как экономики страны в целом, так и ее внешнеэкономических связей, в частности. [Коррупция 2011].

Печально, что и Россия в указанном списке занимает “почетное” 143-е место, разделяя его с Нигерией, Угандой, Мавританией, Того и Коморскими островами. Так что Москва в этом плане уступает не только Индии, но и Пакистану.

Пакистано-индийское торгово-экономическое сотрудничество в началеXXI в.

Рассматривая стремление обоих государств к налаживанию добрососедских отношений, несложно заметить, что в этом плане Индия проявляет бóльшую заинтересованность, нежели Пакистан. Еще в 2003 г. тогдашний министр иностранных дел Индии Яшвант Синха на заседании кабинета министров, посвященном взаимосвязям с Пакистаном, выдвинул целый ряд предложений по их нормализации, и ,в случае их одобрения другими членами кабинета, передачи их Исламабаду. Кроме того, он поставил вопрос о налаживании паромного сообщения между Карачи и Бомбеем, а также автобусного маршрута между пакистанской и индийской частями Кашмира. Значение последнего предложения едва ли можно переоценить, поскольку это явилось бы одним из реальных шагов на пути частичного решения Кашмирской проблемы.

Было также высказано пожелание возобновить железнодорожное сообщение между городами Хохропар в Пакистане и Мунабао в индийском штате Раджастан, где можно разместить соответствующие ведомства обеих сторон для выдачи виз в «облегченном» режиме. Кроме того, индийский министр предложил

расширить спортивные контакты между двумя странами, в первую очередь в области организации матчей по крикету, увеличить обмен детскими спортивными делегациями, не только играющими в крикет. Министр вынес на обсуждение вопрос о положении рыбаков, случайно заплывших в территориальные воды обеих стран. Помимо этого были озвучены идеи об увеличении числа автобусов, курсировавших между Дели и Лахором, о проведении переговоров по расширению авиасообщения между двумя странами, увеличении численности штатов посольств. Эти предложения были переданы в дальнейшем послу Пакистана в Индии [The News, 23.10.2003].

Вместе с тем, индийская сторона всячески подчеркивала, что предложения о расширении различного рода связей вовсе не означали призыв к возобновлению переговоров на высшем уровне, которые были прерваны в 2001 г. в результате серии терактов в Кашмире и которые, по мнению индийской стороны, были проведены пакистанскими боевиками. Известно, что в ходе самита СААРК в январе 2004 г. в Исламабаде премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапаи не выразил намерения встречаться с президентом Пакистана Первез Мушаррафом.

Вместе с тем, несмотря на такие заявления, лидеры двух государств все же встретились в Исламабаде и подготовили совместное коммюнике для прессы, в котором выразили «обоюдное стремление решать все проблемы мирным путем, а также активно развивать торгово-экономическое сотрудничество» [Dawn. 7.01.2004]¹¹⁶. Обеими сторонами было особо отмечено, что все вопросы, связанные с принадлежностью штата Джамму и Кашмир, должны решаться исключительно путем переговоров. По всей ви-

¹¹⁶ В данном случае был сделан акцент не столько на расширении торговли, сколько на развитии сотрудничества в сфере транспорта – железнодорожного и авиасообщения. Чуть позже были проведены переговоры на министерском уровне о налаживании двустороннего сотрудничества в области науки и техники, образования, фармацевтики [The News. 29.01.2004]. В феврале 2004 г. дипломаты обоих государств обсудили возможность вновь открыть генконсульства в Карачи и Мумбаи.

димости это не означало возобновление переговорного процесса по самому болезненному вопросу сложных двусторонних отношений, однако официальное признание о недопустимости военного решения Кашмирской проблемы имело определенное позитивное значение. США подтвердили искренность намерений и Дели, и особенно Исламабада реально попытаться приблизиться к решению проблемы, являющейся главным камнем преткновения на пути не только политического взаимодействия, но и широкомаштабного экономического сотрудничества, как заявил в своем выступлении по индийскому телевидению в январе 2004 г. заместитель госсекретаря США Ричард Армитадж [Dawn, 11.01.2004].

Немаловажным было также проведение переговоров между первыми заместителями министров иностранных дел обеих стран о выработке практических мер доверия в области ядерных вооружений [The News, 20.02.2004].

Такого рода конструктивные шаги в отношении обоюдного контроля за возможным использованием ядерного оружия были особенно своевременными и значимыми. Через полтора года, летом 2005 г. аналитическая служба Конгресса США пришла к однозначному выводу, что единственным местом на планете, где может вспыхнуть ограниченная ядерная война, остается Южная Азия. Поэтому готовность к договоренности Индии и Пакистана в августе 2005 г. информировать друг друга в предварительном порядке о запусках баллистических ракет, а также установление «горячей» линии связи между первыми заместителями министров иностранных дел двух стран была воспринята мировым сообществом с явным одобрением и в определенной степени с облегчением. [подробнее см.: Скосырев 2005].

В более конструктивном духе (в первую очередь, с точки зрения расширения экономических связей) прошла встреча руководителей двух государств в апреле 2005 г., в ходе которой стороны согласились увеличить интенсивность автобусного сообщения между Музаффарабадом и Сринагаром, предоставить возможность перевозки товаров грузовиками по этому маршруту, наладить автобусное сообщение между Амритсаром и Лахором и

между городами Панч в индийской части Кашмира и Равалкот в пакистанском «Азад Кашмире», установить железнодорожное сообщение между индийским штатом Раджастан и пакистанской провинцией Синд. Было также решено создать Совместный деловой совет для практической реализации торгово-экономического сотрудничества [The News, 19.04.2005].

Несомненно, эти решения руководителей обеих стран способствовали не только укреплению доверия между Исламабадом и Дели, но и снижали существовавшую напряженность в двусторонних отношениях, а главное – существенно ослабляли возможность использования ограниченного применения ядерного оружия, что было весьма реально в 2002 г. Тем не менее, настороженность по отношению друг к другу сохранялась, поскольку обе стороны осуществляли массированные закупки обычных видов вооружения. Во время первого визита в Индию в марте 2005 г. тогдашнего госсекретаря США Кондолизы Райс ее индийский партнер Натвар Сингха высказал недовольство по поводу массированной продажи Пакистану истребителей F-16. Госсекретарь отреагировала мгновенно: «А мы можем продать и Индии партию истребителей F-18 – решение за вами» [The Pakistan Times, 17.03.2005].

К счастью, широкомасштабные закупки различных видов вооружения обеими государствами, даже утечка ядерных секретов из Пакистана в Северную Корею и Иран не повлияли на отношения между двумя государствами, прежде всего в экономической сфере. В этой связи президент Пакистана Первез Мушарраф неоднократно подчеркивал, что «отношения между нашими странами невозможно повернуть вспять» [The News, 15.04.2005]. Хотя, как показали дальнейшие события (теракт в «Самджхота Экспресс», следовавшем по маршруту Дели-Лахор в феврале 2007 г., взрывы в отелях Мумбаи в ноябре 2008 г.), ответственность за которые Дели возложил на пакистанских боевиков, прошедших соответствующую подготовку на территории Пакистана, позитивный процесс налаживания добрососедских отношений, развития экономического сотрудничества, мог быть легко свернут, однако, в конеч-

ном итоге, теракты привели лишь к замедлению процесса разрядки в двусторонних отношениях.

Тем не менее, обе стороны постоянно изыскивали новые возможности торгово-экономического сотрудничества и стремились сгладить острые углы политического противостояния. Индия проявляла в этом отношении большую заинтересованность, нежели Пакистан, и постоянно выступала с новыми идеями и конкретными мерами по увеличению индийско-пакистанского товарооборота. В августе 2005 г. состоялся очередной раунд двусторонних переговоров по расширению торговых связей, на которых Дели предложил рассмотреть 30 практических инициатив. Они включали просьбу предоставить Индии статус наибольшего благоприятствования в торговле, расширение торговых связей через границу на пропускном пункте Аттари-Вагах, транзитную торговлю через территорию Пакистана в Афганистан и далее в бывшие советские среднеазиатские республики, разрешение на полеты самолетов частных индийских авиакомпаний в Пакистан, открытие в Пакистане филиалов некоторых индийских банков, разрешение третьим странам осуществлять морские грузопассажирские перевозки между Индией и Пакистаном и многое другое [The Pakistan Times, 1.08.2005].

Хотя Пакистан принял эти предложения на рассмотрение, однако это вовсе не означало быстрое положительное решение Исламабада по всем пунктам. Как отмечено выше, режим наибольшего благоприятствования был предоставлен Индии лишь в ноябре 2011 г. Афгано-пакистанский транзитный торговый договор, предусматривавший в том числе возможность транзита индийских товаров через территорию Пакистана, был подписан в октябре 2010 г. Упрощенная процедура выдачи виз, предложенная индийцами еще в 2003 г., была реализована лишь в сентябре 2012 г., когда было подписано соответствующее Соглашение во время официального визита министра иностранных дел Индии С.М.Кришны в Пакистан. [The News International, 22.07.2005] В итоге, рассмотрение такого рода предложений индийской стороны занимало не

просто месяцы, но годы. Это явно не способствовало быстрому развитию двусторонних торгово-экономических связей.

Вместе с тем, многие высокопоставленные пакистанские правительственные чиновники выступали за ускоренное развитие экономических отношений с Индией, причем не абстрактно, но и практически, поддерживая самые разнообразные конкретные проекты или направления торговли. Именно таким своего рода лоббистом нередко выступал министр финансов страны Шахид Джавед Бурки, ныне в отставке, но остался востребован как экономист. Он, в частности, неоднократно призывал пакистанских бизнесменов активнее участвовать в торговле со своим южным соседом как на двусторонней основе, так и в рамках САФТА (South Asian Free Trade Area). Отмечая необходимость реализации возможностей торговли в рамках этой региональной организации, он указывал на возможность без особых сложностей увеличить реальный экспорт Пакистана как минимум на 10–15% [The News, 4.02.2006]¹¹⁷.

Одновременно он неоднократно призывал учитывать громадный торгово-экономический потенциал Индии, обращаясь не только к пакистанскому бизнесу. На это неоднократно указывали российские востоковеды. Как отмечал проф. В.Я. Белокреницкий, «экономический подъем с начала 1990-х годов привел к двукратному увеличению индийского национального дохода и дохода на душу населения. Хотя по последнему показателю Индия остается в группе низкодоходных стран, она смогла, наконец, обойти Пакистан, а ее средний класс, составляя 15–20% от общей численности населения, превысил 200 млн человек. В результате Индия стала крупным сегментом мировой торговли. По импорту нефти она вышла на одно из первых мест в мире и вступила в конкурентную борьбу за гарантированную долю в мировом потреблении углево-

¹¹⁷ Есть все основания полагать, что итогом таких заявлений экс-министра финансов стала крупная торговая сделка в 2006 г. на правительственном уровне по покупке у Индии сахара в размере 50 тыс. т [The News, 1.02.2005].

дородного сырья. В начале XXI в. Индия перешла в разряд государств-экспортеров капитала. В 2005 г. накопленные зарубежные инвестиции индийских компаний приблизились к 10 млрд, нефтегазовые – к 3 млрд долл. Существенно вырос не только общий товарооборот, но и экспорт промышленных, в том числе высокотехнологичных товаров – главным образом продуктов программного обеспечения» [Белокреницкий 2006]

Несмотря на существовавшие серьезные противоречия, о которых говорилось выше (Кашмирская проблема, водораздел р.Инд и его притоков, принадлежность ледника Сиачин и др.), двусторонние экономические отношения из года в год медленно, но неуклонно укреплялись. Причем это происходило параллельно с некоторыми малоприятными для Пакистана шагами индийского руководства на международной арене: амбициозное стремление стать постоянным членом Совета безопасности ООН, индо-американские взаимосвязи в области атомной энергии и подписание президентом Дж. Бушем в декабре 2006 г. «Закона Генри Дж. Хайда о мирном сотрудничестве США и Индии в области атомной энергии» и многое другое.

Основные этапы расширения торгово-экономического сотрудничества

В июле 2006 г. Госбанк Пакистана выпустил брошюру «Значение либерализации торговли с Индией и пути увеличения инвестиций», которая привлекла внимание бизнесменов обоих государств. С сентября 2006 г. начались поиски реальных подходов к подписанию широкомасштабного Соглашения по совместной борьбе с терроризмом. Хотя эта проблема и не связана напрямую с развитием экономических связей, но косвенно влияет на этот процесс. Индийская сторона приступила к внимательному изучению железнодорожной сети Пакистана для возможного расширения сообщения между двумя странами. В декабре 2006 г. было существенно обновлено подписанное ранее Соглашение о морском судоходстве [Dawn, 11.07.2006; Business Recorder, 25.09.2006. The News, 13.12.2006. Business Recorder, 14.12.2006].

Некоторое ухудшение отношений Индии с Пакистаном в 2007 г., связанное с договоренностью Путина с Манмохан Сингхом об увеличении закупок российского вооружения, терактом в поезде «Самджота экспресс» и др., почти не привело к соответствующему снижению уровня двустороннего экономического сотрудничества. Наблюдалось лишь падение уровня торговых связей в рамках САФТА. Товарооборот двух стран составил около 2.2 млрд долл. и лишь в следующем, 2008 г. этот показатель сократился примерно до 1.9 млрд долл., хотя экспорт Пакистана вырос с 550 млн до 800 млн долл. [Статус 2012: 9]. В октябре 2007 г. МИД Пакистана официально заявил, что «несмотря на все еще существующие сложности уровень пакистано-индийского диалога не снизился».[The News, 9.10.2007].

Следующий, 2008 г. был отмечен очевидным стремлением руководителей двух стран попытаться не только сохранить, но и расширить экономические связи. Увы, как показано выше этого не произошло – товарооборот упал, усилия чиновников министерств торговли в обоих государствах в этом направлении были мало эффективны. Аналитики и эксперты на проводившихся научно-практических мероприятиях делали лишь общие выводы об объективных трудностях в развитии двусторонних экономических отношениях. В августе 2008 г. на саммите в Коломбо тогдашний министр иностранных дел Индии Шив Шанкар Менон с горечью заметил, что «сейчас отношения с Пакистаном находятся в их самой низшей точке за последние четыре года. Постоянные нарушения линии прекращения огня в Кашмире, нападение на индийское посольство в Кабуле, спекуляции в СМИ о причастности Пакистана к взрывам в индийских городах и многое другое явно не способствовали укреплению доверия».[Dawn, 2.08.2008].

Ситуация усугубилась сильной засухой. Это привело к резкому падению уровня воды в основных реках Междуречья и как результат – к напряженности в двусторонних отношениях по водопользованию. Проблема усугублялась ограничением экспорта индийского риса «басмати» в Пакистан [Dawn, 18.08.2008; Business Recorder, 13.10.2008; Business Recorder, 15.10.2008].

Прошедшая в Исламабаде в июле 2008 г. Международная конференция «Торговая политика в 2008–2009 гг.» посвятила немалую часть своей работы путям расширения торгово-экономического сотрудничества между Пакистаном и Индией [Dawn, 29.07.2008]. Однако практически ее рекомендации были через несколько месяцев отправлены в корзину. Единственной причиной этого стал теракт в ноябре 2008 г. в двух отелях в Мумбаи, в результате которого погибли 163 человека и ранены несколько сотен проживавших там гостей. Индийское руководство выдвинуло обвинение против террористов, прошедших соответствующую подготовку в лагерях на территории Пакистана. [подробнее см.: Сотников 2008].

И тем не менее, трагедия в крупнейшем индийском городе не смогла остановить растущее торгово-экономическое сотрудничество, хотя и заметно затормозила политические контакты и усилила подозрительность индийского руководства в отношении искренности намерений Пакистана ослабить напряженность в отношениях между двумя странами [подробнее см.: Замараева 2009]. Расследование теракта пакистанскими силовыми ведомствами продолжалось в последующие годы, вплоть до настоящего времени. Тем не менее, товарооборот возрастал и достиг к 2012 г. почти 3 млрд долл. [Dawn, 3.02.2009; Business Recorder, 3.03.2009].

Активную позицию в данной ситуации заняли Соединенные Штаты, которые всячески приветствовали расширение как экономических, так и политических связей между Пакистаном и Индией. Председатель сенатского Комитета по международным связям Джон Керри, в частности, неоднократно подчеркивал, что «Сенат, поддерживая широкомасштабную экономическую помощь Пакистану, одновременно выступает за нормализацию и развитие отношений между двумя странами, поскольку, в конечном счете, это ведет к стабилизации обстановки в целом в регионе Южная Азия» [The News International, 8.07.2009].

Не удивительно, что уже в ходе саммита Движения неприсоединения в июле 2009 г. в Египте оба премьера, и Юсуф Раза Гилани, и Манмохан Сингх в своих выступлениях выразили надежду на возобновление стратегического диалога, и последовательное

расширение экономического сотрудничества. По возвращении в Дели, отчитываясь о своей поездке на саммит перед индийским парламентариями, индийский лидер подтвердил такое намерение со стороны Индии [Dawn, 16.07.2009; Dawn, 18.07.2009]. Аналогично высказался в этом направлении Президент пакистано-индийского бизнес-форума Амин Хашвани, посетовав, однако, на то что торговля в рамках АСЕАН растет ежегодно более, чем на 10%, а в в рамках СААРК – максимум на 3-4% [The News, 27.12.2009]. Тем не менее, даже заключенное во время визита госсекретаря США Хилари Клинтон в Индию в июле 2009 г. индийско-американское Соглашение о продаже оружия Индии не смогло помешать подъему двустороннего товарооборота между Дели и Исламабадом.

В условиях явного стремления бизнес-сообществ как Пакистана, так и Индии развивать и дальше двустороннее торгово-экономическое сотрудничество журналисты-эксперты двух ведущих газет – «The News International» (Пакистан) и «The Times of India» (Индия) взяли в начале 2010 г. на себя обязательство широко и регулярно информировать общественность двух о новых подвижках в этой сфере. Естественно, это давало не только необходимую практическую информацию для бизнесменов, но и способствовало укреплению доверия среди самых разных социальных групп населения двух государств [Джафри 2010].

После теракта в Мумбае последовали переговоры на официальном уровне: в конце февраля 2010 г. состоялась официальная встреча заместителей министров иностранных дел двух государств – Салман Башир (Пакистан) и Нипурама Рао (Индия). Однако, индийская сторона отказалась от возобновления полномасштабного переговорного процесса до тех пор, пока пакистанские власти не предпримут меры по аресту и наказанию организаторов террористической атаки в индийском мегаполисе.

И хотя в ходе бесед экономические вопросы занимали второстепенное место, тем не менее, были обсуждены проблемы водопользования, расширения наземного сообщения между двумя

государствами, расширения торговли, обмена задержанных рыбаков и т.д. [подробнее см.: Замараева 2009].

Через две недели после этой официальной встречи в Индию прибыла с рабочим визитом делегация пакистанских бизнес-леди для налаживания в обеих странах совместного производства с индийскими партнершами современной женской одежды с учетом национальных традиций [The News, 14.03.2010]. В апреле 2010 г. в Лахоре была проведена рабочая встреча представителей двух стран по проблемам водопользования р.Инд и ее притоков, в ходе которой были детально обсуждены спорные вопросы, хотя они и не были полностью сняты с повестки дня, а лишь произошла очередная констатация фактов. При этом Индия не нарушала достигнутые ранее договоренности с Пакистаном по водопользованию, в том числе по спорному с точки зрения Пакистана использованию водохранилища Баглихар на р.Чинаб (приток Инда). [Бокхари 2010].

В первой половине 2010 г. руководство обоих государств обменивалось преимущественно любезностями на формальном уровне. Официальные лица лишь упоминали в своих публичных выступлениях о необходимости развивать дружеские отношения, почти не предпринимая каких-либо практических шагов в этом направлении. В результате не были заметны какие-либо существенные позитивные сдвиги в развитии торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами. Это нашло отражение в выступлении и Юсуфа Раза Гилани, и Манмохан Сингха в ходе саммита в Вашингтоне по ядерной безопасности в середине апреля 2010 г., а также в заявлениях для прессы министров информации, министра по благосостоянию населения Пакистана, послов и министров иностранных дел Пакистана и Индии и т.д., пока, наконец, не было решено провести встречу глав внешнеполитических ведомств в середине июля 2010 г. [Dawn, 14.04.2010; The Hindustan Times, 15.04.2010; Pakistan Times, 18.04.2010; Pakistan Times, 22.04.2010; The Times of India, 4.05.2010; Dawn, 12.05.2010].

Не касаясь политической составляющей этих переговоров, следует констатировать, что оба министра четко высказали намере-

ние расширять экономическое сотрудничество, которое реально может служить базой для решения спорных политических вопросов. Ими были даны конкретные поручения изучить возможности для такого развития экономических связей в торговле, в энергетике, в частности, в сооружении газопроводов из Ирана и Туркменистана, а также в поставках электроэнергии из Индии в Пакистан, в финансовой сфере и др. [Pakistan Times, 16.07.2010].

Сильнейшее за последние 80 лет наводнение в Пакистане в июле-августе 2010 г. не оставило Индию в стороне от внимания к этой трагедии: Дели не только выделил гуманитарную помощь, но и оказал разовую финансовую помощь в размере 5 млн долл. Конечно, это не идет ни в какое сравнение, например, с помощью Ирана (100 млн долл.), направленной на ликвидацию последствий этого бедствия, причинившего общий ущерб в размере почти 10 млрд долл., унесшего жизни около 2 тыс. человек и лишившего крова свыше 1 млн человек. США стали самыми щедрыми, оказав помощь на сумму почти 1 млрд долл. Однако, помощь Индии была больше помощи Азербайджана, Алжира, Афганистана, Индонезии, России и Южной Кореи, предоставивших по 1 млн долл.

Но, с другой стороны, Индия не выполнила данного после уничтожения значительных посевов хлопка в результате наводнения обещания предоставить Пакистану возможность импортировать большее количество хлопка, нежели это было оговорено ранее, до наводнения – дополнительно почти 200 тыс. тонн. Хотя цена этого дополнительного объема хлопка, предлагавшаяся Индией и принятая Пакистаном, была выше существовавшей на тот момент в торговле этим видом товара более, чем на 8% [Бокхари 2010]. Недопоставки хлопка нанесли ощутимый ущерб текстильной промышленности Пакистана (существенная недозагрузка производственных мощностей в стране), и без того значительно пострадавшей в результате беспрецедентного наводнения.

В развитие достигнутых ранее Исламабадом с Дели договоренностей о расширении наземного сообщения Индия предложила обсудить в рамках соответствующей комиссии СААРК возможность соединения железных и шоссейных дорог в единую сеть из Бан-

глядеш через Индию в Пакистан и представила подготовленный индийскими специалистами конкретный проект с перспективой продолжения сети в Афганистан и Непал [Business Recorder, 9.12.2010]. Этот проект был принят к рассмотрению на комиссии СААРК по транспорту. Однако даже с учетом подключения в сеть уже имеющихся дорог затраты на его реализацию будут необычайно велики и можно не сомневаться, что реализация проекта – дело весьма далекого будущего.

Однако реальное экономическое сотрудничество продолжало наращивать обороты – возобновились поставки овощей в Пакистан в начале 2011 г. Овощи поставлялись на грузовиках по маршруту Амритсар-Лахор. Это было особенно востребовано, когда значительная часть урожая агросферы Пакистана была уничтожена в результате уже упоминавшегося наводнения и примерно $\frac{2}{3}$ населения страны, которое проживает в сельской местности осталось практически без продуктов питания. Индия, являясь ведущим поставщиком овощей в Пакистан, ввозит туда помидоры, лук, чеснок, имбирь, соевые бобы, жгучий перец, картофель и др. [Business Recorder, 8.01.2011; The Nation, 11.01.2011].

Развитие двусторонних экономических связей в 2011 и в 2012 гг. происходило в условиях, когда обе стороны выразили готовность открыто обсудить многие спорные вопросы двусторонних отношений, включая Кашмирскую проблему. Определенную роль в возобновлении переговоров сыграло решение ООН исключить в конце 2010 г. вопрос о Кашмире из повестки дня как находящийся «на контроле», что вызвало удовлетворение у индийского руководства, но потребовало неких «разъяснений» с пакистанской стороны, которая посчитала такую формулировку якобы непонятой как Индией, так и мировым сообществом. Были и другие факторы, сыгравшие важную роль в дальнейшем развитии двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Среди них в первую очередь следует назвать постоянно растущее лоббирование этого процесса как со стороны пакистанских, так и индийских бизнесменов. Обсуждению практических шагов в этом направлении были посвящены ряд семинаров, прошедших в Лахорской

торгово-промышленной палате, а также в Федерации торгово-промышленных палат Индии, в ходе которых был выработан целый ряд предложений правительствам обеих стран с целью устранения многочисленных барьеров, мешающих подъему сотрудничества [Business Recorder, 12.03.2011].

Предлагались и предлагаются конкретные пути расширения двусторонних связей не только бизнесмены и высшим руководством двух стран, но и чиновниками высшего и среднего звена. Так, главный министр штата Панджаб Шахбаз Шариф, брат Наваз Шарифа, бывшего пакистанского премьер-министра, а ныне лидера Пакистанской мусульманской лиги (PML-N) провел в мае 2012 г. в своем штате расширенную конференцию, посвященную возможностям широкомасштабного развития экономических отношений между Пакистаном и Индией. В ней приняли участие бизнесмены и некоторые чиновники, в ведении которых находятся вопросы экономических связей между двумя государствами. В общей сложности присутствовало около 60 человек [The Nation, 9.05.2012]. По некоторым данным, именно главный министр штата Панджаб лоббирует в пакистанском правительстве многие экономические проекты по сотрудничеству с Индией, в том числе подписание Соглашение об облегченном визовом режиме для бизнесменов. [The Nation, 9.05.2012]¹¹⁸.

¹¹⁸В конце мая 2012 г. в Исламабаде прошли переговоры заместителей министров Пакистана и Индии по вопросу об облегчении визового режима для бизнесменов двух стран, и соответствующее Соглашение на этот счет было полностью подготовлено к подписанию. Но здесь Пакистан занял, как нам представляется, неконструктивную позицию. В частности, министр внутренних дел Рехман Малик категорически отказался подписывать этот документ, ссылаясь на то, что под Соглашением о либерализации выдачи виз должны стоять подписи только высших руководителей Пакистана и Индии. В результате подписание уже готового Соглашения было тогда отложено на неопределенный срок [Business Recorder. 31.05.2012]. Однако уже в сентябре 2012 г. пакистанский министр пошел на попятную, и в ходе визита в Исламабад министра иностранных дел Индии С.М. Кришны визовое соглашение было подписано.

Ранее пакистанские бизнесмены, входящие в Лахорскую торгово-промышленную палату, были категорически против расширения двусторонней торговли, в особенности активно выступали против разрешения транзита индийских товаров через территорию Пакистана в Среднюю Азию и Афганистан. Они мотивировали такой шаг со стороны руководства страны тем, что он нанесет серьезный ущерб пакистанским торговцам, имеющим, в силу географического положения Пакистана, приоритет в торговле с государствами региона [The News, 17.03.2005].

Активно рассматриваются возможности расширения связей путем реализации ряда проектов в других областях. Индийская сторона в лице бизнес-сообщества и чиновников экономических министерств сетует по поводу того, что до сих пор длительные переговоры об инвестициях в экономику обеих стран пока что не увенчались успехом. С 1959 г. по 2010 г. Пакистан заключил, например, двусторонние Соглашения об инвестициях с 46 государствами мира, но не с Индией. И хотя причины отсутствия подобного Соглашения между Исламабадом и Дели кроются в политических проблемах, тем не менее, в условиях процесса постепенного ослабления напряженности между двумя государствами и расширения экономического сотрудничества вполне возможно ускорить разработку и подписание инвестиционных Соглашений. Они могут быть подписаны, по мнению индийских бизнесменов, по информационным технологиям, в автомобильной, электротехнической, фармацевтической и рыбной промышленности, агрохимии, по производству химических препаратов, обработке кожи и пошиву кожаных изделий, в некоторых других сферах [Статус 2012: 22-23]¹¹⁹.

¹¹⁹ В ходе переговоров министров торговли Индии и Пакистана в апреле 2012 г. первый прямо высказал готовность Дели реализовать потенциальные прямые иностранные инвестиции из Пакистана в индийскую экономику и подписать соответствующее Соглашение. Параллельно было решено открыть отделения Резервного банка Индии в Пакистане и Госбанка Пакистана в Индии для проведения торгово-финансовых операций [Dawn. 14.04.2012].

Пакистан уже не один год испытывает серьезные трудности связанные с острой нехваткой электроэнергии. В результате происходят постоянные перебои в работе ряда отраслей промышленности, сельского хозяйства, производственной инфраструктуры, некоторых других отраслях экономики, включая сферу услуг. В определенной степени Индия может оказать посильное содействие, поставляя электроэнергию из индийского штата Пенджаб в аналогичную пакистанскую провинцию. Для этого требуется построить линию электропередач мощностью 220 киловольт и протяженностью всего лишь 45 км (25 км по территории Индии и 20 км – в Пакистане в районе пересечения границы Аттари-Вагах) [Dawn, 14.04.2012].

Это индийское предложение намного реальнее грандиозного проекта сооружения линии электропередач CASA-1000 (Центральная Азия – Южная Азия мощностью в 1000 киловольт), стоимость которого, по предварительным данным, составляет 870 млн долл. Предполагается, что поставки электроэнергии будут осуществляться из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и Пакистан. Для этого необходимо построить 3 крупные ЛЭП, а также 5 подстанций в Датке, Худжанде, Сангтуде, Кабуле и Пешаваре [Мендкович 2012; Business Recorder, 18.01.2012]. Соглашение о строительстве ЛЭП было подписано еще в 2008 г., и тогда же было намечено завершить его в 2016 г. Однако нигде не было просчитано и прописано, насколько может за эти 8 лет возрасти стоимость строительства, а главное – реально ли в условиях боевых действий на территории Афганистана вести строительство столь дорогостоящей ЛЭП, в отношении которой можно легко совершать теракты! Именно проблема обеспечения безопасности в Афганистане выходит сейчас на первое место при рассмотрении вопроса реализации подобных проектов.

Частичное решение проблемы острой нехватки топлива в Пакистане может быть реально достигнуто благодаря принципиальной договоренности с Индией об импорте дизельного топлива и авиационного керосина. В Дели в октябре 2012 г. пакистанский министр нефти и природных ресурсов Асим Хуссейна провел переговоры со своим индийским коллегой, и стороны согласились в

ближайшее время уточнить лишь цены на поставляемые энерго-ресурсы и выработать пути их доставки в Пакистан.¹²⁰

Реализация двух других проектов может обеспечить поставки газа в Пакистан и далее в Индию. Первый проект – добыча газа в Иране на месторождении «Южный Парс» на шельфе в Персидском заливе и его перекачка по газопроводу в Пакистан для обеспечения потребностей в газе городов Карачи и Мултан, а затем продление газопровода до Дели. По словам как президента Пакистана Асиф Али Зардари и министра финансов Абдул Хафиз Шейха, газопровод был практически готов к вводу в эксплуатацию уже в середине 2012 г., осталось достроить небольшую его часть на пакистанской территории. Но совершенно неожиданно заместитель министра нефти и природных ресурсов Пакистана Иджаз Чоудхри объявил о переносе даты ввода в эксплуатацию газопровода с июня 2012 г. на декабрь 2014 г., мотивируя задержку якобы неурегулированностью ставок налогообложения газовых поставок. В результате не получил газ не только Пакистан, но и Индия, которая лишилась возможности транзита газа через Пакистан из Ирана [The Nation, 1.02.2012].

Еще более драматическая ситуация сложилась (и она будет сохраняться как минимум до 2017 г.¹²¹) с газопроводом ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия). Порядок сооружения этого трубопровода, протяженностью 1.735 км и стоимостью 7,6 млрд долл. Был оговорен в десятках самых разных Соглашений, включавших также детализацию оплаты за транзит газа через террито-

¹²⁰ После предоставления Индии в ноябре 2011 г. статуса наибольшего благоприятствования в торговле Пакистан вычеркнул из своего «негативного листа» эти два вида углеводородов. Но необходимо еще дать согласие на транспортировку топлива из Индии не только морем, но и по суше. Против этого возражает Пакистан [Dawn. 17.10.2012].

¹²¹ Министр нефтегазовой промышленности Туркменистана Какагельды Абдуллаев, находясь в Дели в октябре 2012 г., заявил, что «Туркменистан готов к 2017 г. построить часть газопровода ТАПИ, проходящего по нашей территории, к 2017 г., а уж другие части газопровода, на территории трех других государств – это уж их работа» [Dawn. 17.10.2012].

рию Афганистана (для Пакистана и Индии) и по территории Пакистана – для Индии, а также оценочную пропускную способность газопровода в размере до 33 млрд м³ в год. В соответствии с ТЭО он должен пройти из Туркменинии через Герат, Кандагар, Кветту и Мултан, откуда планируется проложить две ветки: непосредственно в Индию и в Карачи, где в перспективе может быть построен завод по сжижению газа для его вывоза в другие страны морским путем.

По нашему мнению, этот проект носит не энергетический, а скорее политический характер. Во время регулярных четырехсторонних встреч руководителей Афганистана, Индии, Пакистана, Туркменистана действительно речь шла об острой необходимости строительства газопровода. Однако пока что все оставалось на бумаге, хотя сроки его ввода в строй были намечены на 2016 г. Помимо всего прочего, обсуждение вопроса о строительстве этого трубопровода не затрагивает основную проблему – обеспечение безопасности сооружения и эксплуатации газопровода на территории Афганистана, руководство которого не в состоянии осуществить самостоятельно. Создается впечатление, что газовые чиновники просто не замечают существование этого серьезного препятствия. С нашей точки зрения, проект не будет реализован даже в среднесрочной перспективе.

Наконец, существует и другая проблема в индо-пакистанских «газовых» взаимосвязях, даже несмотря на явное потепление политических отношений между двумя странами. Индийская сторона не исключает потенциальной возможности перекрытия газовых поставок из Пакистана в Индию в случае обострения их отношений. Тем не менее, Индия продолжает участвовать в указанных газовых проектах, при том, что на ее территории были обнаружены газовые месторождения, в том числе довольно крупное – в штате Андхра-Прадеш. Подобное участие обусловлено крайней острой нехваткой в стране энергоносителей и надеждой удовлетворить потребности страны в газе за счет его импорта.

Как представляется, сценарий развития индийско-пакистанских отношений в сторону их ухудшения менее вероятен, нежели их

дальнейшее улучшение. По нашему мнению, экономические связи между двумя государствами достигли так называемой точки невозврата и едва ли могут быть повернуты вспять, даже несмотря на весьма возможные террористические акты и в Индии, и в Пакистане, и обоюдные обвинения друг друга в их совершении. В этом случае возможно скорее временное замораживание экономического сотрудничества, а не его свертывание.

Библиография

Белокреницкий 2006 – Белокреницкий В.Я. Пакистан – Индия: конфронтационная стабильность? // *Международные процессы*. Том 4. Номер 2(11). Май-август 2006.

Бохари 2010 – Bokhari Ashfaq. Commitment not honoured. // *Economic & Business Review*. 29.11.2010.

Де Соуза 2005 – D'Souza Trevor. Pak-India trade potential // *Business & Finance Review*, Karachi. 31.01.2005.

Джафри 2010 – Mohsin S. Jaffri. Beginning with business. // *Business & Finance Review*, Karachi. 1.02.2010.

Замараева 2009 – Н.А. Замараева. Пакистано-индийские отношения: конфликт исчерпан или новый виток напряженности? // <http://www.iimes.ru>, 9.01.2009.

Коррупция 2011 – Corruption 'threatens India's economic growth' // <http://www.bbc.com>, 15.03.2011.

Коррупция 2012 – Corruption Perception Index 2011 // <http://www.transparency.org>, 2.09.2012.

Мендкович 2012 – Мендкович Н. Азиатский транзит и новый «Шелковый путь» // <http://www.journal-neo.com/>, 19.04.2012.

Скосырев 2005 –Скосырев В. Индия и Пакистан на грани разрядки // *«Независимая газета»*. 10.08.2005.

Сотников 2008 г. – В.И. Сотников. Кто стоит за терактом в Мумбаи? // <http://www.iimes.ru>, 28.11.2008.

Статус 2012 – *Status Paper on India–Pakistan Economic Relations*. Prepared by Loknath Acharya, Ashima Marwaha. New Delhi, February 2012.